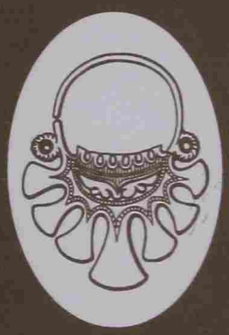
ISSN 0869-6063

Номер 3

Июль - Август - Сентябрь
2002

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

http://www.maik.ru

"НАУКА"

МАИК "НАУКА/ИНТЕРПЕРИОДИКА"

Российская академия наук
Институт археологии

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 3 2002

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Г.А. Кошеленко,
Н.А. Макаров, В.С. Ольховский (зам. главного редактора),
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (ответственный секретарь)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42

Москва
Издательство "Наука"
Международная академическая
издательская компания "Наука/Интерпериодика"

© Российская академия наук
Институт археологии РАН, 2002 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3, 2002

Костяная индустрия бутовской культуры в Верхнем Поволжье
М. Г. Жилин 5

Переход от бронзового к железному веку на северо-западном Кавказе
(К постановке проблемы). Часть I
В. Р. Эрлих 26

О населении Европейской Скифии
(по антропологическим материалам могильника Мамай-Гора)
Л. В. Литвинова 39

Идентификация и реконструкция зданий Ольвийского теменоса
В. П. Яйленко 46

Германский археологический институт:
Задачи и перспективы археологического изучения Евразии
Г. Парцингер 59

Дискуссии

Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века
в лесном Зауралье
В. А. Борзунов 79

Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском
и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры
В. С. Аксенов 98

Пещерная киновия Чилтер-Мармара в Крыму
Н. Е. Гайдуков 115

Публикации

Технология отливки бус среднебронзового века
на Северном Кавказе и в Восточной Европе
Е. И. Гак, Н. В. Рындина, С. Г. Хаютин 121

Комплекс деревянных предметов из раскопок культового центра Калалы-Гыр 2
С. Б. Болелов, Н. Д. Двуреченская 133

Куматырский клад бронзовых монет IV–I вв. до н.э.
М. Г. Абрамзон, Н. А. Фролова, Ю. В. Горлов 145

Заметки

Зеркало "ольвийского типа" из Краснодарского края
В. Е. Маслов 153

Фалары из кургана у станицы Воздвиженской
В. И. Мордвинцева 157

Критика и библиография

М.Г. Жилин. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. УРСС, 2001. 326 с.
В. В. Сидоров 162

Prospection archeologique Haute Khabur Occidental (Syria du N.E.).
Vol. I. Edite par Bertille Lyonnet. Beyrouth, 2000
Ш. Н. Амиров, С. Ю. Лев 164

Н.А. Макаров, С.Д. Захаров, А.П. Бужилова. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001
А. Е. Леонтьев 171

Дневник и "записные книжки" И.Е. Забелина
А. А. Формозов 176

А.Б. Мазуров. Средневековая Коломна в XIV–первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001
А. А. Юшко 178

Хроника

XIV конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии (Архангельск, 2001)
Седов В. В. 183

Памяти Бориса Александровича Рыбакова (1908–2001)
Т. И. Макарова 185

Памяти Эрнста Владимировича Шавкунова (1930–2001)
Н. Г. Артемьева 188

Ирина Константиновна Цветкова (1917–2001)
Коллектив авторов 190

Список сокращений 192

Сдано в набор 11.04.2002 г. Подписано к печати 15.06.2002 г. Формат бумаги 60 × 88 1/8
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 23.6 тыс. Уч.-изд. л. 25.7 Бум. л. 12.0
Тираж 963 экз. Зак. 6366

Свидетельство о регистрации № 0110150 от 04.02.93 г. в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 3, 2002

Bone Industy of Butovo Culture on the Upper Volga
Zhilin M. G. 5

The Transition from the Bronze to the Iron Age in the North-West Caucasus (Raising a Problem). Part I.
Erlikh V. R. 26

On the Population of European Scythia (According to the Material from Mamai Gora Cemetery)
Litvinova L. V. 39

Identification and Reconstruction of the Buildings at the Olbian Temenos
Yailenko V. P. 46

The German Archaeological Institute: Tasks and Prospectives in Archaeological Investigations of Eurasia
Parzinger G. 59

Discussions

The Early Iron Age Hillforts with Bastion-Tower Fortifications in the North Eurasia
Borzunov V. A. 79

Prophylactic Rite Directed Against the Dead in the Verkhnee Saltovo and Rubezhansky Catacomb Cemeteries of Saltovo-Mayatskoe Culture
Aksenov V. S. 98

The Cave Cenobia of Chilter-Marmara in the Crimea: the Studite Typicon Carved in Stone
Gaidukov N. E. 115

Publications

Technology of Beads Casting During the Middle Bronze Age in the North Caucasus and Eastern Europe
Gak E. I., Ryndina N. V., Khayutin S. G. 121

Assemblage of Wooden Artefacts from the Excavations of Kalaly-Ghyr 2 Religious Centre
Bolelov S. V., Dvurechenskaya N. D. 133

The Kumaryr' Hoard of Bronze Coins of the 4th–1st cc. BC
Abramson M. G., Frolova N. A., Gorlov Yu. I. 145

Notes

A Bronze Mirror of "Olbian type" from Krasnodar Krai
Maslov V. E. 153

Falarae from the Barrow Mound near Vozdizhenskaya Village
Mordvintseva V. I. 157

Critics and bibliography

Zhilin M.G. Bone Industry of the Mesolithic in Forest Zone of Eastern Europe. Moscow, 2001
Sidorov V. V. 162

Prospection Archeologique Haute Khabur Occsidental (Syria du N.E.) Vol. I. Edite par Bertille Lyonnet. Beyrouth, 2000
Amirov Sh. N., Lev S. Yu. 164

Makarov N.A., Zakharov S.D., Buzhilova A.P. Medieval Settling on the Lake Beloe. Moscow, 2001
Leont'ev A. E. 171

The Diary and "Notebooks" by I.E. Zabelin
Formozov A. A. 176

Mazurov A.B. Medieval Kolomna in the 14th–the Third Quarter of the 16th cc. A Complex Investigation of Regional Aspects of Formation of Russian Centralised State. Moscow, 2001
Yushko A. A. 178

Chronicle

The XIVth conference on the Investigation of Scandinavian Countries and Finland (Archangelsk, 2001)
Sedov V. V. 183

Obituaries

In memory of Boris Aleksandrovich Rybakov (1908–2001)
Makarova T. I. 185

In memory of Ernst Vladimirovich Shavkunov (1930–2001)
Artem'eva N. G. 188

In memory of Irina Konstantinovna Tsvetkova (1917–2001)
Group of collegues 190

List of abbreviations 192

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 3, с. 5–25

КОСТЯНАЯ ИНДУСТРИЯ БУТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

© 2002 г. М. Г. Жилин

Институт археологии РАН, Москва

До конца 1980-х годов в Верхнем Поволжье почти не было известно мезолитических памятников, на которых сохранились изделия из кости и рога. Интенсивные полевые работы, проведенные Верхневолжской экспедицией ИА РАН за последние два десятилетия, привели к открытию серии таких поселений, на 14 из которых проведены археологические раскопки. В настоящей статье использованы материалы 12 торфяниковых поселений, раскопанных автором, надежно датированных радиоуглеродным и палинологическим методами.

Единственный памятник иеневской культуры с костяными изделиями – культурный слой IIIа поселения Становое 4 (Zhilin, 1998a) в Ивановской обл. В нем найдены косолезвийные наконечники стрел, высокая асимметричная трапеция, а из костяных изделий – массивный наконечник стрелы с неправильной биконической головкой, лезвие желобчатого долота, обломок ножа, обломки и заготовки орудий. Радиоуглеродные даты этого слоя по обработанной древесине 9620 ± 60 (GIN-8377), 9620 ± 50 (GIN-8374) и 9590 ± 40 (GIN-8376) лет назад[1]. Нижний слой поселения Култино 3 (Zhilin, 1995; Кольцов, Жилин, 1999) в Тверской обл. относится к рессетинской культуре с бутовскими элементами. По углю из очага, обложенного камнями, с которым связано скопление находок, получена радиоуглеродная дата 8850 ± 200 (Tln-1406) лет назад. Костяной инвентарь беден, включает изделия, широко распространенные в лесной зоне Восточной Европы в бореальном периоде.

Остальные памятники с костяным инвентарем представляют разные этапы бутовской культуры, существовавшей в Волго-Окском бассейне на всем протяжении эпохи мезолита. Ее опорные поселения дают уникальную для Восточной Европы возможность проследить развитие костяной индустрии мезолитической культуры на протяжении 3000 лет от самого начала мезолита до перехода к неолиту. Наиболее ранним является нижний слой поселения Становое 4 (Zhilin, 1998a; Жилин, 1998а). Палинологический анализ[2] позволяет отнести этот слой к концу верхнего дриаса. По образцу сапропеля, вмещающего находки этого слоя в центральной части раскопа 3, получены радиоуглеродные даты: затопления стоянки 10 060 ± 120 (ГИН-10127 I), 10 040 ± 90 (ГИН-10027 II), 9970 ± 50 (ГИН-10026 I), 9940 ± 50 (ГИН-10026 II) л.н. Образец, покрывающего нижнюю часть этого слоя с орудиями, лежащими на материковом гравии в 7 м к северо-востоку, датирован 9850 ± 60 л.н. (ГИН-8379), а гуминовая вытяжка из того же образца – 9760 ± 150 (ГИН-8379а) л.н. К первой половине пребореального периода относится нижний (IV) культурный слой поселения Ивановское 7 (Жилин, 1998б). Обработанная кость лося из "клада" датирована 9650 ± 110 (ГИН-9520), обгрызенное бобром дерево из того же слоя – 9640 ± 60 (ГИН-9516) л.н. Перед началом оптимума пребореального периода (около 9600 л.н.) эта стоянка была затоплена, даты нижней части сапропелей, перекрывающих культурный слой – 9690 ± 120 (ГИН-9367), 9500 ± 100 (ГИН-9385) и 9500 ± 110 (ГИН-9517) л.н. К концу пребореального периода относится культурный слой III раскопа 3 Станового 4. Сапропель, вмещающий находки датирован 9280 ± 240 (ГИН-10122 I), 9090 ± 400 (ГИН-10124 I). Дата кола, забитого в материк из этого слоя – 9220 ± 60 (ГИН-8375) л.н. К концу пребореального – самому началу бореального периода относится, по данным спорово-пыльцевого анализа, стоянка Сахтыш 9 (Крайнов и др., 1990).

Серия поселений и культурных слоев многослойных памятников спорово-пыльцевым методом датирована первой половиной бореала, около 8800–8600 л.н. (Спиридонова, Алешинская, 1995; 1999). Среди них нижние слои поселений Озерки 16 (Жилин, 1994а; Zhilin, 1999) – по обработанной древесине получена радиоуглеродная дата 8770 ± 40 (ГИН-6654) л.н., и Озерки 17 (Жилин, 1994а; Zhilin, 1999) – даты по обработанной древесине – 8830 ± 40 (ГИН-6655), и 8840 ± 50 (ГИН-7474) л.н. Этим же временем датированы нижний слой поселения Нушполы 11 (Жилин, 1997) и III слой раскопа 2 Станового 4, даты последнего по обработанной древесине: 8700 ± 70 (ГИН-8854), 8670 ± 50 (ГИН-8856), 8540 ± 60 (ГИН-8853) л.н.; ко второй половине бореала относится тот же слой в раскопе 1 Станового 4. Средний культурный слой поселения Ивановское 7 палинологическим методом отнесен к этому же времени, по сапропелю и торфу получены радиоуглеродные даты: 8780 ± 120

[1] Все радиоуглеродные даты в настоящей статье некалиброванные, отсчет от 1950 г.

[2] Автор выражает благодарность Е.А. Спиридоновой и А.С. Алешинской за проведенный палинологический анализ, а также Л.Д. Сулержицкому и Н.Е. Зарецкой за выполненные радиоуглеродные анализы.

(ГИН-9383), 8550 ± 100 (ГИН-9366), 8530 ± 50 (ГИН-9373 II), 8290 ± 160 (ГИН-9372) л.н. Перекрывающий его слой стерильного сапропеля отнесен по пыльце ко второй половине – концу бореала, его радиоуглеродные даты: 8630 ± 120 (ГИН-9382), 8540 ± 110 (ГИН-9365), 8530 ± 100 (ГИН-9364), 8360 ± 160 (ГИН-9371), 8080 ± 100 (ГИН-9363), 8020 ± 160 (ГИН-9381) л.н.

Второй половиной – концом бореала спорово-пыльцевым методом датирован нижний слой поселения Окаемово 5 (Жилин, 1994б; 1997). По оторфованной гитии из нижней части слоя получена дата 7910 ± 80 (ГИН-6191), а из верхней – 7730 ± 60 (ГИН-6192) л.н. К этому же времени, судя по дате обработанной дощечки – 8060 ± 50 (ГИН-10862) л.н., относится нижний мезолитический слой раскопа 1999 г. поселения Сахтыш 2а.

Памятники финального этапа бутовской культуры палинологическим методом датированы началом атлантического периода. Нижний слой поселения Озерки 5 (Жилин, 1994а,б; 1996) по углю и обработанным бревнам получил даты: 7410 ± 90 (ГИН-6659), 7310 ± 120 (ГИН-7218), 7190 ± 180 (ГИН-6660), 7120 ± 50 (ГИН-7217) л.н. Даты торфа, вмещающего верхний мезолитический слой (IIа) поселения Ивановское 7: 7530 ± 150 (ГИН-9361 I), 7520 ± 60 (ГИН-9361 II), 7490 ± 120 (ЛЕ-1260), 7375 ± ± 170 (ЛЕ-1261), 7320 ± 190 (ГИН-9369 I) л.н. Синхронны им нижние слои Окаемово 4 (Жилин, 1995; 1997) – по обработанной дощечке получена дата 7490 ± 50 л.н. (ГИН-6204); Окаемово 18а (Жилин, 1997) – по обработанной древесине получены даты: 7420 ± 50 (ГИН-6656а) и 7060 ± 50 (ГИН-6656) л.н.; Нушполы 11, III слой (Жилин, 1997) – по обработанной древесине получена дата 7310 ± 40 (ГИН-6657) л.н.; Ивановское 3, нижний слой раскопа 1981 г. (Крайнов, Хотинский, 1984; Крайнов и др., 1990) – даты 7630 ± 40 (ЛЕ-1980) – обожженная древесина, 7470 ± 80 (ЛЕ-1912) и 7400 ± 80 (ЛЕ-1934) – обработанная древесина, 7310 ± 80 (ЛЕ-1983) – компактное скопление угля.

На Средней Дубне, где раскопки многослойных торфяниковых памятников проводят также В.М. Лозовский, А.Н. Сорокин и В.В. Сидоров, имеются только предварительные публикации (Lozovski, 1996; Сидоров, Сорокин, 1997). Накопленные за последние десятилетия материалы обобщены в монографии, посвященной костяной индустрии мезолита лесной зоны Восточной Европы (Жилин, 2001).

В самом начале мезолита в Верхнем Поволжье складывается бутовская культура, возникают новые, по сравнению с палеолитом лесной зоны Восточной Европы, типы изделий и технологические приемы как в обработке камня, так и кости и рога, которые потом надолго станут стандартными для изготовления орудий из этих материалов. К их числу прежде всего следует отнести появление и развитие вкладышевой техники и связанных с ней составных изделий. Длинные узкие уплощенные наконечники стрел, сделанные из пластин, вырезанных из трубчатых костей лося, с длинным пазом на одном (3 экз.) или обоих (1 экз.) краях (рис. 1, *1*, *2*, *4*), найдены в нижнем (IV) культурном слое поселения Становое 4. В пазу одного наконечника сохранилась длинная правильная микропластинка без вторичной обработки, отжатая, вероятно, с карандашевидного нуклеуса; в пазу другого было семь микропластинок, отжатых с одного нуклеуса. По сравнению с наконечниками предшествующего периода такое оружие было более мощным, что было важно при охоте на крупных животных с толстой шкурой, прежде всего лося, доминирующего среди остатков фауны этого слоя. Найден узкий плоский наконечник стрелы без пазов (рис. 1, *3*). Смола на насаде и следы попаданий на острие говорят о том, что это не заготовка. Заслуживает внимания находка массивного кинжала или вставки клевца из рога с пазами для вкладышей вдоль обоих краев. В этом же слое встречены и сломанные конические острия массивных рогатин из трубчатых костей (рис. 1, *5*).

Другим важным нововведением, появившимся уже в самом начале мезолита, является изобретение составных рубящих орудий, каменный или роговой клинок которых соединялся с рукояткой при помощи роговой муфты. Это было крайне важно при переходе к жизни в условиях все более густого леса, что привело к усилению роли и разнообразия рубящих орудий. С другой стороны, заселялись территории, зачастую бедные кремнем, а рог у охотников на лося был всегда. Нижний слой Станового 4 дал пять роговых клинков (вставок) топоров и тесел (рис. 1, *8*, *9*, *13*). Найдено и две небольших муфты для тесел, сделанных из рога лося (рис. 1, *7*). Отверстие прорезано ближе к обуху, а на торце вырезан паз для клинка, короткая ось которого перпендикулярна оси отверстия. В одной из муфт сохранился обломок деревянной рукоятки. Появление муфт и роговых вставок – лезвий топоров и тесел, так же, как и вкладышевых наконечников стрел, является важным индикатором завершившегося перехода от палеолита к мезолиту в лесной зоне Восточной Европы.

Как показывают материалы нижнего слоя Станового 4, уже в самом начале мезолита население бутовской культуры начинает изготавливать режущие и скоблящие орудия из нижних челюстей бобра (Zhilin, 1998b), у которых обламывается короноидальный отросток, вскрывается боковой край резца и кремневым резцом приостряется его боковая кромка (рис. 1, *12*). Эти орудия, служившие резцами, ножами и скобелями, почти без изменений просуществовали до конца раннего неолита. Вместе с ними встречены лощило, долото и тесло из осколков трубчатых костей и уз-

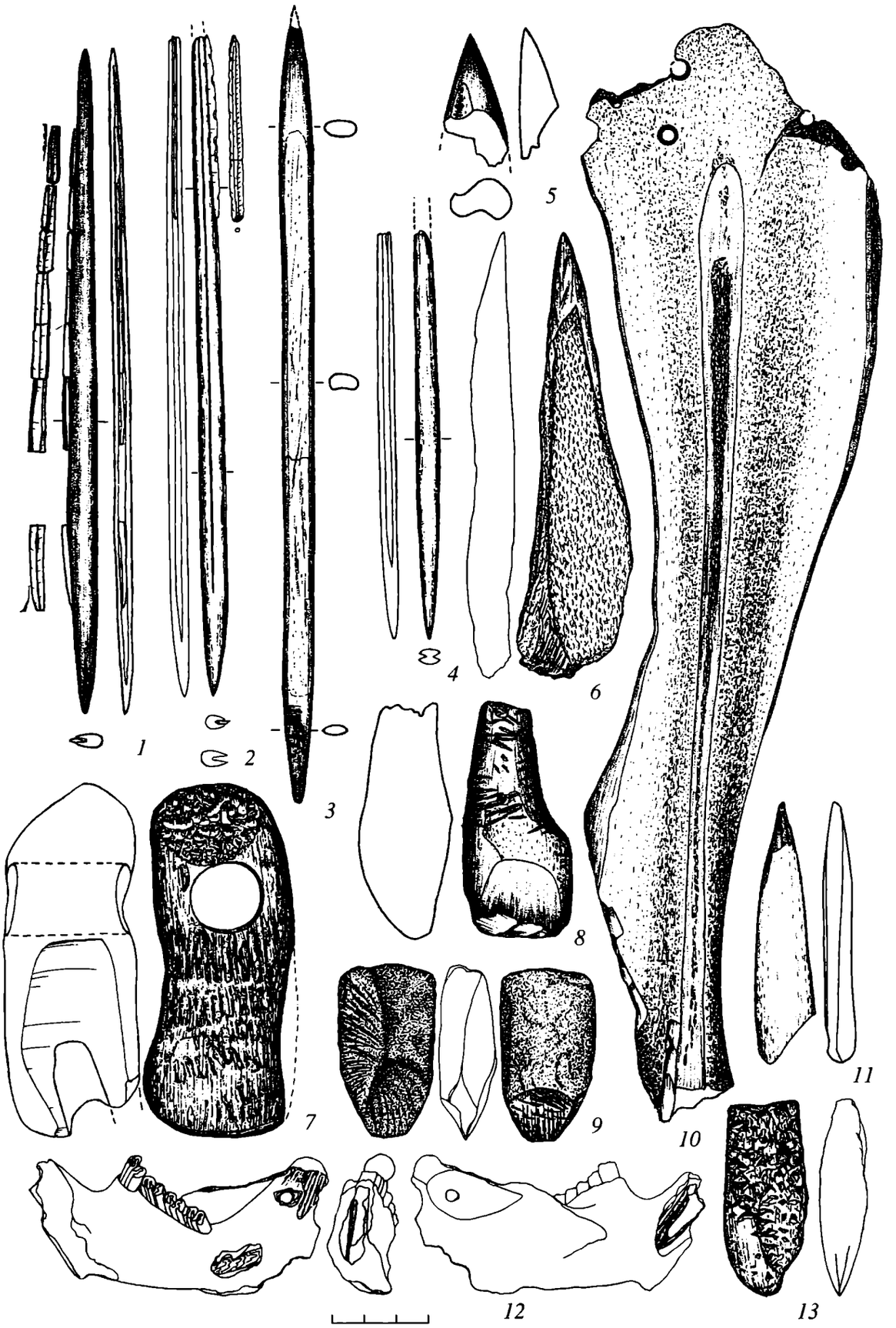

Рис. 1. Поселение Становое 4, нижний слой, изделия из кости и рога.

кие стамески и клинья из отростка рога; широкие ножи из лопаток лося, в том числе с просверленными на конце отверстиями (рис. 1, *10*); различные шилья (рис. 1, *6*, *11*). Некоторые изделия орнаментируются в технике гравировки, встречены мотивы косого креста и косой сетки. Представленные в этом слое типы орудий и технологические приемы становятся стандартными для памятников бутовской культуры пребореального и бореального времени, а многие доживают до начала неолита.

Во второй четверти пребореала, около 9700–9600 л.н., как показывают материалы нижнего слоя поселения Ивановское 7, костяная индустрия бутовской культуры становится существенно богаче и разнообразнее. В это время уже выработано большинство характерных для нее типов изделий из кости и рога и технологических приемов их изготовления, что позволяет говорить о сложившейся костяной индустрии. Наконечники стрел разнообразны (определимых 23), преобладают простые длинные игловидные (11), стержень округлого сечения очень плавно переходит в острие, иногда уплощенное или с "шишечкой"; насад короткий пирамидальный (рис. 2, *2*). Распространен вариант подобных наконечников (5) с пазом для вкладышей (рис. 2, *1*). Своеобразен очень тонкий длинный наконечник с кольцевым пояском у насада, на стержне которого у пояска и в средней части нанесена очень тонкая плотная спираль (рис. 2, *3*). Исследование под микроскопом показало, что витки не пересекаются, при этом сняты только микровыступы поверхности, а понижения микрорельефа не затронуты, как при обработке на токарном станке. Подобная обработка встречена еще на нескольких наконечниках стрел бутовской культуры пребореального и бореального времени (Жилин, 1993). Найден наконечник стрелы с правильной биконической головкой с уступом в сторону острия, длинным стержнем округлого сечения и коротким коническим насадом. На головке гравирован геометрический орнамент, а на стержне поверх полировки нанесена косая сетка (рис. 2, *4*). Встречен обломок узкого плоского наконечника с одним пазом и целый узкий плоский черешковый наконечник, в пазах которого на обоих краях сохранились микропластинки, закрепленные при помощи клея из хвойной смолы, пчелиного воска и угольной пыли (рис. 2, *10*). Этот клей, который условно назван "серым", получит в дальнейшем в бутовской культуре широкое распространение. Интересно появление составных двукрылых асимметричных наконечников стрел (2), на одном крае которых крыло из кости оканчивается шипом, а на другом вырезан паз для кремневых вкладышей, составлявших второе крыло (рис. 2, *9*). Своеобразен мелкий наконечник стрелы с мелкими частыми зубцами по краю, предназначенный, вероятно, для стрельбы по рыбе (рис. 2, *13*).

В том же слое стоянки найдено два однорядных острия с мелкими редкими зубцами (рис. 2, *5*, *6*), одно с мелкими частыми и обратным зубцом на насаде (рис. 2, *12*) и одно с глубокими косыми нарезками (рис. 2, *7*); гарпуны с редкими крупными изогнутыми поперечно выпиленными зубцами (6) и расширенным насадом (рис. 2, *8*); насад массивного наконечника копья с пазом с отпечатком микропластинки на "сером" клее (рис. 2, *14*); три обломка массивных рогатин с коническим острием из разрезанных вдоль метаподиев лося; втульчатый тщательно полированный наконечник копья, вся поверхность которого покрыта гравированными геометрическими рисунками. Встречены обломки плоских кинжалов, два с пазами для вкладышей по обоим краям; обломок узкого стилета; кинжал со скошенным лезвием из локтевой кости лося и такой же из плоской кости. Оригинальна роговая вставка клевца с широким и глубоким пазом для массивного вкладыша, от другой с двумя пазами для микропластинок сохранился обломок обуха.

Серией представлены цельные рыболовные крючки: четыре с прямым тонким стержнем, в основании изгиба трех видны следы сверлины (рис. 2, *15*, *16*, *18*). Имеется отход производства подобных крючков – вырезанная средняя часть со следами сверлины на конце с отходящими от нее стенками пазов, отделявших стержень и острие крючка. Найдена простейшая жерлица – уплощенный стерженек с заостренными концами (рис. 2, *17*).

Разнообразен производственно-бытовой инвентарь: пять обломков широких ножей из лопаток лося, в том числе один с просверленным отверстием; три ножа из осколков костей; два обломка узких концевых долотовидных скребков с нарезками на лезвии (рис. 3, *1*); струг из цельной трубчатой кости лося, один край которой приострен, а другой затуплен; три струга из широких пластин, вырезанных из трубчатой кости; три обломка лощил; четыре шила из грифельных костей копытных; шило из осколка кости; швейная игла с ушком из спинного плавника судака (рис. 2, *19*) и обломок еще одной; игольник из трубчатой кости собаки; кочедык из грифельной кости (рис. 3, *12*); 20 орудий из нижних челюстей бобра; обломок струга из верхнего резца бобра и резец из подточенного клыка куницы в нижней челюсти; 35 желобчатых долот из разрезанных трубчатых костей копытных (рис. 3, *2*); две широкие стамески с прямым лезвием и роговой клин; три плоских вставки топоров из рога (рис. 3, *10*) и массивная удлиненная вставка топора; плоская вставка тесла из лопаты рога (рис. 3, *9*) и восемь вставок тесел с зауженным лезвием из перехода отростка в лопату рога (рис. 3, *3*); две вставки кирок с узким лезвием из отростка рога; вставка кирки с плоским обухом из перехода отростка рога в лопату; обломок пешни со скошенным узким лезвием из

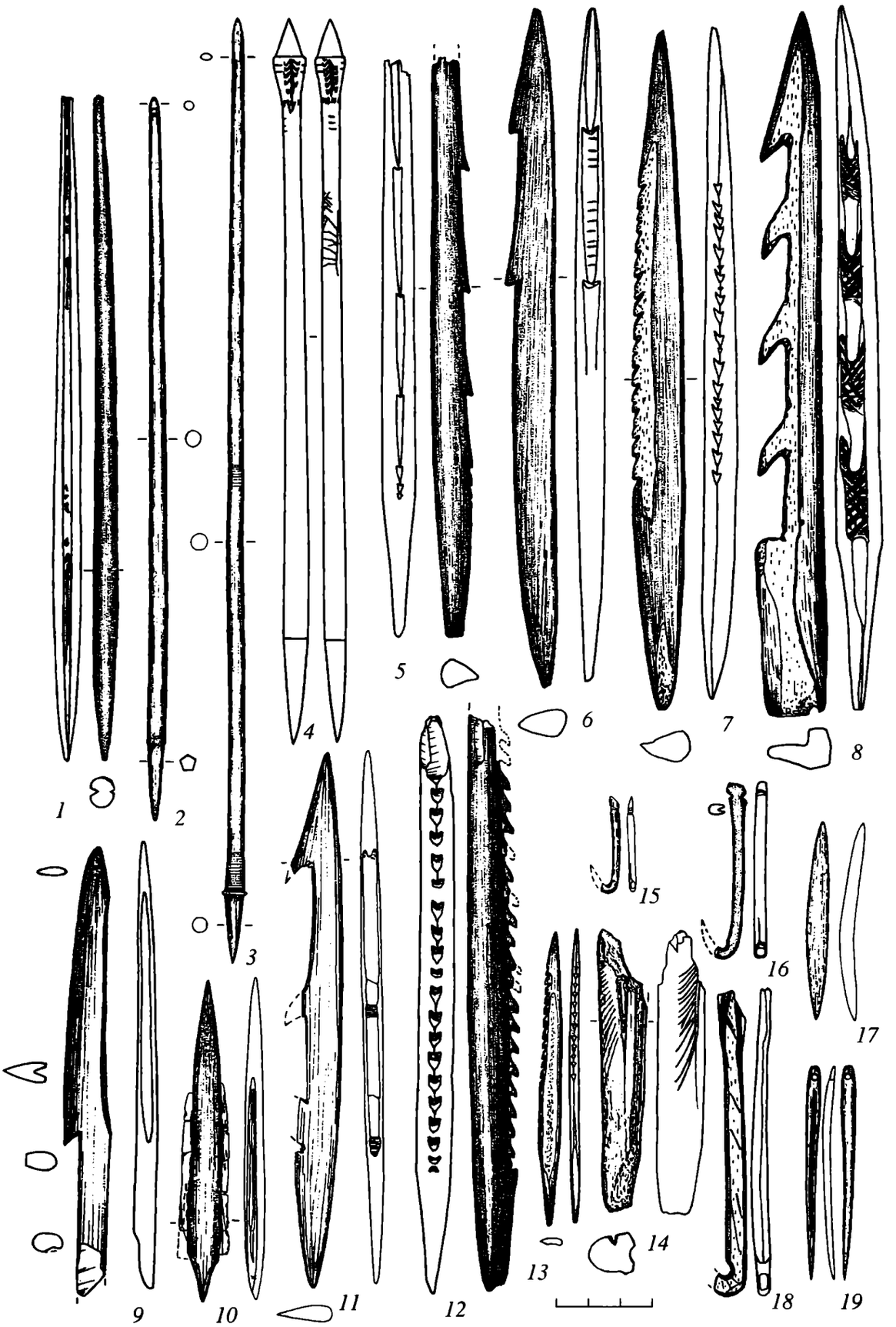

Рис. 2. Поселение Ивановское 7, нижний слой, костяные изделия.

трубчатой кости; обух роговой муфты для топора; одна целая (рис. 3, *13*) и пять обломков муфт для тесел из рога лося, отверстие для рукоятки расположено ближе к основанию рога, а рабочая часть из перехода ствола в лопату; три плоских роговых выпрямителя (два из сломанных вставок тесел – рис. 3, *11*); три посредника из отростков рога и два ретушера (один из сломанной рукоятки).

Украшения представлены четырьмя подвесками из резцов лося с нарезками на конце корня (рис. 3, *7*) и такой же с процарапанным отверстием; подвеской из клыка молодого медведя (рис. 3, *8*) и тремя из клыков мелких хищников с нарезками на конце корня (рис. 3, *4–6*); плоской прямоугольной подвеской с нарезками по краям на одном конце. На ряде изделий нанесены гравированные изображения.

Во второй половине–конце пребореального периода, судя по материалам культурного слоя III раскопа 3 поселения Становое 4, отмечаются некоторые изменения костяного инвентаря бутовской культуры при сохранении основных типов изделий и технологии их обработки. Разнообразные наконечники стрел (определимых 54) попрежнему составляют основу вооружения. Среди игловидных (12) преобладают (6) простые длинные (рис. 4, *1*), несколько меньше (3) таких же с пазом для вкладышей; единичны игловидный наконечник с кольцевым пояском; с биконическим насадом и такой же с пазом для вкладышей. Существенно возросло количество наконечников с биконической головкой (16), среди которых преобладают (9) изделия с правильной головкой с рельефным пояском в средней части, подчеркнутым канавками с длинным стержнем и коротким пирамидальным насадом (рис. 4, *2*, *3*), меньше наконечников с уступом в сторону острия (4); единичны с гладкой головкой, с двойной правильной головкой (рис. 4, *9*) и с неправильной головкой с рельефным пояском. Наиболее многочисленны узкие уплощенные наконечники стрел (21): иволистные (2 – рис. 4, *6*), то же с пазом для вкладышей на одном крае (4), черешковые с пазом для вкладышей на одном (2) или обоих (13) краях (рис. 4, *10*). В пазах некоторых сохранились микропластинки, закрепленные "серым" клеем из хвойной смолы, пчелиного воска и угольной пыли; в пазах других отчетливо видны отпечатки не ретушированных микропластинок. Найден весловидный наконечник стрелы с коротким пером и плоско срезанным с двух сторон насадом (рис. 4, *8*). Обломок двукрылого асимметричного наконечника снабжен пазами для вкладышей как на крыле, так и на противоположном крае. Единичны наконечники стрел с мелкими зубцами у острия, с крупными треугольными (рис. 4, *11*) и с мелкими частыми зубцами на одном крае.

Зубчатых острий значительно меньше (семь): два однорядных узких с редкими клювовидными зубцами; одно с частыми мелкими клювовидными зубцами; два с частыми глубокими нарезками по краю; два кинжаловидных с мелкими зубцами у острия. Найден обломок гарпуна с редкими зубцами и отверстием в расширенном насаде. Наконечники копий (15) представлены одним целым и двумя обломками массивных заостренных стержней подтреугольного сечения с пазом для вкладышей, двумя обломками таких же с пазами по обоим краям. У одного сохранились отпечатки микропластинок на "сером" клее, на спинке гравированный орнамент. Еще 10 обломков конических, иногда уплощенных острий принадлежат массивным наконечникам рогатин.

Кинжалов и их обломков 32: три длинных однолезвийных с пазом для вкладышей; обломок плоского цельного с тонким лезвием; 18 таких же с пазами для вкладышей по обоим краям; обломок длинного массивного обоюдоострого и такой же с пазом для вкладышей на одном крае; 2 узких колющих (стилеты); 2 изогнутых с пазом для вкладышей на вогнутом крае (рис. 4, *7*) и массивный изогнутый из рога лося с пазами на обоих краях (рис. 4, *5*); 2 из локтевой кости лося и 1 из лопатки со скошенным лезвием. В пазах большинства вкладышевых кинжалов сохранился "серый" клей с отпечатками и обломками не ретушированных микропластинок, в некоторых кинжалах сохранилась на месте большая часть вкладышей. Сильный износ микропластинок указывает на использование этих орудий в качестве разделочных ножей, что приближает их по назначению к охотничьим ножам, сочетающим функции кинжала и разделочного ножа. Рыболовные крючки представлены двумя цельными с тонким прямым стержнем и острием без зазубрины, со следами сверлины в изгибе и шестью отходами производства подобных крючков (рис. 4, *17*), три из них из обломков кинжалов.

Разнообразный производственно-бытовой инвентарь включает 5 узких прямых остроконечных ножей из расщепленных ребер; 3 ножа из цельных ребер; 16 обломков широких ножей из лопаток лося; 1 такой же с отверстиями; 4 пластинки с отверстиями для протягивания сухожилий (рис. 4, *18*); 3 струга из ребер с приостренным краем; струг из цельной трубчатой кости лося; лощило из локтевой кости лося; 3 шила из грифельных костей копытных; 8 шильев из осколков костей с невыделенным и 2 с выделенным жальцем; игольник из трубчатой кости крупной птицы; 2 кочедыка из осколков костей; 79 орудий из нижних челюстей бобра; 3 струга из нижних резцов бобра; 5 желобчатых долот из трубчатых костей; две широкие стамески с прямым лезвием и 5 клиньев; две плоские вставки топоров и 2 вставки тесел из лопаты рога лося; 2 массивных тесла из ствола рога; вставка тесла с зауженным лезвием из перехода отростка в лопату рога и плоское тесло из осколка трубчатой кости; прямая встав-

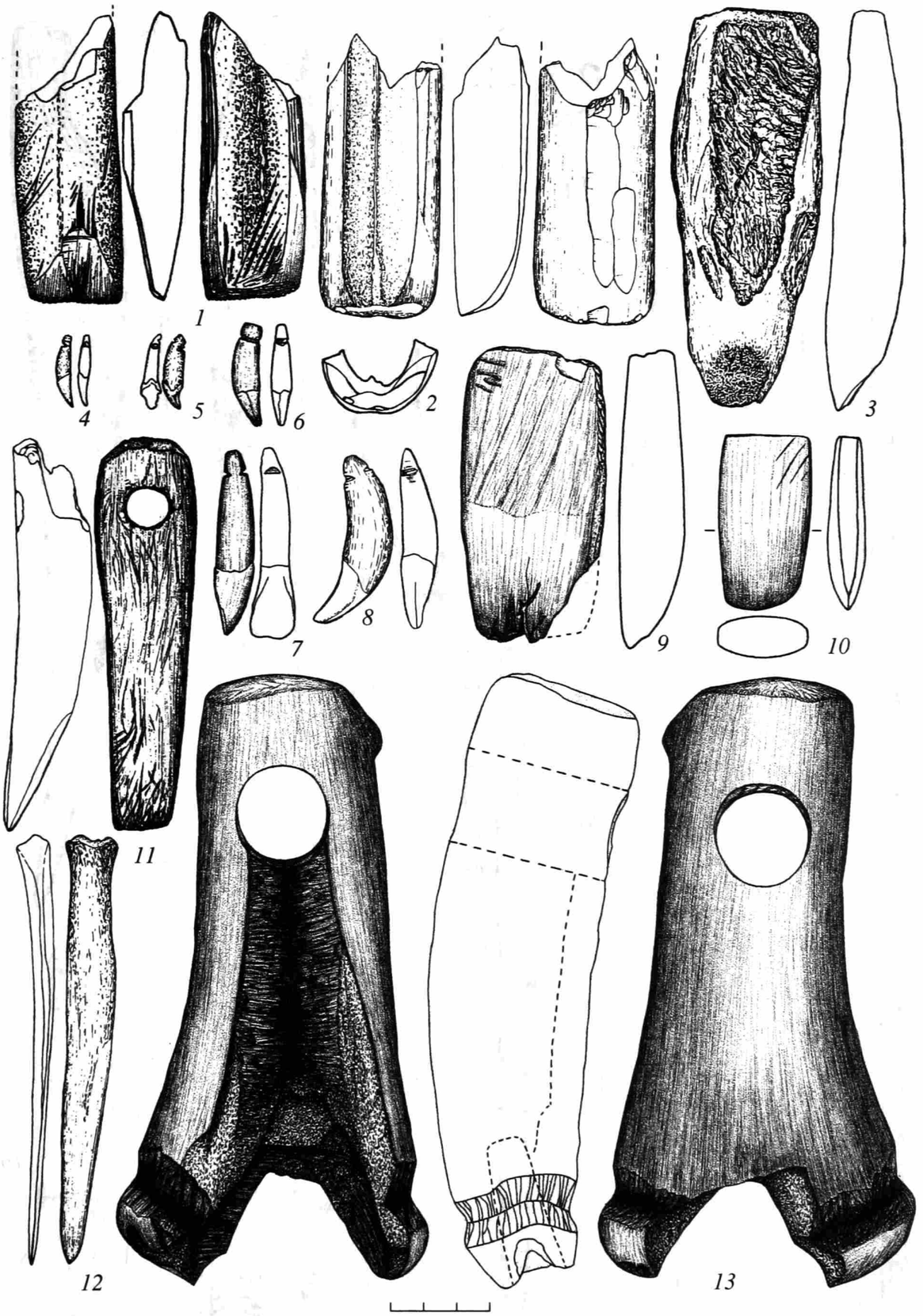

Рис. 3. Поселение Ивановское 7, нижний слой, изделия из кости и рога.

ка кирки из отростка рога; 2 пешни с узким скошенным лезвием из разрезанных трубчатых костей; роговая муфта для топора с острым обухом, в отверстии сохранился обломок рукоятки (рис. 5, *1*); 7 муфт для тесел из ствола рога лося, рабочая часть с пазом для клинка из перехода ствола в лопату. В одной сохранился оббитый с двух сторон кремневый клинок (рис. 5, *2*), а в другой – обух ро-

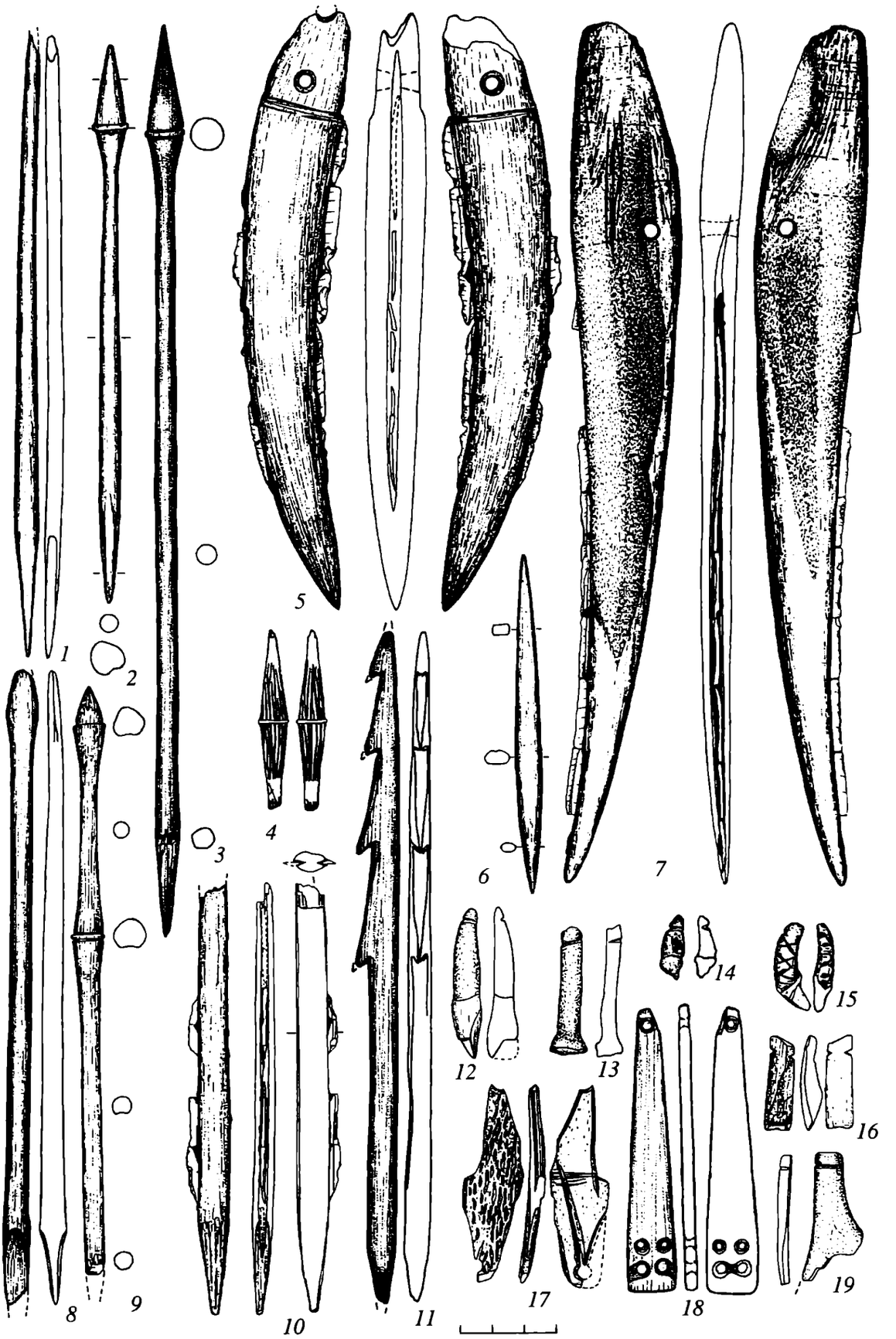

Рис. 4. Поселение Становое 4, культурный слой 3, раскоп 3, изделия из кости и рога.

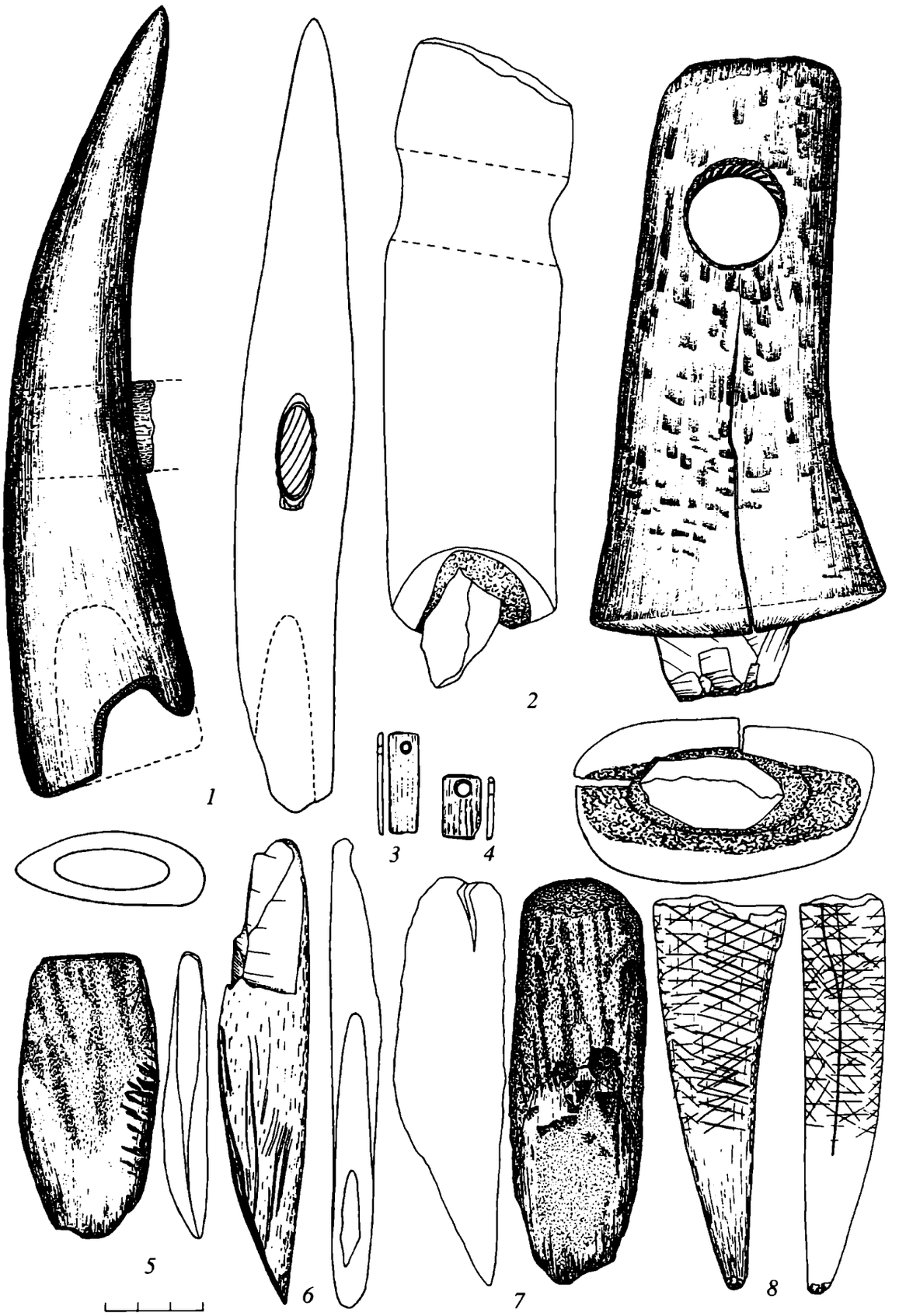

Рис. 5. Поселение Становое 4. Изделия из кости и рога: *1*, *2*, *4* – культурный слой 3, раскоп 3; *3*, *5–7* – раскоп 2; *8* – раскоп 1.

гового клинка. Так же из отростков рога лося два конических и цилиндрический посредник; короткий массивный ретушер из рога и два ретушера из клыков медведя.

Украшения представлены восемью подвесками из резцов лося с нарезками на краях корня (рис. 4, *12*); шестью подвесками из обломков резцов бобра с нарезками по краям на одном конце (рис. 4, *16*) и двумя такими же, но вместо нарезок процарапано отверстие; двумя щечными зубами бобра с нарезками на конце корня; подвеской из расколотого коренного зуба медведя с нарезкой на конце корня; подвеской из клыка собаки и десятью подвесками из клыков мелких хищников с нарезками на конце корня (рис. 4, *14–15*). Кроме того, шесть подвесок из подъязычных костей лося (рис. 4, *19*); три подвески из разных костей с нарезками (рис. 4, *13*) и одна с процарапанным отверстием; пять прямоугольных плоских подвесок с просверленным на одном конце отверстием (рис. 5, *4*). На ряде изделий нанесены метки, орнаменты и сложные геометризованные рисунки.

Сохранение набора орудий и основных технологических приемов предшествующего периода при небольшом числе инноваций характерно для костяной индустрии бутовской культуры первой половины бореального периода. В нижнем слое поселения Озерки 17 представлены наконечники стрел (8): обломок длинного игловидного и два целых коротких с упором (рис. 6, *11*); с правильной длинной биконической головкой с рельефным пояском; обломок узкого плоского с одним или двумя пазами с остатками "серого" клея; однокрылый с шипом, длинным стержнем и коротким пирамидальным насадом (рис. 6, *18*); обломок наконечника с широким естественным пазом и мелким зубцом на крае у острия; тупой с цилиндрической головкой и плоским насадом (рис. 6, *20*). Найдено девять обломков массивных рогатин с коническим острием из трубчатых костей; цельный рыболовный крючок с тонким стержнем, острие с бородкой, со следами сверлины в изгибе и узелком крученого шнура диаметром 1 мм на головке; обломок узкого ножа из ребра и широкого ножа из лопатки; скребок из рога с широким слабо вогнутым лезвием и зауженной рукояточной частью; струг из ребра с приостренным краем; шило из грифельной кости лося; заготовка тонкой швейной иглы; два орудия из нижних челюстей бобра; целая пешня с узким скошенным лезвием из разрезанной трубчатой кости лося. Из украшений встречены подвеска из резца лося и две из резцов бобра, все с нарезками по краям на конце и плоский диск с просверленным в центре отверстием. Имеются орнаментированные изделия.

В нижнем слое Озерков 16 найден наконечник стрелы с правильной биконической головкой с рельефным пояском, длинным стрежнем и коротким пирамидальным насадом, головка обработана как на токарном станке (рис. 6, *3*). Другой наконечник с двойной правильной биконической головкой, длинным стержнем и длинным коническим насадом (рис. 6, *4*). Помимо этого встречены коническое острие наконечника рогатины и обломок резца-скобеля из нижнего резца бобра.

В нижнем слое поселения Нушполы 11 представлены наконечники стрел (5): простой игловидный; с биконической головкой правильной формы с уступом и с неправильной головкой с рельефным пояском; узкий плоский иволистный; тупой; обломок зубчатого острия с редкими мелкими клювовидными зубцами; обломок клевца без пазов; рыболовный цилиндрический грузик с нарезками на концах. Производственно-бытовой инвентарь включает широкий нож из лопатки лося; нож из осколка кости; шило и кочедык из грифельной кости лося; 10 орудий из нижних челюстей бобра; обломок пешни со скошенным лезвием из трубчатой кости. Из украшений встречены две подвески из резцов лося с нарезками и две подвески из резцов бобра также с нарезками.

Богатый и разнообразный набор изделий из кости и рога встречен в нижнем (III) культурном слое раскопа 2 поселения Становое 4. Наконечники стрел (определимых 33) включают восемь игловидных простых, длинных и коротких (рис. 6, *12*); два таких же с пазом для вкладышей; три игловидных с биконическим насадом (рис. 6, *1*, *2*); один с конической головкой (рис. 6, *15*); пять с правильной биконической головкой с рельефным пояском, четрые с уступом в сторону острия, один из последних с пазом с остатками "серого" клея и отпечатком микропластинки на головке (рис. 6, *13*); узкий плоский иволистный (рис. 6, *14*) и такой же с пазами на обоих краях, в одном сохранились микропластинки, другой паз недоделан (рис. 6, *7*); узкий плоский с намеченным черешком (рис. 6, *8*), такой же с пазом с отпечатками микропластинок на "сером" клее на одном крае (рис. 6, *16*) и два обломка с пазами вдоль обоих краев, у одного сохранились микропластинки, закрепленные "серым" клеем; узкий короткий, с пером плоско-выпуклого сечения; обломок весловидного с длинным пером с пазами для вкладышей по краям, в одном сохранилась микропластинка (рис. 6, *17*); перо двукрылого асимметричного с шипом и пазом на противолежащем крае и такой же, но с пазом также и на крыле (рис. 6, *10*).

Наконечники копий представлены обломком массивного узкого подтреугольного сечения с пазом для вкладышей и пятью массивными наконечниками рогатин с коническим острием из разрезанных трубчатых костей лося (рис. 7, *14*). Найдено пять обломков прямых плоских кинжалов с пазами для вкладышей на обоих краях; массивный прямой кинжал, один его край приострен, на другом паз для вкладышей (рис. 7, *12*); длинный узкий стилет из пластины трубчатой кости; слабоизогну-

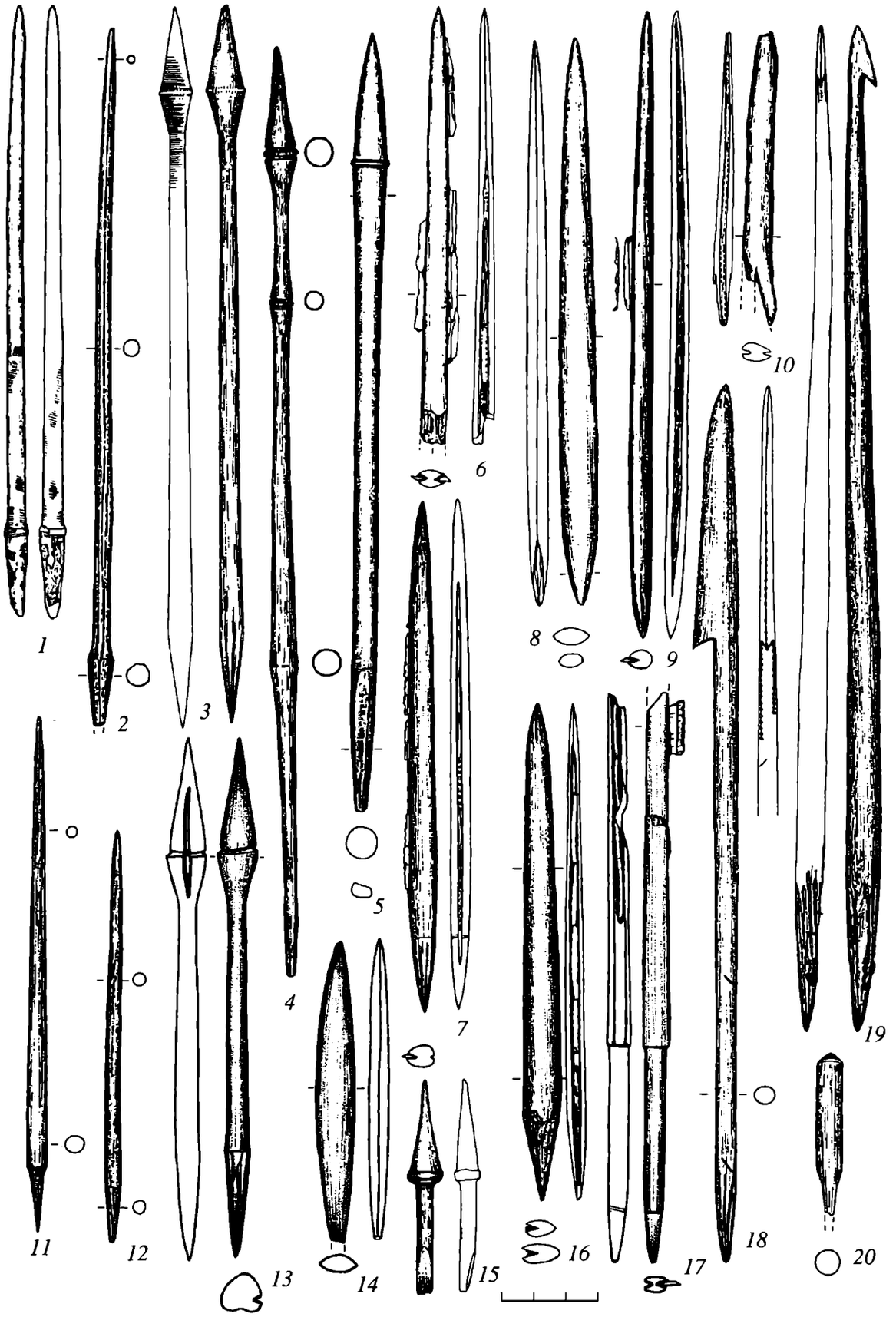

Рис. 6. Поселение Становое 4. *1, 2, 6–10, 12–17* – культурный слой 3, раскоп 2; *3–4* – Озерки 16, нижний слой; *5, 19* – Ивановское 7, культурный слой 3; *11, 18, 20* – Озерки 17, нижний слой. Изделия из кости.

тый массивный кинжал с пазом на вогнутом крае, в котором частично сохранились микропластинки, закрепленные "серым" клеем (рис. 7, *13*); три обломка кинжалов со скошенным лезвием из локтевой кости лося со срезанным эпифизом. Орудия рыболовства представлены двумя цельными крючками с прямым тонким стержнем, острие их без зазубрины, в изгибе следы сверлины (рис. 7, *2*, *3*), а также отходом производства такого крючка и узким грузиком с выделенными головками на обоих концах.

Производственно-бытовой инвентарь включает: два узких плоских остроконечных ножа из расщепленных ребер (рис. 7, *15*); два обломка широких ножей из лопаток лося, один с отверстиями; нож из осколка кости; два скребка из рога с широким гладким лезвием (рис. 7, *11*) и долотовидный скребок с нарезками на лезвии из разрезанной трубчатой кости (рис. 7, *16*); четыре шила из грифельных костей копытных; шило из тонкой трубчатой кости с косо срезанным концом; обломок узкого плоского шила; обломок швейной иглы; 30 орудий из нижних челюстей бобра; два обломка желобчатых долот из разрезанных трубчатых костей; широкая стамеска с прямым лезвием и узкая стамеска со скошенным лезвием (рис. 5, *6*); три плоских вставки тесел из лопаты рога (рис. 5, *5*), массивное тесло с тонким лезвием из ствола рога (рис. 5, *7*) и обломок тесла с широким прямым лезвием из трубчатой кости; обломок изогнутой вставки кирки; пять обломков скошенных пешней из разрезанных трубчатых костей; четыре обломка роговых муфт для тесел и массивная муфта для кирки или клевца; посредник из отростка рога.

Украшения представлены двумя подвесками из резцов лося и тремя из резцов бобра, по одной из щечного зуба бобра и расколотого коренного зуба медведя. Сюда же относятся и четыре подвески из клыков мелких хищников (рис. 7, *6*), все с нарезками на конце; две плоские прямоугольные подвески с просверленным ближе к одному концу отверстием. На некоторых костяных изделиях в технике гравировки нанесены метки, орнаменты и рисунки.

Среди изделий из кости и рога III культурного слоя поселения Ивановское 7 встречены наконечники стрел (из них определимых 9): игловидный; два с правильной биконической головкой: один с короткой, другой – с длинной и плавной (рис. 6, *5*); один короткий с биконической головкой неправильной формы; узкий уплощенный; четыре длинных с зубцом у острия (рис. 6, *19*). Помимо этого найдены два обломка зубчатых острий – с редкими мелкими клювовидными зубцами и с частыми зубцами неправильной формы, а также целое плоское острие с глубокими нарезками на одном крае (рис. 7, *1*). Помимо этого найдены: обломок гарпуна с частыми зубцами и расширенным насадом; обломок наконечника рогатины; три обломка кинжалов (плоского, массивного с пазом для вкладышей на одном крае и стилета с удаленным эпифизом); отход производства рыболовного крючка и такой же от двух крючков (рис. 7, *4*); обломок широкого ножа из лопатки лося; обломок длинного узкого лощила; два шила из осколков костей; пять орудий из нижних челюстей бобра и струг из верхнего резца бобра (рис. 7, *10*); массивный топор из ствола рога; обломок лезвия пешни; ретушер из клыка медведя. Украшения представлены подвеской из резца лося, клыка волка (рис. 7, *9*), одной плоской подпрямоугольной с нарезками; двумя плоскими прямоугольными с просверленным отверстием (рис. 7, *7*). Особый интерес представляет скульптурная головка крохаля (по определению А.А. Карху), у которой показана линия клюва и, видимо, передано оперение (рис. 7, *8*).

К концу бореального периода при сохранении многих черт предшествующего этапа отмечены существенные изменения костяного инвентаря бутовской культуры. В нижнем слое поселения Окаемово 5 серией представлены наконечники стрел (из них определимых 19): два простых коротких игловидных, один из них уплощен (рис. 8, *4*); один с неправильной биконической головкой с пояском, коротким стержнем и длинным насадом (рис. 8, *3*); узкий плоский иволистный наконечник недоделан (рис. 8, *2*). Сюда же относятся: заготовка узкого плоского черешкового наконечника и обломок средней части другого узкого плоского с пазами для вкладышей; весловидный с коротким стержнем, в наиболее широкой части пера кольцевая канавка, которую пересекают короткие продольные пазы (рис. 8, *1*) и два обломка весловидных с широким продольным естественным пазом; короткий однокрылый без шипа и такой же, но с шипом (рис. 8, *18*); двукрылый симметричный с коротким пером с шипами (рис. 8, *17*); три длинных асимметричных двукрылых с коротким пером с шипом на конце одного крыла (рис. 8, *13*, *14*) и два таких же с пазом на противолежащем шипу крае (рис. 8, *15*, *16*); обломок короткого с широким естественным пазом и обломок с частыми мелкими зубцами по одному краю и коротким пирамидальным насадом. Интересно тщательно выструганное мелкое двойное острие с прямым тупым и дугообразным острым краем (рис. 8, *21*), повторяющее по форме кремневые острия с затупленным краем.

Встречен обломок насада зубчатого острия с редкими мелкими клювовидными зубцами (рис. 8, *5*) и массивное кинжаловидное острие с мелким зубцом (рис. 8, *19*). Найдены также: плоский кинжал с пазами для вкладышей (рис. 8, *23*) и обломок плоского подобного без пазов; два массивных обоюдоострых кинжала (рис. 8, *20*) и два узких стилета (рис. 8, *22*); обломок цельного крючка с тонким прямым стержнем и четыре отхода про-

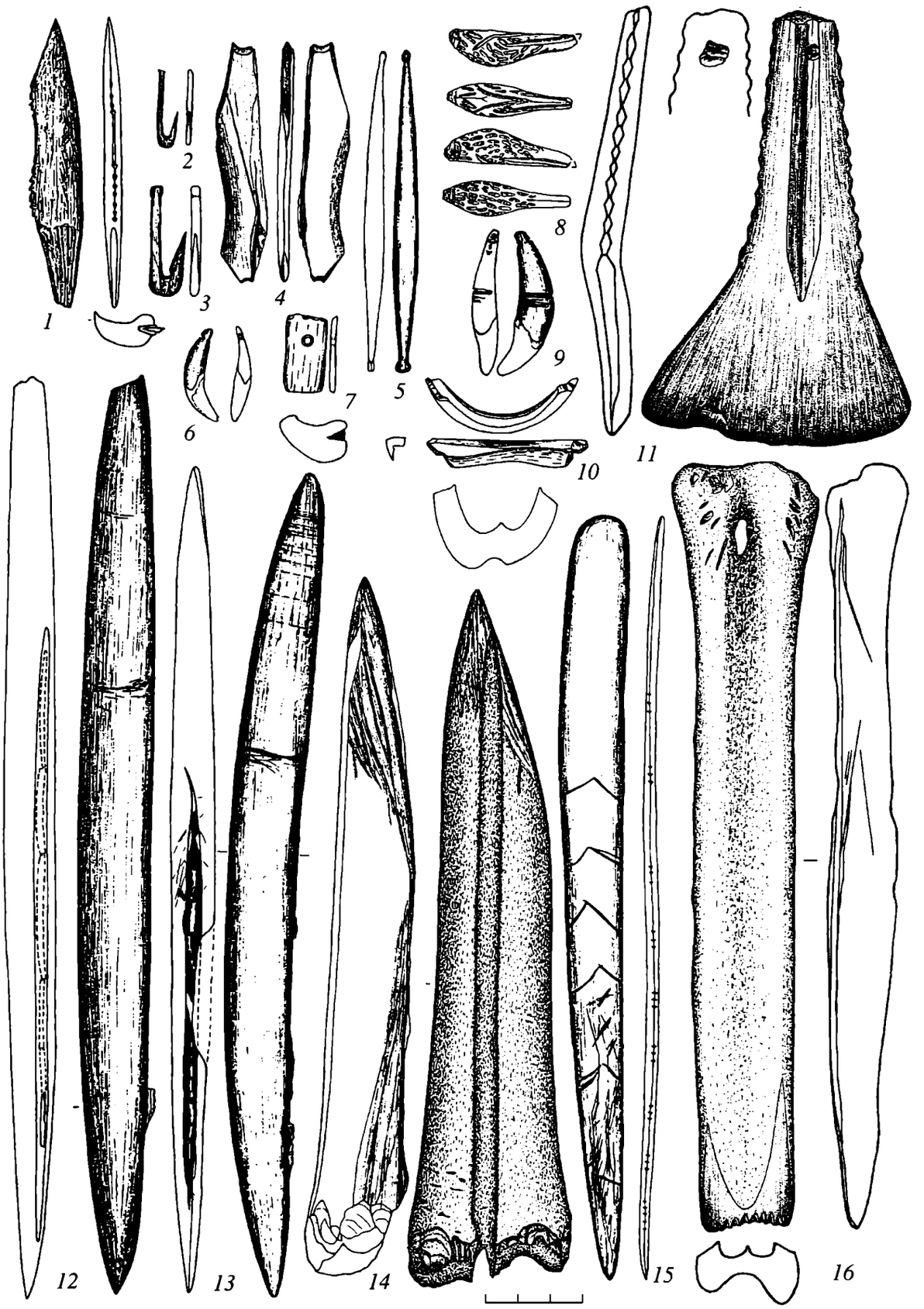

Рис. 7. Изделия из кости и рога: *1*, *4*, *7–10* – Ивановское 7, культурный слой 3; *2*, *3*, *5*, *6*, *11–15* – Становое 4, культурный слой 3, раскоп 2.

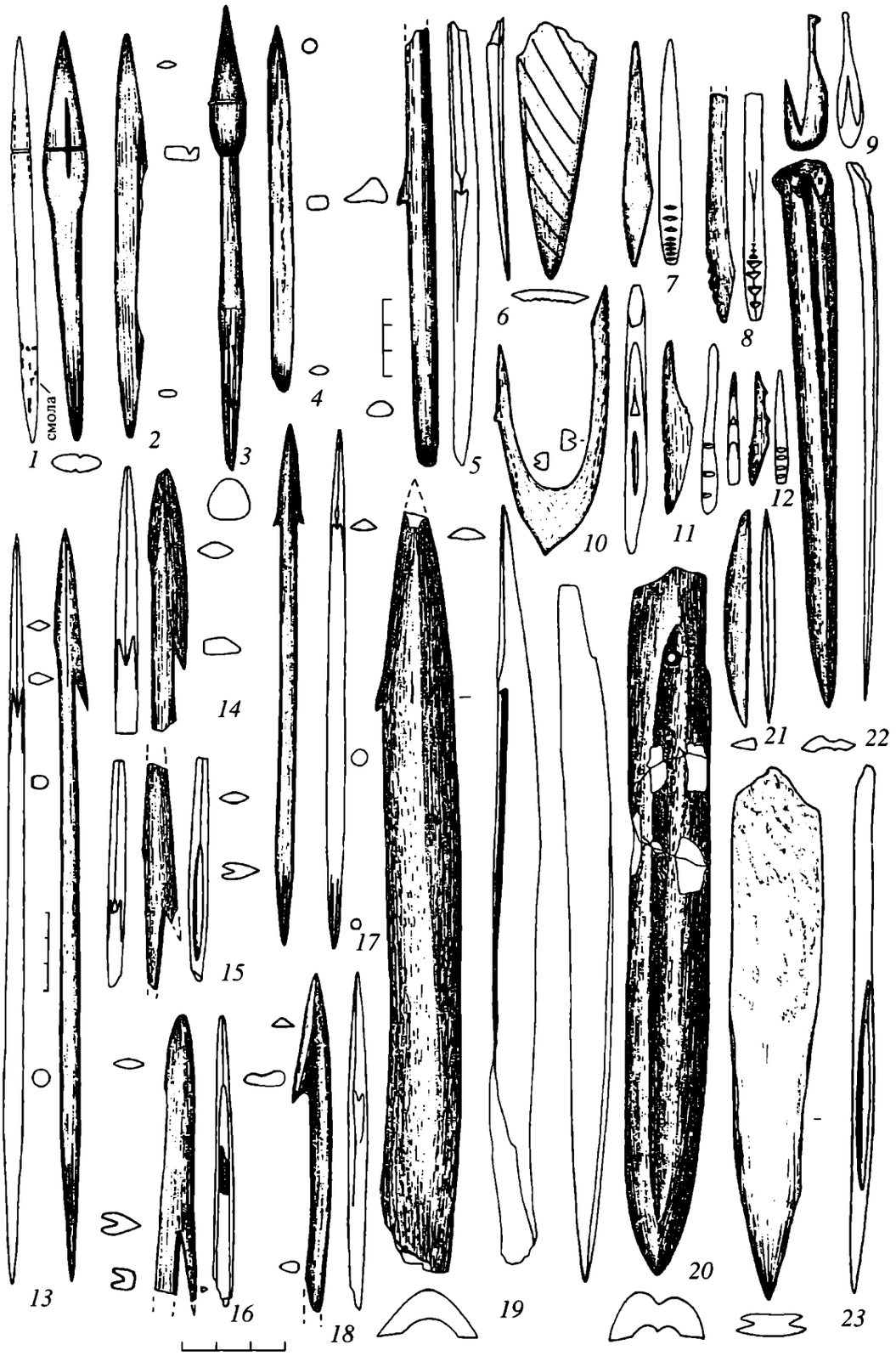

Рис. 8. Поселение Окаемово 5, нижний слой, костяные изделия.

изводства таких крючков; цельный крючок с утолщенным стержнем (рис. 8, *9*); два острия составных крючков без бородок (рис. 8, *7*, *11*) и одно с двумя бородками (рис. 8, *12*); оригинальный крупный составной крючок с пазами для вкладышей на стержне и острие, на головке его скос и нарезки для крепления другого острия, служившего защелкой (рис. 8, *10*).

Из производственно-бытовых орудий найдены два обломка узких плоских остроконечных ножей из расщепленных ребер (рис. 8, *6*); три ножа из обломков цельных ребер с приостренным кра-

ем; два обломка широких ножей из лопаток; три ножа из осколков костей; десять обломков стругов из ребер; пять шильев из грифельных костей копытных и шило с косо срезанным концом из тонкой трубчатой кости; три шила из обломков костей и две заготовки тонких игл. Помимо этого найдены 29 орудий из нижних челюстей бобра и три струга из верхних резцов бобра; резец из клыка лисицы и нож-скобель из клыка кабана; лезвие удлиненного массивного топора из ствола рога; обломок плоской вставки тесла и массивного тесла из ствола рога; обломок скошенного лезвия пешни; посредник из отростка рога и два ретушера из клыков медведя; обломок ложки с короткой ручкой с отверстием. Украшения представлены подвеской из резца лося и пятью из резца бобра с нарезками на одном конце. Некоторые изделия орнаментированы.

На памятниках финального этапа бутовской культуры представлены в основном те же типы изделий, количество новых невелико. В нижнем слое Озерков 5 среди предметов вооружения преобладают наконечники стрел (57): простые игловидные (20), доминируют короткие (рис. 8, *2*). Выделяются также игловидный с коротким пазом у острия; короткий игловидный с биконическим насадом; семь коротких с биконической головкой неправильной формы (четыре с рельефным пояском (рис. 9, *11*, *13*, *18*), два с канавкой (рис. 9, *12*) и один с уступом); три коротких с широкой уплощенной головкой (рис. 9, *7*, *16*, *17*); узкий уплощенный (рис. 9, *4*); два обломка коротких узких с намеченным черешком и пером плосковыпуклого сечения (рис. 9, *5*). Отметим четыре весловидных наконечника с коротким пером (рис. 9, *6*, *8*) и обломок весловидного с кольцевой канавкой и короткими продольными пазами на пере (рис. 9, *15*); семь однокрылых с шипом на конце крыла (рис. 9, *20*, *22*); два обломка таких же с желобком для каменного острия на конце, как в Оленеостровском могильнике (Гурина, 1956); обломок двукрылого симметричного с шипами на конце крыла; два обломка двукрылых асимметричных без пазов; обломок с естественным продольным желобком; четыре массивных тупых наконечника для пушной охоты (рис. 9, *25*, *26*). Представлены также три однорядных зубчатых острия с редкими мелкими зубцами (рис. 10, *1*, *3*); два обломка массивных двухрядных с редкими зубцами; массивный однозубый гарпун с отверстием (рис. 10, *8*); обломок гарпуна с частыми клювовидными зубцами с расширенным насадом и обломок массивного трехгранного наконечника копья. Отметим также обломок прямого кинжала с пазом для вкладышей и три прямых плоских без пазов (рис. 10, *7*); по одному обломку массивного обоюдоострого кинжала и узкого стилета; два кинжала из локтевых костей со скошенным лезвием (рис. 10, *13*); два цельных рыболовных крючка с тонким стержнем и два отхода производства таких крючков; один крючок с утолщенным стержнем (рис. 10, *10*); острие составного крючка без бородки; обломок плоской жерлицы с незавершенным отверстием (рис. 10, *11*).

Производственно-бытовой инвентарь включает 17 остроконечных узких ножей из расщепленных ребер (рис. 11, *21*); три ножа из обломков цельных ребер; два обломка широких ножей из лопаток; пять ножей из обломков костей (рис. 11, *7*); шесть орудий для протягивания сухожилий из нижних челюстей лося (рис. 11, *6*); десять стругов из ребер, один с фигурным навершием; массивное лощило из продольно разрезанной трубчатой кости. Представлен комплект шильев: 33 из грифельных костей (рис. 11, *5*); пять шильев из тонких трубчатых костей с косо срезанным концом (рис. 11, *2*); 27 плоских шильев (рис. 11, *4*), в том числе четыре шила с фигурным навершием (рис. 11, *1*, *3*); 15 шильев из осколков костей, а также обломки двух игл для плетения с отверстием и кочедык из грифельной кости. Отметим также 97 орудий из нижних челюстей бобра; 21 обломок стругов из верхнего резца бобра; два резца из клыков мелких хищников; два резца (рис. 11, *25*) и шесть ножей-скобелей из клыков кабана; долото с мелким желобком из осколка кости; четыре широких и одну узкую стамеску (рис. 11, *20*); три плоских вставки топоров (рис. 11, *26*) и три массивных тесла из рога; два обломка вставок кирок из отростков рога; шесть пешней со скошенным узким лезвием из разрезанных трубчатых костей (рис. 11, *29*); посредник из отростка рога (рис. 11, *24*); ретушер с длинным узким концом из осколка трубчатой кости (рис. 11, *23*), еще один с двумя массивными концами и 12 ретушеров из клыков медведя (рис. 11, *28*); два обломка мелких ложек. Многочисленны подвески: 65 из резцов лося (рис. 11, *14*) и 110 из резцов и одна из щечного зуба бобра с нарезками на одном конце (рис. 11, *9*, *11*, *13*, *19*, *22*), еще две из резцов с нарезками на обоих концах (рис. 11, *10*); четыре подвески из расколотых коренных зубов медведя с нарезками (рис. 11, *15*) и такая же с процарапанным отверстием. Из клыков мелких хищников найдено 11 подвесок с нарезками на конце корня (рис. 11, *16*, *18*). Одна подвеска из клыка медведя с отверстием, использована как ретушер (рис. 11, *27*); одна из резца и одна из клыка кабана с нарезками на конце (рис. 11, *8*); две из различных костей (рис. 11, *17*) и одна из обломка крупного орудия. Многие изделия орнаментированы, наряду с простейшими встречаются довольно сложные изображения.

В верхнем мезолитическом слое (IIа) поселения Ивановское 7 встречены наконечники стрел (9): два простых игловидных – длинный и короткий (рис. 9, *3*), еще один с уплощенным насадом; длинный игловидный с коротким пазом у острия; короткий с биконической головкой с пояском; узкий плоский без черешка; весловидный с шипом у основания пера, а на другом крае короткий паз

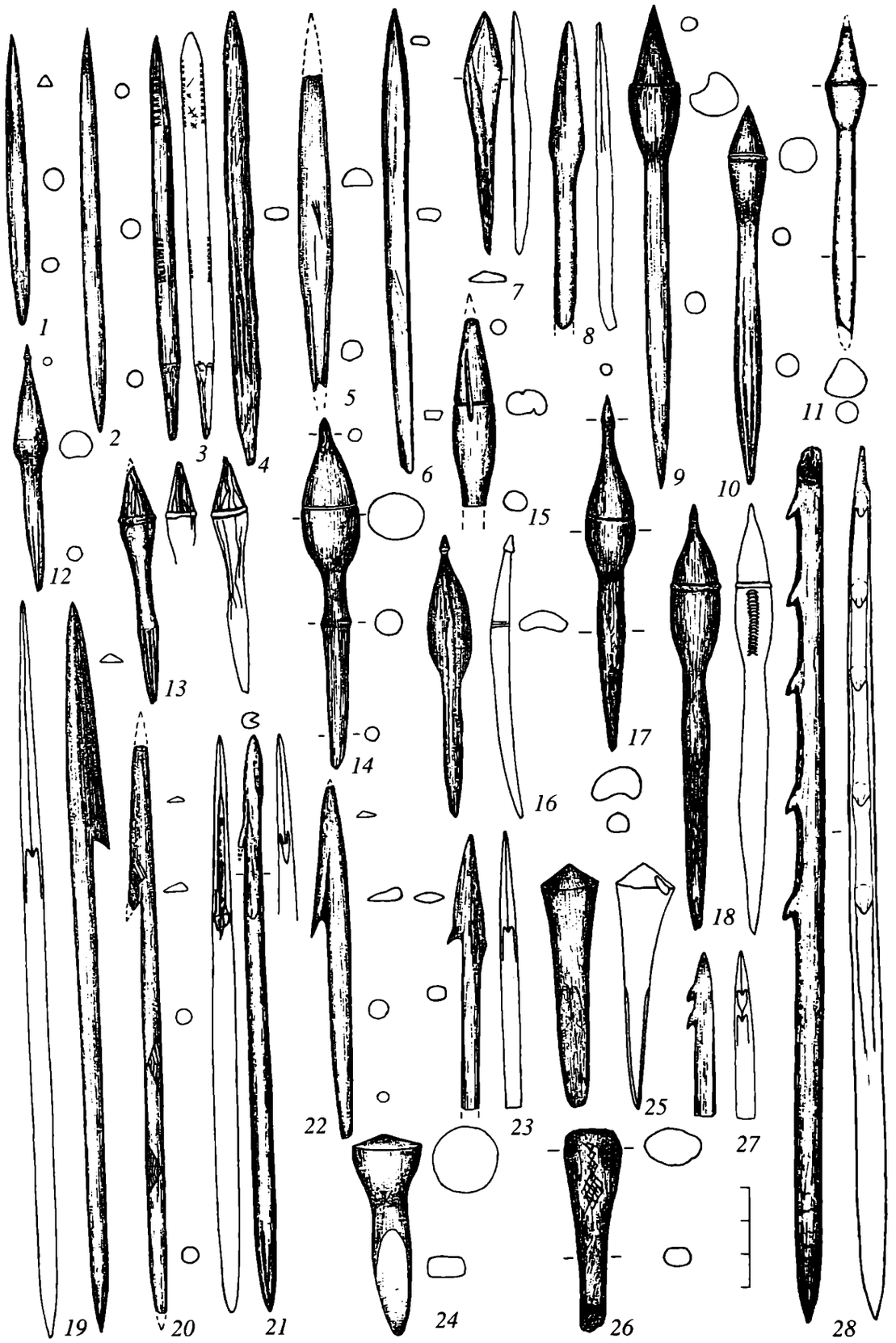

Рис. 9. Изделия из кости и рога: *1*, *4–8*, *11–13*, *15–18*, *20*, *22*, *25*, *26* – Озерки 5, нижний слой; *2*, *23*, *27*, *28* – Нушполы 11, культурный слой 3; *3*, *21* – Ивановское 7, культурный слой 2а; *9*, *24* – Окаемово 18а, нижний слой; *10*, *19* – Окаемово 4, нижний слой.

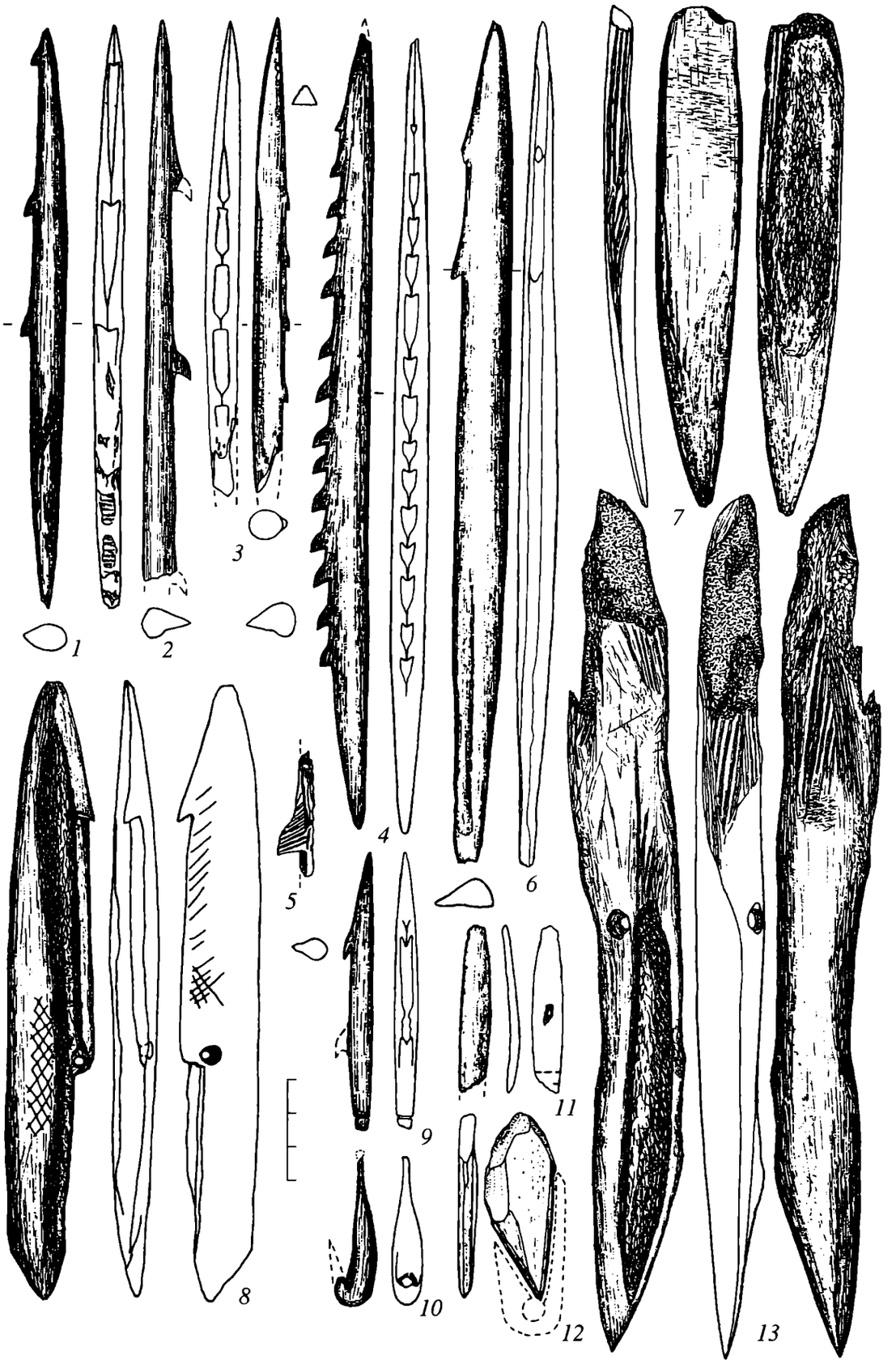

Рис. 10. Изделия из кости и рога: *1, 3, 5, 7, 8, 10, 11, 13* – Озерки 5, нижний слой; *2, 9* – Нушполы 11, культурный слой 3; *4* – Окаемово 18а, нижний слой; *6* – Ивановское 7, культурный слой 2а; *12* – Окаемово 4, нижний слой.

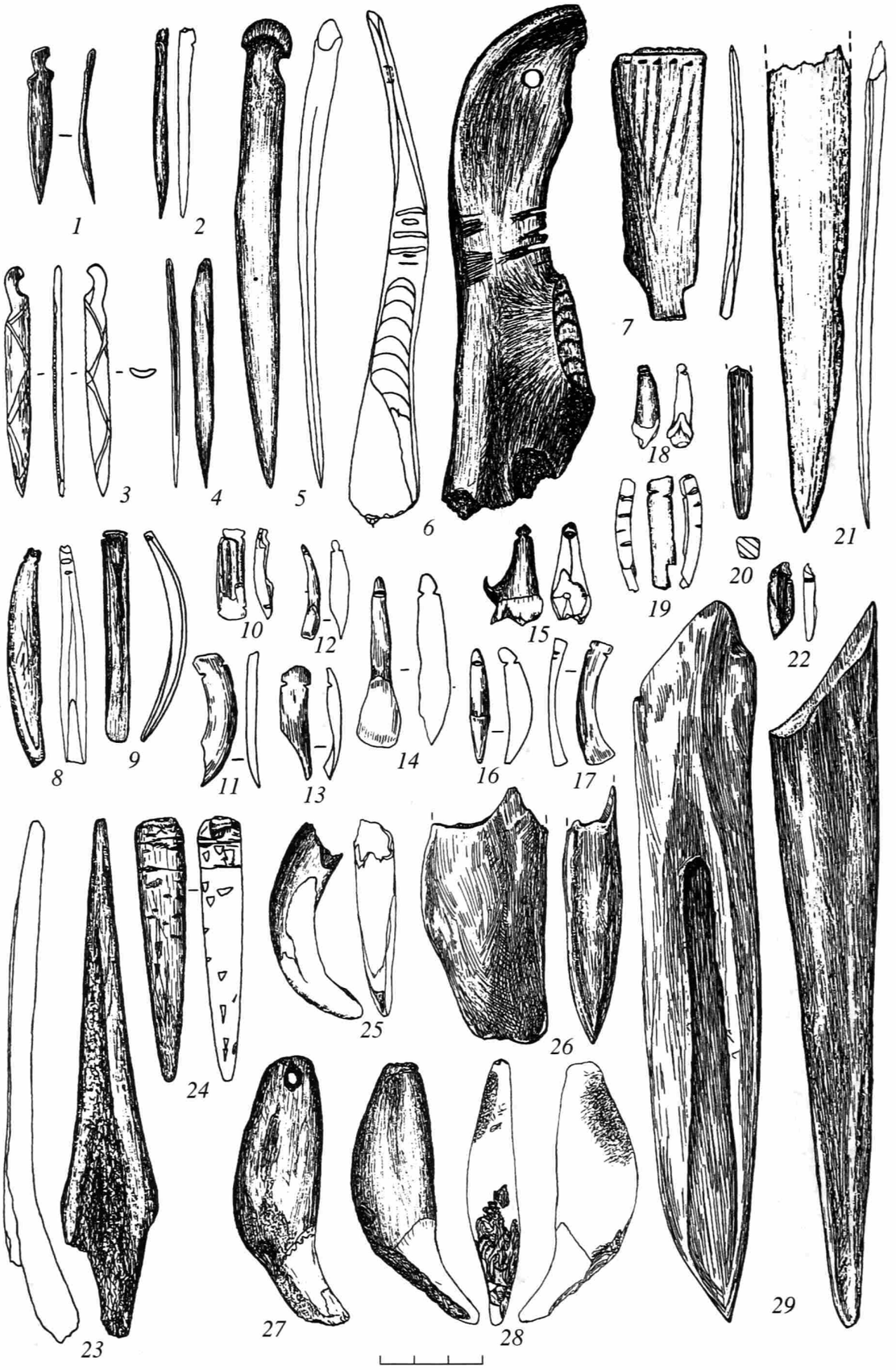

Рис. 11. Озерки 5, нижний слой, изделия из кости и рога.

для вкладышей (рис. 9, *21*); двукрылый симметричный с шипами и желобком на конце для каменного острия; тупой с массивной головкой. Имеются также однорядное острие с редкими мелкими зубцами и массивное кинжаловидное однорядное острие (рис. 10, *6*); два обломка прямых обоюдоострых вкладышевых кинжалов и кинжал со скошенным лезвием из плоской кости; наконечник рогатины из разрезанной трубчатой кости. Отметим обломки рыболовных крючков: один с тонким прямым стержнем, отход производства подобного и четыре с утолщенным стержнем; обломки ножей: четыре прямых узких остроконечных из расщепленных ребер; четыре широких из лопаток и три из осколков костей. Кроме того найдены три обломка стругов из ребер; два шила из тонких трубчатых костей – с кососрезанным концом и плоское; четыре шила из осколков костей; 12 орудий из нижних челюстей бобра и два обломка стругов из верхнего резца бобра; две стамески с узким скошенным лезвием и два клина; плоская вставка топора, вставка тесла и два массивных тесла из рога; пять пешней из разрезанных трубчатых костей; посредник из отростка рога и ретушер с массивным концом; глубокая ложка с длинной ручкой из рога; две подвески из резцов лося, четыре из резцов бобра и одна из подъязычной кости лося, все с нарезками на одном конце. Оригинально крупное скульптурное навершие из рога лося в виде фантастического существа с массивной головой, коротким туловищем и раздвоенным хвостом.

В нижнем слое поселения Ивановское 3 (раскоп 1981 г.) найдено 10 наконечников стрел: простой игловидный; три с правильной и два с неправильной биконической головкой и один с уплощенной широкой головкой; узкий плоский без черешка; двукрылый симметричный, крылья с шипами; двукрылый асимметричный, длинное крыло с шипом, на другом крае паз для вкладышей. Там же найдены: два однорядных острия с редкими мелкими зубцами и одно с частыми; два массивных кинжаловидных зубчатых острия; однорядный гарпун с частыми зубцами и расширенным насадом; наконечник копья с пазом для вкладышей и два массивных наконечника рогатин из разрезанных трубчатых костей; прямой однолезвийный вкладышевый кинжал; прямой плоский обоюдоострый и еще четыре таких же кинжала, но с пазами для вкладышей; четыре широких ножа из лопаток. В комплекте представлены также: две пластины с отверстиями для протягивания сухожилий; узкое лощило; шило из грифельной кости; резец-скобель из нижней челюсти бобра, струг из верхнего резца бобра и резец из клыка лисицы; два желобчатых долота из трубчатых костей; четыре плоских вставки и два массивных тесла из рога; тесло из трубчатой кости; четыре вставки кирок из рога и три пешни с широким скошенным лезвием из трубчатых костей; плоский выпрямитель из лопаты рога; ретушер из осколка кости с тонким концом; подвеска из резца лося и клыка мелкого хищника, обе с нарезками на конце корня. Встречены орнаментированные орудия.

Аналогичные изделия из кости и рога получены при раскопках финальномезолитических слоев поселений Замостье 5, Окаемово 4, 18а и Нушполы 11. Среди находок последнего интересен наконечник стрелы с редкими зубцами на стержне и желобком для каменного острия на конце (рис. 9, *28*).

Технология обработки кости и рога в бутовской культуре была высоко развита. Наибольшего разнообразия достигли способы обработки наконечников стрел (Zhilin, 1998a). Многие из них, особенно длинные, отличающиеся тонкой проработкой деталей, делались из стандартных заготовок – пластин, вырезанных из трубчатых костей копытных. Параллельно с ними изготавливались и укороченные массивные наконечники из оббитых заготовок, зачастую менее правильной формы и обработанные грубее. Часто на переходе стержня в насад наносилась тонкая кольцевая, обычно прерывистая, канавка; такая деталь характерна для бутовской культуры. Поверхность многих наконечников тщательно выровнена, нередки орнаментированные и полированные изделия. В мезолите Восточной Европы только в бутовской культуре встречена обработка наконечников стрел как на токарном станке.

Вкладышевая техника была очень широко распространена на протяжении пребореала и бореала. Длинными и короткими пазами снабжались наконечники стрел и более массивные наконечники копий, а также кинжалы с одним или двумя лезвиями, сделанные из разрезанных трубчатых костей копытных и роговые вставки клевцов. Разнообразные цельные рыболовные крючки делались при помощи сверления и вырезывались из пластин кости. Эта же техника, но в сочетании с объемным резанием, применялась при изготовлении крючков-мормышек с расширенным или утолщенным стержнем. Разнообразные приемы вторичной обработки позволяли изготавливать все необходимые производственно-бытовые орудия различных форм. Многие изделия орнаментированы в технике различных нарезок, гравировки, глубокой резьбы, значительно меньше изделий с орнаментом из высверленных точек. После нанесения орнамента многие орудия тщательно отполированы. Скульптурные изображения сделаны в технике объемного резания, сопровождавшейся нарезками и резьбой по поверхности.

Костяная индустрия бутовской культуры развивалась довольно плавно, без резких скачков, хронологическое распределение большинства типов и вариантов изделий и способов их обработки можно считать нормальным. Некоторые из них бытуют на всем протяжении мезолита. Это узкие

плоские и игловидные наконечники стрел, однорядные острия с редкими зубцами, цельные крючки с тонким стержнем, ножи из ребер и лопаток, струги из ребер, шилья из грифельных костей, орудия из нижних челюстей бобра, роговые вставки топоров и тесел, подвески из зубов лося, бобра и хищников. Другие орудия больше распространены в первой половине указанного периода, а позже встречаются редко. Сюда относятся большинство типов вкладышевых наконечников стрел, копий и кинжалов, длинные наконечники стрел с биконической головкой правильной формы, наконечники рогатин, вставки клевцов, костяные и роговые скребки, струги из трубчатых костей, желобчатые долота, роговые муфты, плоские прямоугольные сверленые подвески. Часть орудий, возникая на среднем этапе, достигают максимального распространения в конце мезолита. К их числу можно отнести короткие наконечники стрел с неправильной биконической головкой, однокрылые, двукрылые, зубчатые и тупые наконечники стрел, массивные кинжаловидные зубчатые острия, тонкие плоские шилья, узкие стамески, массивные роговые топоры и тесла. И, наконец, последние появляются на финальном этапе и вместе с непосредственно предшествующими переходят в инвентарь ранней верхневолжской культуры. Это короткие наконечники стрел с широкой уплощенной головкой, разные типы наконечников стрел с желобком для каменного острия на конце, ножи из ребер и плоские шилья с фигурным навершием, ножи-скобели и подвески из зубов кабана, массивные скульптурные роговые навершия.

Несмотря на плавность, развитие костяной индустрии бутовской культуры было довольно динамичным. Хорошо прослеживаются сложение ее основного орудийного набора в раннем мезолите и его существенная перестройка в позднем, сохранение многих традиционных типов изделий и технологических приемов и замещение других новыми формами орудий и способами их изготовления по мере развития культуры. Наблюдается определенная стандартизация ведущих изделий ее синхронных памятников. Эти же черты отмечены и для каменного инвентаря культуры (Кольцов, Жилин, 1999).

Сравнение с материалами сопредельных территорий показывает значительное сходство изделий из кости и рога синхронных памятников культур кунда, веретье и бутовской, а финальные памятники последней обнаруживают значительное сходство и с Оленеостровским могильником. Вместе с тем каждой культуре присущи особенности как каменных, так и костяных изделий. Однако сходство инвентаря этих культур существенно больше, а различия значительно меньше чем при сравнении с памятниками культурной общности дуфензе-маглемозе на западе и с мезолитом Уральского региона на востоке. Это позволяет объединить названные культуры в единую культурную общность, которую предложено назвать кундско-бутовской (Жилин, 2001).

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 98-06-80506.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА. 1956. № 47.

Жилин М.Г. Костяное вооружение древнейшего населения Верхнего Поволжья. М., 1993.

Жилин М.Г. Археологические исследования на Озерецком торфянике в 1990–1992 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь, 1994а.

Жилин М.Г. Некоторые вопросы перехода от мезолита к неолиту на Верхней Волге // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 1. Иваново, 1994б.

Жилин М.Г. Стоянка Окаемово 4 на Средней Дубне // Проблемы изучения первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 2. Иваново, 1995.

Жилин М.Г. Некоторые итоги раскопок стоянки Озерки 5 в 1990–1994 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996.

Жилин М.Г. Памятники мезолита и раннего неолита западной части Дубненского торфяника // Древности Залесского края. Сергиев Посад, 1997.

Жилин М.Г. Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998а.

Жилин М.Г. Многослойное поселение Ивановское 7 (по раскопкам 1992–1997 гг.) // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново, 1998б.

Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.

Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М., 1999.

Крайнов Д.А., Зайцева Г.И., Уткин А.В. Стратиграфия и абсолютная хронология стоянки Ивановская 3 // СА. 1990. № 3.

Крайнов Д.А., Лозовский В.М., Костылева Е.Л. Мезолитическая стоянка Сахтыш 9 // Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 3. Иваново, 1990.

Крайнов Д.А., Хотинский Н.А. Ивановские стоянки – комплекс мезо- и неолитических озерно-болотных поселений на Волго-Окском междуречье // Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. М., 1984.

Сидоров В.В., Сорокин А.Н. Многослойное поселение Замостье 5 // Древности Залесского края. Сергиев Посад, 1997.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация мезолита Волго-Окского междуречья по палинологическим данным // Палинология в России. М., 1995.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Результаты палинологического изучения мезолита Волго-Окского междуречья // Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М., 1999.

Lozovski V.M. Zamostje 2. Treignes, 1996.

Zhilin M. The Western Part of Russia in Final Palaeolithic – Early Mesolithic Earliest Settlement of Scandinavia. Acta Archaeologica Lundensia / Eds Larson. 1995. 80.

Zhilin M. Technology of the Manufacture of Mesolithic Bone Arrowheads on the Upper Volga // European Journal of Archaeology. 1998a. № 1, 2.

Zhilin M. Artifacts, Made of Animals' Teeth and Jaws in the Mesolithic of Eastern Europe // Proceedings of the Third Annual Meeting of the European Association of Archaeologists. Ravenna, 1998b.

Zhilin M. New mesolithic peat sites on the upper Volga // Tanged Points cultures in Europe / Eds Kozlowski S. et al. Lublin, 1999.

Bone Industry of Butovo Culture on the Upper Volga

M. G. Zhilin

Summary

Past two decades of the Upper Volga expedition's activity has resulted in discovery and excavations of 14 peat-bog settlements of Butovo Mesolithic culture characterised by well-preserved bone and antler artefacts. The investigated sites represent the whole Mesolithic period, from the end of the Younger Dryas (ca. 10300–10000 BP) up to the early Neolithic (ca. 7000 BP). This succession displays three-thousand-long development of the Butovo bone industry. The article presents a brief description of bone artefacts from the main sites of Butovo culture. The discussed industry developed rather evenly, no shifts may be traced; chronological distribution of the major part of bone artefacts' types and variants, as well as the modes of their processing are considered normal. Nevertheless, the Butovo bone industry developed intensively enough. Formation of the basic set of bone tools in the Early Mesolithic and its significant change in the Late Mesolitihic are traced. Many traditional types of bone tools and technological patterns of their manufacturing were preserved, other shapes and technologies were replaced by new ones in the course of the culture development. Certain standards in leading tools' types originating from coeval sites were worked out. Similar features were typical also of stone industry of Butovo culture.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 3, с. 26–38

ПЕРЕХОД ОТ БРОНЗОВОГО К ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ (К постановке проблемы) Часть I.

© 2002 г. В. Р. Эрлих

Государственный музей Востока, Москва

По популярной концепции Э. Снодграсса наступлением развитого железного века можно считать время, когда железо в хозяйственной жизни древних обществ начинает выполнять основные режущие и колющие технологические функции (Snodgrass, 1980. P. 336). В странах Восточного Средиземноморья, где железо, в том числе и металлургическое, было известно на протяжении всего бронзового века, этот период наступает к X в. до н.э. (Snodgrass, 1980. P. 336 и сл.; Waldbaum, 1978. P. 58). В освоении человечеством железа Снодграсс выделяет три стадии. 1) Появление железа в качестве украшения. 2) Переходный период, когда уже появляется стальное "рабочее железо", но бронза преобладает. Это долгий период непоследовательного экспериментирования с черным металлом. 3) Железо начинает количественно превосходить бронзу как рабочий металл (Snodgrass, 1980. P. 337, 338).

На Северном Кавказе, как, впрочем, и в Закавказье, скорее всего, являющемся вторичным очагом железообработки, первая стадия – использование железа в качестве украшений – отсутствует. В позднебронзовых погребениях Прикубанья и Закубанья, относящихся к культуре многоваликовой керамики и позднесрубной (сабатиновской) железные изделия пока не известны. "Периферийность" этих памятников, которая подчеркивается исследователями, характерна вообще чрезвычайно малым количеством изделий из металла (Сорокина, 1987. С. 21, 22; 1989. С. 283; 1995. С. 54; Шарафутдинова Э.С., 1991а. С. 79; 1996. С. 94).

То же самое можно сказать и о пока очень малочисленных памятниках финальной бронзы: белозерских и кобяковских (Шарафутдинова Э.С., 1991а, б), и это несмотря на имевшийся на Северо-западном Кавказе самостоятельный очаг металлообработки бронзы, существование которого признается сейчас большинством исследователей (Иессен, 1951; Шарафутдинова Э.С., 1991а. С. 91; Бочкарев, 1996). Однако неразрешимой загадкой пока остается связь этого очага металлообработки с какой-либо местной позднебронзовой культурой[1].

На фоне пока еще крайне немногочисленных памятников финальной бронзы Северо-западного Кавказа ярко выделяются и выглядят сейчас новообразованием памятники протомеотской группы. Следуя схеме Э. Снодграсса, мы можем отнести их ко второй – "переходной" стадии от эпохи бронзы к раннему железному веку. Изделия из бронзы в них преобладают и выполняют основные технологические функции, а процент железных предметов от общего числа металлических пока еще невелик, от 10% для наиболее ранних могильников до 33% для наиболее поздних (Терехова, Эрлих, 2000. С. 281).

Выделенные в 50–60-е годы XX в. Н.В. Анфимовым, после открытия в равнинном Закубанье Николаевского и Кубанского могильников, памятники "протомеотов" в настоящее время насчитывают около 30 могильников, включающих более 400 погребальных комплексов, а также более 10 бытовых памятников, протянувшихся в Закубанье от берегов Черного моря на западе до Среднего течения Кубани на востоке (рис. 1). Они требуют сейчас специального изучения.

По-видимому, термин "протомеотская" культура, которым пользуются многие исследователи, не вполне правомерен. Слишком велики различия между отдельными локальными группировками памятников. Скорее всего, здесь мы видим новообразование, археологическую культуру в период своего формирования. Поэтому мы предпочитаем пользоваться термином "протомеотская группа" памятников. Ее развитие, взаимодействие различных ее компонентов и привело в конечном итоге к формированию меотской археологической культуры. Настоящая работа пред-

[1] Следует упомянуть и о мнении В.И. Козенковой, высказанном ею в ряде работ, что часть изделий "Прикубанского очага металлообработки следует связывать с Западным вариантом кобанской культуры" (Козенкова, 1981. С. 37–41; Аптекарев, Козенкова, 1986. С. 121–136). Однако это не дает ответа на вопрос: с какой из культур можно связывать ряд кладов, найденных на Северо-западном Кавказе за пределами ареала Кобанской культуры.

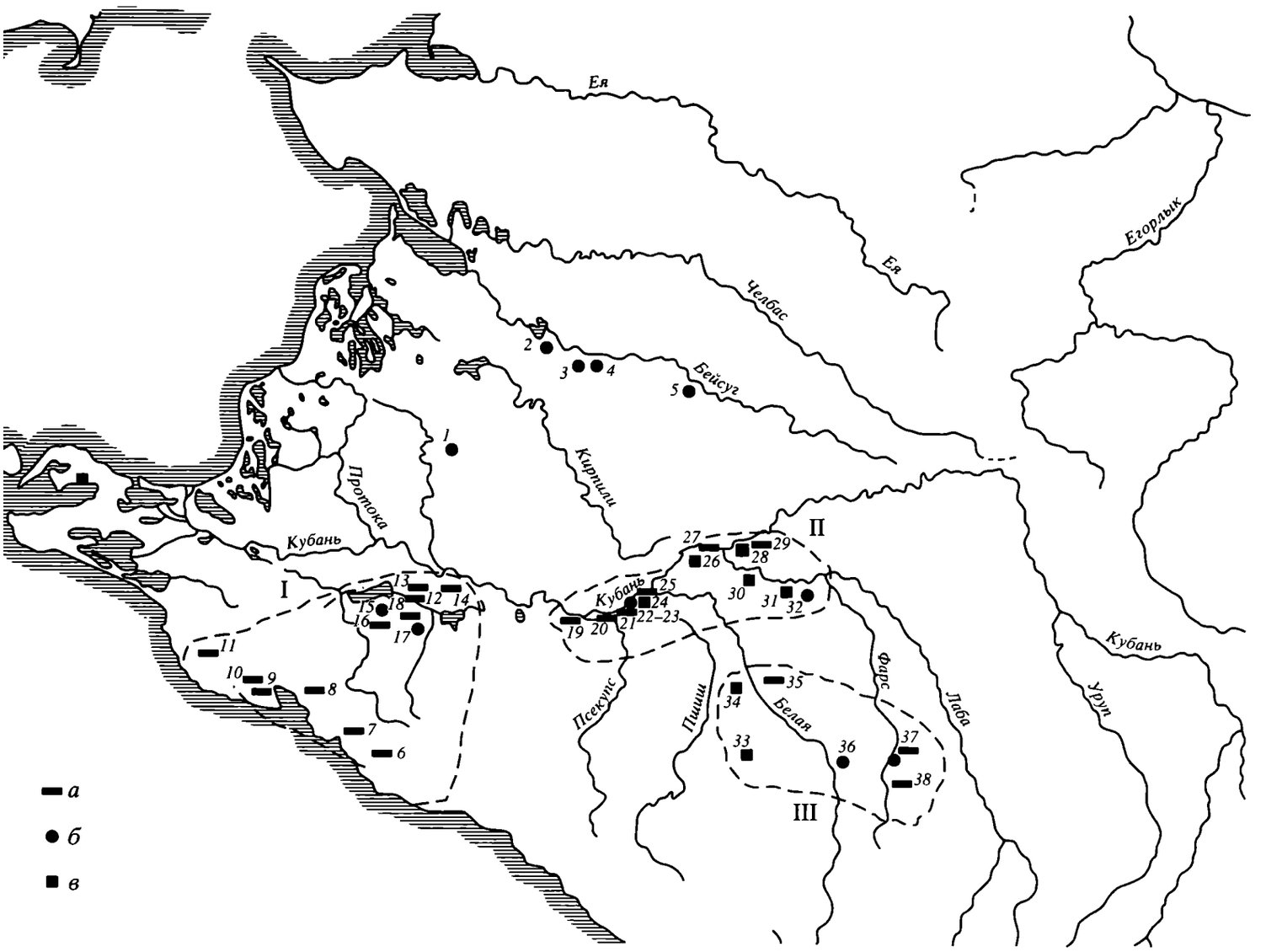

Рис. 1. Основные памятники Северо-западного Кавказа предскифского времени. *1* – Новониколаевский II; *2* – Брюховецкая; *3* – Батуринская; *4* – Анапский; *5* – Первомайский; *6* – Псыбе; *7* – Геленджик; *8* – Шесхарис; *9* – Широкая балка; *10* – Б. Хутора; *11* – Сукко; *12* – Цеплиевский кут; *13* – Мингрельский; *14* – Ахтырский лиман; *15* – Ястребовский; *16* – Абинский; *17* – Холмский; *18* – Черноклеповский; *19* – Казазово; *20* – Псекупский; *21* – Ленинохабль; *22* – Чишхо к.м.; *23* – Чишхо г.м.; *24* – Тауйхабль пос.; *25* – Пшиш; *26* – Красногвардейское; *27* – Николаевский; *28* – Кубанское пос.; *29* – Кубанский мог.; *30* – Уляпское пос.; *31* – Серегинское пос.; *32* – Уашхиту; *33* – Гуамский грот; *34* – Курджипское пос.; *35* – Кочипе; *36* – Хаджох; *37* – Фарс/Клады; *38* – Ясеновая поляна. *а* – грунтовые могильники; *б* – курганные могильники; *в* – поселения.

ставляет собой краткий обзор памятников перехода от бронзового века к железному – предскифского времени Северо-западного Кавказа, их характера, системы связей, возможных путей формирования.

Начнем с правого берега Кубани.

Правобережные памятники предскифского времени. Очень немногочисленная и пока маловыразительная группа комплексов, расположенная на правом берегу Кубани, исследователями относится к наиболее южным проявлениям черногоровской (степной) культуры. Это погребение 3 кургана 2; п. 4 кургана 9, а также п. 3 кургана 12 могильника Анапский 1 (Шарафутдинова Э.С., 1991а. С. 187. Рис. 3, *4*, *5*; Бочкарев и др., 1982. С. 79. Рис. 277, 278; С. 95. Рис. 322, 323); погребение 10 кургана 9 могильника Батуринский I (Шарафутдинова Э.С., 1991а. С. 87. Рис. 3, *1–3*), погребение 1, кургана 1 могильника Новониколаевский II (Гей, 1979. С. 184, 185. Рис. 176–184); погребение 2 кургана 1 могильника Первомайский (Нехаев, 1977. С. 49, 50. Рис. 201–204). Все они, за исключением погребения из Первомайского, представляют собой впускные могилы в более ранние курганы. Здесь встречены, как правило, вытянутые погребения с восточной (Первомайский) и юго-юго-западной ориентировкой (Новониколаевский II), либо вытянутые с разворотом на левый бок и западной ориентировкой (Анапский I, к. 9, п. 4 и к. 12, п. 3). Два скорченных на левом боку погребения (Анапский I, к. 2/3 и Батуринский I к. 9/10) имеют соответственно восточную и юго-восточную ориентировку. Интерпретация исследователями этих погребений различна. Э.С. Шарафутдинова отнесла скорченные погребения из

могильников Батуринский I и Анапский I к рубежу поздней бронзы и раннего железа (белозерский этап – черногоровская ступень) (Шарафутдинова Э.С., 1991а. С. 193), к погребениям северо-восточной зоны черногоровской культуры относит вышеупомянутые погребения О.Р. Дубовская (1993. С. 150, 151. Рис. 72). Она же ряд вытянутых приведенных нами погребений отнесла к позднечерногоровской группе (Дубовская, 1997. С. 184, 185). С.В. Махортых и С.Л. Дударев включают погребения правого берега Кубани в сводку погребений степняков-номадов на Северном Кавказе (Махортых, 1994. С. 41–50; Дударев, 1999. С. 38, 39). Действительно, все эти погребения находятся в коренной степной зоне. Помимо исключительно курганного обряда с черногоровскими (степными) их роднит то, что они не создают относительно стабильных кладбищ, что говорит о подвижности населения. Инвентарный набор здесь также не может дать однозначного ответа об отнесении этих комплексов к степным, либо северокавказским культурам. Керамика включает в себя кувшин (Анапский I к. 2/3); черпак и горшок (Батуринский I, к. 9/10), корчагу (Анапский 1, к. 9, п. 4). Все эти формы находят аналогии как в кобяковских погребениях Закубанья, так в белозерских и черногоровских памятниках степи, что отмечалось С.В. Махортых (1994. С. 33, 34). В то же время кинжал из Новониколаевского II могильника наиболее близок, на наш взгляд, биметаллическому кинжалу из Софиевки (Тереножкин, 1976. С. 82. Рис. 47, *1*), однако своими прототипами эти два кинжала скорее всего имеют закавказские формы (Picchelauri, 1996. Taf. 50, *744*, *745*; 61, *949*; 65, *1051*, *1052*, *1054*; 67, *1138*, *1140*).

Наконечники стрел из Первомайского, по-видимому, степных типов. Ряд наконечников имеют аналогии в Малой Цимбалке и Высокой Могиле (Тереножкин, 1976. С. 33. Рис. 7, *1–11*; С. 54. Рис. 24, *5*, *7–9*). Большая их часть имеет ромбическое очертание контура головки, что сближает их с жаботинским типом. А наконечник стрелы, от которой погиб погребенный в п. 3, кургана 12 могильника Анапский I, имеет треугольную головку и опущенные жальца, что, возможно, сближает его с двулопастными наконечниками стрел с опущенными жальцами из вышеприведенных "эталонных" степных комплексов. Таким образом, малая выразительность правобережных степных памятников, а также тот факт, что здесь отсутствует более или менее стабильное оседлое население не позволяет нам причислять их к протомеотской группе памятников. Скорее всего, это погребения кочевников, которые, в то же время, сохраняют свою связь с оседлым населением Закубанья.

Абинско-черноморский вариант протомеотских памятников. Возможно, его впоследствии можно будет разделить на приморские и степные подварианты, поскольку памятники в основном сконцентрированы в Закубанье двумя группами в приморской зоне и в Абинском районе Краснодарского края. Погребальный обряд здесь нестабилен. В приморской зоне имеются как погребения в дольменах (Геленджик) (Аханов, 1961а. С. 139–149), так и в каменных ящиках (Псыбе, Б. Хутора, Шесхарис, Широкая Балка) (Тешев, 1983. С. 209–213; Дмитриев, 1973. С. 3–19; Онайко, 1969). Для более восточных памятников характерны впускные погребения в курганы предшествующих эпох и естественные возвышенности (могильники Абинский, Ахтырский лиман, Циплиевский кут, Мингрельский, Холмский, Черноклеповский) (Анфимов И.Н., 1981; Беглова и др., 1997. С. 71–77; Василиненко и др., 1993. С. 21–33; Анфимов Н.В., Пьянков, 1989. С. 11–26). Ориентировка погребенных также нестабильна. Особенность абинско-черноморского варианта – это парные и коллективные погребения, что совсем не характерно для других групп. Еще ни разу не встречены конские захоронения, хотя присутствует конская узда. Известны культовые комплексы или тризны – скопления вещей, иногда со следами огня и ритуальной порчи – возможно предтечи меотских святилищ – Холмский I, к. 2, комплекс 2 и комплекс VII кургана I Ястребовского могильника (Василиненко и др., 1993. С. 21–27; Гей, 1984. С. 29, 30).

Исследованных поселений предскифского времени здесь пока нет. Однако имеются местонахождения финальной бронзы. Посуда геленджикской стоянки по своей орнаментации напоминает кобяковскую и срубную керамику (Аханов, 1961б. С. 276–280). Керамика из ям предскифского времени Патрея восходит к кизил-кобинским формам.

В целом для керамики этой группы характерны черпаки с гвоздевидными выступами (рис. 2, *3*, *4*), которые встречаются в памятниках периода поздней бронзы горного Крыма, где они, по мнению В.А. Колотухина, находят аналогии в сабатиновских памятниках и синхронных памятниках культуры Ноа (Колотухин, 1996. С. 39, 53. Рис. 11, *14*; 15, *11*; 16, *9*). Орнаментация керамики для памятников этой группы малохарактерна. Известны только две орнаментальные композиции на черпаках из могильника Ахтырский лиман – сетчатый орнамент и равнобедренные заштрихованные треугольники (Лесков, Эрлих, 1999. С. 38, 39. Рис. 50.). Кроме этого, особенностями материальной культуры этой группы памятников являются булавки типа Сукко (рис. 2, *19*, *20*) (Новичихин, 1995. С. 66, 67. Рис. 3) – листовидные, с выступами или завитками, самые южные находки которых известны в погребениях Гагрского могильника (Воронов, Гунба, 1978. С. 257, 258. Рис. 1, *2*, *3*; Бжания В.В., Бжания Д.С., 1991. С. 47. Рис. 5, *1*, *2*; С. 48. Рис. 6, *5*), а северные в Крыму (могильник Таш-Джарган) (Колотоухин, 1996. С. 148. Рис. 48, *22*). Ряд находок таких булавок происходит с территории центрального варианта протомеотских

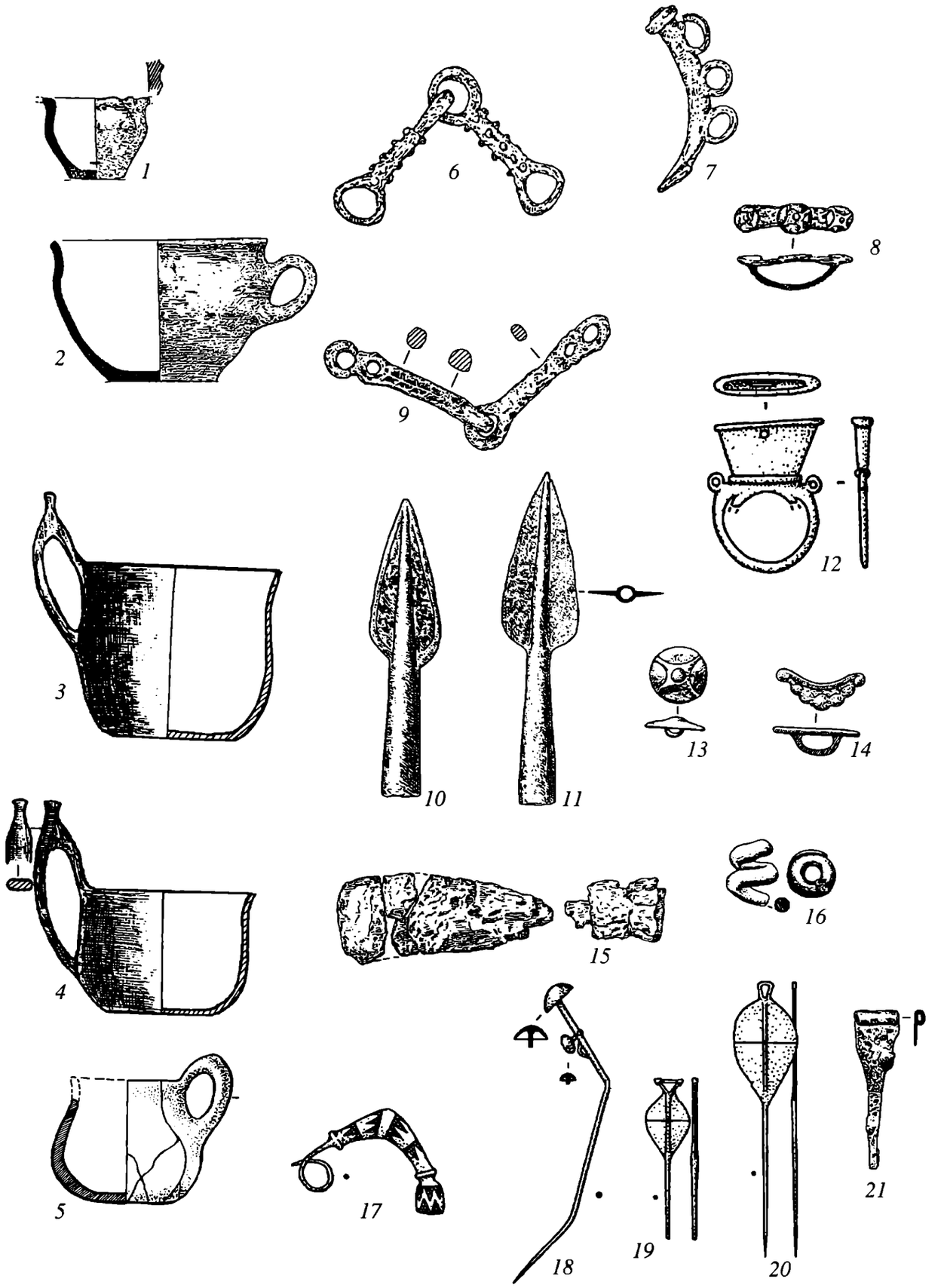

Рис. 2. Основные типы Абинско-черноморского варианта. Масштаб разный. *1*, *2*, *6–8*, *15* – мог. Ахтырский лиман и Мингрельский (по: Беглова и др., 1997); *3*, *4* – Абинский мог. (по: Анфимов И.Н., 1981); *5* – мог. Черноклен (по: Анфимов Н.В., Пьянков, 1989); *10* – ст. Крымская, случайная находка (по: Иессен, 1951); *11*, *13*, *14*, *16*, *21* – Геленджикские дольмены (по: Аханов, 1961а); *12*, *17–20* – мог. Сукко (по: Новичихин, 1995).

могильников. Из предметов вооружения в Причерноморской зоне характерны железные топоры (Аханов, 1961а. С. 144. Рис. 5, 6, 7; Беглова и др., 1997. С. 73. Рис. 2, *11*) (рис. 2, *15*), появившиеся, вероятно, под влиянием Колхидских памятников. Можно выделить и особенность бронзовых удил этого района. Это строгие "шипы" на грызлах (рис. 2, *6*), встречающиеся также и центральной варианте протомеотских памятников и отсутствующе в предгорьях (Анфимов И.Н., 1981. Рис. 10; Беглова и др., 1997. С. 73. Рис. 2, *10*). Пока здесь не встречены дырчатые псалии степных форм (черногоровские, цимбальские и камышевахские). Связи этого варианта протомеотских памятников помимо северо-западнокавказских можно протянуть в Восточное Причерноморье (булавки, и железные топоры) и горный Крым (черпаки, булавки).

Центральный (степной) вариант. Памятники этой группы идут по левому берегу Кубани, начинаясь на западе напротив Краснодара и продолжаются до района впадения Лабы в Кубань. Причем самый восточный пункт сейчас – Кубанский могильник. Отдельные находки этого времени на востоке – "киммерийские изваяния", отдельные комплексы, а также поселения "Калаждинское" и "Каменные столбы" – пока не дают данных о долговременном проживании населения в этих районах, либо уже отчасти могут относиться к западному варианту кобанской культуры. Основные памятники этой группы – могильники Казазаво, Псекупс, Чишхо, Пшиш, Николаевский, Кубанский, поселение Красногвардейское II, святилище у аула Ленинохабль (Анфимов И.Н., 1989. С. 27–31; Пьянков, Тарабанов, 1997. С. 62–70; Ловпаче, 1985. С. 19, 20; Тов, 1989. С. 36–45; Сазонов, 1995а; 1995б. С. 73–83; 1996. С. 132–134; 1998. С. 114–116; Анфимов Н.В., 1961; 1964; 1971; 1975; Шарафутдинова Э.С., 1989. С. 46–87).

Для могильников этого варианта характерны одиночные грунтовые погребения без внешних признаков. Возможно, лишь в позднейший период новочеркасской "классики" появляются курганы – комплекс 1 могильника Чишхо. Ориентировка погребенных в предскифское время еще не устойчива. Для Кубанского, Николаевского и Псекупского могильников наблюдается преобладание южной и юго-восточной ориентации погребенных (Анфимов Н.В., 1958–1959; 1964), для могильника Пшиш – северо-западной (около 70%) (Сазонов, 1991–1994). Поза погребенного, вероятно, коррелируется с социально-половым статусом умершего (Шарафутдинова Э.С., 1991б). Вытянутых костяков прослежено от трети до половины. Как правило, это – наиболее богатые погребения, часто включающие оружие, конскую узду и кости лошади (см.: Шарафутдинова Э.С., 1991в. С. 54 и сл.). Среди скорченных погребений преобладают скорченные на правом боку. Кости лошади, находящиеся в могильниках центрального варианта, практически всегда представлены черепами и костями конечностей. Принято считать, что в могилу помещалась шкура – чучело жертвенного коня, набитое травой, либо соломой, лишь дважды в могильнике Пшиш были встречены целые скелеты (п. 100 и 106) (Сазонов, 1991–1994).

Керамика этого варианта разнообразна: помимо черпаков здесь встречаются горшки, миски, кувшины (рис. 3, *1–6*). Однако крупные корчаги отсутствуют. Оружие представлено наконечниками копий – бронзовыми с цельнолитой втулкой (рис. 3, *31*, *32*) и железными (Анфимов Н.В., 1961. Табл. II, *1–6*; Терехова, Эрлих, 2000. Рис. 3), железными топорами (Сазонов, 1996. С. 133), биметаллическими кинжалами, каменными топорами-молотками (рис. 3, *18*) (Анфимов Н.В., 1961. Рис. II, *7*; Ловпаче, 1985. С. 39–41, 44. Табл. X, *3*, *10*; XI, *6*, *7*; XII, *2*, *6*; XV, *1–3*, *5*, *6*).

Узда – самый интересный элемент материальной культуры. Удила для раннего периода характерны как однокольчатые (рис. 3, *7*), так и треугольноконечные (рис. 3, *10*), кроме того имеются и среднеевропейские с D-образными окончаниями (рис. 3, *8*, *9*) (Сазонов, 1995а. С. 100–104. Рис. 3, *1*; 4, *1*; 5, *1*; 6, *1*; 7, *1*; Пьянков, Тарабанов, 1997. С. 63. Рис. 1; Ловпаче, 1985. С. 40. Табл. XI, *1*). Псалии характерны для раннего периода черногоровско-камышевахской схемы (рис. 3, *14–17*; *19*, *20*), а также прямые стержневидные техпетельчатые (тип I-А нашей схемы) (Эрлих, 1991. С. 34, 49. Рис. 2; Пьянков, Тарабанов, 1997. С. 64. Рис. 7, 8). Интересно, что степных типов псалиев здесь находится больше, чем во всей степи Юга Восточной Европы, о чем говорит картографирование этих псалиев по типам – черногоровским, камышевахским и цимбальским (рис. 4), а также подсчет типов по регионам: Центральный вариант протомеотских памятников Закубанья, прочие регионы Северного Кавказа, Степь Юга Восточной Европы, Средняя Европа. Гистограммы на рис. 5 наглядно показывают явный процентный "перевес" дырчатых псалиев "степных" типов в пользу Центрального варианта протомеотских памятников по сравнению с регионом Степи и остальным Северным Кавказом. Концентрация на небольшом участке этих псалиев позволяет сделать предположение, что именно этом районе могло находиться производство псалиев "степных" дырчатых форм.

Все "степные" типы псалиев встречаются с одними теми же удилами: треугольноконечными и однокольчатыми с ложновитым рифлением.

Интересно, что ранние трехпетельчатые пластинчатые псалии тип IIА нашей классификации (Эрлих, 1991. С. 34. Рис. 2) здесь ни разу не встречены. Хотя встречаются стержневидные трехпетельчатые. В более позднее время здесь появля-

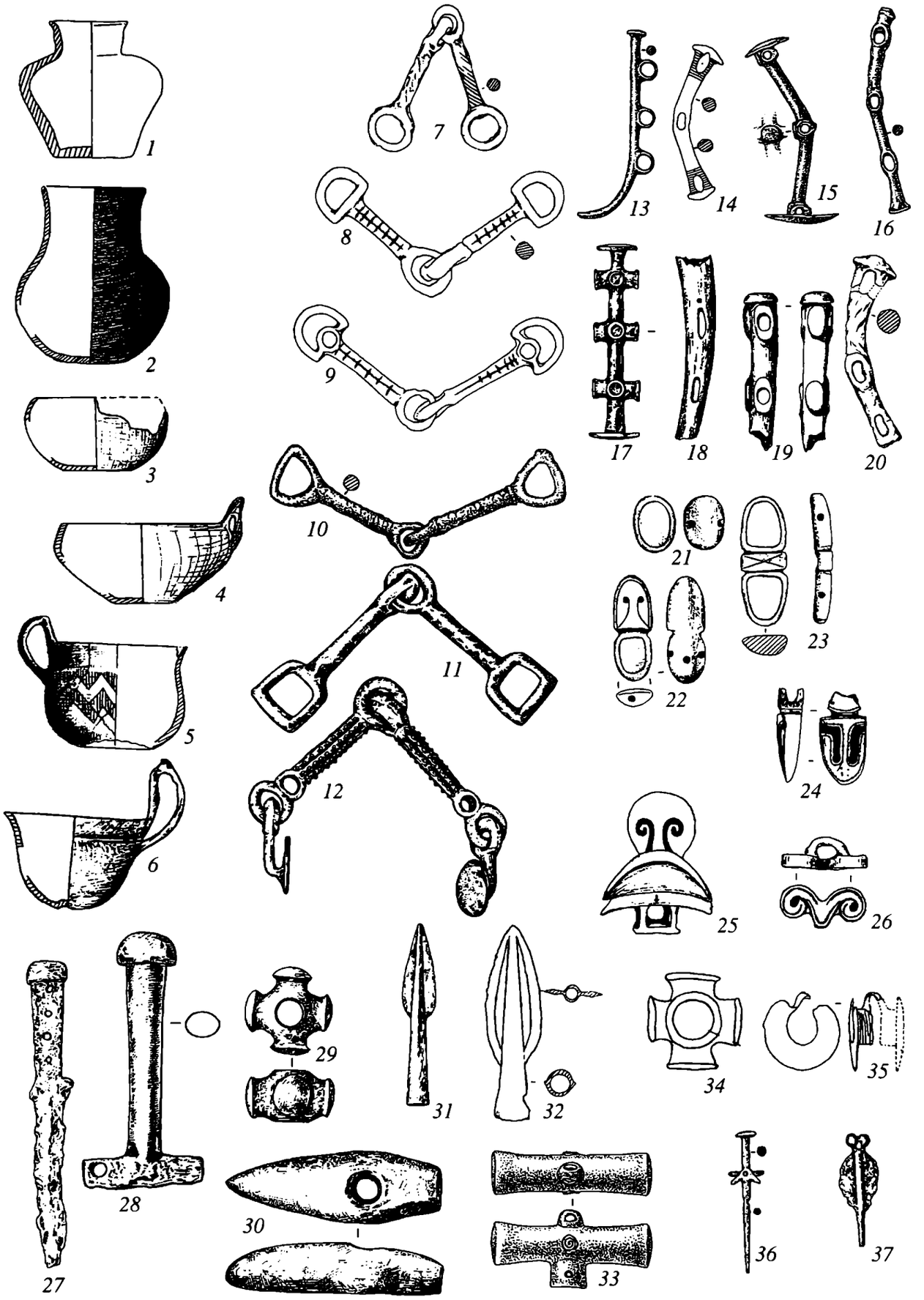

Рис. 3. Памятники Центральной (степной) группы. Основные типы. Масштаб разный. *1* – Ленинохабль (святилище) (по: Сазонов, 1995б); *2, 5, 6, 18, 24* – Николаевский мог. (по: Анфимов Н.В., 1961); *3, 4* – Кубанский мог. (по: Анфимов Н.В., 1964); *7, 8, 9, 14, 20–23, 25, 26, 32, 34, 35* – мог. Пшиш (по: Сазонов, 1995а); *11, 17, 29–31, 36, 37* – мог. Пшиш и окрестности а. Тауйхабль (разведки Л.М. Носковой, фонды ГМВ); *10, 13, 15, 16, 33* – Казазово (по: Пьянков, Тарабанов, 1997); *12, 27, 28* – Псекупский могильник (сборы, фонды ГМВ). *1–6* – глина, *7–17, 25, 26, 28, 29, 31–34, 36, 37* – бронза, *18–24* – кость, рог; *27* – железо, *30* – камень, *35* – золото.

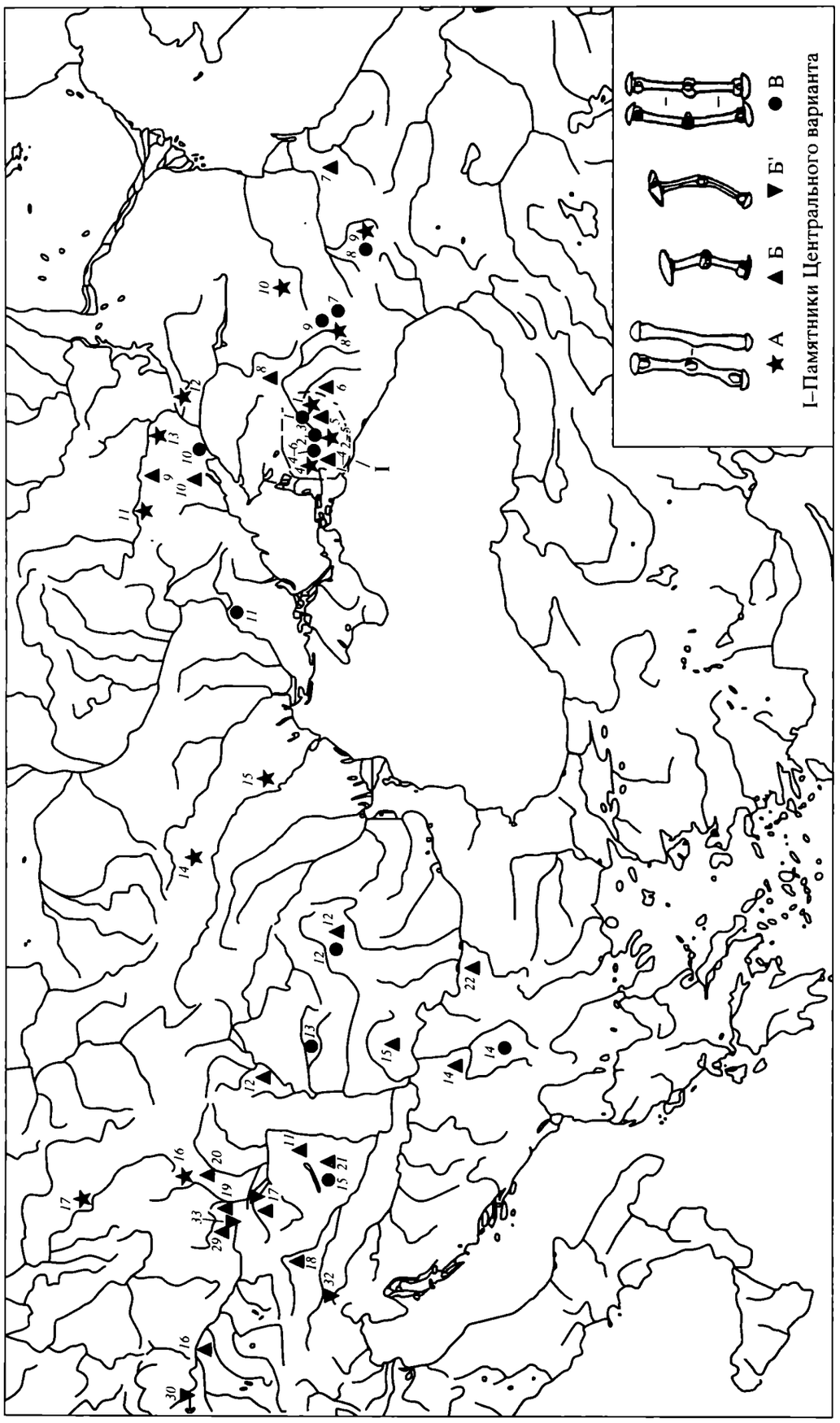

Рис. 4. Распространение псалиев "степных" типов (черногоровских, камышевахских и цимбальских) по К. Метцнер-Небельсик (Metzner-Nebelsick, 1994) с нашими дополнениями и исправлениями. А. Черногоровские. *1* – Николаевский мог.; *2* – Пшиш п. 3; *3* – Пшиш п. 83. (рог); *4* – Пшиш п. 28; *5* – Пшиш п. 61; *6* – Тауйхабль (фонды ГМВ); *7* – Казазово; *8* – Герменчик; *9* – Верхний Кобан; *10* – Дубовая роща; *11* – Черногоровка; *12* – Балабинка, к. 10, п. 13; *13* – Бирюково, к. 8, п. 2; *14* – Мощанецкий клад; *15* – Слободзея; *16* – Чернотин; *17* – Кармине.

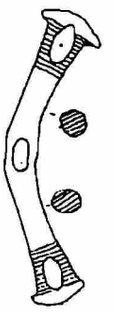
Б. *1–4* – Казазово; *5* – Пшиш п. 51; *6* – сх. Элит; *7* – Сержень-Юрт; *8* – Ильинская (Прикубанье); *9* – Камышеваха; *10* – Новочеркасск (хут. Гуров); *11* – Dinnyés; *12* – Füzesabony; *13* – Cipău; *14* – Rudovci; *15* – Mešic; *16* – Steinkirchen; *17* – Parndorf; *18* – Hohe Wand; *19* – Stillfried; *20* – Očkov; *21* – Komitat Tolna; *22* – Trojan; *23* – Хорватия; *24* – Музей Веспрем; *25, 26, 28* – Венгрия; *27* – Военный музей в Будапеште; *29* – Stockern.

Б'. Этот же тип с большой верхней кнопкой. *30* – Urach-Runder-Berg; *31* – Haslau-Regelsbrunn; *32* – Frog; *33* – Stillfried; *34* – Венгрия.

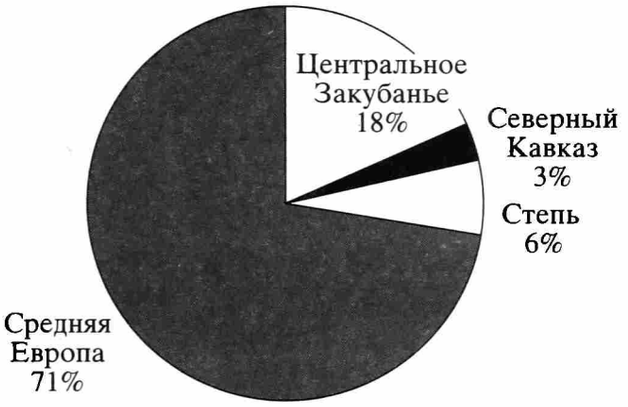
В. Цимбальские. *1* – Николаевский мог.; *2* – Пшиш сл. находка (фонды ГМВ); *3* – Пшиш сл. находка (фонды ГМВ); *4* – Псекупс сл. находка; *5* – Псекупс сл. находка; *6* – Псекупс сл. находка; *7* – Кисловодск; *8* – Кобанский мог.; *9* – Каменномостский мог.; *10* – Новочеркасский музей; *11* – М. Цимбалка; *12* – Biharugra; *13* – Cipău; *14* – Janjevo-II; *15* – "Комитат Толна".

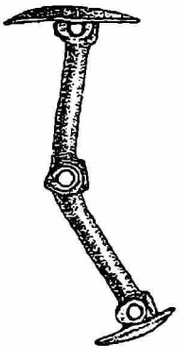
Черногоровские (по: Тереножкин, 1976) = тип XI (по: Metzner-Nebelsick, 1994)

Камышевахские (по: Тереножкин, 1976) = тип VI (по: Metzner-Nebelsick, 1994)

Цимбальские (по: Тереножкин, 1976) = тип VIII (по: Metzner-Nebelsick, 1994)

Рис. 5. Гистограмма распределения псалиев степных форм по регионам.

ются двукольчатые удила с шипастым рифлением (рис. 3, *12*) (Ловпаче, 1985. С. 43. Табл. XIV, *2*; Эрлих, 1994. Табл. 7, *10*, *11*; Тов, 1989. Рис. 3, 4, *а*), как в абинском варианте, так и с прямоугольным рифлением и "классические" новочеркасские псалии.

Среди украшений только здесь пока встречены бронзовые булавки с плоской шляпкой и четырьмя шипами крест накрест, выступающими из стержня с отверстием (рис. 3, *36*) (Ловпаче, 1985. С. 39. Табл. X, *2*; Анфимов Н.В., 1961.

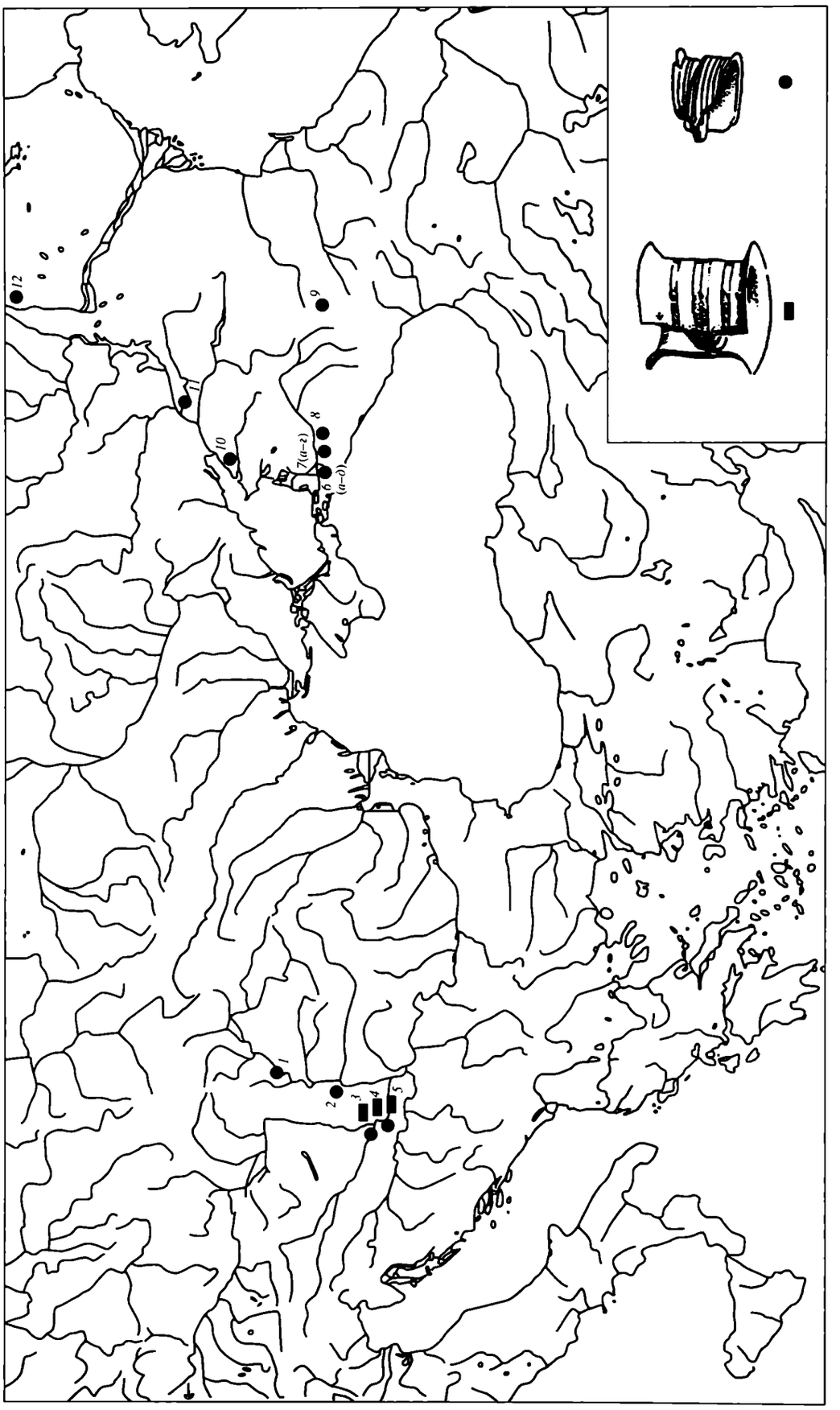

Рис. 6. Распространение подвесок Шаренградского типа (по: Metzner-Nebelsick, 1996) с нашими добавлениями и уточнениями. *1* – Sirok-Akasztómály; *2* – Szeged-Öthalom; *3* – Dalj Busija; *4* – Sarengrad; *5* – Hrtkovici-Gomolava; *6* (*а–д*) – Псекупский мог.; *7* (*а–г*) – Пшиш; *8* – Николаевский; *9* – Верхний Акбаш; *10* – Новониколаевский II; *11* – Балабинский; *12* – Фриденберг.

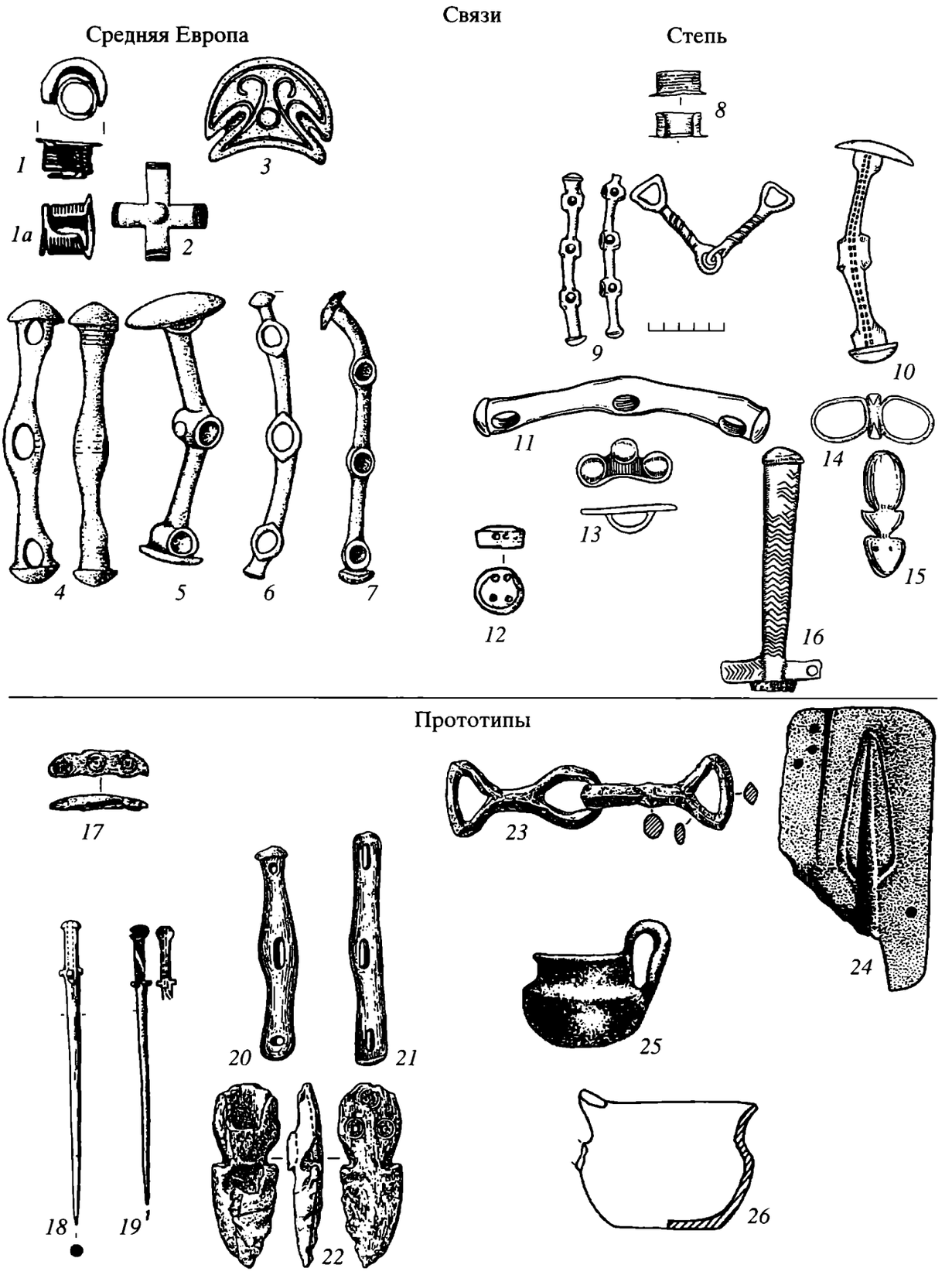

Рис. 7. Связи и прототипы центрального варианта протомеотских памятников. *1* – Seged-Öthalom; *1а* – Sirok-Akasztómaly (по: Metzner-Nebelsick, 1996); *2*, *3* – Biharugra; *4* – Černotin; *5* – Dynnyés; *6* – Adaševici; *7* – Füzesabony (по: Chochorowski, 1993); *8* – Новониколаевка II (по: Потапов, 1999); *9* – М. Цимбалка; *10* – Камышеваха; *11* – Черногоровка (по: Тереножкин, 1976); *12* – Красногоровка (по: Потапов, Бабешко, 1994); *13*, *16* – Суворово; *14* – Стрижена могила (по: Тереножкин, 1976); *15* – Жирноклеевка – (по: Смирнов, 1961); *17* – Степной (по: Березанская и др., 1986); *18* – Магала (по: Смирнова, 1972); *19* – Островец (по: Балагурі, 1961); *20* – Дереивка; *21* – Усатово (по: Лесков, 1971); *22*, *23* – Гордеевка (по: Berezanskaya, Klochko, 1998); *24* – Николаев, музей (по: Березанская и др., 1986); *25* – Васильевский могильник (по: Ванчугов, 1990), *26* – пос. Красногвардейское I (по: Анфимов Н.В., Шарафутдинова Э.С., 1982).

Табл. VI, *13*). Вероятно, этот тип происходит от типа булавок с протуберанцами, характерных для культур Сабатиновки-Ноа (Petrescu-Dimbovita, 1977. Pl. 74, 49; Смирнова, 1972. С. 23. Рис. 8, *4*; Балагурі, 1971. С. 390. Рис. 111, *22*; Шарафутдинова И.Н., 1987. С. 72. Рис. 2, *10*). Встречаются также булавки типа Сукко (рис. 3, *37*), а также подвески типа Шаренград (рис. 3, *35*), которые также известны в Средней Европе. Металлографический анализ древнейших железных вещей из Кубанского и Псекупского могильника, выполненный Н.Н. Тереховой, позволяет относить их к восточноевропейской (степной) традиции – здесь пока не выявлена для предскифского времени преднамеренная цементация заготовок либо готовых изделий и термообработка, используется прием пакетирования (Терехова, Эрлих, 2000. Табл.).

Центральная группа демонстрирует устойчивые и продолжительные связи с Центральной Европой. Эти связи проявляются прежде всего в использовании сходной узды: (черногоровские, камышевахские и цимбальские псалии) типов VI, VIII и IX по Метзнер-Небельсик (Metzner-Nebelsick, 1994. S. 387, Abb. 1; S. 391, Abb. 4) (рис. 4, *4–7*). Удила с D-образным окончанием – тип 1 по Метцнер-Небельсик (Metzner-Nebelsick, 1994. S. 399. Abb. 7). Однако эти удила имеют как имитацию плетенки на грызлах (Казазово) (Пьянков, Тарабанов, 1997. С. 63. Рис. 1, *1*), так и двурядноприямоугольное рифление (Пшиш) (Сазонов, 1995а. С. 103. Рис. 6, *1*; С. 104. Рис. 7, *1*), что характерно уже для поздних "классических" новочеркасских и раннескифских удил и, по-видимому, связано влиянием Востока Евразии (см.: Вальчак, 1994. С. 132).

Кроме этого, в пределах Центрального варианта протомеотских памятников концентрируются находки подвесок типа Шаренград (10 случаев находок по данным А.А. Сазонова) (Сазонов, 1995а. С. 90) (рис. 6). На остальном Северном Кавказе они встречены лишь один раз – Верхний Акбаш в Кабардино-Балкарии (Козенкова, 1990. С. 79. Рис. 8, *30*), и трижды в степи на Нижнем Дону и в Саратовской области: Балабинка к. 10, п. 13; Новониколаевка II, к. 2, п. 7 (рис. 5, *8*) и Фриденберг, курган 1А, (Дубовская, Подобед, 1996. С. 104. Рис. 1, *1*, *2*; Потапов, 1999. С. 65. Рис. 3, *4*). Пять мест находок этих подвесок двух вариантов (больших и маленьких) имеется в Средней Европе (Šarengrad 6 сл., Dalj Busija – две находки; Szeged-Othalom (рис. 7, *1*); Sirok-Akasztymály (рис. 7, *1а*), Hrtkovci-Gomolava) (Chochorowski, 1993. S. 71, 72. Abb. 31B; S. 28. Abb. 48, *15*, *17*; S. 233. Abb. 49, *46*, *47*; Metzner-Nebelsick, 1996. S. 300. Abb. 10). Поскольку на юге Восточной Европы встречается только одни вариант этих подвесок (маленький), а в Средней Европе они имеются в двух вариантах – большие и маленькие подвески, у нас есть основания предполагать, что все-таки форма подобных подвесок попала в равнинное Закубанье из Средней Европы. В то же время следует согласиться с мнением О.Р. Дубовской и В.А. Подобеда, что в черногоровскую среду эти подвески попадают уже из Закубанья (Дубовская, Подобед, 1996. С. 105). Очевидно, что эти вещи доставлялись в степь наряду с металлической уздой.

В основе Центрального (Степного) варианта протомеотских памятников, безусловно, лежат позднебелозерские и кобяковские памятники, что наглядно демонстрируют Красногвардейское I и, особенно, Красногвардейское II поселения (Анфимов Н.В., Шарафутдинова Э.С., 1982; Шарафутдинова Э.С., 1989). К финальной бронзе относится размытое водами краснодарского водохранилища поселение Чишхо возле аула Тауйхабль[2]. Однако сложение вещевого комплекса этой группы шло более сложным путем.

К белозерскому и кобяковским типам относится, безусловно, керамический комплекс: черпаки, горшочки-кубки. В украшениях есть как кавказские типы – браслеты, так и степные (булавки с протуберанцами) типы, находящие аналогии в культуре Ноа (рис. 7, *18*, *19*). Роговые псалии восходят к степным, как правило, белозерским формам (рис. 7, *20*, *21*) (Березанская и др., 1986. С. 142. Рис. 43, *14–16*; Лесков, 1971. С. 84. Рис. 4). Интересна серия костяных и роговых изделий – шлемовидных блях, которым было посвящено специальное исследование С.Б. Вальчака, В.И. Мамонтова и А.А. Сазонова (1996. С. 23–34). Недавно возможный прототип подобных блях был найден в кургане 5/1 могильника Гордеевка в Винницкой области (рис. 7, *22*), отнесенном авторами публикации к горизонту II, синхронизирующемуся с белогрудовской культурой и датирующемуся 1300–1200 гг. (Berezanskaya, Klochko, 1998. S. 18, 19. Taf. 7, *4*). Таким образом, это лишний раз доказывает типологическую древность роговых и костяных "шлемовидных" блях по отношению к бронзовым, с которой, однако, не согласился С.В. Махортых (1999. С. 167–170).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анфимов И.Н. Древнемеотский могильник близ г. Абинска // ВАА. 1981.

Анфимов И.Н. Могильник протомеотской культуры хутора Казазово // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.

Анфимов Н.В. Отчеты о работе Адыгейской экспедиции. Николаевский могильник // Архив ИА РАН. 1958–1959. Р-1. № 2988.

Анфимов Н.В. Протомеотский могильник у с. Николаевское // СМАА. 1961. Вып. II.

[2] Материалы этого поселения хранятся в отделе археологии Государственного музея Востока, частично сборы проводились и Ел.Н. Черных (1996. С. 156, 157).

Анфимов Н.В. Отчет о раскопках Кубанского могильника // Архив ИА РАН. 1964. Р-1. № 3174.

Анфимов Н.В. Сложение меотской культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // МИА. 1971. № 177.

Анфимов Н.В. Новый памятник древнемеотской культуры – могильник у хут. Кубанского // Скифский мир. Киев, 1975.

Анфимов Н.В., Пьянков А.В. Протомеотские погребения в курганах эпохи бронзы Закубанья // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.

Анфимов Н.В., Шарафутдинова Э.С. Поселение Красногвардейское I на Кубани – новый памятник кобяковской культуры // СА. 1982. № 3.

Аптекарев А.З., Козенкова В.И. Клад эпохи поздней бронзы из Станицы Упорной (Краснодарский край) // СА. 1986. № 3.

Аханов А.А. Геленджикские подкурганные дольмены // СА. 1961а. № 1.

Аханов А.А. Древняя стоянка в Геленджике // СА. 1961б. № 3.

Балагурі Е.А. Поселения культури Ноа біля с. Острівец Івано-Франківської області // Археологія. 1961. Т. XXI.

Балагурі Е.А. Культура Ноа // Археологія Українскоі РСР. Киев, 1971.

Беглова Е.А., Орловская Л.Б., Сорокина И.А. Протомеотские древности в Закубанье // МИАР. 1997. № 1.

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.

Бжания В.В., Бжания Д.С. Древний могильник в Гагре. Сухуми, 1991.

Бочкарев В.С. Новые данные о Прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–III тыс. до н.э. Матер. конф., посв. 100-летию А.А. Иессена. СПб., 1996.

Бочкарев В.С., Трифонов В.А., Бестужев Г.А. Отчет о работе Кубанской кавказской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1982 г. // Архив ИА РАН. 1982. Р-1. № 9605, 9605а.

Вальчак С.Б. К вопросу о датировке комплекса из Черногоровского кургана // РА. 1994. № 2.

Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А. Ранние памятники черногоровского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир; М., 1996.

Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1990.

Василиненко Д.Э., Кондрашев А.В., Пьянков А.В. Археологические материалы предскифского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар, 1993.

Воронов Ю.Н., Гунба М.М. Новые памятники колхидской культуры в Абхазии // СА. 1978. № 2.

Гей А.Н. Отчет о работе Понурского отряда в 1979 г. // Архив ИА РАН. 1979. Р-1. № 11597, 11597 а, б.

Гей А.Н. Отчет о работе Абинского отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1984 г. // Архив ИА РАН. 1984. Р-1. № 11062.

Дмитриев А.В. Отчет об археологических разведках в районе г. Новороссийска и в Крымском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. 1973. Р-1. № 10757 а, б.

Дубовская О.Р. Вопросы сложения инвентарного комплекса черногоровской культуры // Археологический альманах. № 2. Донецк, 1993.

Дубовская О.Р. Об этнокультурной атрибуции "новочеркасских" погребений Северного Причерноморья // Археологический альманах. № 6. Донецк, 1997.

Дубовская О.Р., Подобед В.А. Об одном типе украшений черногоровского времени // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Матер. междунар. конф. Ч. II. Донецк, 1996.

Дударев С.Л. Северный Кавказ и ранние кочевники в предскифскую эпоху (IX–первая половина VII в. до н.э.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999.

Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. 1951. № 23.

Козенкова В.И. О границах западного варианта кобанской культуры // СА. 1981. № 3.

Козенкова В.И. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. № 3.

Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. Киев, 1996.

Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // МИА. 1971. № 177.

Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. Памятник периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М., 1999.

Ловпаче Н.Г. Могильники в устье р. Псекупс // ВАА. 1985.

Махортых С.В. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев, 1994.

Махортых С.В. О предскифских шлемовидных блях // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999.

Нехаев А.А. Отчет о раскопках в Кореновском и Выселковском районах Краснодарского края // Архив ИА РАН. 1977. Р-1. № 7551.

Новичихин А.М. Материалы первой половины I тыс. до н.э. из долины Сукко // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир; М., 1995.

Онайко Н.А. Отчет о работе за 1969 г. // Архив ИА РАН. 1969. Р-1. № 4253.

Потапов В.В. Черногоровские погребения в низовьях левого берега Дона // Донская археология. 1999. № 1.

Потапов В.В., Бабешко И.Г. Черногоровское всадническое погребение в могильнике Красногоровка-III // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 г. Вып. 12. Азов, 1994.

Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Могильник протомеотского времени Казазаво 3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // МИАР. 1997. Вып. 1.

Сазонов А.А. Отчеты об исследовании могильника Пшиш в 1991–1994 гг. // Архив ИА РАН. 1991–1994. Р-1. № 16404, 16405, 17845, 17846, 18979, 18980.

Сазонов А.А. Ранняя группа конских захоронений протомеотского могильника Пшиш I // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995а.

Сазонов А.А. Протомеотский культовый комплекс в урочище Ленинхабль на реке Пшиш // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995б.

Сазонов А.А. Относительная и абсолютная хронология протомеотского могильника Пшиш I // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX "Крупновские чтения"). Тез. докл. М., 1996.

Сазонов А.А. Могильник Чишхо: поздние протомеоты и раннескифские древности // XX юбилейные международные "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Ставрополь, 1998.

Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1.

Смирнова Г.И. Новые исследования поселения Магала // АСГЭ. 1972. № 14.

Сорокина И.А. Памятники срубной культуры Западного Предкавказья. Автореф. дис. канд. наук. М., 1987.

Сорокина И.А. О прикубанском варианте срубной культурно-исторической общности // Древности Ставрополья. М., 1989.

Сорокина И.А. Поздний период бронзового века в Западном Предкавказье // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.

Терехова Н.Н., Эрлих В.Р. Древнейший черный металл на Северо-Западном Кавказе // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Тешев М.К. Могильник Псыбе – новый памятник поздней бронзы на Северном Кавказе // СА. 1983. № 4.

Тов А.А. Протомеотский могильник Чишхо близ аула Тауйхабль в Теучежском районе // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.

Черных Ел.Н. Новые памятники бронзы в Закубанье // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX "Крупновские чтения"). Тез. докл. М., 1996.

Шарафутдинова И.Н. Бронзовые украшения сабатиновской культуры (К вопросу о контактах) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1987.

Шарафутдинова Э.С. Двуслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы–начала раннего железа // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 1989.

Шарафутдинова Э.С. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991а.

Шарафутдинова Э.С. Памятники эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону и степном Прикубанье // СА. 1991б. № 1.

Шарафутдинова Э.С. О социальной градации в протомеотском погребальном обряде // КСИА. 1991в. Вып. 203.

Шарафутдинова Э.С. Новые памятники эпохи средней и поздней бронзы Северо-Западного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. Матер. конф. посв. 100-летию А.А. Иессена. СПб., 1996.

Эрлих В.Р. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.

Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.

Berezanskaya S.S., Klochko V.I. Das Gräberfeld von Hordeevka // Archäologie in Eurasien. Bd. 5. Berlin, 1998.

Chochorowski J. Ekspansja kimmeryska na tereny Europy Srodkowej. Kraków, 1993.

Metzner-Nebelsick C. Die früheisenzeitliche Trensentwicklung zwischen Kaukasus und Mitteleuropa // Regensburger Beiträge zur Prähistorischen Archäologie. Bd. 1. Regensburg, 1994.

Metzner-Nebelsick C. Die Urnfelder- und Hallstattzeit in Südostpannonien – eine Region im Spannungfeld zwichen Osthallststtkreis, karpatenländish-balkanisher Eisenziet und Steppenkultur // Die Osthallatattkultur. Akten des Internationalen Symposiums. Budapesht, 1996.

Petrescu-Dimbovita M. Depozitele de bronzuri din România. Bucuresti, 1977.

Picchelauri K. Waffen der Bronzenzait aus Ost-Georgian // Archäologie in Eurasien. Bd. 4. Berlin, 1996.

Snodgrass A. Iron and Early Metallurgy in Mediterranean // The Coming of the Age of Iron. New Haven; London, 1980.

Waldbaum J. From Bronze to Iron. Göteborg, 1978.

Transition from the Bronze to the Iron Age in the North-West Caucasus (Raising a Problem). Part I.

V. R. Erlikh

Summary

The article is devoted to the problem of transition from the Bronze Age to the Early Iron Age in the North Caucasus. The period under investigation is represented here by the group of so-called proto-Meotian sites that is not considered by the author a single archaeological culture. Three local variants of the said cultural group are outlined: Abinsk-Pontic, central (or steppe), and piedmont ones. The sites of the first type are characterised by unstable burial rite; the monuments of Pontic type may be singled out clearly among them. The sites of the central (steppe) variant are situated along the Kuban' river's left bank, starting from the point opposite to Krasnodar up to the Laba river estuary. These sites represented the basic region of manufacturing horse-bridle of Chernogorovo-Kamyshevakha type, spread all over the southern part of Eastern Europe. The thesis is confirmed by strong concentration of cheek-pieces with openings within relatively small region (Fig. 4).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 3, с. 39–45

О НАСЕЛЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ СКИФИИ
(по антропологическим материалам могильника Мамай-Гора)

© 2002 г. Л. В. Литвинова

Институт археологии НАН Украины, Киев

Вопросы, связанные с происхождением скифских племен, их составом, соотношением лесостепных и степных групп, существованием непрерывной генетической линии от ранних до поздних скифов до сих пор остаются дискуссионными. Их решение во многом зависит от количества и качества палеоантропологического материала. Последнее время исследователи предпочитают анализировать краниологические серии из отдельных могильников, поэтому появление таких материалов актуально сегодня. Ввод в научный оборот новых серий из могильников Лесостепи и Степи и широкое применение методов многомерной статистики позволит более объективно осветить эти проблемы. Многолетнее планомерное исследование крупнейшего курганного могильника Европейской Скифии Мамай-Гора позволило собрать значительную палеоантропологическую коллекцию. Могильник Мамай-Гора находится у с. В. Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской области. Географически он занимает центральное положение среди памятников Причерноморской Скифии, находится в непосредственной близости с Каменским городищем и расположен почти на равном расстоянии от курганных полей Солохи и Чертомлыка. Исследования могильника начаты в 1988 г. сотрудниками Запорожского государственного университета Г.Н. Тощевым и С.И. Андрух и продолжаются в настоящее время. По площади и количеству захоронений курганный могильник Мамай-Гора является одним из крупнейших в Евразийском степном поясе. С помощью аэро- и топосъемки установлено, что площадь могильника достигает 30 га, на которых расположено более 200 насыпей. В 1988–1999 гг. исследовано 335 скифских погребений из 161 кургана. Общее количество находок из могильника Мамай-Гора превышает 3000 единиц и состоит из наступательного и защитного вооружения, украшений и предметов туалета, местной и импортной керамики, деревянных подносов и чаш ритуального и бытового назначения, орудий труда. Размеры погребальных конструкций, а также состав и количество инвентаря свидетельствуют о том, что могильник Мамай-Гора принадлежал рядовому населению Скифии. Исследователи датируют памятник V–IV вв. до н.э. (Андрух, Тощев, 1999; Андрух, 2000). Палеоантропологический материал из могильника исследован частично, проведен предварительный анализ мужской серии из раскопок 1988–1991 гг. (Литвинова, 1999а). Краниологическая серия состоит из 19 черепов (табл. 1) и характеризуется умеренной долихокранией (черепной указатель 74.1), мозговой отдел черепа имеет большую величину продольного и среднюю поперечного диаметра. Высотный диаметр от базиона большой, высотно-продольный указатель характеризует черепа как высокие, лоб среднеширокий и умеренно покатый. Лицо имеет среднюю высоту и ширину, орбиты низкие и среднеширокие, по указателю мезокранные, нос имеет средние размеры, по указателю мезоринный, выступание носовых костей и переносья значительное. Вертикальный профиль лицевого отдела ортогнатный, лицо хорошо профилировано в горизонтальной плоскости на верхнем и среднем уровне. Величины квадратического отклонения показывают, что их значения для большинства краниологических признаков завышены или занижены в сравнении со стандартными (Алексеев, Дебец, 1964), что свидетельствует о неоднородности серии из могильника Мамай-Гора.

Для более детального внутригруппового исследования был применен факторный анализ, одна из его моделей – метод главных факторов (МГФ) (Дерябин, 1983), выполнен на основе пакета программ "Systat" версия 5.0 при помощи и непосредственном участии сотрудника ИА НАН Украины А.Н. Петрашенко. Анализ проведен по 14 краниологическим признакам. Морфологические различия между черепами можно проследить на основании значений факторных нагрузок и определить признаки, играющие первостепенную роль в разграничении морфологических типов. По первому фактору наибольшие нагрузки отмечены для следующих признаков: продольный диаметр, ширина лба, ширина и высота лица, высота орбиты и носа, симотическая ширина, по второму фактору – высота свода черепа, указатели носа и орбиты, по третьему фактору наибольшие нагрузки приходятся на ширину черепа и лица, углы горизонтальной профилировки лица.

Таблица 1. Средние размеры мужских черепов

Признаки по Мартину и др.	N	min	max	M	S
1. Продольный диаметр	15	177.0	201.0	188.6	7.26
8. Поперечный диаметр	15	130.0	148.0	139.7	5.31
17. Высотный диаметр /basion-bregma/	11	130.0	144.0	137.1	4.06
20. Высотный диаметр /porion-bregma/	12	108.5	120.8	116.0	3.16
5. Длина основания черепа	11	100.0	112.0	104.8	3.92
9. Наименьшая ширина лба	19	91.0	103.0	97.1	4.03
12. Ширина затылка	11	105.0	126.0	113.5	6.42
45. Скуловой диаметр	15	125.0	142.0	134	4.34
40. Длина основания лица	10	97.0	104.0	101.1	2.51
48. Верхняя высота лица	16	62.0	80.0	69.3	4.86
55. Высота носа	17	47.0	55.0	51.2	2.7
54. Ширина носа	16	22.0	29.0	24.5	1.63
51. Ширина орбиты /maxillofrontale/	16	40.0	46.0	42.6	1.79
52. Высота орбиты	16	30.0	40.0	33.1	2.57
77. Назомалярный угол	16	134.0	144.5	138.3	3.41
Zm. Зигомаксиллярный угол	15	118.0	139.0	129.1	5.20
SC. Симотическая ширина	16	7.0	10.0	8.3	1.0
SS. Симотическая высота	16	3.0	8.0	4.9	1.18
DC. Дакриальная ширина	15	15.0	25.0	21.0	3.03
DS. Дакриальная высота	15	8.0	17.0	13.4	2.36
32. Угол профиля лба /nasion/	11	75.0	91.0	83.9	5.22
72. Общий лицевой угол	10	82.0	92.0	87.2	2.82
75(1). Угол выступания носа	8	23.0	42.0	31.8	6.41
8:1. Черепной указатель	14	67.5	77.9	74.1	3.10
48:45. Верхне-лицевой указатель	14	46.2	57.1	51.3	3.46
48:17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	10	44.2	58.8	49.6	4.09
52:51. Орбитный указатель /maxillofrontale/	16	68.6	88.8	77.7	5.10
54:55. Носовой указатель	16	42.5	53.7	48.1	3.87
SS:SC. Симотический указатель	16	40.0	100.0	60.0	15.97
DS:DC. Дакриальный указатель	15	45.0	88.8	63.6	13.47

По результатам факторного анализа черепа в серии разграничиваются на 2 морфологических типа (табл. 2).

Первый тип характеризуется мезокранией, более длинной формой мозговой коробки, большей высотой черепного свода, более широким лбом и лицом, большей высотой лица, узким носом, средними орбитами, умеренной горизонтальной профилировкой на верхнем уровне и хорошей на среднем, значительным выступанием переносья и носовых костей. Второй тип умеренно долихокранный, со средним продольным и малым поперечным диаметрами, высота свода средняя, лоб узкий, лицо у́же и ниже, орбиты низкие, нос средний, горизонтальная профилировка лица умеренная на верхнем и среднем уровне, выступание носа среднее. Таким образом, результаты внутригруппового анализа свидетельствуют о наличии среди населения, оставившего могильник Мамай-Гора двух морфологических типов. Первый морфотип, по результатам кластерного анализа, имеет сходство со степными скифскими сериями Гайманово поле, Никополь, Широкое, Каменка Днепровская, Каховка, Михайловка, Николаевка, Северо-Западное Причерноморье. Второй морфологический тип указывает на близость с сериями культуры многоваликовой керамики Нижнего Поднепровья (сборная), срубной культуры Степного Левобережья Днепра (сборная), из Кривой Луки, Ясыра, а также некоторыми сериями лесостепи скифского времени: Сейминская, Посульская группа, Триполье (сборная).

Для сравнительного анализа привлечены краниологические серии, представленные в табл. 3.

Межгрупповой анализ проводили несколькими статистическими методами: методом главных компонент (МГК), факторным и кластерным анализом (Дерябин, 1983. С. 36, 67, 151–198; Хартанович, Чистов, 1984. С. 74–106), а также подсчитан коэффициент Пенроза, характеризующий расстояние между отдельными сериями черепов (Penrose, 1954; Knussmann, 1967). Для методов многомерной статистики использован пакет программ Systat (версия 5.0).

Сначала рассмотрим антропологический состав населения лесостепных и степных групп Европейской Скифии, а затем обратимся к морфологическим типам и истокам их формирования. Лесостепное население представлено ранее опубликованными и новыми краниологическими сериями Правобережной и Левобережной части Поднепровья. Суммарная серия из лесостепи (Кондукторова, 1972; Konduktorova, 1974) была дополнена материалами, хранившимися в Музее антропологии МГУ и разбита на отдельные локальные выборки С.Г. Ефимовой (2000. С. 39–44): сейминская (Марица), посульская (Аксютинцы, Волковцы, Броварцы) и ворсклинская (Бельск, Черемушна) группы, левобережная бориспольская группа (Мирное, Трахтемировское), правобережно-днепровская группа (Триполье, Бурты, Богдановка), днестровско-побужская серия (Куриловка, Показовое, Непоротово, Лука-Врублевецкая), а также две краниологические серии из Правобережной Лесостепи: Медвин, опубликованная Г.П. Зиневич (1985. С. 68–72) и дополненная С.И. Круц (1997. С. 91–106) и Светловодск (Круц, 1997. С. 91–106). Краниологическая серия из могильника Светловодск и территориально и морфологически, по результатам нескольких сравнительных анализов, оказалась близка к степным скифским сериям, поэтому далее она будет рассматриваться в общем массиве степных групп населения. Итак, в настоящее время насчитывается семь краниологических серий из Лесостепи. Бориспольская серия (Круц, 1997) опубликована по короткой программе, что не позволяет привлечь ее для межгруппового анализа. Она состоит из трех черепов, характеризуется мезокранией, широким и высоким лицом, горизонтальная профилировка лица ослаблена на верхнем уровне. Были подсчитаны коэффициенты Пенроза и выяснилось, что Бориспольская группа морфологически далека как от лесостепных и степных серий скифского времени, так и от серий позднего бронзового века – имеются в виду серии КМК (культуры многоваликовой керамики), срубной, ноа и белозерской культур. Неоднородный состав населения Лесостепи отмечает С.И. Круц, считая, что правобережные группы отличаются от левобережных и выделяет несколько морфологических типов. Для

Таблица 2

Признаки по Мартину и др.	N	M	N	M
	1 морфотип		2 морфотип	
1.	3	191.3	3	181.7
8.	3	144.0	3	135.3
17.	3	137.3	3	135.7
9.	3	97.0	3	93.3
45.	3	134.7	3	130.7
48.	3	68.0	3	65.7
77.	3	141.7	3	141.7
ZM.	3	127.7	3	133.3
SC.	3	8.7	3	7.3
SS.	3	6.3	3	5.0
75(1).	3	31.0	3	28.0
52:51.	3	78.0	3	75.4
54:55.	3	45.6	3	47.6
DS:DC.	3	75.0	3	60.1

Правобережной Лесостепи характерен долихокранный, узколицый (Медвин, Стеблев) и мезокранный широколицый (Мотронинское городище), промежуточный морфотип: мезокранный, лицо среднеширокое и высокое, нос средневыступающий, серия неоднородна (Светловодск). Левобережные группы характеризуются мезокранией, широким и высоким лицом, слабо профилированным в верхней части и хорошо профилированным на среднем уровне (Бориспольская группа, Бубновая Слободка и Гладковщина) (Круц, 1997. С. 91–106). Расширив массив лесостепных групп, С.Г. Ефимова пришла к выводу о сходстве сейминской, посульской, ворсклинской групп и правобережных серий из Медвина и сборной (Триполье, Бурты, Богдановка). Зональный характер сходства подтверждается сопоставлением со степными сериями (Ефимова, 2000).

Население Лесостепи и Степи представлено различными морфологическими типами (Зіневич, 1985; Ефимова, 1999; 2000; Круц, 1997). Лесостепные группы имеют длинный и узкий череп, менее крупное и хорошо профилированное лицо; степные группы характеризуются широким и коротким черепом, более широким и умеренно профилированным лицом, более высокими орбитами. Однако отмеченные зональные морфологические отличия лесостепных и степных групп не исключают биологического единства населения, которое сформировалось еще в эпоху бронзы (Алексеев, 1989. С. 206–241; Ефимова, 1999. С. 279–306; 2000. С. 39–44).

Итак, сравнительный массив состоит из 21 краниологической серии из степной и лесостепной зоны Европейской Скифии. Факторный и клас-

Таблица 3

№ п/п	Краниологическая серия	Культура	Автор и год публикации
1	Калфа	КМК	Великанова М.С., 1975
2	Нижнее Поднепровье	КМК	Круц С.И., 1984
3	Кривая Лука	срубная	Шевченко А.В., 1986
4	Ясыр	срубная	Шевченко А.В., 1986
5	Степное Левобережье Днепра	срубная	Круц С.И., 1984
6	Степной Крым	срубная	Дяченко В.Д., Покас П.М., 1986
7	Бедражи	ноа	Великанова М.С., 1975
8	Широкое	белозерская	Зіневич Г.П., Круц С., 1968
9	Сейминская группа	скифское время	Ефимова С.Г., 2000
10	Посульская группа	скифское время	Дебец Г.Ф., 1948; Кондукторова Т.С., 1972, Konduktorova, 1974
11	Ворсклинская группа	скифское время	Кондукторова Т.С., 1972, 1974; Ефимова С.Г., 2000
12	Триполье, Бурты, Богдановка	скифское время	Дебец Г.Ф., 1948; Кондукторова Т.С., 1972, Konduktorova, 1974
13	Медвин	скифское время	Зіневич Г.П., 1985; Круц С.І., 1997
14	Светловодск	скифское время	Круц С.И., 1997
15	Днестровско-Побужская	скифское время	Кондукторова Т.С., 1972, Konduktorova, 1974; Ефимова С.Г., 2000
16	Луговая могила	скифская	Konduktorova T.S., 1974
17	Михайловка	скифская	Konduktorova T.S., 1974
18	Кут, Калиновка	скифская	Konduktorova T.S., 1974
19	Никополь	скифская	Дебец Г.Ф., 1948; Зиневич Г.П., 1967; Кондукторова Т.С., 1972
20	Каховка	скифская	Круц С.И., 1997
21	Широкое	скифская	Круц С.И., 1987, 1997
22	Гайманово поле	скифская	Ефимова С.Г., 2000; Круц С.И. (в печати)
23	Каменка-Днепровская	скифская	Круц С.И. (в печати)
24	Мамай Гора	скифская	Литвинова Л.В., 1999
25	Николаевка	скифская	Великанова М.С., 1975
26	Северо-Западное Причерноморье	скифская	Литвинова Л.В., 1994
27	Астанино, Зеленый Яр, Кирово	скифская	Круц С.И., 1970
28	Ак-Таш	скифская	Покас П.М. и др., 1988
29	Фронтовое-1	скифская	Круц С.И., 1989

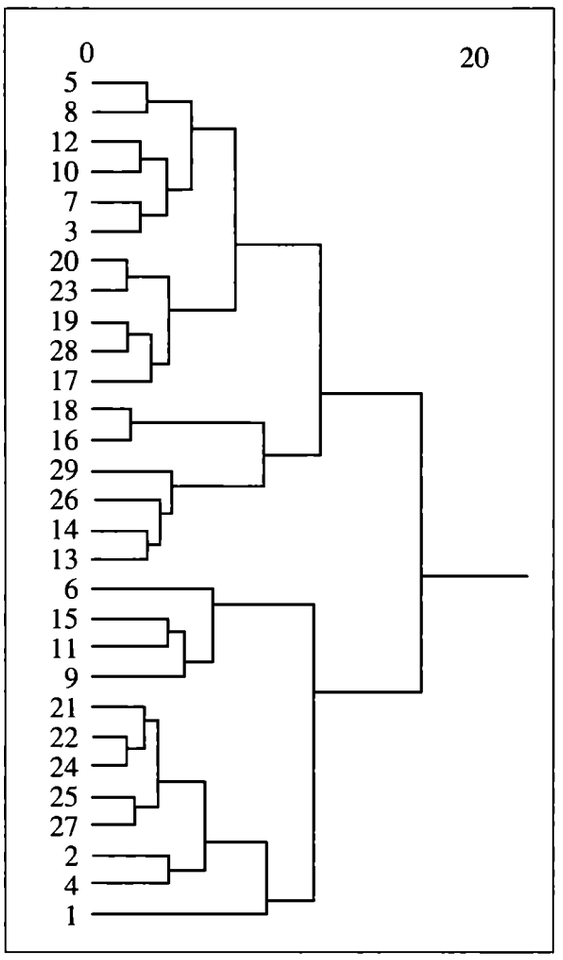
терный анализы позволили определить признаки, дифференцирующие группы, и выделить морфологические типы, проследить сходство и различие населения Скифии. Лесостепные группы скифского времени выделились отдельно и распределились на дендрограмме двумя скоплениями: 1 – Сейминская группа, Ворсклинская группа, Днестровско-Побужская серия; 2 – Посульская группа, Триполье (сборная серия), Медвин. В целом, они характеризуются долихокранией, большим продольным и малым поперечным диаметрами, среднешироким и средневысоким лицом, значительной горизонтальной профилировкой, высоким переносьем. Представленные лесостепные группы отличаются по нескольким признакам: высоте черепного свода, орбитному указателю и углу выступания носовых костей. Сейминская, Ворсклинская и Днестровско-Побужская группы отличаются более низким черепным сводом и небольшим углом выступания носа. Сравнительный анализ по формуле Пенроза показал значительное морфологическое сходство между сериями Медвин, Триполье (сборная серия) и Посульская группа (суммарное расстояние от 0.076 до 0.134). В то же время отмечено большое сходство с Сейминской, Ворсклинской и Днестровско-Побужской серией (суммарное расстояние от 0.112 до 0.356). Несмотря на то что наблюдается сходство краниологических серий Лесостепи, однако все же следует отметить наличие двух морфологических вариантов среди лесостепных групп скифского времени.

Результаты межгруппового анализа серий эпохи бронзы (КМК, срубная, ноа и белозерская культура), лесостепных и степных групп скифского

времени представлены на рисунке. В сравнительном анализе использованы данные 29 краниологических серий с территории Украины, Крыма, Молдовы и России. Исследование проводилось по 14 краниологическим признакам: продольный, поперечный и высотный диаметры, ширина лба, ширина и высота лица, орбитный и дакриальный указатель, симотическая высота и ширина, угол выступания носа, назомалярный и зигомаксиллярный угол. Параллельно проводился анализ с меньшим количеством признаков, но с большим количеством серий, и в тех случаях, где проявлялась одна и та же тенденция, учитывались результаты сравнения. Так, например, лесостепные группы скифского времени морфологически близки с серией Широкое белозерской культуры, однако опубликовано еще несколько серий этой культуры Чернянка (Круц, 1984) и Каиры (Литвинова, Рудич, 1994. С. 110, 111). Эти материалы также имеют некоторое сходство с лесостепными сериями Медвин и Ворсклинская группа.

По результатам кластерного анализа (рисунок) лесостепные серии Посульская и Триполье (сборная) сближаются с сериями срубной культуры: Степное Левобережье Днепра (сборная серия) (Круц, 1984), Кривая Лука (Астраханская обл.) и Ясыр (Нижнее Подонье) (Шевченко, 1986), культуры ноа Бедражи (Великанова, 1975) и белозерской культуры Широкое (Зіневич, Круц, 1968). Ворсклинская, Сейминская и Днестровско-Побужская серии близки к сборной серии Степного Крыма срубной культуры. Результаты анализа, проведенного по формуле Пенроза, свидетельствуют о том, что лесостепные группы скифского времени имеют значительное морфологическое сходство с перечисленными сериями эпохи бронзы (суммарное расстояние не более 0.200). Оценить влияние лесостепных групп эпохи бронзы на формирование антропологического типа населения скифского времени пока не представляется возможным. Единственная серия комаровско-тшинецкой культуры с территории Украины из Войцеховского могильника, исследованная Т.С. Кондукторовой, состоит из трех черепов плохой сохранности. Один череп резко долихокранный, один мезокранный, размеры лицевого отдела небольшие, орбиты невысокие, нос узкий, профилировка лица в горизонтальной плоскости выражена значительно (Кондукторова, 1979). Пока еще нет оснований говорить о влиянии населения этой культуры на сложение антропологического типа лесостепного населения скифского времени.

Население Лесостепи скифского времени характеризуется неоднородностью и наличием двух морфологических типов в его составе. Эти отличия имеют скорее всего зональный характер, так как единственная представительная серия Лесостепи из могильника Медвин достаточно однородна (Зіневич, 1985. С. 71). Прослеживается зна-

Результаты кластерного анализа.

Условные обозначения: *1* – Калфа; *2* – Нижнее Поднепровье; *3* – Кривая Лука; *4* – Ясыр; *5* – Степное Левобережье Днепра; *6* – Степной Крым; *7* – Бедражи; *8* – Широкое; *9* – Сейминская группа; *10* – Посульская группа; *11* – Ворсклинская группа; *12* – Триполье, Бурты, Богдановка; *13* – Медвин; *14* – Светловодск; *15* – Днестровско-Побужская; *16* – Луговая могила; *17* – Михайловка; *18* – Кут, Калиновка; *19* – Никополь; *20* – Каховка; *21* – Широкое; *22* – Гайманово поле; *23* – Каменка-Днепровская; *24* – Мамай-Гора; *25* – Николаевка; *26* – Северо-Западное Причерноморье; *27* – Астанино, Зеленый Яр, Кирово; *28* – Ак-Таш; *29* – Фронтовое-1.

чительное влияние степного населения эпохи бронзы – КМК, срубной, ноа и белозерской культур на формирование антропологического типа населения Лесостепи скифского времени.

Для исследования степного населения скифской культуры привлечено 15 краниологических серий (см. таблица 3). Сначала был проведен анализ степных и лесостепных групп скифского времени (21 краниологическая серия, 14 признаков) для того, чтобы выделить морфологические типы среди населения этого времени, затем привлечены степные группы эпохи бронзы (8 краниологических серий). Исследование степных групп скифской культуры методом главных компонент и

кластерным анализом показывает наличие нескольких морфологических типов, отличающихся по ряду признаков: черепной указатель, высота свода черепа, высота и ширина лица, дакриальный и симотический указатель, назомалярный угол, угол выступания носа. Степные серии скифской культуры распределились на пять скоплений, по каждому из них были подсчитаны средние данные. Полученные результаты, очевидно, отражают многообразие морфологических типов среди населения степной Скифии, на что и ранее обращали внимание исследователи (Великанова, 1975; Кондукторова, 1972; Круц, 1997). Среди общего массива скифов Степи значительно выделяются серии Светловодск, Фронтовое-1, Северо-Западное Причерноморье (сборная). Две из них – Светловодск и Фронтовое-1 – мезокранны, в общем, эти три серии характеризуются средним выступанием переносья и носовых костей, угол выступания носа средний, несколько ослаблена горизонтальная профилировка лица на верхнем уровне. Несколько иной морфологический комплекс присущ сериям Кут, Калиновка и Луговая могила. Они характеризуются резкой мезокранией (черепной указатель 77.0 и 78 соответственно) и низким сводом черепа (высотный диаметр от базион находится в пределах малых величин). Остальные скифские группы разделились на три скопления: 1 – Михайловка, Ак-Таш, Никополь; 2 – Астанино, Зеленый Яр, Кирово (сборная), Каменка-Днепровская, Гайманово поле; 3 – Широкое, Николаевка, Мамай-Гора. Между этими группами существуют некоторые различия по форме черепной коробки, высоте и ширине лица, указателям выступания носовых костей и переносья и назомалярному углу. Несмотря на то что по многим краниологическим признакам скифские серии Степи похожи, все же между ними существуют значительные различия по очень важным диагностическим признакам. Сравнение степных групп скифской культуры с сериями предшествующих эпох свидетельствует о сходстве ряда скифских серий – Широкое, Гайманово поле, Мамай-Гора, Николаевка, Астанино, Зеленый Яр, Кирово с сериями культуры многоваликовой керамики Калфа, Нижнее Поднепровье (сборная), срубной культуры Ясыр. Эти степные серии, по коэффициенту Пенроза, значительно близки к сериям культуры многоваликовой керамики, срубной и белозерской из Нижнего Поднепровья (суммарное расстояние между ними не превышает 0.250). Межгрупповой анализ скифских серий Степи, проведеный несколькими методами, показывает, что население Европейской Скифии было неоднородным. При определенном сходстве морфологических черт в его составе прослеживается наличие разных типов, различающихся по важным диагностическим признакам. Отмечено значительное влияние степных групп эпохи бронзы: культуры многоваликовой керамики, срубной и белозерской с территории Нижнего Поднепровья на формирование антропологического типа населения Степи. Связь с сериями эпохи бронзы с других территорий (Молдова, Россия) несколько ослаблена, однако в некоторых случаях довольно значительная.

Населению Степи и Лесостепи в скифское время присущи черты различных морфологических типов, тесно связанные с населением предшествующего времени (эпохи бронзы), что неоднократно подчеркивалось рядом исследователей. Идею автохтонного происхождения скифов поддерживали многие антропологи Г.Ф. Дебец (1948; 1971), Т.С. Кондукторова (1972), В.П. Алексеев (1989), С.Г. Ефимова (1999), Л.Т. Яблонский (2000). Исследование новых материалов еще раз подтверждает точку зрения об автохтонном происхождении населения в скифское время и формировании его на основе населения КМК, срубной и белозерской культур как с территории причерноморской степи, так и с территории западных и восточных регионов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.

Андрух С.И. Могильник Мамай-Гора в Нижнем Поднепровье // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Кн. 1. Запорожье, 1999.

Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М., 1975.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР // Труды Института этнографии АН СССР. Новая сер. Т. 4. М.; Л., 1948.

Дебец Г.Ф. О физических типах людей скифского времени // МИА. 1971. № 177.

Дерябин В.Е. Многомерная биометрия для антропологов. М., 1983.

Дяченко В.Д., Покас П.М. До антропології населення Північного Криму в епоху бронзи // Археологія. 1986. Вип. 53.

Ефимова С.Г. Население Восточной Европы в эпоху железа и позднеримское время // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М., 1999.

Ефимова С.Г. Соотношение лесостепных и степных групп Европейской Скифии по данным краниологии // Скифы и сарматы в VI–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Зиневич Г.П. Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967.

Зіневич Г.П. Антропологічні дослідження медвинських курганів ранньоскіфського періоду // Археологія. 1985. № 52.

Зіневич Г.П., Круц С.І. Антропологічна характеристика давнього населення території України (За матеріалами експедицій 1961–1963 рр.). Київ, 1968.

Кондукторова Т.С. Антропология древнего населения Украины. М., 1972.

Кондукторова Т.С. Антропологический тип людей комаровско-тшинецкой культуры Украины // ВА. 1979. Вып. 62.

Круц С.И. Черепа из скифских погребений Керченской экспедиции 1964–1967 гг. // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.

Круц С.И. Палеоантропологические исследования Степного Приднепровья. Киев, 1984.

Круц С.И. О формировании физического типа скифов Северного Причерноморья (по материалам Широчанского могильника) // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Всесоюзного семинара, посв. памяти А.И. Тереножкина. Ч. 1. Кировоград, 1987.

Круц С.И. К вопросу об этнической принадлежности населения Керченского полуострова в скифское время (по антропологическим данным) // Проблеми історії та археології давнього населення України РСР. Тези доповідей XX Республіканської конференції (Одеса, жовтень 1989 р.). Київ, 1989.

Круц С.И. Антропология Стеблевского могильника (к вопросу о физическом типе населения лесостепи в скифское время) // Скорый С.А. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев, 1997.

Круц С.И. Степные скифы по антропологическим данным (в печати).

Литвинова Л.В. Антропологические материалы скифской культуры из Северо-Западного Причерноморья // Ольвия – 200. Тез. докл. междунар. конф., посв. двухсотлетию археологического открытия Ольвии (5–9 сентября 1994 г., с. Парутино). Николаев, 1994.

Литвинова Л.В. Антропологический материал из могильника Мамай-Гора // Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Кн. 1. Запорожье, 1999а.

Литвинова Л.В. Население скифской культуры IV–III вв. до н.э. (по материалам могильника Мамай-Гора) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н. Гракова). Запорожье, 1999б.

Литвинова Л.В., Рудич Т.А. Новые материалы к антропологии позднего бронзового века Украины // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. междунар. конф., посв. 95-летию со дня рожд. проф. Б.Н. Гракова. Ч. 2. Запорожье, 1994.

Покас П.М., Назарова Т.А., Дяченко В.Д. Материалы по антропологии Акташского могильника // Бессонова С.С., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев, 1988.

Хартанович В.И., Чистов Ю.К. Антропологический состав средневекового населения Ижорского плато (применение двух моделей факторного анализа в краниологическом исследовании) // Проблемы антропологии древнего и современного населения Севера Евразии. Л., 1984.

Шевченко А.В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986.

Яблонский Л.Т. О происхождении скифской культуры Причерноморья по данным современной палеоантропологии // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М., 2000.

Knussmann R. Penrose. Abstand und Diskriminanzanalyse // Homo. 1967. Bd. XVIII.

Konduktorova T.S. The ancient population of the Ukraine // Anthropologie. 1974. V. XII, 1, 2.

Penrose L. Distance, size and shape // Annales of eugenics. 1954. V. 18.

On the Population of European Scythia (According to the Material from Mamai Gora Cemetery)

L. V. Litvinova

Summary

Palaeoanthropological material from the kurgan cemetery of Mamai Gora attributed to Scythian culture is considered in the publication. The study of craniological series structure within the population groups evidences heterogeneous character of the population that left the necropolis. Two morphological types have been outlined; the first one shows much similarity to the Bronze Age series (bolstered pottery culture, timber-grave, Noua, and Belozerka cultures) and to those from the forest-steppe zone dated to the Scythian epoch. Another morphological type displays similarity to the steppe series dated from the Scythian period. In the period in question the population of steppe and forest-steppe zones is characterised by their heterogeneous nature and different morphological variants present. The influence of steppe population of the Bronze Age is observed upon formation of anthropological type characteristic of steppe and forest-steppe in the Scythian epoch.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 3, с. 46–58

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ЗДАНИЙ ОЛЬВИЙСКОГО ТЕМЕНОСА

© 2001 г. В. П. Яйленко

Московский государственный горный университет

С третьей четверти VI и до разгрома в середине I в. до н.э. в Ольвии почитался Аполлон Дельфиний – до конца V в. главное божество полиса. Становление Ольвии как города и политического центра Нижнебужской агломерации во второй половине VI в. до н.э. было связано со второй волной переселенцев из Ионии. Ведущую роль среди них играли выходцы из Милета и его хоры, которые не только перенесли сюда культ основного милетского бога Аполлона Дельфиния, но, как ойкисты, сделали его к началу V в. до н.э. важнейшим божеством города, оттеснив на второй план культ более древнего Иетра, возникший в среде первых колонистов. В начале V в. до н.э. для Дельфиния выгораживается восточная часть теменоса, на которой устраиваются главный алтарь божества, ряд сопутствующих алтарей, храм и алтари его сотеменных богов Зевса, Афины, Гекаты. Жрецы святилища Дельфиния, именовавшиеся мольпами – стефанефорами (дословно "певцы/танцоры – венценосцы"), играли важнейшую роль в сакральной, финансовой, а тем самым и социально-политической жизни полиса в V в. до н.э. Для адекватной интерпретации сооружений теменоса необходимо пояснить сущность Дельфиния как божества, чего до сих пор сделано не было и что породило их неточную идентификацию.

В прошлом исследователи принимали на веру свидетельство гомеровского гимна к Аполлону о его воплощении в дельфина (I, 493/6: "так как впервые из моря туманного в виде дельфина близ корабля быстроходного я поднялся перед вами, то и молитесь мне впредь как Дельфинию", – пер. В. Вересаева) и считали Дельфиния изначальным покровителем мореходов (Roscher, 1884. S. 429; Jessen, 1901. Sp. 2515; Farnell, 1907. P. 145 f; Толстой, 1904. С. 11; Хирст, 1908. С. 94). М.П. Нильссон, тоже считавший Дельфиния божеством мореплавателей, тем не менее отметил, что сущность этой ипостаси Аполлона еще правильно не разъяснена (Nilsson, 1967. S. 554). Особняком стояло мнение О. Группе, который привел существенные соображения в пользу того, что Дельфиний – восточного происхождения божество с функцией покровителя растительного и морского живого мира – Getreidegott, Fischgott (Gruppe O., 1906. S. 1228). Хтоническую суть дельфийского Аполлона блестяще показал А.Ф. Лосев (1957. С. 313 сл.). Прозорливая догадка О. Группе подтвердилась исследованиями послевоенного времени. Сначала Р. Барнетт высказал мнение, что Дельфиний – это отражение имени хеттского бога плодородия Telepinus на греческой почве (Barnett, 1956. P. 219), затем Л.А. Гиндин (1977. С. 105 сл.) развил это положение на большом конкретном материале, свидетельствующем о далеко идущем тождестве обоих божеств; диахронически хаттско-хеттский миф о Телепинусе неоднократно отражался в греческой мифологии, культах и ономастике. Из богатейшей подборки А.Ф. Лосева о хтоническом Аполлоне Л.А. Гиндин привел свидетельства о первичной "атмосферной" сущности Дельфиния, являвшееся отражением изначальной природы Телепинуса как божества ветра, сына бога грозы Тару и богини-матери Ханныханны. Аполлон как божество ветра выступает, к примеру, в рассказе о чудесном спасении обреченного на сожжение Креза, который взмолился к Аполлону и тот наслал дождевую тучу, погасившую костер (Herod. I, *87*). Особого внимания заслуживает вскрытая Л.А. Гиндиным связь Дельфиния с сагой о гиперборейцах – их мифологическое единство зиждится на сохранности воспоминания о функции этого божества в качестве божества (северного) ветра, resp. плодородия.

Выводы Л.А. Гиндина находят подтверждение на материале ольвийских граффити, свидетельствующих о почитании здесь Аполлона Борея (2 посвящения на сосудах второй половины VI в. до н.э. с Западного теменоса, еще в IV в. до н.э. тут функционировало сообщество почитателей этого божества Βορεικοί θιασῖται (Русяева, 1991. С. 128; 1992. С. 18). Это же божество под именем Βορεαῖος почиталось на острове Фера наряду с Дельфинием уже в конце VIII в. до н.э. – оно упоминается в числе скальных граффити с именами Зевса, Аполлона и др. около храма Аполлона Карнейского (Inscriptiones Graecae, 1904. № 350, 537). Столь ранние данные ферской эпиграфики о связи божества северного ветра Борея с Аполлоном показывают, что ольвийский Аполлон Борей – не местная инновация, а продолжение раннеархаического культа метрополии. Из одного имени Аполлона Борея следует представление о природе божества как ветре по происхождению.

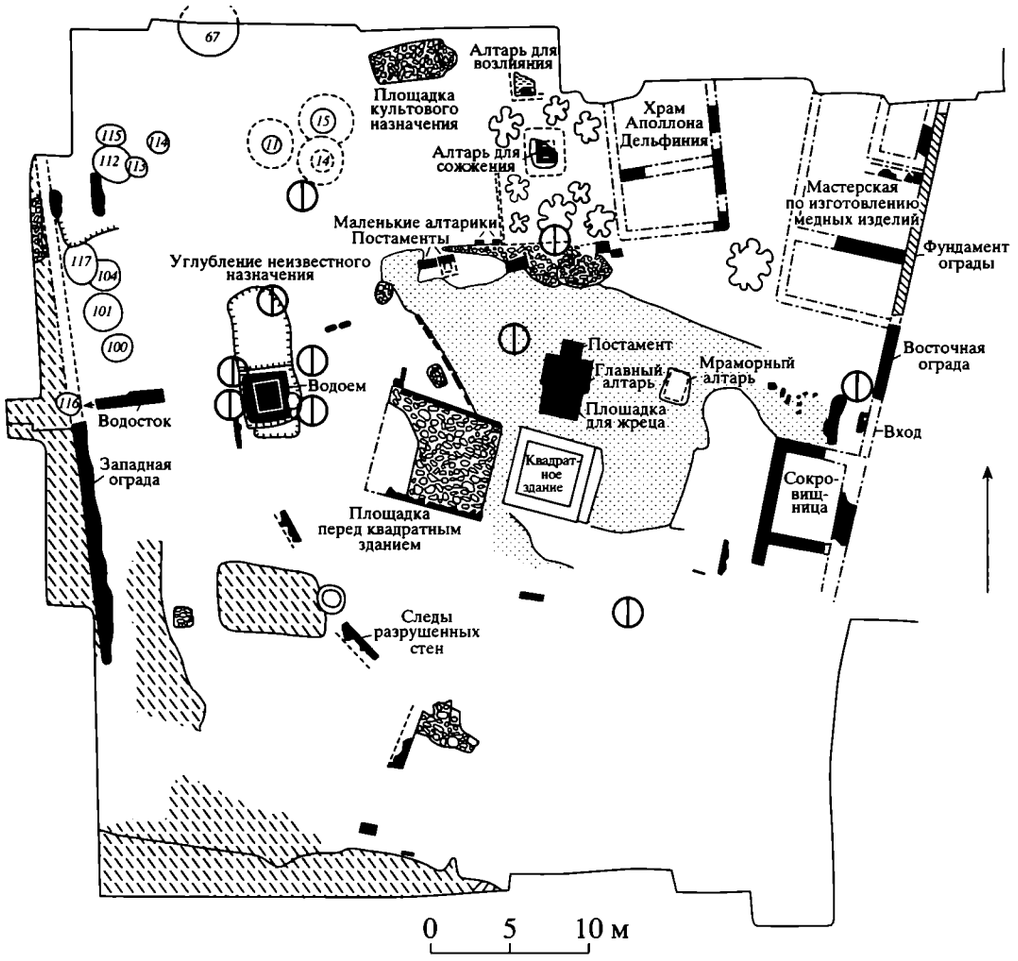

Рис. 1. План теменоса V в. до н.э. (А.Н. Карасев).

После VI в. до н.э. данных об Аполлоне Борее нет (осуществлялся культ самостоятельного бога северного ветра Борея – например, в Афинах V в. до н.э., где ему был посвящен храм: Herod. VII, *189*), однако контаминация его с Аполлоном продолжалась в преданиях об Аполлоне Гиперборейском, пребывающем в царстве Борея. Ольвийские посвящения Аполлону Борею не случайно найдены на Западном теменосе с его святилищем Иетра, а не на Восточном теменосе Дельфиния – уже в VIII в. до н.э. Дельфиний и Борей функционировали как самостоятельные ипостаси Аполлона, и их разделение понятно: ввиду важности северного ветра для погодных условий Эгеиды из Дельфиния как бога ветра вообще рано выделился Борей как бог северного ветра.

Итак, Дельфиний как божество в Милете и Ольвии по происхождению был олицетворением сил природы – он почитался тут преимущественно в качестве божества атмосферных явлений, прежде всего ветра, благоприятного для мореплавания и плодородия земли (податель дождя). Функция покровителя мореплавателей обусловлена не только народно-этимологическим сближением эпиклезы Δελφίνιος со словом δελφῖς "дельфин", но и генетической атмосферно-водной природой божества, связь которого с морем явствует, в частности, из того, что святилища Дельфиния в Милете, Массалии и на Хиосе располагались на берегу у самого моря и порта; например, "Священная гавань" Оропа называлась также Дельфинием (Thuc. VIII, *38*; Strabo, IV, *1*, *4*; IX *2*, *6*). Исходя из установленного первичного характера Дельфиния, следует обратиться к идентификации сооружений на его ольвийском теменосе.

Исследование теменоса экспедицией ЛОИА под руководством А.Н. Карасева и Е.И. Леви проводилось в основном в 1951–1960 гг. (основные отчеты: Ольвия, 1964; Карасев, Леви, 1976; Леви, 1978; 1985. С. 65 сл.). Основные выводы А.Н. Карасева (1964. С. 27 сл.) следующие. Святилище функционировало со второй половины VI по II в. до н.э. и пережило три строительных периода: вторая половина VI, V, IV–II в. до н.э. К югу от святилища располагалась агора, северная часть святилища уничтожена глубокой балкой. От первого периода дошли фундаменты главного алтаря, квадратного здания 4.8 × 4.8 м неясного назначения около него и священная роща. В V в. до н.э. это уже теменос, огражденный стеной с востока и запада, с рощей, алтарями и небольшим храмом

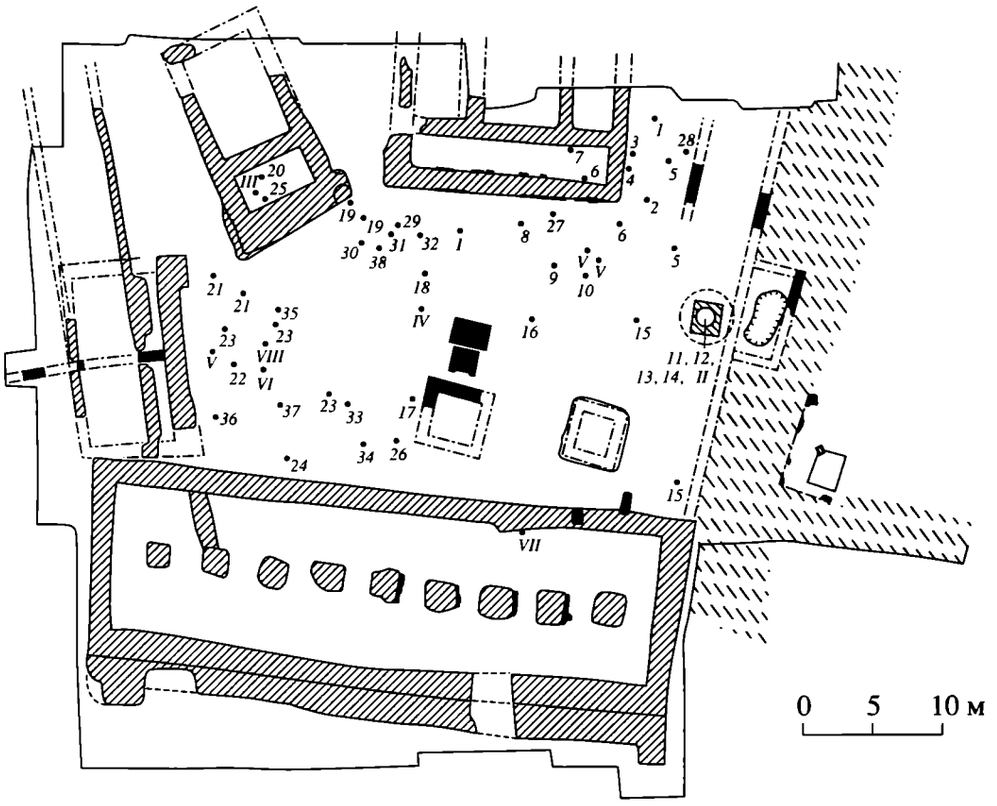

Рис. 2. План эллинистического теменоса с показом местонахождения надписей. Римские цифры – посвятительные надписи, арабские – почетные декреты.

Дельфиния в антах; к восточной ограде пристроены металлоремонтная мастерская и, возможно, сокровищница. Посвятительные граффити Зевсу указывют,что рядом с Дельфинием располагался его храм, от которого ничего не сохранилось (рис. 1). В IV–III вв. до н.э. святилище коренным образом перестраивается – с юга и запада его обрамляют стои, храм Дельфиния превращается в большой периптер, рядом возводится храм Зевса в антах (рис. 2).

Сомнения в ряде положений А.Н. Карасева высказали С.Д. Крыжицкий и А.В. Буйских: если типология храма Зевса точна – это храм в антах или простиль, то назначение и тип здания, определенного А.Н. Карасевым в качестве периптерального храма Дельфиния эллинистического времени, неясны (Крыжицкий, 1985. С. 64 сл.; 82 сл.; Крижицький, Буйських, 1990. С. 27 сл.). Авторы обратили внимание на разницу в 0.8–0.9 м глубины его западного и восточного портиков, которая делает асимметричными план здания и его фасад относительно продольной оси; излишне узка целла; фундамент задней стены пронаоса нелогичным для периптера образом доведен до фундаментов боковых колоннад. На наш взгляд, эти аргументы неравноценны. Целла храма действительно узка, но это вообще свойство периптеральных храмов, так что ширина ольвийского периптера 7 м обычна для небольших периптеров того же IV в. до н.э. (к примеру, такова целла храма Афины Никефоры в Пергаме, всего на метр шире целла храма Аполлона Сминфея в Троаде). Что до фундамента, то понятно, что продолжение фундамента задней стены пронаоса до смычки с фундаментами боковых колоннад укрепляет ленточные слоевые фундаменты посредством перевязки их друг с другом. Для трактовки северо-востока здания теменоса в качестве храма показательна установленная Леви (1985. С. 87, 88) концентрация надписей перед этим зданием (рис. 2). Вместе с тем указание С.Д. Крыжицкого и А.В. Буйских на существенную разницу в глубине боковых колоннад справедливо и может служить основанием для сомнений в типе здания[1].

На наш взгляд, интерпретация А.Н. Карасева, замечательного исследователя ольвийской архитектуры, должна быть существенно скорректирована в ряде своих положений в свете нового понимания культа Дельфиния. Начнем со святилища V в. до н.э. Если наличие рощи сомнений не вызывает – она была и в милетском Дельфинионе (Das Delphinion..., 1914. № 132; надпись VI в. до н.э.), то реконструкция храма в антах предположительна ввиду незначительности имеющихся строитель-

[1] Эту неодинаковость глубины боковых портиков видел и А.Н. Карасев, но, судя по его чертежам, отнес ее на счет обрушения слоевых фундаментов западного портика, которые дополнил в графической реконструкции: ср. его рис. 18 (вскрытые фундаменты) с рис. 12 – реконструкцией (Карасев, 1964. С. 45 и вклейка к с. 52).

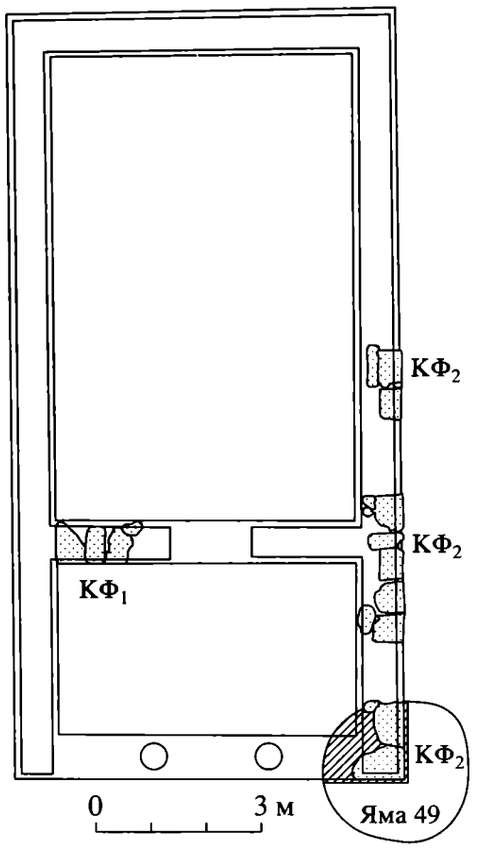

Рис. 3. Реконструкция плана храма Дельфиния V в. до н.э. (А.Н. Карасев).

ных остатков. Три камня фундамента КФ', южный фас которых выровнен заподлицо, а северный фас рваный (рис. 3), А.Н. Карасев (1964. С. 55 сл.) счел остатком южной стены целлы храма в антах, поскольку в ольвийских сооружениях V в. до н.э. внешний фас стенки выравнивался заподлицо, а внутренний оставлялся рваным. Однако в данном случае эта закономерность сомнительна, так как в результате оказалось, что южная торцовая стена и стена пронаоса не параллельны друг другу – стена пронаоса скошена относительно восточной продольной стены здания (см. рис. 1; на рис. 3 – плане храма у Карасева эта скошенность завуалирована). Кроме того, при реконструкции храма в антах оказывается, что главный алтарь теменоса ориентирован не на южный фасад здания, где располагается вход карасевского храма в антах, а на его боковую глухую стену, что странно (рис. 1). Эти трудности обусловлены интерпретацией трех камней фундамента КФ' в качестве стены пронаоса. Между тем восточный камень этой кладки дополнен с севера четвертым камнем, который может указывать, что с севера кладка выбрана; выборка тем более вероятна, что к кладке примыкает яма У' (см. фото и план: Карасев, 1964. С. 52). Таким образом, при сохранившейся длине кладки КФ' 1.3 м ширина ее в точности неизвестна, соответственно неясен и характер кладки. Между тем она – единственное основание для

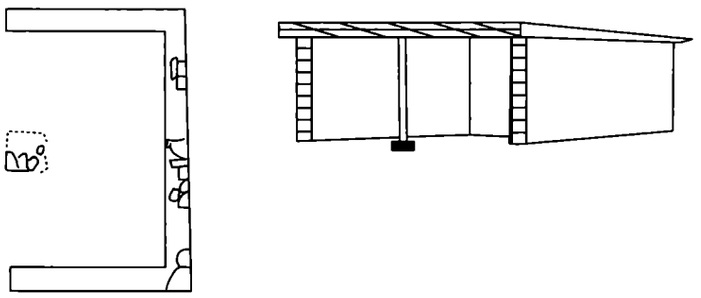

Рис. 4. Северо-восточное здание как стоя (реконструкция автора).

восстановления именно храма в антах[2], что сомнительно. Реально имеется восточная продольная стена здания, заканчивающаяся на юге остатком торца (т.е. была южная стена), да остаток упомянутой кладки КФ', не параллельной южному торцу (не исключено, к примеру, что это остаток фундамента алтаря). Если придерживаться реально имеющихся фрагментов фундамента здания, можно реконструировать не только храм в антах, но и стою – несомый задней (восточной) стеной навес, короткими сторонами опирающийся на торцовые стены, а спереди на столбы или поперечные стенки (остаток фундамента поперечной стенки в таком случае – кладка КФ'), которые разделяют внутреннее пространство стои на отдельные компартименты (рис. 4). К примеру, выстроенная в 430–420 гг. до н.э. на Афинской агоре Южная стоя I в своей задней части была разделена рядом поперечных стенок на отдельные компартименты, причем эти стенки сложены из сырцовых кирпичей (The Athenian Agora..., 1990. P. 25, 168 f). На предпочтительность реконструкции стои указывает и ориентация главного алтаря теменоса – в таком случае он логично ориентирован на вход в нее. Равным образом при реконструкции храма в антах оказалось, что алтари для сожжений и возлияний вместе с рощей располагаются у его глухой западной стены, тогда как в случае, если здание было стоей, все они логично располагаются напротив входа в нее. Стоя как тип архитектурного сооружения могла одновременно выполнять функции и гражданского и сакрального здания. К примеру, таковой была стоя Зевса V в. до н.э. на афинской агоре: под ее перекрытием и рядом находились посвятительные дары – статуи, картины и прочее, в том числе статуя Зевса Освободителя, располагавшаяся перед колонным фасадом стои. Видимо, ей предшествовало небольшое святилище VI в. до н.э., также посвященное Зевсу, при нем обнаружены постамент для статуи и остатки алтаря (The Athenian Agora..., 1990. P. 78, 79).

[2] Таким его восстановил также И.Р. Пичикян (1984. С. 178 сл.), возможность простиля или амфипростиля отмечал С.Д. Крыжицкий (1985. С. 84).

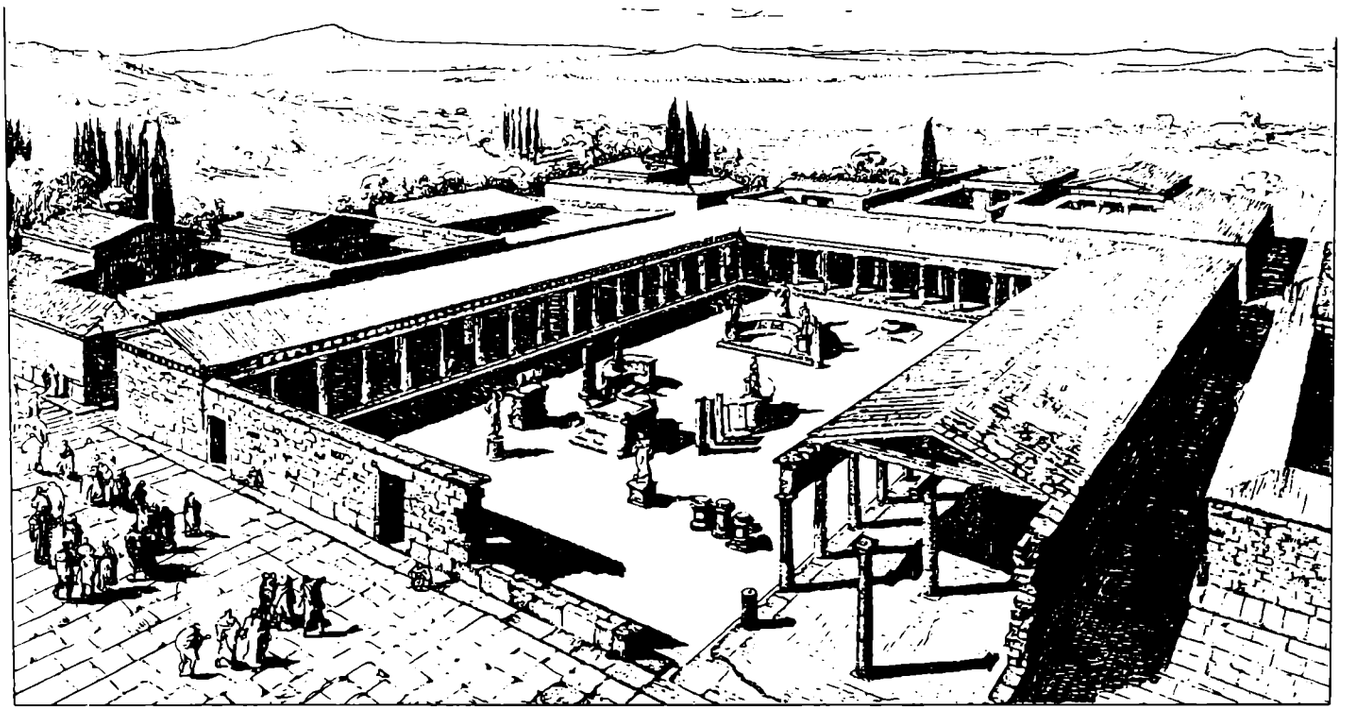

Рис. 5. Реконструкция эллинистического Дельфиниона в Милете.

Независимо от типа данного здания – храм в антах или стоя – важно отметить невозможность его атрибуции в качестве храма Аполлона Дельфиния по причинам культового свойства. Дело в том, что милетский Дельфинион никогда не был храмом – это открытое святилище, в VI–V вв. до н.э., возможно, огражденное стеной, в эллинистическое время огражденное крытой галереей с трех сторон, т.е. тремя стоями[3]. Такое оформление святилища вызвано не архитектурными или финансовыми соображениями, а характером культа: поскольку Дельфиний – греческая адаптация хеттохаттского божества плодородия Телепинуса, по происхождению бога ветра, его "атмосферный" характер и определил архитектурный облик святилища как открытого теменоса, огражденного с двух или более сторон (огражденность вытекает из самого значения слова *теменос* – "отрезанный"), но не сверху. Иначе говоря, это культовая площадка под открытым небом, к которому и были обращены священнодействия. "Атмосферное" существо культа Дельфиния не терпело закрытости сверху и потому его святилище не могло быть крытым храмом[4]. *Стало быть, ольвийским святилищем Аполлона Дельфиния, подобно милетскому Дельфиниону, был весь теменос по ограды включительно, а не какая-либо отдельная постройка на нем.* Именно поэтому посвящения Дельфинию – граффити и лапидарные надписи – найдены на всей территории теменоса, в том числе за его периметром.

Установленное обстоятельство заставляет пересмотреть идентификацию отдельных зданий ольвийского теменоса. В милетском святилище Дельфиния почитались в качестве сотеменных (θεοὶ ἐντεμένιοι) Зевс, Геката, Артемида (Das Delphinion..., 1914. № 129–131; Ehrhardt, 1983. S. 129; Кобылина, 1965. С. 78 сл.). На ольвийском теменосе найдены посвятительные граффити тоже трем богам – в основном Аполлону Дельфинию, существенно меньше Зевсу и Афине (Ольвия, 1964. С. 140). Посвящения Зевсу VI–V в. до н.э. навели А.Н. Карасева (1964. С. 36) на догадку о наличии его храма того времени в С-З углу теменоса, целиком выбранного позднее при постройке храма III в. до н.э., посвященного ему же. Однако уточним, что почти все посвятительные граффити на краснофигурных и чернолаковых сосудах сделаны совместно Зевсу и Афине и найдены в ботросах № 69, 71, 72, которые располагались у северного борта раскопа, между северо-западным и северо-восточным храмами (Зевса и Дельфиния, по А.Н. Карасеву) эллинистического времени (Оль-

[3] О строительной истории милетского Дельфиниона см. (Das Delphinion..., 1914. S. 125, 165, 408; Кобылина, 1965. С. 76 сл.). Воспроизводим реконструкцию эллинистического Дельфиниона (рис. 5 = Das Delphinion..., 1914. Taf. IV). (Рис. 5).

[4] Павсаний (I, 19, 1) в рассказе о появлении Тезея в Афинах упоминает святилище (ἱερόν) Аполлона Дельфиния и храм с крышей на нем (τῷ ναῷ τὴν στέγην). Различение святилища и храма на нем показывает, что это реалии эллинистической и римской эпох, когда на святилище Дельфиния воздвигались храмы связанных с Аполлоном божеств, как на ольвийском теменосе, где в III в. до н.э. был возведен северо-западный храм в антах Тезей – не реальная, а легендарная фигура (Яйленко, 1990а. С. 229), так что сказания о нем создавались на протяжении всей древности.

вия, 1964. С. 33, 175). Следовательно, место находок посвятительных граффити, вопреки А.Н. Карасеву, не дает основания для отождествления храма Зевса только со зданием в С-З углу темноса – таковым вполне мог быть и северо-восточный храм (т.е. Дельфинион А.Н. Карасева).

Это важное обстоятельство для переатрибуции зданий темеоса эллинистического времени, а тем самым и классического периода, поскольку Дельфинион А.Н. Карасева в действительности таковым не был. Посвящения Зевсу и Афине, сделанные им как сохрамным божествам, могут указывать на принадлежность им одного храма, но не обязательно: к примеру, граффито Δελφινίō ξυνὴ'Ιητρō (найдено в Журовке, но его ольвийское происхождение бесспорно) посвящено Иетру и Дельфинию не как сохрамным, а как сотеменным божествам. Не дает однозначного решения и раздельная храмовая маркировка ἱερὴ Ζηνός и 'Αθηναίης ἱερή (Ольвия, 1964. С. 175, 185) – она свидетельствует о раздельной собственности разных коллегий жрецов на посвященные сосуды, но не предполагает обязательной принадлежности каждому из богов отдельного храма. Более же всего необходимо учитывать, что в раннеэллинистическое время, когда были сооружены оба здания в северной части святилища, культ Зевса был главным культом Ольвии, тогда как культы Дельфиния и Афины стали маргинальными. Поскольку оба эти здания неравноценны по своей архитектуре – северо-восточный храм несомненно, центральный храм города – он и должен быть атрибутирован главному божеству полиса этого времени Зевсу. Принадлежность северо-западного храма (Зевса, по А.Н. Карасеву) неопределенна, во всяком случае нет твердых оснований приписывать его Афине ввиду крайней незначительности ее культа в эллинистическую эпоху – эпиграфические свидетельства отсутствуют, есть лишь несколько терракот IV–III вв. до н.э., в том числе найденные в цистерне теменоса два щитка и статуэтка Медузы, которых вовсе недостаточно для предположения А.С. Русяевой (1982. С. 76–78, 92) о посвящении их храму Афины; скорее они позволяют думать, что Афина оставалась сохрамницей Зевса и в эллинистическое время[5]. На принадлежность эллинистического северо-восточного храма Зевсу, а также Афине как его сохрамнице может указывать и упомянутое картографирование мест нахождения проксений IV–II вв. до н.э. на теменосе, которое показало их концентрацию перед ним и так называемой Короткой стоей (рис. 2). Это не случайность, а отражение функций тех божеств, которым принадлежали храмы и теменос в целом – именно Зевс, Аполлон и Афина были покровителями ксенов, на что указывает свойственный только им эпитет ξένιος "Гостевой, Гостеприимный" [6].

Для V в. до н.э. можно определенно констатировать лишь то, что северо-восточный храм в антах (на наш взгляд, стоя) был предшественником эллинистического храма Зевса; судя по упомянутым совместным посвящениям второй половины VI–V вв. до н.э., Зевс почитался тут совместно с Афиной. Предположение А.Н. Карасева о наличии в V в. до н.э. северо-западного храма маловероятно ввиду отсутствия каких-либо остатков построек на этом месте до III в. до н.э.

В почетном декрете III в. до н.э. в честь сыновей Аполлония и проксении II в. до н.э. амисенцу (Яйленко, 1985. С. 227; 1987. С. 5), найденных у северо-восточного и северо-западного зданий, впервые упоминается ιερον (святилище) Аполлона Дельфиния (именно так – ἱερὸν τοῦ 'Απόλλωνος именуется в надписях с IV в. до н.э. и милетский Дельфинион (Das Delphinion..., 1914. № 135, 144, 150 etc.), куда чествуемых пригласили к жрецу "на угощенье". Следовательно, одно из зданий ольвийского теменоса эллинистического времени служило местом пребывания жреца Дельфиния. В III–II вв. до н.э. тут стояло несколько зданий – два упомянутых храма, Короткая стоя, два квадратных в плане здания, мастерская по производству терракот у восточной ограды; видимо, сюда относится и раскопанное к северу от северо-западного храма здание IV–II вв. до н.э. с полихромной штукатуркой, у которого найдены посвятительные граффити Аполлону и Зевсу предшествующего времени (Брашинский, 1965. С. 98 сл.; Карасев, Леви, 1976. С. 37). Видимо, здание с цветной штукатуркой более всего соответствует резиденции жреца Дельфиния.

Если характер культа милетского Дельфиния понуждает к переатрибуции зданий ольвийского теменоса, то обустройство по периметру милетского святилища стоями в эллинистическое время заставляет обратиться также к вопросу о характере ограждения ольвийского Дельфиниона V–IV вв. до н.э. Раскопками А.Н. Карасева вскрыты каменные фундаменты западной и восточной оград теменоса. Западной оградой он счел каменный фундамент стены V в. до н.э. (рис. 1); уже в IV в. до н.э. ее заменил Длинный портик, оградивший едва ли не всю западную сторону теменоса (рис. 2). Обращает на себя внимание синхронность обустройства по периметру открытых

[5] А.С. Русяева (1991. С. 131) сообщает о трех посвятительных граффити Афине на Западном теменосе, что указывает на разброс посвящений и по Западному и по Восточному теменосам, вряд ли возможный при наличии храма божества, около которого они должны были бы концентрироваться.

[6] Od. IX, 270 etc. Paus. III, 11, 11: храмы Зевса Ксения и Афины Ксении в Спарте. CIG, 1828, № 2214e, Хиос: Аполлон. Позднее эпитет прилагается к Эроту – Anth. Pal. IX, 85; ср. XII, 524: ξενοδώτης – о Дионисе.

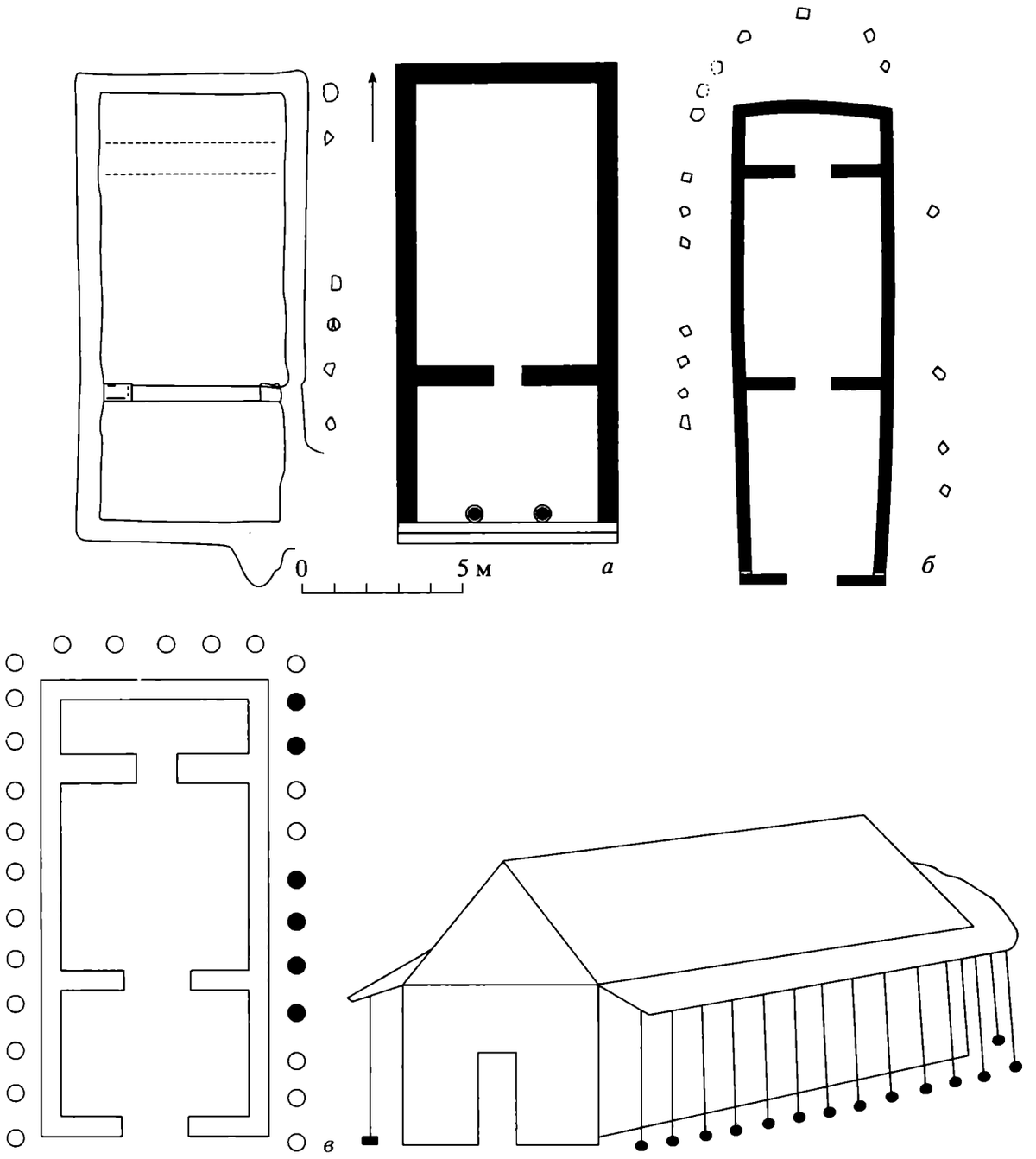

Рис. 6. *а* – план здания на Западном теменосе (С.Д. Крыжицкий); *б* – план мегарона Б в Термосе; *в* – мегарон на Западном теменосе Ольвии (реконструкция автора).

к небу милетского и ольвийского святилищ Дельфиния крытыми стоями. Это не случайное совпадение, а следствие культовой общности, так как именно в последней четверти IV в. до н.э. Милет и Ольвия, по свидетельству декрета об их исополитии (Sylloge..., 1914. № 286), возобновили свои отношения как метрополия и колония; декрет был установлен как раз в милетском Дельфинионе, и основное его содержание направлено на обеспечение равного доступа граждан обоих полисов к отправлению культов.

От Длинного портика сохранились лишь слоевые фундаменты длиной 24 м (при ширине галереи 5 м), в северной части уничтоженные балкой. По мнению А.Н. Карасева (1964. С. 44), это была неглубокая галерея с глухой задней стеной и обращенной в стороны теменоса колоннадой, с односкатным перекрытием (т.е. сохранившийся ленточный фундамент служил опорой колоннады). После сооружения в III в. до н.э. северо-западного храма, полагал А.Н. Карасев, Длинный портик оказался частично закрытым и потому его перестроили во второй половине столетия – сделали короче, но глубже, в ширину он достигал 6 м: устроили внутренний ряд колонн, который указывает на двускатный навес (рис. 6; мы условно называем это сооружение Короткой стоей, А.Н. Карасев именовал его Малой, затем Запад-

ной стоей; от нее также сохранились лишь слоевые фундаменты). Судя по изложению Е.И. Леви (1985. С. 76), в дальнейшем А.Н. Карасев различал два строительных периода – во второй половине III в. до н.э. стою еще раз углубили до 8.25 м, вынеся вперед на новом ленточном фундаменте, крайнем к востоку, фасадные столбы. К сожалению, реконструкция А.Н. Карасева оставила неясным соотношение залегающих к востоку от задней стены стои трех ленточных фундаментов.

Свою интерпретацию дал С.Д. Крыжицкий (1985. С. 109 сл.). Он предположил, что главный вход на святилище Дельфиния располагался не в восточной ограде, а в западной – со стороны примыкавшей к ней Главной продольной улицы, и усмотрел в Короткой стое (Малой, Западной, по А.Н. Карасеву) проходной пропилон, который пережил два строительных периода: сначала это был небольшой портик, во втором периоде его колоннада выдвинулась вперед и здание стало портиком в антах. На первый взгляд С.Д. Крыжицкий логично предполагает наличие входа на святилище со стороны главной улицы. Однако А.Н. Карасев (1964. С. 44) отмечал, что с перестройкой темеоса в раннеэллинистическое время прежний вход со стороны Восточной улицы был переоформлен для улучшения – устроена площадь 20 × 20 м с водоемом посередине, для чего снесли стоявшие тут постройки. Уместно вспомнить, что и милетский Дельфинион располагался на самой широкой улице, шедшей к нему от главной площади, однако вход в него был устроен с боковой стороны (см. план центра Милета: Всеобщая история архитектуры, 1973. С. 310). Мысль С.Д. Крыжицкого о пропилоне не вполне соответствует и строительным остаткам – остается необъясненным назначение одной из двух внутренних поперечных перемычек. Наконец, трактовка здания в качестве проходного пропилона плохо согласуется с расположением примерно десятка проксений и лапидарных посвящений прямо напротив выхода из пропилона в святилище (рис. 2) – они определенно мешали бы проходу людей. Еще А.Н. Карасев (1964. С. 46) заметил, что надписи темеоса расположены перед фасадами северо-восточного и юго-западного зданий.

Обратимся к строительным остаткам рассматриваемого здания. По наблюдению А.Н. Карасева, оно было сложено из известняковых блоков, но сохранились лишь слоевые фундаменты. Фундамент задней стены (крайний к западу) проходит по линии каменного ограждения темеоса V в. до н.э. Далее к востоку залегают три параллельно идущие ленты фундаментов (обозначим их в порядке следования на восток буквами *а*, *б*, *в*). Внутренний фундамент *а*, как фундамент его обозначила Е.И. Леви (1985. С. 77. Подпись к рис. 64), у А.Н. Карасева (1964. С. 50) это кладка из сырцовых кирпичей, сохранился на длину 4 м; в контексте окружающих остатков он вряд ли может быть чем-либо иным, нежели внутренней перемычкой, достигавшей северной стены здания. На расстоянии 1 м от него следует лента фундамента *б*, проходящего по линии колоннады предшествующей Длинной стои; далее тоже через 1 м следует крайний восточный фундамент *в*. Фундаменты *б* и *в* слишком близки друг к другу, чтобы на обоих покоились несущие столбы, следовательно, они принадлежат разным строительным периодам. Строительный период I Короткой стои, представляющий собой перестройку Длинной стои, собственно, ее укорочение, вероятно, свелся к возведению северной стены (от нее ничего не сохранилось) и наращиванию фундамента колоннады Длинной стои, по линии которой прошла колоннада новой стои. Во II строительном периоде колоннаду Короткой стои с целью углубления ее внутреннего пространства вынесли на 2.25 м вперед, для чего сложили новый фундамент *в*. Глубина стои составила теперь 8.25 м, поэтому для перекрытия проложили фундамент *а*, который нес внутренний ряд столбов, поддерживавших двухскатную крышу. Не исключено, что это была не стоя, а храм, на что может указывать концентрация перед его фасадом посвятительных надписей Дельфинию и проксений – напомним, что надписи концентрируются также у северо-восточного здания, и это наводит на мысль о возможной интерпретации и так называемой Короткой стои в качестве культового сооружения. Строительные остатки не противоречат такой типологии здания – стоя I строительного периода легко могла быть перестроена во II периоде в простильный храм (в таком случае фундамент *а* нес внутренние столбы стои I строительного периода, с перестройкой стои в храм их убрали). Превышение ширины здания над его глубиной известно эллинистическим храмам, например Метроону на афинской агоре (The Athenian Agora..., 1990. P. 51).

Эллинистической Короткой стое определенно предшествовало здание V–IV вв. до н.э., на что указывает расположение перед фасадом Короткой стои двух посвящений V в. до н.э. Дельфинию и двух проксений начала IV в. до н.э. (Надписи Ольвии, 1968. № 3 + 11, 12, 59, 60). Возможно, с этим строением связаны сохранившиеся каменные фундаменты V в. до н.э., нерегулярные по плану – кладка с легким изгибом следует на Ю-В, затем поворачивает на Ю-З угол темеоса (рис. 1: следы разобранных стен). По месту расположения эти остатки примерно соответственны позднейшей Короткой стое.

Как и на милетском Дельфинионе, на ольвийском темеосе стояло несколько алтарей (Карасев, 1964. С. 73 сл.). На обоих святилищах с VI в. до н.э. почиталась близкая триада божеств – в милетском Дельфинионе наряду с Дельфинием Зевс и Геката,

в ольвийском те же Дельфиний и Зевс, а место Гекаты по меньшей мере с V в. до н.э. заняла Артемида, судя по граффито конца V–IV в. до н.э. АРТΔΗΛ (Русяева, 1992. С. 107. Рис. 2) – посвящение то ли Артемиде Дельфинии, то ли совместно Артемиде и Дельфинию (эпиклеза безусловно указывает на связь посвящения с теменосом Дельфиния). Отсутствие прямых свидетельств о культе Гекаты на ольвийском теменосе обусловлено двумя причинами. Во-первых, в Ольвии Геката по связи с Ахиллом почиталась не столько в городе, сколько на хоре, на Кинбурнском полуострове располагалась посвященная ей роща (Ptol., Geogr. III, 5, 2)[7]. Во-вторых, глубинная связь Дельфиния с Гекатой, в прошлом паредры Аполлона (Kraux, 1960. S. 11 f), просматривается и на ольвийском теменосе – в именнике местных стефанефоров: по меньшей мере один из них носил имя, образованное от имени богини (Ἑκατ НО, № 58), что не случайность, а закономерность, подтверждаемая частым употреблением гекатофорных имен в среде милетских стефанефоров (Das Delphinion..., 1914. № 122): Гекатей, Гекатокл, Гекатоним – эсимнеты 520, 519, 510, 499, 497, 495, 494 и сл. годов. Отсюда можно предположить, что в V в. до н.э. ольвийские мольпы патронировали также культ Гекаты на хоре, а тем самым в какой-то мере и культ Ахилла. У входа в милетские святилища Дельфиния и Аполлона в Дидимах располагались алтари Гекаты; отсюда следует заключить, что один из алтарей также ольвийского Дельфиниона V в. до н.э. был посвящен Гекате, возможно, ближайший ко входу[8].

Триада милетского Дельфиниона – Зевс, Аполлон, Геката была по происхождению триадой божеств, олицетворявших силы природы: Зевс – божество сверкающего неба (имя его этимологически родственно нашему слову *день*), родитель Дельфиния, божества ветра (ср. обычный эпитет Зевса *тучегонитель*), resp. плодородия, и Гекаты как инфернальной паредры Аполлона. (В Эфесе было совместное святилище Зевса Отчего и Аполлона (Die Inschriften..., 1979. № 102. Ок. 300 г.).) Природа совместного почитания Дельфиния и Гекаты, декретированного милетским постановлением мольпов V в. до н.э. (Sylloge..., 1914. № 57.25, 36 – праздничному шествию в честь Дельфиния предписано совершение песнопений и возлияний также Гекате) находит объяснение в хаттско-хеттском первоисточнике культа Дельфиния. Хеттский миф об исчезновении бога плодородия Телепинуса, вызвавшем всеобщее бесплодие природы, и о последующих поисках его содержит общие мотивы с греческим мифом об удалении Деметры после похищения Аидом Персефоны (Телепинус тоже увел богиню злаков Каит). В поисках Персефоны Деметре помогала Геката (с Персефоной греки порой отождествляли Гекату (Hechenlach, 1912. Sp. 2773), а Телепинуса нашла богиня Камрусепа, полифункциональная устранительница зла. Она и фигурирует в милетском культе Дельфиния в образе Гекаты.

К позднеархаическому времени на греческой почве Гекату отождествляли с сестрой и паредрой Аполлона Артемидой, но связь всех троих сохранялась: так, на теменосе Геры в Эфесе позади ее храма стояла статуя Гекаты (Plini 36, 32), а в Массалии, основанной фокейцами из Ионии, рядом стояли храмы Артемиды Эфесской и Дельфиния (Strabo, IV, *1*, *4*; Heckenlach, 1912. Sp. 2770). Посвятительная надпись середины V в. до н.э. с Фасоса Ἀρτέμιδος ἐπαυλίης Ἑκάτης (Lazzarini, 1976. № 514) свидетельствует об отождествлении Артемиды и Гекаты, причем, судя по эпитету ἐπαυλίη, дословно "придворовая" (как сказано, алтари Гекаты располагались у входа во двор святилищ) или "надворная" (в смысле "на открытом дворе святилища") – в исконном виде атмосферного божества. Генетической связью Артемиды и Гекаты обусловлено, в частности, начертание во II в. н.э. на круглом древнем алтаре VI–V вв. до н.э., стоявшем на милетском Дельфинионе, надписи о принадлежности алтаря Артемиде – изначально это был несомненный алтарь Гекаты. Все это свидетельства того, что милетская, шире – ионийская Геката по происхождению была туземной малоазийской богиней, близкой Артемиде (Kraus, 1960. S. 14, 25 f, 166; Laumonier, 1958. P. 334, 418 s, 436; Кобылина, 1965. С. 81). К классическому времени триада милетского Дельфиниона представляла собой уже обычную культовую тройку – Зевс со своими детьми Аполлоном и Артемидой. Эта триада представлена и в Ольвии, но неравномерно – при обилии посвящений Аполлону и Зевсу посвящения Артемиде редки. Известны несколько терракот (Русяева, 1982. С. 78 сл.), два граффити конца V–IV вв. до н.э. с ольвийского городища, одно с Коцеруба под Очаковом (Яйленко, 1980. № 3. С. 76. № 64), одно посвящение V в. до н.э. Артемиде Эфесской с Березани (Яйленко, 1982. С. 290), лапидарный вотив

[7] Культ Гекаты в Северо-Западном Черноморье, в том числе в Ольвии (Соломонік, 1992. С. 49 сл.; Русяева, 1992. С. 119 сл.). Культ Гекаты в Милете VI–V вв. до н.э. на святилище Дельфиния (Das Delphinion..., 1914. № 129 – посвящение пританов, № 122 – имена эсимнетов, образованные от имени Гекаты, № 133. Sylloge..., 1914. № 57. 25 sq – алтарь Гекаты при входном пилоне; Kraus, 1960. S. 11 f; Кобылина, 1965. С. 78 сл.).

[8] Согласно закону милетских мольпов 479/49 гг. (Das Delphinion..., 1914. № 133 = Sylloge..., 1914. № 57.25), при движении праздничной процессии из святилища Дельфиния в Дидимы мольпы совершали возлияния несмешанным вином у алтарей Гекаты при входных пилонах Дельфиниона и Дидимейона, а также на пути между ними у алтаря Силы. Упоминаемый далее в этой надписи алтарь Артемиды-Гекаты стоит на милетском святилище Дельфиния направо у входа внутри. Функции Гекаты как "привратного" божества (Kraus, 1960. S. 13).

III в. до н.э. (IOSPE, 1916. № 190; Хирст, 1908. С. 112 сл.; Русяева, 1992. С. 106 сл.).

Особенность ольвийского теменоса Дельфиния – почитание Афины, как самостоятельно, так и совместно с Зевсом. Афина – еще микенских времен богиня-воительница, популярная в Милете, где было три посвященных ей храма, причем культ генетически унаследован еще из микенских времен – храму Афины геометрического и архаического времени у городской стены предшествовало ее святилище микенской эпохи (Kleiner, 1966. S. 17, 18; Ehrhardt, 1983. S. 162 f; Кобылина, 1965. С. 83 сл.). Перенос культа Афины-воительницы из метрополии в Ольвию вполне оправдан варварским окружением Нижнего Побужья. Афина и Зевс почитались в Ольвии в качестве покровителей города (Ehrhardt, 1983. S. 139). Этим особым значением Афины для ольвиополитов, на наш взгляд, и объясняется ее появление на главном святилище города. Не последнюю роль играли ее функции покровительницы ксенов, поскольку вопросами проксенической деятельности полиса ведали именно жрецы Дельфиния мольпы, что и обусловило почитание этой богини на его теменосе.

Культ Афины засвидетельствован в Ольвии с третьей четверти VI в. до н.э., зенит его приходится на первые полтора–два столетия. Начало знаменует фрагментированное посвящение ΕΝΑΘΗΝΑ на расписном сосуде ок. 540 г. до н.э., найденном в ботросе на Западном теменосе (Русяева, 1992. С. 90) – посвящение самой Афине или совместно с Зевсом. Такие совместные посвящения Зевсу и Афине на краснофигурных киликах последней четверти VI в. до н.э. происходят с теменоса Дельфиния (Ольвия, 1964. С. 186). На V в. до н.э. приходится звездный час ее культа как покровительницы города: изображение головы Афины появляется на городских монетах, по В.А. Анохину (1989. С. 13) с 480/70 гг., согласно П.О. Карышковскому (1988. С. 45), со второй четверти V в. до н.э. Известны ее статуэтки из мрамора и терракоты см.: Фармаковский (1905. С. 69 сл.), Хирст (1908. С. 115 сл.), Русяева (1982. С. 75 сл.; 1992. С. 93 сл.); посвящения на керамике: Яйленко (1980. № 3. С. 75. № 61. Ср. № 62; 1982. С. 288 – Березань). Еще два посвятительных граффити Афине найдены на Западном теменосе (Русяева, 1991. С. 131). В IV в. до н.э. культ Афины вытесняется в Ольвии культом Зевса Освободителя и Спасителя (Яйленко, 1990б. С. 263 сл.).

На основании характера культа Дельфиния можно предположительно установить почитание еще одного божества на его ольвийском теменосе. А.Ф. Лосев (1957. С. 322 сл.) прозорливо указывал на хтоническое единство Аполлона и Диониса, которое в особенности реализовалось в Дельфах. Другой наш великий исследователь С.Я. Лурье высказался еще точнее: поскольку в микенское время Аполлона не было, можно думать, что было некое божество, отождествлявшееся в ахейской среде с Дионисом и Аполлоном (Luria, 1963. S. 34). Подразумевается ахейское божество Эсимнет, одним своим прозвищем связанное с Дельфинием, а культовой практикой с Дионисом (Paus. VII, 2, *1*; 21, *6*). Н. Эрхардт справедливо предположил, что культ Диониса появился в милетских колониях не из Фракии, а из Милета (Ehrhardt, 1983. S. 167f.). Богатая подборка источников А.Ф. Лосева (1957. С. 324–328) содержит примеры отождествления Аполлона и Диониса, в том числе Дельфийского Аполлона, т.е. Дельфиния, и милетского Аполлона. В отправлении культа милетского Дельфиния наряду с мольпами и стефанефорами большую роль играло сообщество онитадов (Sylloge..., 1914. № 57. V в.); в частности, эсимнет мольпов – наиболее значительная фигура этого культа, уподобляется онитаду: "выйдя (из "дома мольпов") эсимнет предоставляет (жертвенные дары) подобно онитаду и получает, как онитад" (стк. 17/8). Название этого сообщества Ὀνιτάδαι ("потомки Онита") восходит к имени спутника Диониса – Вакха Ὀνίτης (Nonni Dionisiaca 28, 112), что выдает дионисийский компонент природы Дельфиния. Дионисийство также ольвийского Дельфиния наглядно и сильно проявляется в именнике его ольвийских жрецов – мольпов: из шести–семи известных нам их имен – отчеств четыре связаны с Дионисом[9]. Культ Диониса в Ольвии хорошо засвидетельствован с конца VI в. до н.э., в том числе эпиграфически[10]. Эти посвятительные надписи V–IV вв. до н.э. указывают на существование святилища или храма Диониса; ввиду сказанного о генетической связи Дельфиния и Диониса резонно предположить, что оно располагалось на теменосе Дельфиния. На наш взгляд, это подтверждается находкой в цистерне у восточной ограды теменоса семи букраниев, сбро-

[9] Дионисодор Ленеев (Надписи Ольвии, 1968. № 58), Аполлофан Дионисиев (Надписи Ольвии, 1968. № 167), Дионисий (IOSPE, 1916. № 189). Аналогичную картину дает и милетское постановление мольпов (Sylloge..., 1914. № 57), принятое при эсимнете Фильте Дионисиевом. В списке милетских стефанефоров жрецы по имени Дионисий значатся под 508, 502, 462 и прочими годами (Das Delphinion..., 1914. № 122; см. также № 163 и Index. S. 292).

[10] Русяева, 1979. С. 72 сл. Отметим посвятительные и магические граффити V в. до н.э. (Яйленко, 1980. № 2. С. 77. № 67а; С. 85. № 85), в том числе березанские (Яйленко, 1980. № 3. С. 89. № 17. Ср. с. 90. № 19; 1982. С. 290). В конце столетия (Анохин, 1989. С. 22) или первой половине IV в. до н.э. (Карышковский, 1988. С. 53) на серебряных монетах Ольвии помещаются атрибуты Диониса – букраний и тирс. Празднество ольвиополитов в честь Диониса Вакха обрисовал Геродот (IV, *79*). От середины и второй половины IV в. до н.э. сохранились лапидарные посвящения Дионису (IOSPE, 1916. № 166/7). На Западном теменосе найдены два граффити с именем Диониса, свинцовые букрании и формы для их отливки, фрагмент мраморной статуэтки бога, терракотовые статуэтки его спутников (Русяева, 1991. С. 131).

шенных сюда около рубежа III–II вв. до н.э. (Леви, 1985. С. 83). Возможно, эллинистическое юго-западное здание на ольвийском теменосе Дельфиния (наша Короткая стоя) связано с Дионисом; соответственно ему же могло быть посвящено упоминавшееся предшествующее здание V в. до н.э., от которого сохранились каменные фундаменты (стоя с курватурой в плане, наличие которой мы предположили ранее). Расположение проксений IV в. до н.э. перед фасадом здания (рис. 2) оправдывается упомянутым эпитетом Диониса ξενοδώτης (см сноску 6) и служит аргументом в пользу возможной (не более) связи здания с Дионисом. Упомянутые материалы с Западного теменоса могли бы свидетельствовать о локализации там святилища Диониса, однако ввиду находки предметов дионисийского культа на теменосе Дельфиния, на наш взгляд, в вопросе о локализации святилища или храма Диониса определяющая роль принадлежит генетической связи этого божества с Дельфинием.

К компетенции жрецов-мольпов милетского Дельфиниона помимо культовой проблематики относились вопросы гражданства, особенно приема новых граждан, и дела, связанные с проксенами (Das Delphinion..., 1914. № 32a sq., 94–98, эллинистич. время). Последнее обстоятельство поясняет, почему в Ольвии проксении выставлялись главным образом на святилище Дельфиния. При храме Дельфиния в Афинах, кроме того, решались дела, связанные с праведным убийством (Paus. I, 28, *10*), что позволяет понять, почему псефы из ольвийского дикастерия, расположенного у Ю-З угла Дельфиниона и Большой стои (Леви, 1985. С. 96), снабжены надписью ἱερά – это был священный суд Аполлона. В V в. до н.э. территория теменоса Дельфиния простиралась на юг по Большую стою агоры включительно, и особенности ориентации здания эллинистического Дикастерия позволили Е.И. Леви (1985. С. 69) заключить, что он возведен на территории, первоначально принадлежавшей теменосу. Таким образом, в V в. до н.э. судопроизводство в Ольвии осуществлялось под патронажем Дельфиния и вершилось на его святилище. Предшествующие эллинистическому дикастерию два каменных мегарона второй половины VI в. до н.э. (Копейкина, 1975. С. 194 сл.) и здания V в. до н.э. (Леви, 1985. С. 93), на наш взгляд, принадлежат дикастерию Дельфиния.

Выше мы предположительно отождествили здание IV–II вв. до н.э. с полихромной штукатуркой, расположенное к северу от северо-западного храма III в. до н.э. (Зевса, по А.Н. Карасеву), с обиталищем жрецов Дельфиния. Но подобное здание должно было быть у ольвийских мольпов и в позднем VI–V в. до н.э., судя по "дому мольпов" V в. до н.э. в Милете (Sylloge..., 1914. № 57.17, 20: ἐμ(ἐν)μολπῶν; Luria, 1963. S. 33), которое несомненно располагалось на святилище Дельфиния. В Ольвии на том месте, где стояло эллинистическое здание с полихромной штукатуркой, в VI–V вв. до н.э. находились какие-то производственные объекты, видимо, связанные с обслуживанием святилища Дельфиния (Брашинский, 1965. С. 103), так что "дома мольпов" здесь в эти столетия не было. В связи с этим привлекает внимание здание, каменные фундаменты которого расположены у восточной ограды (рис. 1) и которое А.Н. Карасев (1964. С. 36) предположительно счел сокровищницей. Оно было по меньшей мере двухкамерным, размеры одной из камер 4 × 5 м. Ограда святилища была задней стеной этого здания, причем ее увеличенная толщина как раз и послужила А.Н. Карасеву основанием для предположения о сокровищнице, что кажется недалеким от истины: если это был "дом мольпов", в нем располагались всякого рода дары и необходимые для отправления культа приношения (такие приношения "в дом мольпов" упоминаются в указанных строках милетского закона: Sylloge..., 1914. № 57), что и вызывало необходимость большей прочности внешней стены здания.

С.Д. Крыжицкий и А.В. Буйских сочли сокровищницей квадратное в плане здание V в. до н.э. около главного алтаря (Крижицький, Буйських, 1990. С. 34). Это одна из возможных интерпретаций назначения данного здания. А.Н. Карасев (1964. С. 34) отмечал его большую значимость, но определить назначение затруднялся.

В заключение несколько слов о здании конца VI в. до н.э. на теменосе Аполлона Иетра, от которого остались контуры траншей с двумя поперечными стенками (Русяева, 1991. С. 124 сл.; Крыжицкий, 1998. С. 170 сл.). С.Д. Крыжицкий (1998. С. 173–175, 189) реконструировал его в качестве храма в антах, плюс вариант с навесом при восточной стене. Безусловно, следует исходить из второго варианта, поскольку без навеса не получают объяснения каменные плиты, равномерно следующие вдоль восточной стены, назначение которых очевидно – они несли столбы бокового навеса (рис. 6, *а*)[11]. Укажем точную параллель этому сооружению – мегарон Б IX из Термоса длиной 21.4 м и шириной 7.3 м (рис. 6, *б*): его ин-

[11]Сохранились две северные плиты и четыре у средней части стены. Тут нет усмотренного С.Д. Крыжицким (1998. С. 173) "неравномерного шага в пределах от 1.25 до 4.70 м в осях". Промежуток между двумя группами камней образовался в результате выборки, в чем легко убедиться, промерив циркулем расстояния в осях между вторым (с севера) и третьим камнями – оно в точности совпадает с расстоянием в осях между тем же третьим и самым южным сохранившимися камнями. Камни следуют друг за другом на примерно равном расстоянии, столь же равномерно они отстоят и от стены (допустимы легкие колебания промежутков ввиду естественного смещения плит в почве после разрушения здания). Все это снимает беспочвенные сомнения А.С. Русяевой о связи этих плит со зданием.

терьер также разделен на три помещения, перекрытие двухскатное, т.е. на торцах фронтонное; с трех сторон, кроме фасадной, его обходят 18 столбов (первоначально было больше), которые несли перекрытие или навес; характер перекрытия здания в целом – предмет дискуссии (Dtrerup, 1969. S. 15f, 117; Всеобщая история архитектуры, 1973. С. 26; Parnicki-Pudelko, 1985. S. 33). Данная параллель определенно показывает, что и ольвийское здание – мегарон, окруженный с трех сторон навесом на столбах (рис. 6, *в*) и состоящий из трех компартиментов – простиля, зала и сокровищницы (характер последнего компартимента как сокровищницы поясняется его утолщенной внутренней перемычкой). Предназначение навеса на столбах вряд ли вызывает сомнение – он предохранял сырцовые стены ольвийского здания от воздействий стихии (фундамент был каменным – сохранились две известняковые плиты). Судя по небольшому расстоянию между лентой опорных камней и траншеей, т.е. восточной стеной, – 0.77 м (среднее от реального 0.55–1 м), глубина навеса не превышала метра с небольшим (0.77 + вынос карниза не боеле полуметра). Соответственно высота столь неглубокого навеса не превышала 2–3 м (иначе дождь омывал бы стены). Эти цифровые прикидки позволяют реконструировать навес с подводом к карнизу двухскатного перекрытия здания, т.е. перевязать на стене стропила бокового навеса со стропилами двухскатного перекрытия (рис. 6, *в*). Что до архитектурного декора, которым С.Д. Крыжицкий оснастил свой храм в антах, то ввиду расположения рядом еще одного здания и принимая во внимание, что оба здания неоднократно подновлялись, на наш взгляд, лучше воздержаться от атрибуции декора конкретному зданию конца VI в. до н.э.

Мегарон в Термосе долгое время оставался уникальным, не имеющим аналога в греческой архитектуре. Теперь ему нашлась параллель в Ольвии, моложе его на три столетия. Х. Дреруп указывал в качестве аналогии мегарону из Термоса центральноевропейское жилище IV в. до н.э. Это обстоятельство косвенно подтверждает наше предположение, что Аполлон Иетр, культ которого засвидетельствован только в Западном и Северном Черноморье, представляет собой туземное божество ветра *(u)jetru-, воспринятое первыми греческими колонистами (об этом нами готовится к печати статья "Аполлон Иетр не столько "Врач", сколько "Ветер"").

Поначалу мегарон в Термосе был дворцом, затем использовался в качестве святилища (в VII в. до н.э. его заместил известный храм Аполлона); есть также мнение, что это только храм. Параллель из Термоса отчасти разъясняет и назначение ольвийского сооружения – это мегарон, гражданское здание на теменосе, возможное обиталище жрецов Аполлона Иетра, подобное "дому мольпов" на теменосе Дельфиния. Если это и храм, то не Иетроон, храм Аполлона Иетра, поскольку характер этого бога аналогичен характеру Дельфиния – оба они божества ветра и потому культ Иетра как атмосферного божества не терпел закрытости сверху; как и Дельфинию, ему был посвящен весь Западный теменос, а не отдельное здание на нем. Данный мегарон – не первый в Ольвии: как сказано, два мегарона второй половины VI в. до н.э. принадлежали дикастерию Дельфиния. Л.В. Копейкина (1975. С. 197) связала их с ионийской традицией раннеархаического периода, что справедливо и в отношении мегарона на Западном теменосе. Поэтому датировка мегарона из Термоса IX в. до н.э. не предполагает такую же раннюю дату его ольвийского аналога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989.

Брашинский И.Б. Раскопки в районе теменоса Ольвии в 1960–1962 гг. // КСИА. 1965. Вып. 103.

Всеобщая история архитектуры. Т. 2. М., 1973.

Гиндин Л.А. Миф о поединке и мифология Аполлона // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977.

Карасев А.Н. Монументальные памятники Ольвийского теменоса // Ольвия. М.; Л., 1964.

Карасев А.Н., Леви Е.И. Исследования Ольвии после Б.В. Фармаковского // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.

Карышковский П.О. Монеты Ольвии. Киев, 1988.

Кобылина М.М. Милет. М., 1965.

Копейкина Л.В. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период // СА. 1975. № 2.

Крыжицкий С.Д. Ольвия. Киев, 1985.

Крыжицкий С.Д. Храм Аполлона Врача на Западном теменосе Ольвии // ВДИ. 1998. № 1.

Крижицький С.Д., Буйських А.В. Реконструкція споруд Центрального теменоса в Ольвії // Археологія. 1990. № 3.

Леви Е.И. Раскопки Ольвийской агоры и теменоса // КСИА. 1978. Вып. 156.

Леви Е.И. Ольвия. Л., 1985.

Лосев А.Ф. Античная мифология. М., 1957.

Ольвия. М.; Л., 1964.

Надписи Ольвии. Л., 1968.

Пичикян И.Р. Малая Азия и Северное Причерноморье. М., 1984.

Русяева А.С. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев, 1979.

Русяева А.С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982.

Русяева А.С. Исследования Западного теменоса Ольвии // ВДИ. 1991. № 4.

Русяева А.С. Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.

Соломонік Е.І. Присвята з городища Беляус // Археологія. 1992. № 1.

Толстой И.И. Культ Аполлона на Боспоре и в Ольвии // ЖМНП. 1904. Январь.

Фармаковский Б.В. Памятники античной культуры, найденные в России. Ш // ИАК. 1905. Вып. 14.
Хирст Г.М. Ольвийские культы // ИАК. 1908. Т. 27.
Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 2, 3.
Яйленко В.П. Греческая колонизация Средиземноморья. М., 1982.
Яйленко В.П. Материалы к "Корпусу лапидарных надписей Ольвии" // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985.
Яйленко В.П. Материалы к "Корпусу лапидарных надписей Ольвии". Продолжение // Исследования по эпиграфике и языкам Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1987.
Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990а.
Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990б.
The Athenian Agora. A Guide to the Excavation and Museum. Athenes, 1990.
Barnett R.D. Ancient Oriental Influences on Archaic Greece// The Aegean and the Near East. Locust Valley. New York, 1956.
Das Delphinion in Mitel / von Kawerau G., Rehm A. // Milet. 1914. Bd. I. Hft. 3.
Drerup H. Griechische Baukunst in geometrischer Zeit. Göttingen, 1969.
Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt. a.M., 1983.
Farnell L.R. The Cults of the Greek States. T. 4. Oxford, 1907.
Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. München, 1906.
Heckenlach. Hekate // RE. 1912. Bd. 14.
Die Inschriften von Ephesos. Bd. 2. Bonn, 1979.
Inscriptiones Graecae. 1904. V. XII. Fasc. 3.
Jessen. Delphinios // RE. 1901. Hlbd. 8.
Kleiner G. Altmilet. Wiesbaden, 1966.
Kraus Th. Hekate. Heidelberg, 1960.
Laumonier A. Les cultes indigènes en Carie. Paris, 1958.
Lazzarini M.L. Le formule delle dediche votive nella Grecia arcaica. Roma, 1976.
Luria S. Kureten, Molpen, Aisymneten // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. 1963. T. 11.
Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. Bd. 1. München, 1967.
Parnicki-Pudelko S. Architektura starozytnej Grecji. Warszawa, 1985.
Roscher W. Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mithologie. Bd. 1. Leipzig, 1884.
Sylloge inscriptionum Graecarum. T. 1. Lipsiae, 1914.

Identification and Reconstruction of The Buildings at the Olbian Temenos

V. P. Yailenko

Summary

Buildings of the Olbian temenos were excavated by A.N. Karasev who suggested their interpretation; at present it should be re-considered in connection with new point of view upon the nature of Apollo Delphinios cult. It was established by L.A. Gindin that Delphinios represents Greek adaptation of Hittite-Hattic fertility deity of Telepinus, the god of wind by its origin. "Atmospheric" character of Delphinios cult could not be associated with the space closed from above, therefore Delphinios shrine could not have any roofing. So, in Olbia the sanctuary of Apollo Delphinios, similarly to Delphinion in Miletos, coincided with the entire temenos, including its fence, but was not represented by any separate building within it. Therefore the northeastern building dating to the 5th c. BC can not be interpreted as the temple of Apollo Delphinios. Separate walls at the temenos also should be interpreted in different way. The author views insignificant remains of this construction as a stoa and not as a temple. The temple erected there in the 3rd c. BC was consecrated to Zeus – the main god of the town in the Hellenistic period. Consequently, the north-western temple of the 3rd c. BC might be consecrated to some other deity and not to Zeus. One cannot exclude the south-western building to be initially the stoa, then in the Hellenistic period re-built as a temple. In the Miletian sanctuary Delphinios was worshipped with Zeus and Hekate-Artemis. In the early period the cult of Dionis participated in formation of Apollo cult. The construction discovered at Western temenos and dated back to the 6th c. BC is not a temple, as S.D. Kryzhitsky supposed, but a megaron with roofiing resting upon outer pillars. Similar megaron was discovered in Thermos.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 3, с. 59–78

ГЕРМАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ: ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЕВРАЗИИ

© 2002 г. Г. Парцингер

Евроазиатский отдел Германского археологического института, г. Берлин

С образованием в Берлине в 1995 г. нового Евроазиатского отдела Германский археологический институт (DAI) распространил свою деятельность на степные районы Евразии и граничащие с ними на юге ареалы древних цивилизаций. Главная задача отдела – установление интенсивного научного сотрудничества между германскими и местными исследователями в области археологии. В 1996 г. в подчинение Евроазиатского отдела в качестве филиала вошел Тегеранский отдел DAI. В настоящее время в отделе работают 13 научных сотрудников: девять археологов различной специализации (первобытная, классическая, переднеазиатская, археология и архитектура) и четыре специалиста входящей в отдел рабочей группы, руководящие палеоботанической, археозоологической, дендрохронологической и радиоуглеродной лабораториями.

В течение двух первых лет существования отдела был решен ряд организационных задач и проблем. Наиболее важным явилось создание двух журналов "Eurasia Antiqua" и "Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan", а также семи монографических серий: "Archäologie in Eurasien", "Archäologie in Iran und Turan", "Steppenrölker Eurasiens / Степные народы Евразии", "Материалы по археологии Сибири", "Pontus Septentrionalis", "Materialien zur Iranischen Archäologie" и "Iranische Denkmäler". Двуязычные русско-немецкие серии – "Steppenvölker Eurasiens / Степные народы Евразии" и "Pontus Septentrionalis" – издаются совместно с Центром по сравнительному изучению древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН (Г. Бонгард-Левин, А. Иванчик), "Материалы по археологии Сибири" – совместно с Институтом археологии и этнографии СО РАН (А. Деревянко, В. Молодин).

Эти монографические серии и журналы доступны всем специалистам, занимающимся археологией Евразии. Многие российские исследователи являются авторами статей, а также монографий указанных серий; так, Л.К. Галанина опубликовала курганы Келермеса, Б. Бёттгер и Д.Б. Шелов – дипинти из Танаиса, Б.А. Литвинский – обзор античной Средней Азии, В.С. Зубков и А.И. Поселянин – тагарский некрополь Белый Яр в Хакасии, А.Д. Резепкин – некрополь майкопского времени Клады, К.К. Марченко, В.Г. Житников и В.Г. Копылов дали обзор о раскопках в Елизаветовке, В.И. Мордвинцева опубликовала интересное исследование о сарматских фалярах, В.И. Молодин и Г. Парцингер издали первый том результатов исследований в Чиче (Galanina, 1997; Böttger, Šelov, 1998; Litvinskij, 1998; Zubkov, Poseljanin, 1999; Rezepkin, 2000; Marčenko und and., 2000; Mordvinceva, 2001; Молодин и др., 2001). Другие монографии из этой серии принадлежат перу украинских, грузинских и немецких исследователей (Zbenovič, 1996; Götzelt, 1996; Nagler, 1996; Picchelauri, 1997; Berezanskaja, Kločko, 1998; The Holocene History..., 1999; Gerskovič, 1999; Vida, Völling, 2000; Baghestani, 1997; Caner, 1998). Подготавливаются и сдаются в печать тома об архитектуре Тахти-Сангина (Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян), об окуневских стелах в Минусинской котловине в Хакасин (Н. Леонтьев), о древнетюркских погребениях на Алтае (Г. Кубарев), об энеолитических культурах в Северном Причерноморье (Ю. Рассамакин), а также заключительные отчеты о совместных исследованиях, проведенных сотрудниками Евроазиатского отдела с русскими, казахскими, узбекскими и таджикскими коллегами.

В 1999 г. Евроазиатским отделом в Берлине был организован большой международный конгресс по теме "Миграция и культурный обмен. Изменения в передне- и центральноазиатских культурах на рубеже II–I тыс. до н.э.", на котором докладчики из Китая, России, Узбекистана, Франции, Италии, США, Турции и Германии представили интересные обзоры и культурах этого времени и их развитии на пространствах от Ордоса, Сибири, Средней Азии, Пакистана и Ирана до Кавказа, Леванта и Южной Аравии. Материалы этой конференции были опубликованы в виде большого сборника (Migration..., 2001; Parzinger, 2000).

Одна из задач отдела – реорганизация и расширение его библиотеки за счет слияния с фондом древней и ранней истории бывшего Центрального института первобытной археологии Академии наук ГДР, а также книг бывшего Тегеранского отдела. На сегодняшний день фонд библиотеки отдела насчитывает 55000 томов.

В настоящее время Евроазиатский отдел ведет работы в Северном Причерноморье (Молдавия,

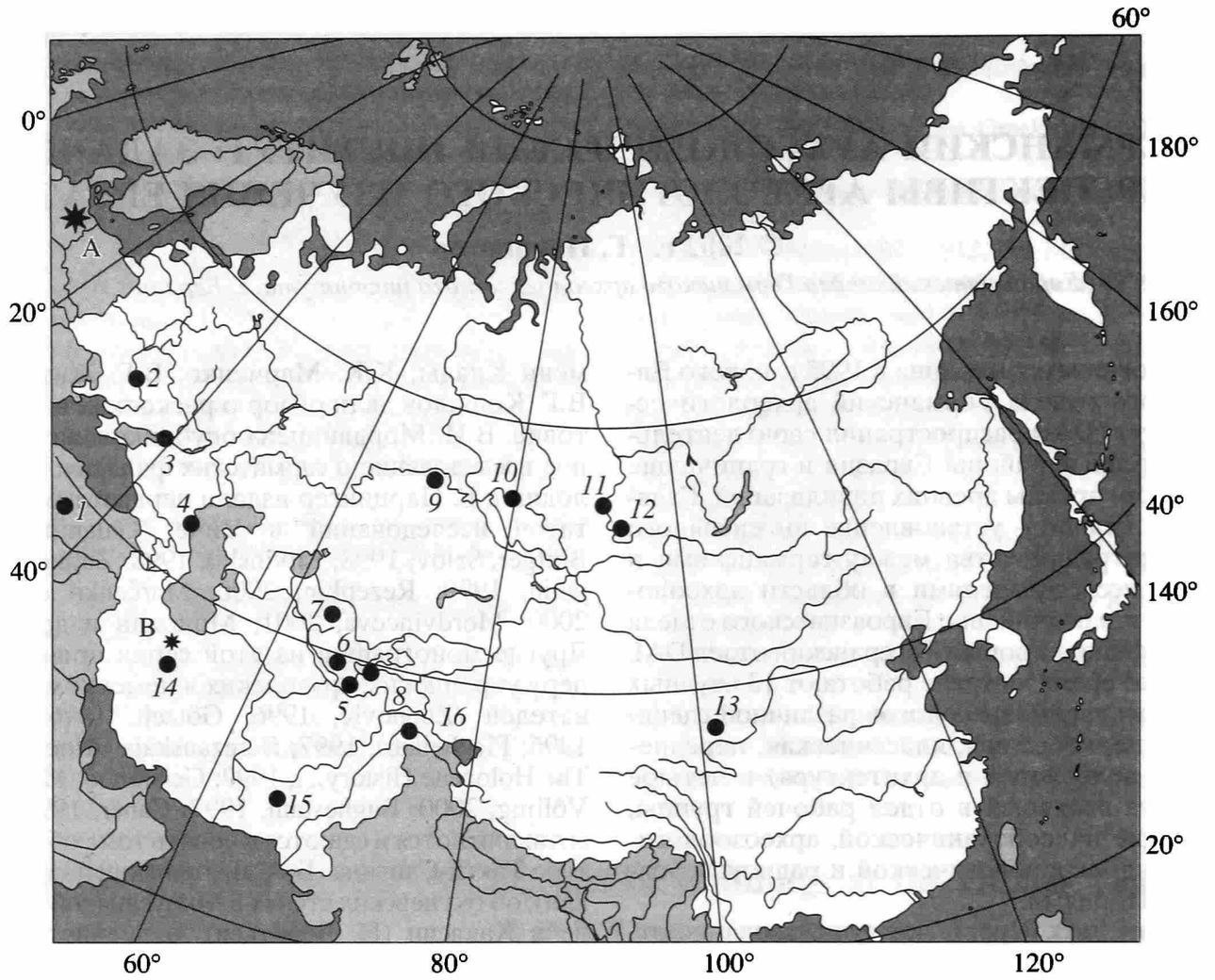

Рис. 1. Исследовательские проекты Евроазиатского отдела Германского археологического института (А – Берлин) и его филиала (В – Тегеран): 1 – Киркларели (Турция); 2 – Субботово (Украина); 3 – Танаис (Россия); 4 – Дербент (Россия); 5 – Джаркутан (Узбекистан); 6 – Карнаб (Узбекистан); 7 – Кызылкум (Узбекистан); 8 – Мушистон (Таджикистан); 9 – Байкара (Казахстан); 10 – Чича (Россия); 11 – Суханиха и Потрошилово (Россия); 12 – Аржан (Россия); 13 – Фенгтай (Китай); 14 – Арисман (Иран); 15 – Сохр Дамб-Нал (Пакистан); 16 – Каракорум (Пакистан).

Украина, юг России), на Кавказе (северокавказские республики РФ, Грузия, Азербайджан, Армения), в Центральной Азии (Иран, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Афганистан и Пакистан), а также в Сибири, Туве, Монголии и Северном Китае (Parzinger, 1998a, b, c, d). В каждом из этих больших регионов решаются конкретные научные проблемы (рис. 1). Первоочередной задачей является конечно, установление научных контактов с находящимися в местах работы отдела археологическими институтами и коллегами, а также углубление уже имеющихся контактов. В настоящее время существует много договоров о сотрудничестве с российскими академическими институтами и музеями Москвы, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Минусинска, а также других стран СНГ (Украины, Грузии, Узбекистана, Таджикистана и Казахстана). Кроме того, заключены соглашения с академическим институтом в Пекине, с Пешаварским университетом и Иранской Античной дирекцией в Тегеране. Во всех этих странах Евроазиатским отделом проводятся раскопки в сотрудничестве с местными научными учреждениями. Помимо участия в конкретных исследовательских проектах, в библиотеке Евроазиатского отдела в Берлине ежегодно работают 10–15 стипендиатов различных фондов и институтов (Alexander von Humboldt-Stiftung, DAAD, DAI и др.) из стран, с которыми мы сотрудничаем.

Исследования, проводимые сотрудниками Евроазиатского отдела, ведутся на пространстве от Черного моря до Северного Китая (рис. 1), решаемые проблемы относятся к различным временным периодам, но тем не менее главной для большинства проектов является проблема взаимовлияния между кочевыми и оседлыми племенами степей Евразии и граничащими с ними на юге высокоразвитыми культурами, иначе говоря, поиски контактов между в корне различными культурами

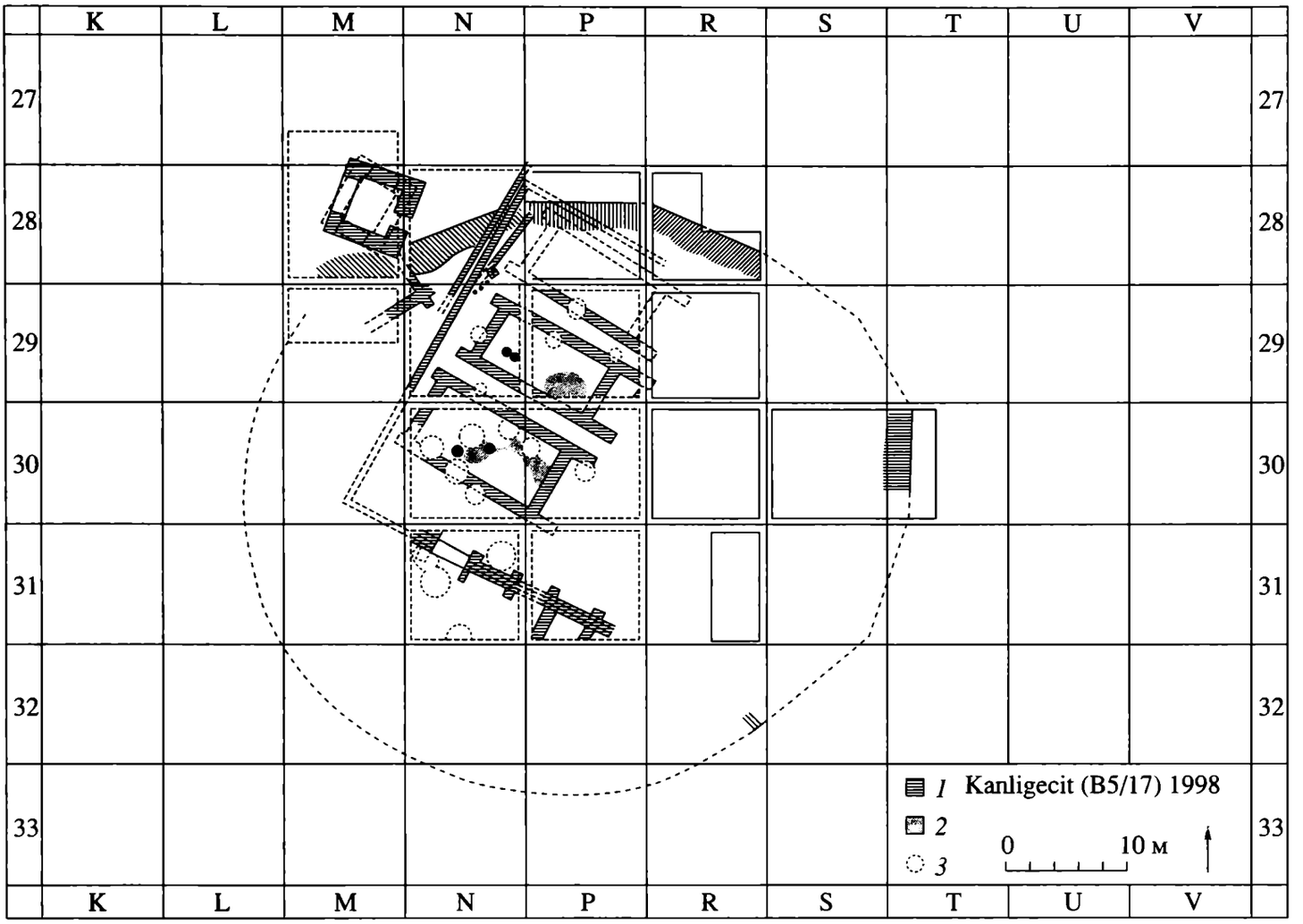

Рис. 2. Киркларели, Турция. План цитадели городища эпохи ранней бронзы Канлигечит (раскопки 1998 г.); *1* – каменная стена; *2* – сохранившиеся участки пола; *3* – ямы.

и обществами. Наша главная цель – исследование этой проблематики в различных культурных регионах и временных горизонтах.

Причерноморье. Начиная с 1993 г. совместно с университетом г. Стамбула (M. Özdogan) проводятся широкомасштабные исследования в богатой поселениями местности **Киркларели**, в турецкой Фракии (Г. Парцингер) (здесь и далее в скобках указываются фамилии исследователей – участников проекта). Важность этого региона объясняется его расположением на стыке анатолийских, балканских и северо-западных причерноморских культур, которые до сих пор, в основном, слабо изучены. Заселение этого района начинается в период Телль Асаги Пинар, в котором представлены все неолитические слои. Жизнь на телле начинается в раннем неолите (Караново I/II), в среднем неолите она перемещается к западу (Караново III) и в конце позднего неолита (Караново IV) прекращается. Таким образом, телль был покинут в то время, когда в Болгарии происходили развитие и расцвет культур следующей эпохи – энеолита (Караново V–VI) со сложными системами поселений, рудниками, металлургией и т.д.

Наши раскопки на поселении Канлигечит-Запад, лежащем в 400 м к западу от Асаги Пинар, показали, что турецкая Фракия во времена Караново V и VI не следовала более развитию в Болгарии, а была теснее связана с Северо-Западным Причерноморьем. Приток новых групп населения засвидетельствован керамикой Прекукутени, а вместо телля возникают простые поселения. В последующей эпохе – ранней бронзы, представленной в соседнем телле Канлигечит-Север, направление культурных связей вновь меняется; в это время турецкая Фракия испытывает влияние Анатолии; слои раннебронзового этапа III представлены в основном западно-анатолийскими находками (Троя, Йортан). Эта картина дополняется архитектурой (рис. 2): лежащая на небольшом возвышении цитадель была застроена многими домами типа мегарон и обнесена стенами, имевшими ворота с пропилонами. Подобный план сильно напоминает схему застройки Трои II, и его открытие здесь, во Фракии, является неожиданностью.

Этот акрополь был окружен обширным нижним городом (Parzinger, Özdogan, 1995; Parzinger und and., 1999; Özdogan et al., 1999).

Евроазиатским отделом (И. Мотценбеккер) и Институтом археологии НАН Украины (Я. Гершкович) ведутся совместные исследования в рамках украинско-германского исследовательского проекта "Переход от поздней бронзы к раннему железу в украинской лесостепи – чернолесская культура". В исследуемый период в регионе происходят глубокие исторические изменения, связанные с упадком оседлого, основанного на земледелии хозяйства и одновременным образованием кочевых скотоводческих объединений (киммерийцы, скифы). Важную роль в познании этих процессов играет изучение расположенных по среднему течению Днепра, в районе Тясмина, поселений чернолесской культуры. В рамках проекта основное внимание уделяется обработке и публикации материалов из раскопок А.И. Тереножкина в **Субботово**. Кроме того, для уточнения планов жилищ и проверки стратиграфии в течение двух сезонов проводились дополнительные полевые исследования. Они показали, что на поселении нет вертикальной стратиграфии, как считал А.И. Тереножкин, а имеется горизонтальная, что свидетельствует о постепенном расширении и распространении поселенческого ареала. Следует особо отметить, что в некоторых жилищах обнаружены фрагменты литейных форм для пластинчатых ручных браслетов с выступающим спиральным орнаментом, встречающихся в кладах вместе с так называемыми киммерийскими бронзами. Эти находки свидетельствуют о том, что обе группы вещей в лесостепи можно приписать последним жителям Субботово эпохи поздней бронзы.

Первые совместные российско-германские раскопки в греческом городе-колонии **Танаис** (Б. Бёттгер, Й. Форнасье) в устье Дона начались еще до образования Евроазиатского отдела в 1993 г. Наряду с Евроазиатским отделом в раскопках участвуют Институт археологии РАН (Т. Арсеньева), Ростовский государственный университет (Л.М. Казакова, С.А. Науменко), а также музей Танаиса (В. Чеснок, С. Ильяшенко); общее руководство раскопками осуществляют Т. Арсеньева и Б. Бёттгер (в настоящее время – его преемник Й. Форнасье). Как известно, раскопки Танаиса были начаты российскими исследователями еще в XIX в., однако интенсивные работы ведутся здесь с 1955 г.; с этого времени они проводились почти ежегодно и большими площадями. Масштабные исследования, осуществленные в те годы, позволили целенаправленно работать над решением вопросов истории, структуры, экономики и культуры этого города. Задачей совместной российско-германской экспедиции является выяснение, в какой мере основанный боспорскими греками Танаис находился под влиянием традиций эллинского урбанизма, как развилась его архитектура под влиянием "варварской" кочевой среды в течение столетий и что в нем сохранилось от античной цивилизации, несмотря на сильное варварское воздействие на последнем этапе истории города. Большим успехом экспедиции явилась локализация эллинистической агоры Танаиса: под поздними строительными слоями были найдены остатки пропилона, который в течение двух столетий вместе с площадью перед агорой и тремя ведущими к ней ступенями формировал главный вход на агору со стороны гавани.

Кавказ. В 1997 г. совместно с Институтом археологии Академии наук Дагестана (М. Гаджиев) была проведена археологическая разведка в связи со строительными работами на западном побережье Каспия в районе Дербента, некогда являвшегося крепостью на северной границе Сасанидской империи (Д. Хуфф). От древнего города в западном направлении на протяжении 40 км по Кавказскому хребту проходит заградительная стена с укреплениями. Это оборонительное сооружение – самое большое сасанидское архитектурное сооружение и поэтому представляет особый интерес. Его архитектура является единственным аналогом заградительных стен конца V–начала VI в. в Тахт-и-Сулаймане, на северо-западе Ирана. Можно предположить, что сооружения в Дербенте и в Тахт-и-Сулаймане возникли в непосредственной связи друг с другом. Целью первого полевого сезона было копирование и фотографирование более 30 пахлевийских надписей на стене, пополнение собрания знаков каменотесов (в настоящее время их насчитывается более 100) и создание наиболее полной фотодокументации стены. При этом было необходимо получить более детальную картину этапов строительства стены, изучить стены и укрепления крепости и исследовать каменоломни на побережье с целью выяснения происхождения использованного для строительства камня. Наряду с филологической и архитектурной обработкой полученного материала намечена публикация результатов исследований, проведенных Институтом археологии Дагестана ранее.

Средняя Азия. Джаркутан-Тепе – поселение, расположенное в слегка холмистой местности (северо-западная Бактрия), одно из самых значительных памятников Бактрии эпохи бронзы. Около 20 лет назад и поселении были начаты широкомасштабные полевые исследования. С 1994 г. они были возобновлены и ведутся Евроазиатским отделом (Д. Хуфф) совместно с Институтом археологии Академии наук Узбекистана (Т. Ширинов, Ш. Сайдуллаев). Дискуссия об абсолютной датировке памятника еще не закончена, однако радиоуглеродные даты из последних раскопок ясно свидетельствуют о более раннем начале этапа Сапалли-Джаркутан позднего бронзового века Бакт-

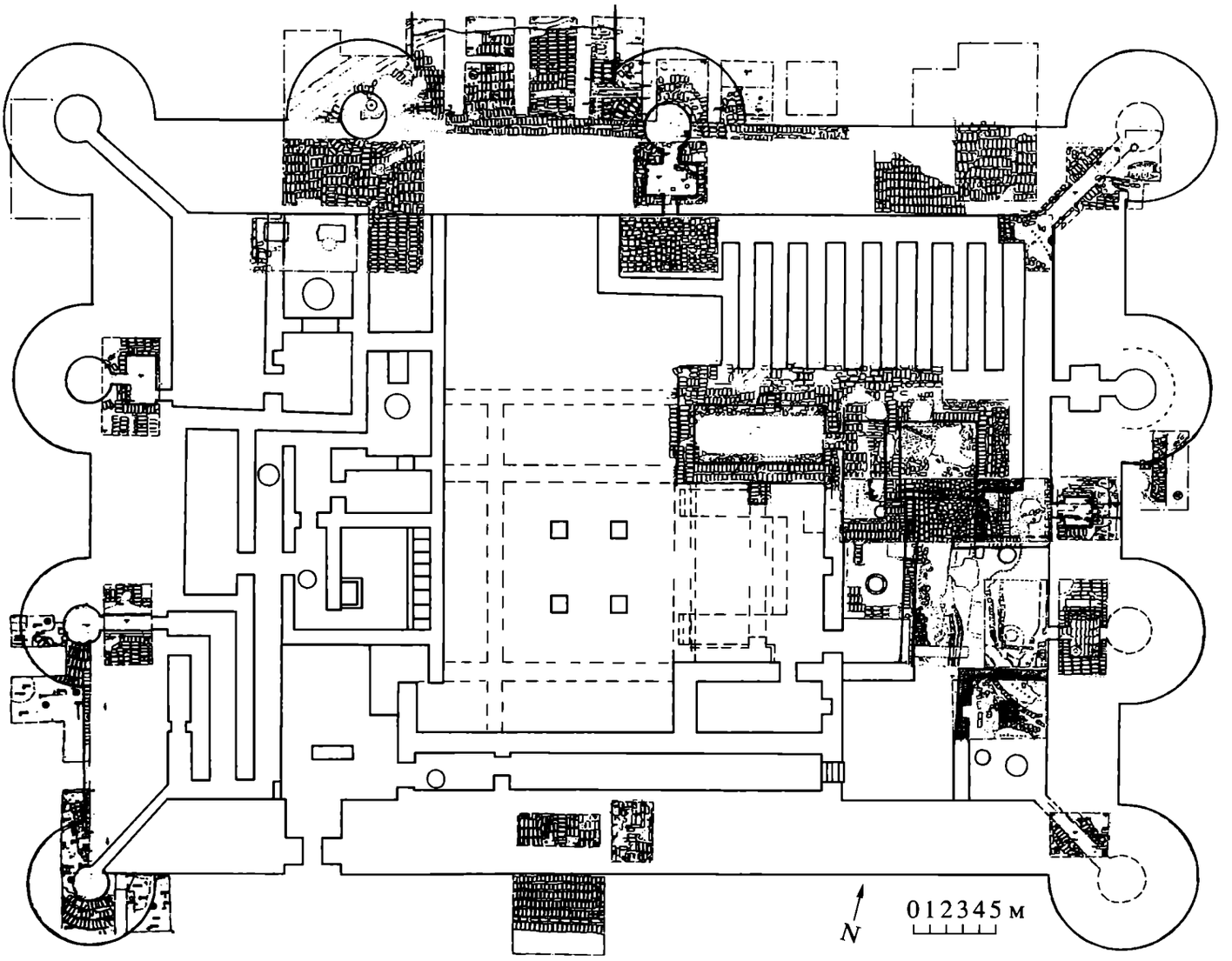

Рис. 3. Джаркутан, Узбекистан. План "храма" с учетом результатов новых раскопок.

рии – в первой половине II тыс. до н.э. О структуре поселения, а также хронологической последовательности отдельных строительных горизонтов окончательной ясности пока нет; решение этих вопросов – задача совместного узбекистано-германского проекта.

Кольцевая стена на небольшом возвышении в северной части поселения являлась, видимо, цитаделью с укрепленным дворцом. К северо-западу от нее был раскопан жилой комплекс. Наиболее впечатляющим, однако, является четырехугольное здание с особо мощными стенами (рис. 3). Его внутренняя планировка имеет сходство с постройками Тоголока в Маргиане. До сих пор это здание интерпретировалось как протозороастрийский храм огня, однако памятник нуждается в дальнейшем исследовании. В дополнение к уже опубликованным сведениям следует отметить, что эта постройка в своей последней фазе имела круглые бастионы со стенами из сырцового кирпича толщиной в 3 м, что опять же подчеркивает связь с Маргианой. В относящемся к поселению могильнике найдены украшения, керамика, а в некоторых случаях глиняные человеческие фигурки. Сильная насыщенность могильника погребениями привела к многочисленным "прорезаниям" погребений друг друга, что имеет большое значение для выяснения относительной хронологии могильника. До сих пор внутренняя хронология позднего времени Бактрии базировалась на погребальном инвентаре. В рамках совместного проекта будут не только исследоваться новые участки могильника, но и обрабатываться и публиковаться раннее раскопанный погребальный инвентарь, что значительно расширит базу данных для уточнения хронологии позднебронзового века Бактрии.

В рамках проекта "Получение олова в предысламской Средней Азии", финансированного Volkswagen-Stiftung, Евроазиатским отделом DAI (Г. Парцингер, Н. Бороффка) в сотрудничестве с Германским музеем горного дела в г. Бохуме

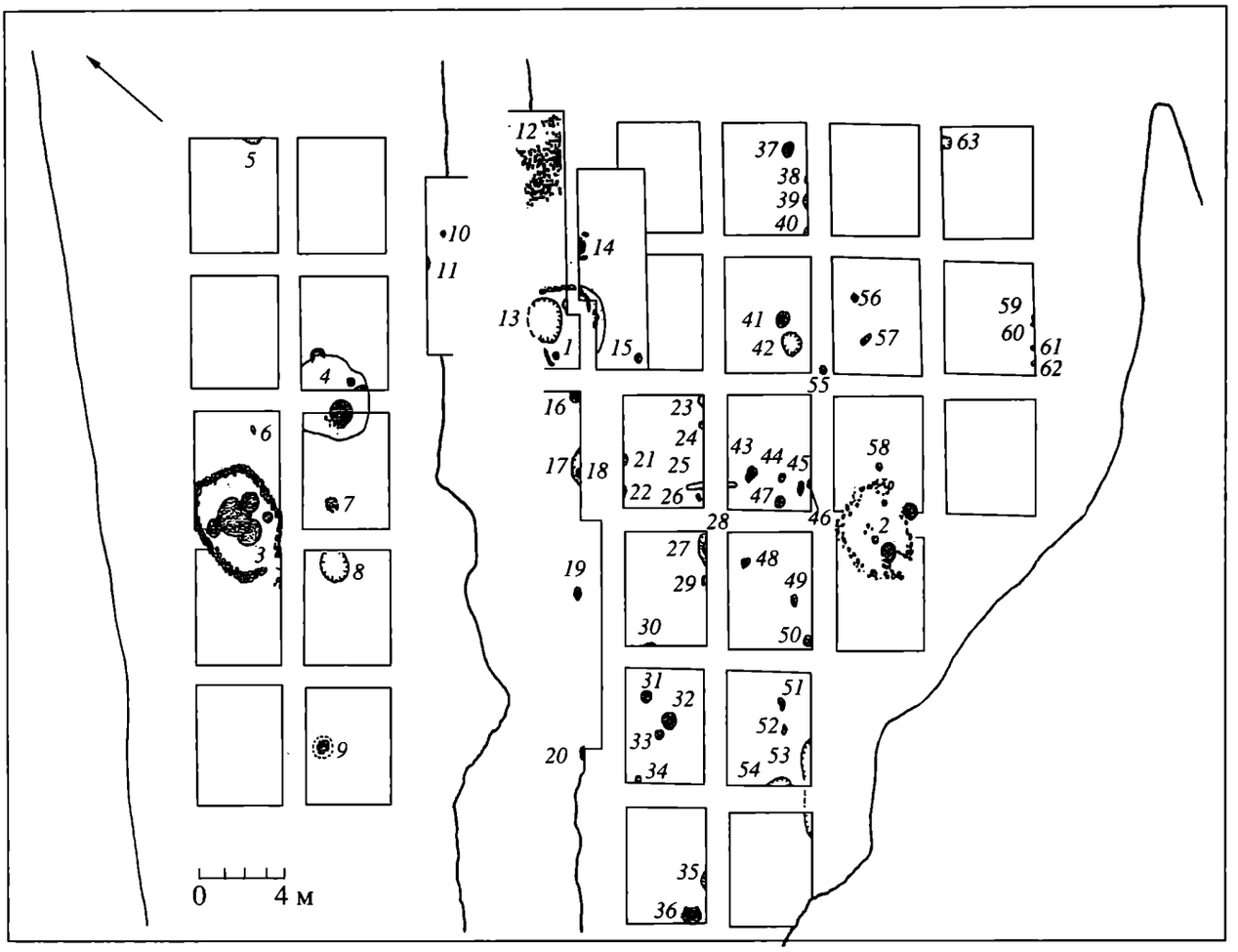

Рис. 4. Карнаб, Узбекистан. Общий план поселения рудокопов андроновской культуры.

(Г. Вайсгербер, Й. Черны) и кафедрой археометаллургии Горной Академии Технического университета в г. Фрайберге (Е. Перницка), а также Институтом археологии АН Узбекистана (Т. Ширинов, Ю. Буряков, В. Рузанов, К. Алимов) в период с 1997 по 1999 г. были исследованы значительное рудное месторождение и прилегающая к нему местность у **Карнаба** в центральной части долины Зеравшана – между Самаркандом и Бухарой (Alimov und and., 1998; 1999; Parzinger, Boroffka, 2001; Parzinger, im Druck). Главная задача первого раскопочного сезона – изучение последовательности заселения телля в Карнабе. Оно началось с позднеахеменидского-раннеэллинистического времени и продолжалось в течение всего кушанского периода вплоть до V–VI вв. От этого времени сохранилось мощное оборонительное сооружение (уцелели высокие глиняные стены с бойницами). Доисторические находки, как и следовало ожидать, отсутствовали.

На карнабском руднике раскопаны три открытые древние выработки. Полученный материал (керамика андроновской культуры, каменные молоты и т.д.) указывает на их использование в эпоху бронзы. Полученные здесь радиоуглеродные даты относят памятник к первой половине II тыс. до н.э. Исследования на Лапасе, еще одном цинковом месторождении, находящемся в 15 км юго-восточнее Карнаба, также дали материал, свидетельствующий о его использовании в эпоху бронзы – андроновскую керамику. Она была найдена и в Чингали, в открытых выработках, лежащих южнее дороги Карнаб–Самарканд. Тем самым удалось установить, что почти во всех узбекистанских месторождениях олова в южной части долины Зеравшана в эпоху бронзы добыча этого металла производилась носителями андроновской культуры. Полученные многочисленные радиоуглеродные даты укладываются в первую половину II тыс. до н.э.

В Карнабе-Сичкончи было полностью раскопано поселение андроновской культуры, находящееся в 300 м от древних шахт. Оно состояло из многочисленных землянок, некоторые из которых были обложены камнями (рис. 4). Стратиграфические наблюдения указывают по меньшей мере на две фазы существования поселения. Находки представлены типичной для андроновской культуры керамикой (рис. 5), отходами литья металла в виде капель оловянистой бронзы, медным

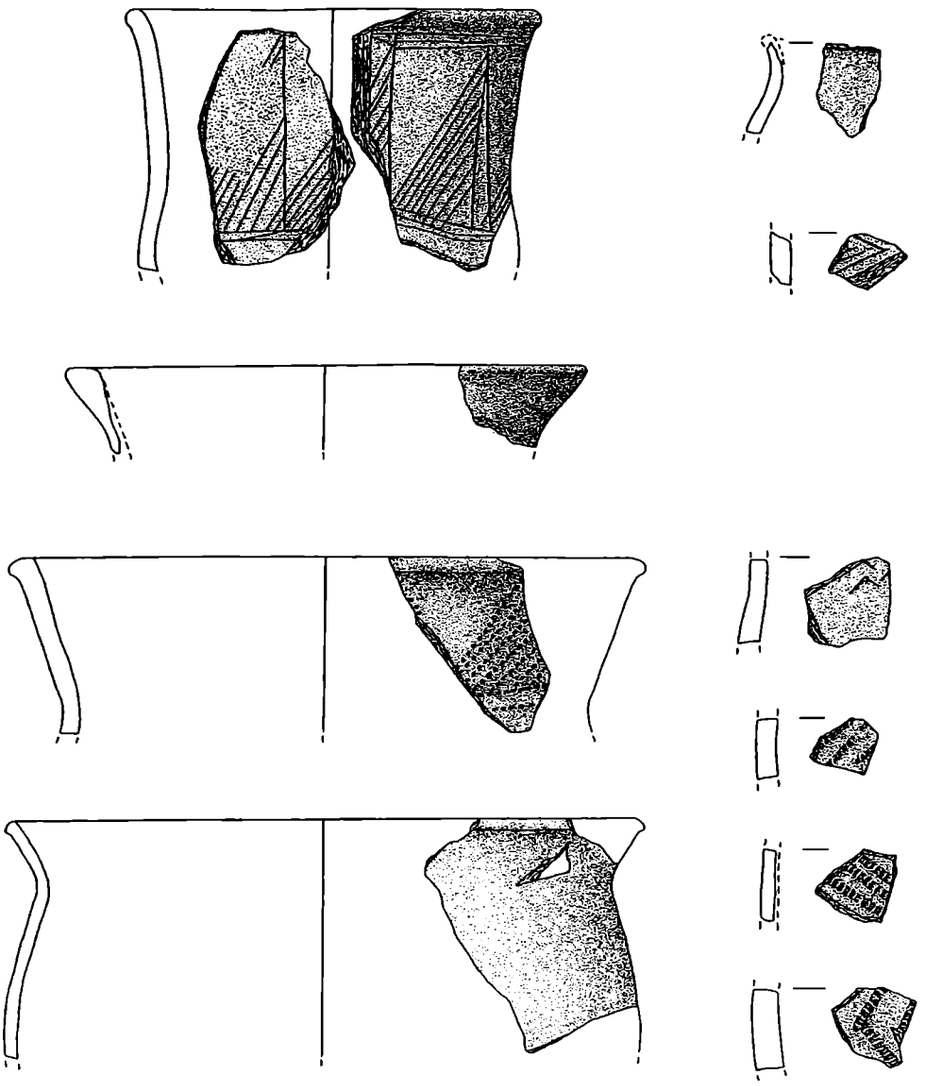

Рис. 5. Карнаб, Узбекистан. Керамика из поселения рудокопов андроновской культуры.

слитком и многочисленными каменными инструментами для измельчения руды. Точно такие же каменные предметы были найдены и в выработках. Это позволяет сделать вывод о том, что металл выплавляли на поселении из руды, добываемой в упомянутых выше шахтах. Здесь были также получены радиоуглеродные даты, относящиеся к первой половине II тыс. до н.э.

Параллельно с раскопками в Карнабе были проведены разведки в **Кызылкумах**, на севере долины Зеравшана, в районе древнего рукава Сырдарьи. Данные геологов указывают на наличие здесь многочисленных, используемых, вероятно, уже в древности меднорудных месторождений. Вместе с доказанной в Карнабе добычей олова данные месторождения могли иметь большое значение для древней металлургии бронзы в Средней Азии. В ходе археологической разведки в дюнах близ сел. Даугыз, там, где в древности предположительно протекала Сырдарья, были найдены многочисленные памятники, содержащие шлаки от медного литья, куски руды, обломки тиглей и печей, керамику андроновской культуры. Удалось даже раскопать стоящие in situ металлургические печи. Таким образом, можно уверенно утверждать, что в эпоху средней бронзы (первая половина II тыс. до н.э.) носителями андроновской культуры в районе Карнаба добывалось олово и одновременно в Кызылкумах интенсивно добывалось медь. В ходе работ были также исследованы древние открытые выработки в горах Коктау. Они скорее всего разрабатывались уже в эпоху бронзы, откуда руда могла поступать также в Кызылкумы. Но окончательно выяснить это можно будет лишь после проведения здесь археологических раскопок.

В дополнение к работам в Карнабе и Кызылкумах в рамках проекта были проведены исследования значительных месторождений олова и меди недалеко от Пенджикента – в лежащем на высоте 3000 м **Мушистоне**. В них приняли участие сотрудники Института археологии Таджикистана

(Ю. Якубов, М. Бубнова, В. Радилиловский) (Бороффка и др., 2000). В горных долинах были найдены многочисленные поселения, давшие большое количество керамики и металлургических шлаков. В ходе раскопок было установлено, что первое интенсивное заселение этих районов происходило в V–VIII вв. Оно было прервано арабским вторжением и исламизацией региона. Интересным памятником является и раннесредневековая крепость Сар-и-Чаус с хорошо сохранившейся "циклопической" каменной стеной, имевшей три или четыре выступающие башни. В заложенных на крепости раскопках были прослежены остатки обрушившихся сырцовых стен. Судя по найденной керамике, памятник датируется V–VIII вв. Параллельно с этими раскопками были исследованы шахты в районе Мушистона, выявлены многочисленные древние штольни, содержавшие андроновскую керамику. Полученные из шахт радиокарбонные даты укладываются в первую половину II тыс. до н.э. Таким образом, устанавливается, что в Мушистоне, как и в Карнабе, добыча олова осуществлялась в эпоху бронзы носителями андроновской культуры.

Сибирь. Исследование степных культур между Уралом и Енисеем является еще одним основным направлением в исследованиях Евроазиатского отдела. Они концентрируются в настоящее время в двух регионах: в Южной Сибири (в Минусинской котловине и Туве), а также в западносибирской лесостепи. Кроме того, ведутся работы в рамках совместного проекта в Северном Казахстане, культурно-географически являющемся частью западносибирской лесостепи.

В рамках сотрудничества с Северо-Казахстанским университетом в г. Петропавловске (В. Зайберт, А. Плешаков) Евроазиатский отдел (Г. Парцингер, А. Наглер) провел в течении 1997–1999 гг. раскопки могильника **Байкара** у селения Сергеевка на Ишиме (Зайберт и др., 1999). На могильнике было раскопано много курганов андроновского, скифского и сарматского времени. Особенно интересными оказались результаты исследования кургана 1, расположенного в центре могильника. Диаметр кургана составлял приблизительно 85 м, высота – почти 7 м. Этот курган – один из самых больших в северо-казахстанской лесостепи. В ходе раскопок было установлено, что это сооружение было скифским святилищем, создававшимся в течение многих этапов, а позднее, в сарматское время, использовавшимся как курган – в него было впущено погребение.

Строительство данного культового сооружения (фаза 1) было начато с выкапывания кольцевого рва, имеющего проход с юго-восточной стороны (рис. 6). Затем в центре была вырыта погребальная яма 1 глубиной 50 см, выложенная циновкой и не содержащая захоронения. С юго-восточной стороны к яме вел дромос, который сначала постепенно понижался, а затем шел как узкий подземный ход. Немного не доходя до середины кургана, дромос двумя ступенями выходил наверх и переходил в короткую деревянную вымостку, ведущую непосредственно к погребению 1. Вблизи погребальной ямы 1 располагались также неглубокие ямы 2 и 3, в которых находились конусообразные возвышения из обожженого суглинка. Десять столбовых ямок в юго-западном секторе свидетельствуют о наличии здесь прежде конструкции, реконструировать которую не удалось (рис. 6). На втором этапе строительства была удалена конструкция первого этапа, погребение 1 и дромос заложены грунтовыми вальками, поверхность кургана выложена слоем бересты и обнесена каменным валом, находившимся внутри кольцевого рва. На третьем этапе из вальков был возведен курган высотой 3–4 м, сверху дополнительно перекрытый слоем глины и каменным панцирем. Внутри кургана имелись конструкции: с южной стороны к центру вел один ход, с северной – два, в центре над погребальной ямой 1 они встречались (этот участок был, однако, потревожен впущенной позднее сарматской могилой). Внутри этих ходов сохранились деревянные подпорки и свод из плетня, инвентарь в них отсутствовал. Следует предполагать, что данные конструкции имели культовое назначение. На четвертом этапе строительства кургана ходы были обрушены, на поверхности кургана в ее западной, несколько обрывистой части сооружена каменная платформа, на которой стояло большое конусообразное образование из прокаленного красноватого суглинка (рис. 7). Согласно случайным находкам и радиоуглеродным датам, все это происходило в V–IV вв. до н.э. После этого курган в течение нескольких столетий не использовался, пока на пятом этапе его существования сарматами в центр кургана не было впущено богатое погребение. В XVIII в. оно было разграблено бугровщиками. Остатки инвентаря – около 200 золотых предметов, украшавших одежду, позволяют датировать данное захоронение рубежом н.э. Аналогами этому захоронению сарматской знати служат комплексы того же времени из евразийской степи (Комарово, Тилля-тепе).

Восточнее Байкары, в Барабинской лесостепи находится поселение **Чича** (эпоха поздней бронзы – раннего железа), где с 1999 г. ведутся раскопки в рамках совместного проекта Евроазиатского отдела (Г. Парнцингер, Й. Шнеевайс) и Института археологии и этнографии СО РАН (В. Молодин, Ю. Гаркуша, О. Новикова, А. Гришин, Н. Ефремова) (Молодин и др., 1999; 2000; 2001; Парцингер и др., 1999; Васильев и др., 2000). В ходе подготовки раскопок памятника была проведена его геофизическая разведка (Г. Беккер, Й. Фасбиндер). В результате удалось выявить большое укрепленное поселение городского типа площадью

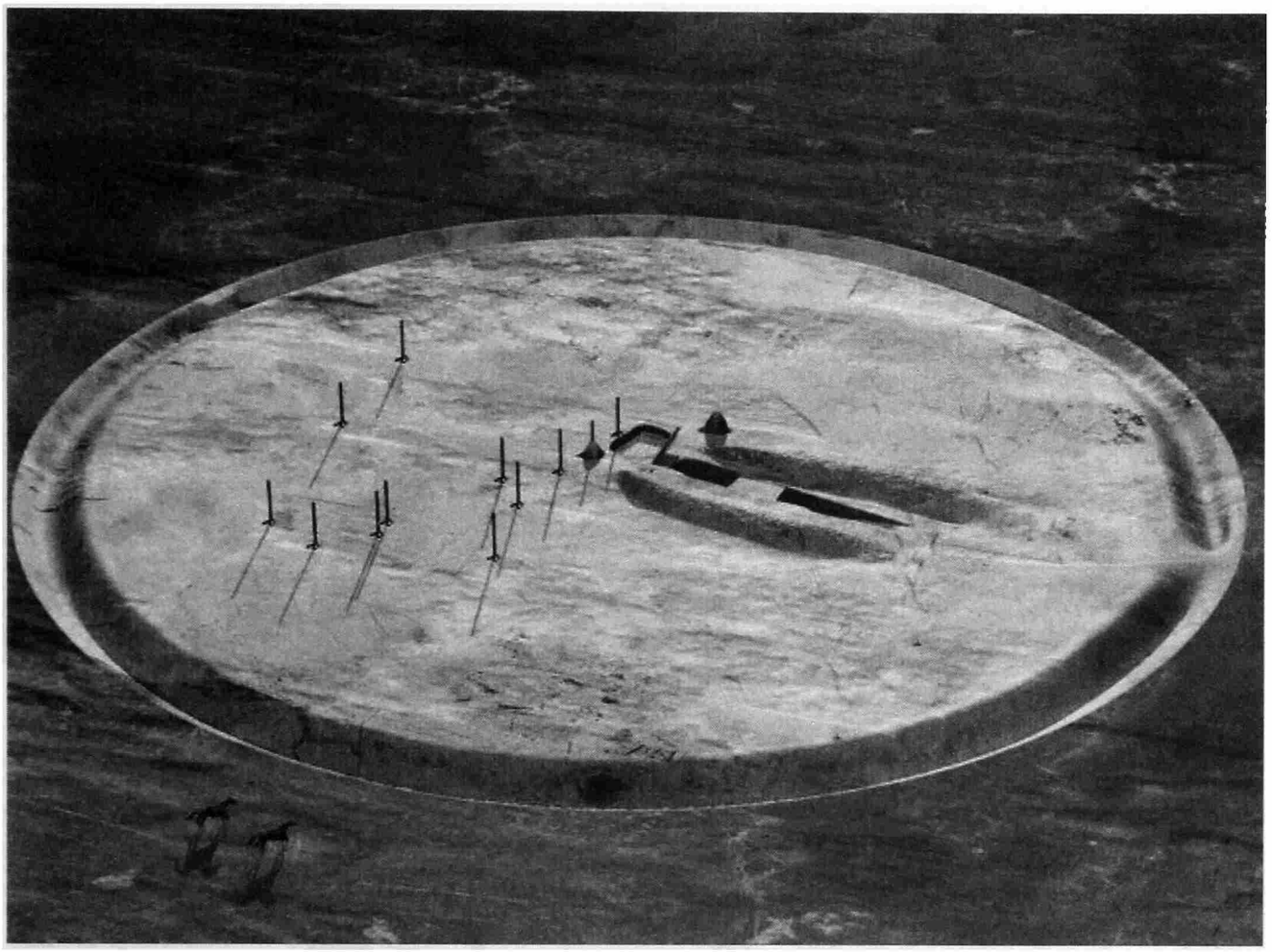

Рис. 6. Байкара, Казахстан. Первая фаза развития скифского святилища.

приблизительно 8 га (рис. 8). Свыше 100 домов поселения были расположены упорядоченно, образуя систему улиц. Система рвов, назначение которых еще предстоит выяснить, позволяет распознать дифференцированную внутреннюю структуру поселения. Однако очевидно, что специально укрепленная западная часть поселения служила своего рода цитаделью, окруженной расположенным вокруг нее полукругом нижним городом (рис. 9).

Начиная с 2000 г. внутри населенного ареала проводятся раскопки с целью выяснения стратиграфии, хронологии и структуры этого поселения. Наряду с археологическими в рамках проекта проводятся также палеоботанические, археозоологические, педологические и другие исследования. Уже во время первых пробных раскопок в 1979 г. В. Молодин отнес поселение к поздне-ирменской культуре, т.е. к IX–VIII вв. до н.э., что подтвердилось новейшими радиоуглеродными данными, полученными в 2000 г. Во времена расцвета саргатской культуры этот памятник был вновь заселен. Особый интерес представляют исследования, проведенные на укрепленной цитадели, где различаются по крайней мере два периода заселения. К первому периоду относятся полуземлянки конца позднеирменской культуры. Здесь речь идет о многих стоящих тесно друг к другу и иногда соединенных между собой коридорами строительных комплексах. Цитадель заметно отличается от внешнего поселения находками: только здесь были найдены многочисленные глиняные фигурки, изображающие людей и животных. Если керамика, найденная на цитадели, относится в основном к позднеирменской культуре, то в других строениях поселения, а также в землянках, иногда состоящих даже из двух помещений, найдена совершенно другая керамика. Ее можно скорее сравнить с керамикой из Сузгун, Красноозеро и Завьялово, иногда встречаются даже атлымские элементы, что однозначно свидетельствует о северных связях. Все эти группы относятся, однако, в основном к одному и тому же времени – ко времени перехода от поздней бронзы к раннему железу, что подтверждают и результаты радиоуглеродного датирования. Таким образом, эти различия нельзя объяснить с хронологической точки зрения; вероятно, различные части поселения использовались различными группами его обитателей. Детальное объяснение этому могут дать только

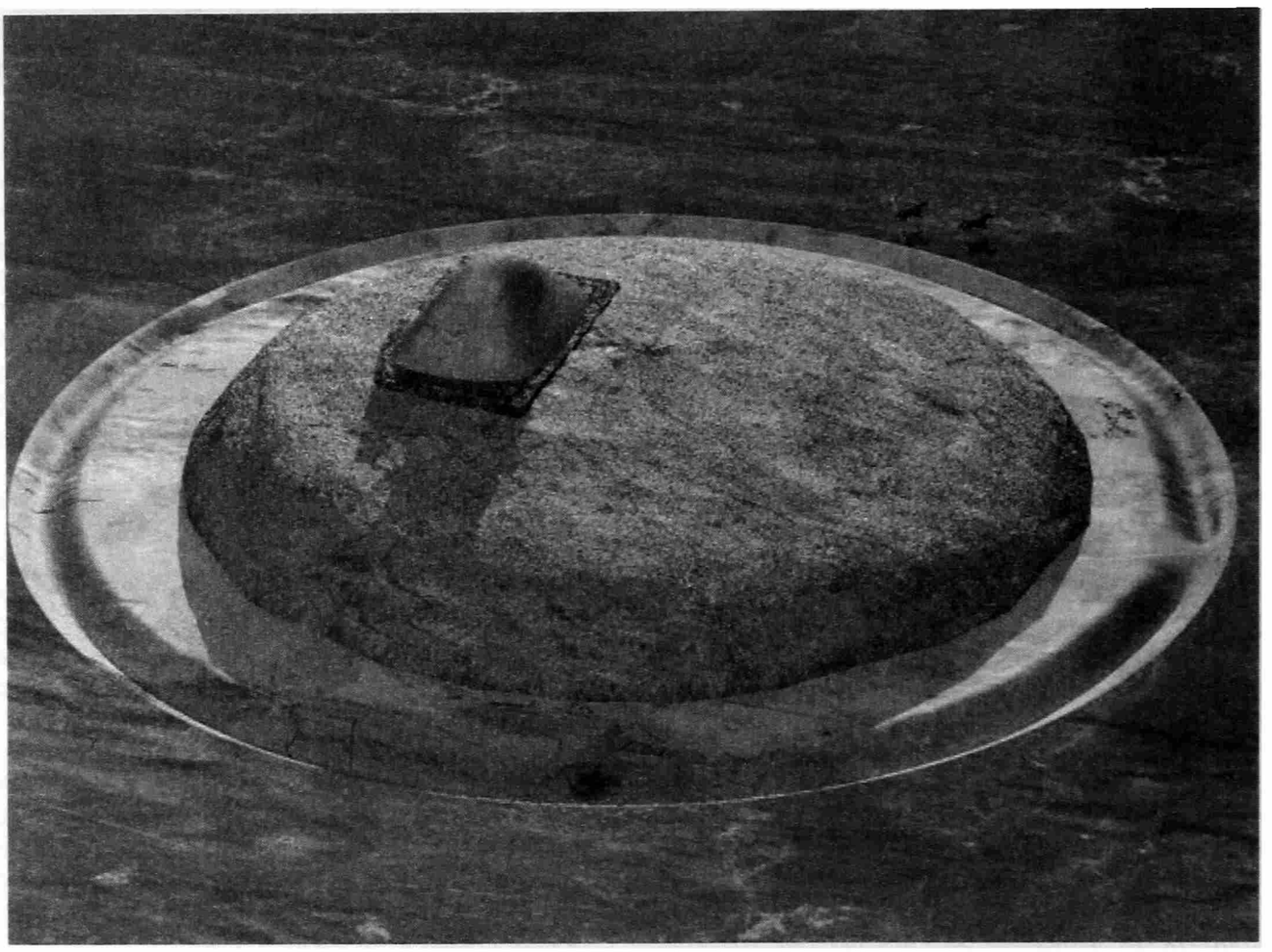

Рис. 7. Байкара, Казахстан. Четвертая фаза развития скифского святилища.

дальнейшие раскопки. Жилища саргатской культуры были возведены лишь в районе цитадели, где в результате возникло два слоя; внешнее поселение было, вероятно, в поздние времена не заселено.

С 1995 г. Евроазиатский отдел (Г. Парцингер, А. Наглер) совместно с Минусинским музеем (Н. Леонтьев) проводит в Южной Сибири раскопки на длинной террасе восточного берега Енисея под горой **Суханиха**. Позднее исследованиями был охвачен и соседний небольшой могильник у бывш. с. **Потрошилово**. Могильник у горы Суханиха интересен не только тем, что он расположен в центре Минусинской котловины – в месте впадения р. Тубы в Енисей, но и тем, что там представлены почти все этапы ранней истории Южной Сибири. Геомагнитная разведка могильника дала возможность "заглянуть вовнутрь", увидев размещение могил, и позволила вести раскопки целенаправленно. На Суханихе были раскопаны многочисленные погребения времени перехода от каменноложской культуры к тагарской, представленной на могильнике всеми ее этапами (баиновским, подгорновским, сарагешенским и тенсинским). Раскопано много погребений афанасьевской, карасукской и каменноложской культур. В то время как последние являются очень важными для выяснения соотношения между андроновской и карасукской культурами, на Суханихе имеются идеальные предпосылки для детального исследования периода от эпохи поздней бронзы до конца эпохи раннего железа, особенно перехода от одной к другой (Leont'ev und and., 1996; Görsdorf und and., 1998; 1999).

Особое значение имеет большое количество радиоуглеродных дат (рис. 10), полученных в настоящее время на Суханихе и дополненных датами из других памятников Хакасско-Минусинской котловины. При этом выясняется, что большинство сибирских культур значительно старше, чем считалось до сих пор. Так, например, энеолитический-раннебронзовый период афанасьевской культуры относится к концу IV–первой половине III тыс. до н.э. Даты для окуневской культуры концентрируются в конце III–начале II тыс. до н.э. Следующая за ней андроновская культура (федоровский этап), занимает хронологический промежуток между 1850 и 1450 гг. до н.э. Датировки классической карасукской культуры и культуры каменный лог относятся приблизительно к ин-

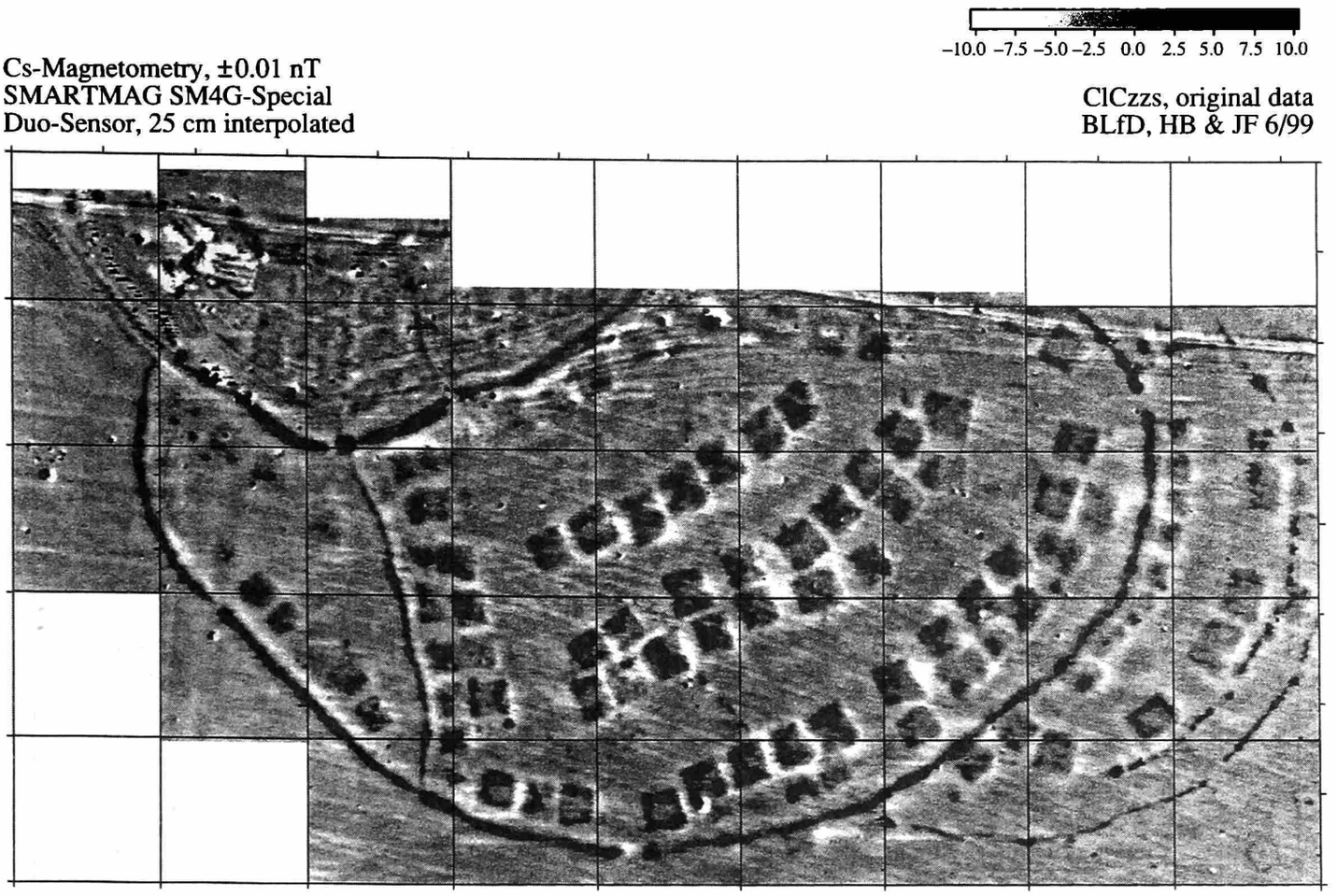

Рис. 8. Чича, Россия. Исследования 1999 г. Геомагнитный план позднеирменского поселения (Г. Беккер и Й. Фасбиндер).

тервалу между 1400 и 900 гг. до н.э. Сразу за ними следуют тагарские погребения баиновского этапа. Погребения тесинского этапа из Суханихи датируются рубежом н.э. Помимо этого, к настоящему времени получено много дат, особенно из раскопок последних лет, давших обширный материал по карасукской, каменноложской и всем этапам тагарской культуры. Мы убеждены, что после окончания данного совместного исследования хронология Минусинской котловины получит новую основу.

Целью следующего проекта является обработка находящейся в Минусинском музее коллекции из более чем 9000 тагарских бронз. Совместно с музеем планируется каталогизированное издание этих материалов (Н. Леонтьев, Г. Парцингер, А. Наглер), которое явится обобщающим собранием предметов скифо-сибирского звериного стиля. Графические работы практически завершены, в настоящее время ведется работа над составлением каталога.

Исследования, проводимые Евроазиатским отделом в Южной Сибири, не ограничиваются только Минусинской котловиной. Для выяснения вопросов о южном влиянии на развитие южносибирских культур необходимо было включение в наши исследования соседствующих с ними на юге областей. Большое значение имеет Тува, так как еще в древности здесь проходил путь из Северного Китая и Монголии сначала по верхнему течению Енисея в Туве и далее через Саяны в Минусинскую котловину. У подножья Западных Саян, там, где начинается один из ведущих на север путей, простирается с запада на восток вдоль р. Уюк долина, образующая у селения **Аржан** большую равнину. Здесь находится один из значительнейших скифских могильников юга Сибири. В 1970-е годы М.П. Грязновым здесь был раскопан большой, диаметром свыше 100 м, курган. Выявленная в нем своеобразная деревянная конструкция, а также сохранившийся инвентарь вызвали огромный интерес у специалистов и дали возможность выделить раннескифский культурно-хронологический горизонт. Так как исследования здесь более не проводились, оставалось неясным, какое место занимает курган Аржан в развитии культур северотувинской Уюкской долины.

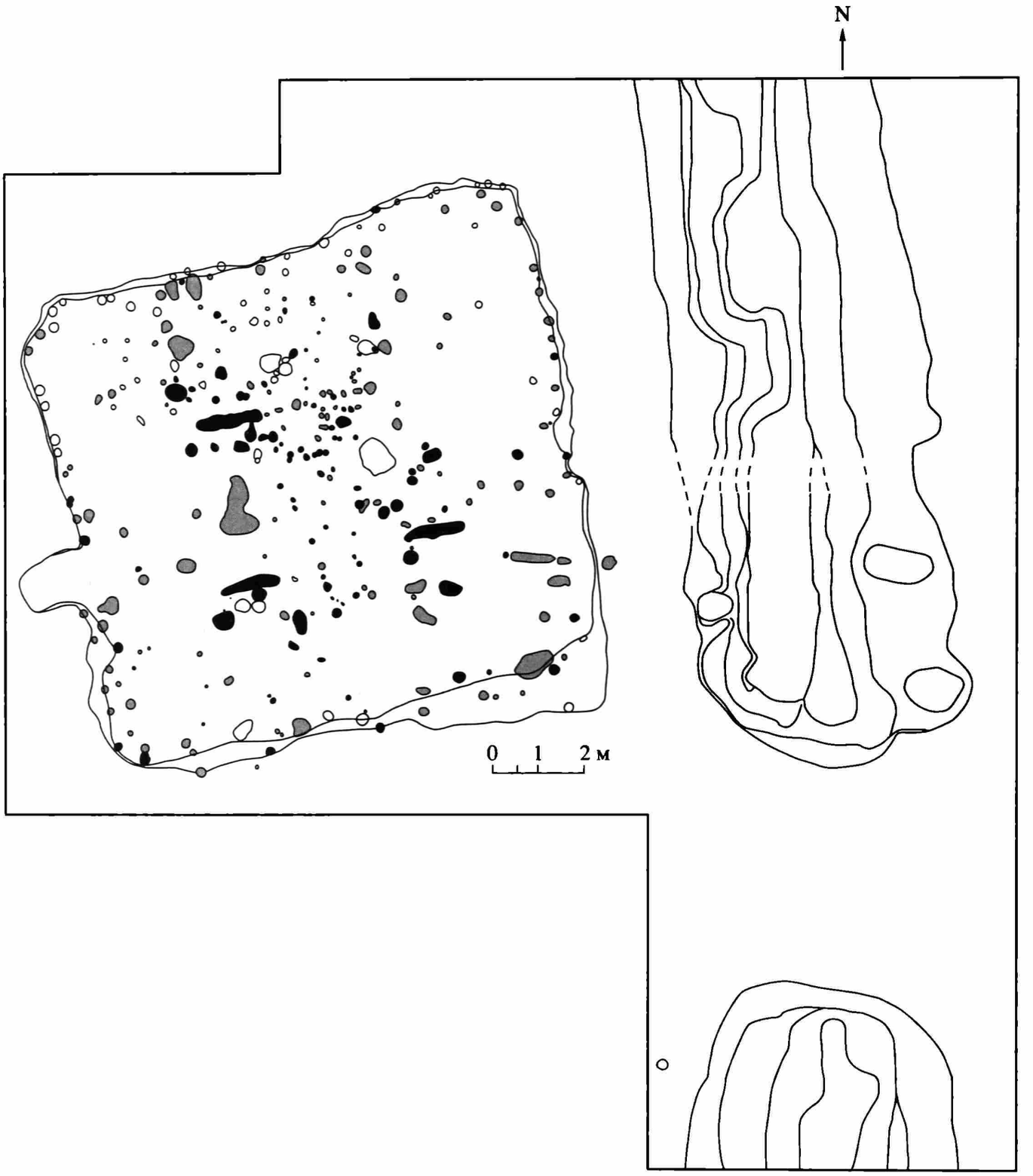

Рис. 9. Чича, Россия. Раскоп 1/2000 с полуземлянкой и рвом внешнего укрепления с входными воротами.

Курганы Аржана расположены длинными цепочками, тянущимися через всю долину. В 1997 г. Евроазиатским отделом (Г. Парцингер, А. Наглер) в рамках сотрудничества с Петербургским филиалом Научно-исследовательского института природного и культурного наследия при Министерстве культуры РФ (К. Чугунов) был раскопан один из курганов цепи к западу от Аржана. Земляной холм диаметром около 28 м был покрыт каменным панцирем и содержал могильную камеру, сооруженную из массивных лиственничных бревен. Эта конструкция, а также инвентарь, среди которого находились птицеобразные нашивные бляшки из золотой фольги, позволяют датировать курган V в. до н.э. (Чугунов и др., 1999).

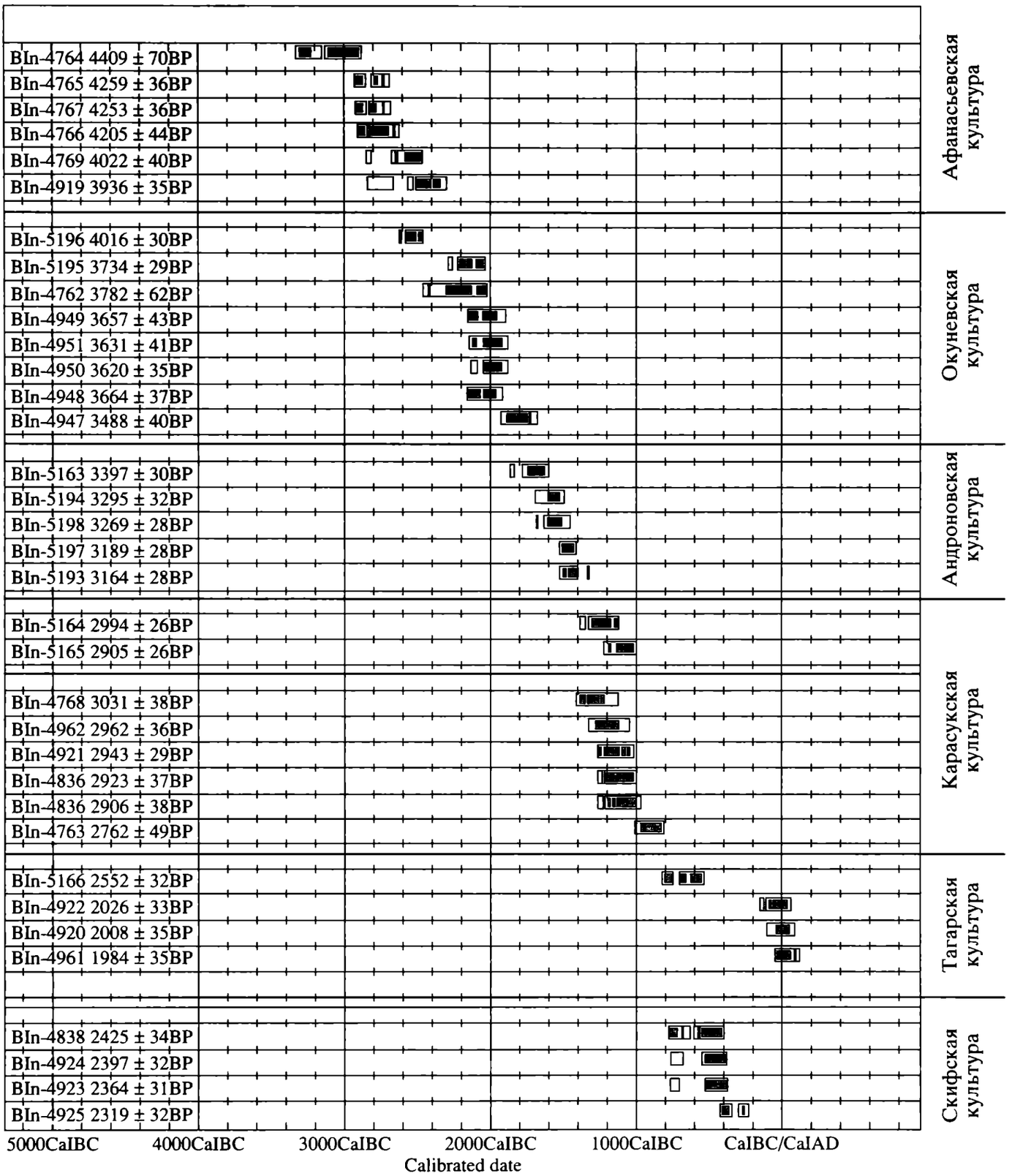

Рис. 10. Минусинская котловина, Россия. Сводка радиоуглеродных дат сибирских археологических культур (по материалам могильника Суханиха и других памятников котловины).

В 2001 г. совместные работы были продолжены. Их цель – исследование кургана Аржан-2, находящегося к востоку от сел. Аржан (курган, раскопанный М.П. Грязновым, ниже именуется Аржан-1). Подобно кургану Аржан-1, он имел вид сложенной из каменных плит платформы, но был меньше Аржана-1: его диаметр составлял приблизительно 72 м, высота несколько более 2 м. Во время раскопок трех секторов кургана в его северо-западной части были выявлены три гуннских и древнетюркских погребения (погр. 1, 3 и 4), а также два скифских захоронения (погр. 2 и 5).

Рис. 11. Аржан, Россия. Погребение 5 кургана Аржан-2.

Погребение 2 представляло собой маленькую конструкцию из деревянных балок, перекрытую также балками, а затем каменными плитами. Вероятно, погребение предназначалось для символического захоронения коня. Инвентарь состоял из остатков дерева, возможно, деталей седла, а также золотых украшений конского снаряжения. Особое внимание привлекает конусная пластинка из золота, увенчанная головой грифа; с трех сторон к ней были прикреплены золотые фигурки рыб. Точная интерпретация находок возможна только после их реставрации в лаборатории Государственного Эрмитажа, так что данное объяснение имеет предварительный характер.

В нескольких метрах к юго-западу от погребения 2 находилось погребение 5. Каменное покрытие большой, 5 × 5 м, ямы было неповреждено, таким образом, можно было надеяться, что найдено неограбленное погребение. Примерно на глубине 3 м обнаружено перекрытие из деревянных балок. Оно также не было потревожено, лишь в южной части могилы перекрытие просело. За первым перекрытием следовало второе – из еще более мощных бревен, уложенных в поперечном по отношению к первому перекрытию направлении. Здесь показалась могила, как выяснилось, практически не заполненная грунтом (рис. 11). В погребальной яме был установлен тщательно сооруженный двойной сруб, состоящий из разделенных небольшим пространством внешнего и внутреннего срубов. Очевидно, все четыре стенки внутреннего сруба были в древности задрапированы тканью, которая, однако, не сохранилась. Вдоль этих стенок лежали длинные деревянные брусья, относящиеся, вероятно, к драпировке. Кроме того, в двух местах обнаружены следы органики, свидетельствующие о том, что к стенам было что-то подвязано. На тщательно обработанном гладком деревянном полу лежали два скелета: в северо-восточной части скелет мужчины, в юго-западной части – женщины. Вероятно, в древности дно могилы было выстлано войлоком, превратившимся со временем в черный слой органического тлена. Сохранность костей не очень хорошая, головы погребенных запрокинуты назад; возможно в древности они покоились на подушках, к моменту раскопок разложившихся. Из органики сохранились лишь деревянные предметы и скопление семян в углу могилы.

На шее мужчины находилась гривна в виде массивного золотого кольца, вся поверхность которого была покрыта изображениями в зверином стиле. Ее передняя расширенная четырехугольная часть орнаментирована маленькими напаянными фигурками пантер. Верхняя одежда была также украшена тысячами маленьких фигурок пантер. В области груди и на рукавах они были нашиты на одежду параллельными вертикальными рядами, головой кверху; на спине ряды пантер образовывали орнамент в виде крыльев. Мужчина был обут в сапоги, видимо, войлочные или кожаные, украшенные тысячами мелких золотых бусинок диаметром около 1 мм, голенища сапог заканчивались широким золотым обшлагом. За головой и под ней были найдены пять пластинчатых фигурок животных из золота с пастовыми вставками (четыре лошади и один олень). Эти фигурки были закреплены на головном уборе умершего. Покойный был вооружен железным кинжалом, лежавшим у его правого бедра. Кин-

жал подвешивался к поясу на ремне, пояс и ремень украшали многочисленные бляшки из литого золота с зооморфным орнаментом. С правой стороны на поясе на ложновитой цепи висел маленький золотой котелок, тоже украшенный зооморфным орнаментом. Слева от погребенного лежал золотой колчан, украшенный узором в виде рыбьей чешуи (рис. 12). Находившиеся в нем деревянные древки стрел были разрисованы чередующимися полосами красного и черного цвета. Сильно корродированные железные трехперые наконечники стрел были покрыты позолотой, на которой просматривался орнамент. Исключительно богато был украшен золотыми изделиями и ремень для подвешивания колчана. Под колчаном были найдены остатки лука. Между колчаном и стеной камеры лежал клевец со следами позолоты и сохранившейся деревянной рукояткой. Слева от головы погребенного, над колчаном, лежало маленькое круглое бронзовое зеркало.

Слева от головы женщины также лежало бронзовсе зеркало, однако бóльших размеров. Его ручка из органического материала была украшена золотом. И здесь, в области головы, лежали три прорезные золотые пластины от головного убора, выполненные в зверином стиле. То же самое можно сказать о двух золотых булавках, настоящих произведениях искусства, стержни которых вкруговую украшены зооморфным орнаментом. Головка одной из булавок выполнена в форме тонко проработанной фигурки оленя, другой – в форме стилизованного изображения крылатого существа.

Верхняя одежда женщины была украшена подобно одежде мужчины. В области груди было найдено большое количество маленьких бусин из граната, малахита, золота и пасты. Здесь находились также и две золотые серьги, украшенные зернью. Нижняя часть костюма женщины также не сохранилась, вероятно, она не была украшена золотом. В области ног было обнаружено большое скопление (тысячи) мелких золотых бусинок. Они были, вероятно, нашиты на обувь, изготовленную, возможно, из войлока. Обувь украшалась золотыми лентами, орнаментированными зернью, пастой и перламутром. По расположению золотых предметов можно заключить, что обувь, возможно, имела вид полуботинок. Более того, судя по сохранившимся органическим находкам из "ледяных курганов" Пазырыкской группы на Алтае, погребенная должны была быть обута в высокие до колен войлочные сапоги, имевшие золотые украшения только в области ступней; войлочные сапоги с Алтая имели также украшения только в области ступней, но там они были из нашитого органического материала. У правого бедра женщины на ремне висел железный нож, ремень украшали прекрасно выполненные в зверином стиле золотые фигурки. Справа от женщины, возле западного угла камеры, найдены три большие бусины из янтаря, деревянная чашка с золотой ручкой, золотой гребень с деревянными зубьями, непосредственно в углу камеры – кучка растительных остатков, среди которых уже определены дикие фисташки и семена конопли или мака. Так как на семенах лежала каменная курильница, можно предположить, что семена сжигались с целью опьянения, как это описывает Геродот у скифов Причерноморья. Среди растительных остатков лежали орнаментированная золотая пектораль и маленький бронзовый сосуд, вероятно, находившийся в сумочке из кожи.

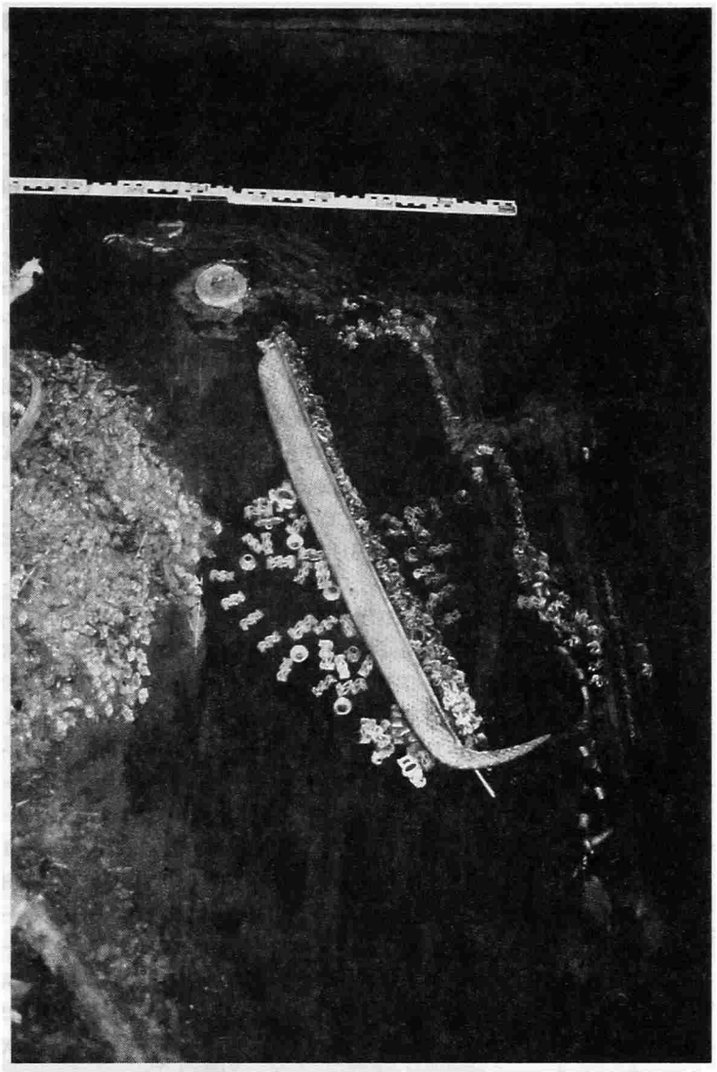

Рис. 12. Аржан, Россия. Лук и золотые украшения колчана из погр. 5 кургана Аржан-2.

Этот краткий обзор некоторых особо интересных находок, конечно, не дает полного представления об инвентаре в целом; многое прояснится лишь после реставрации и детального изучения комплекса. Это касается также точной его датировки, так как он содержит элементы, которые можно отнести к VI и V вв. до н.э., а также к более позднему времени – IV в. до н.э. Окончательно вопросы датировки будут решены после проведения дендрохронологического исследования погребения.

Дирекция Государственного Эрмитажа дала согласие на реставрацию находок из кургана Аржан-2 в лабораториях музея, за что, пользуясь случаем, мы выражаем огромную благодарность М.Б. Пиотровскому. Для реставрации было передано свыше 9300 золотых предметов (не считая огромного количества бусин). Таким образом, погребение 5 кургана Аржан-2 является не только самым богатым скифским погребением в Сибири, но и относится к одному из богатейших когда-либо исследованных захоронений. Теперь этот комплекс необходимо детально анализировать и готовить к публикации. В 2002 г. исследования на кургане Аржан-2 будут продолжены совместно с Государственным Эрмитажем и, как мы надеемся, они будут успешно завершены.

Китай. В рамках научного сотрудничества Евроазиатского отдела (М. Вагнер) с Археологическим институтом провинции Циньхай и Археологическим институтом Академии социальных наук КНР (Ван Вэй) были начаты систематические раскопки телля бронзового времени Фенгтай. Главной задачей проекта является реконструкция процесса культурного развития в этом регионе в II–I тыс. до н.э. и выяснение степени его зависимости от Центрального Китая (на востоке) и от евразийской степи (на севере). Для выяснения стратиграфии памятника на склоне телля был заложен разрез. При этом было выяснено, что поселение существовало в течение многих этапов. Многометровые наслоения содержали большое количество находок и глиняных архитектурных остатков в хорошем состоянии. Здесь прослеживаются и формы керамики, неизвестные ранее в провинции Циньхай и во всем Китае. Основная масса керамики относится к культуре каюе, но некоторые группы расписной керамики – к так называемым культурам синьдянь и танва. Лишь после завершения ведущейся в настоящее время обработки материала и получения абсолютных дат с учетом стратиграфии появится возможность определить хронологическое соотношение этих трех групп керамики. Первичное изучение ботанического материала свидетельствует о наличии в нем пшеницы, ячменя, бобов и обугленных остатков массивного дерева. Из слоев были взяты пробы для анализа пыльцы. Примерно в 1.5 км к северо-западу от этого места удалось получить длинный сквозной профиль пыльцы из донных отложений.

Иран. Впервые после исламской революции в рамках долгосрочного совместного проекта в 2000 г. были возобновлены германские раскопки в Иране. Речь идет о новом проекте в Арисмане у Кашана, расположенном в западной части центрального Ирана. Работы ведутся Евроазиатским отделом (Г. Парцингер, Н. Бороффка, Б. Гельвинг) в сотрудничестве с Иранской организацией культурного наследия (Р. Ватандуст, Н. Чегини). Объектом раскопок является обширное поселение площадью более 200000 м^2. Подъемный материал указывает на наличие здесь поселения промышленного типа, причем особое значение на поселении имела обработка меди и серебра. Почти вся керамика относится ко времени Сиалк III и IV, что соответствует концу V, IV и началу III тыс. до н.э. (Chegini et al., 2000).

На северо-восточной окраине поселения был исследован большой отвал шлака с целью проведения датирования и выяснения структуры поселения. Помимо многочисленных слоев шлака было выявлено большое количество плавильных печей. Приблизительно в центре (позднего) шлакового отвала, на древней дневной поверхности (рис. 13), обнаружена платформа (1.4 × 1.8 м) из сырцового кирпича высотой около 50 см. На этой платформе была сооружена первая круглая плавильная печь диаметром около 70 см. После каждого процесса плавления печь взламывалась с целью удаления шлаков и извлечения меди. Затем к сохранившимся остаткам печи пристраивалась новая. Этот процесс на данном месте повторялся приблизительно 33 раза, при этом печь постепенно сместилась на северо-восток. Выявленные здесь артефакты представлены типичной для времени Сиалк IV кружальной керамикой с рисованными полосами, так называемыми колоколобразными горшками времени позднего Урука и глиняной литейной формой для плоского топора, что позволяет отнести печи и шлаковый отвал к концу IV и началу III тыс. до н.э.

Поселение (раскоп C), относящееся к шлаковому отвалу, было расположено на соседнем склоне. На нем были обнаружены остатки сырцового здания, состоящего из многих помещений и относящегося ко времени Сиалк IV. В нем найдены литейные формы, остатки шлака и тёрочники. Эти находки и другие признаки указывают на то, что здесь происходила дальнейшая обработка расплавленной медной руды. На следующем плоском холме поселения внутри Арисмана (раскоп B) прослежены следы добычи серебра в период Сиалк IV. Под ним впервые были обнаружены более ранние слои периода Сиалк III (рис. 14), содержавшие глинобитную стену и многочисленные керамические печи. Тем самым устанавливается, что Арисман в течение тысячелетий являлся производственным центром всего центрального и западного Ирана, главная роль которого состояла в выплавке металла и другой ремесленной деятельности (например, в производстве керамики).

Пакистан. После окончания многолетней программы археологических разведок Евроазиатский отдел (У. Франке-Фогт) в 2001 г. совместно с Пакистанской Античной дирекцией в Карачи (А. Ибрахим) приступил к раскопкам на телле **Сохр Дамб-Нал**, одном из важнейших памятников Центрального Белуджистана. Целью раскопок

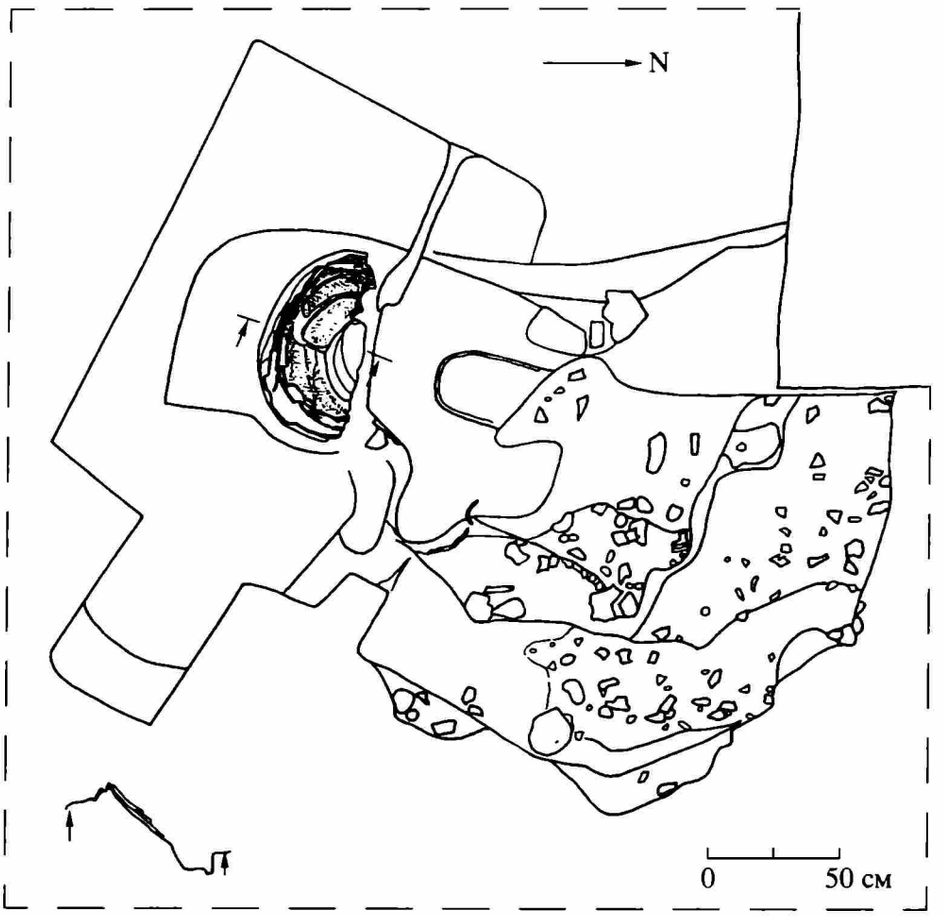

Рис. 13. Арисман, Иран. План глиняной платформы с остатками медеплавильной печи времени Сиалк IV.

Рис. 14. Арисман, Иран. Расписная керамика Сиалк III с поселения.

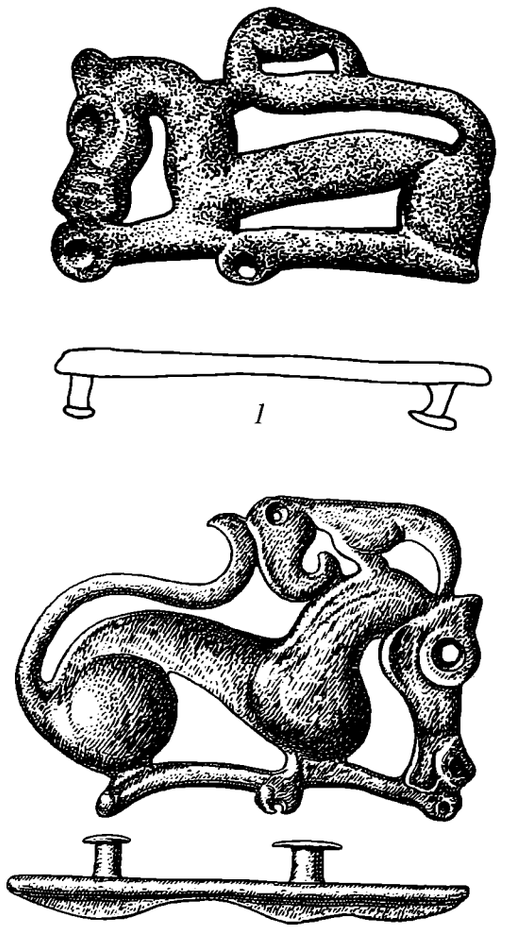

Рис. 15. Сравнительная таблица бронзовых изделий звериного стиля из Каракорума, Пакистан (*1*), и Памира, Таджикистан (*2*).

первого сезона явилось определение стратиграфической последовательности слоев. При этом были получены важные для датировки телля данные. Архитектура, представленная каменными и сырцовыми сооружениями, а также найденная керамика свидетельствуют о том, что поселение существовало в течение четырех периодов, каждый из которых имел до шести фаз. Судя по керамике, начало заселения (период I) можно отнести к 3400/3300 гг. до н.э. Период II связан с так называемой расписной керамикой Наль. В период III здесь происходило до сих пор неизвестное, однако, видимо, самое большое заселение этой местности. В культурных слоях, мощность которых достигает 6 м, были выявлены хорошо сохранившиеся остатки домов, содержавших многочисленный инвентарь, а также признаки, свидетельствующие о производстве керамики и обработке металла. Полностью сохранившиеся балки, содержащие органические остатки сосуды для запасов продовольствия, а также слои отбросов с многочисленными костями животных дают достаточно полное представление о жизни на телле, окружающей среде и климате. Каменная архитектура периода IV сохранилась плохо. Судя по керамике, ее можно отнести к так называемому комплексу Кулли. После этого поселение было покинуто.

Датировка периодов III и IV играет большую роль для реконструкции культурно-исторического развития не только Белуджистана. Культурный горизонт, обнаруженный в периоде Ш, имеет сходство с Северным Белуджистаном (Rana Gundhai Шс). Он был зафиксирован не на юге, а в долине Качи (Mehrgarh/Nausharo) и в Макране (Miri Qualat) во время французских раскопок. Общие черты наблюдаются вплоть до Мундигака в Афганистане, а также Бампуре и Шахр-е Сокхте на юго-востоке Ирана. Так как начало культуры Инда относится к 2500 г. до н.э., вопрос о том, когда закончилась жизнь в протоурбанистических поселениях в Белуджистане, имеет решающее значение для этого региона. То же самое относится к периоду IV (так называемому горизонту Кулли) и его отношению к культуре Инда.

В качестве подготовки к будущим раскопкам в **Каракоруме** (Северный Пакистан) Евроазиатский отдел (Г. Парцингер, Н. Бороффка) в 2001 г. работал совместно с Исследовательской группой по наскальным рисункам и надписям Гейдельбергской академии наук (Г. Гауптманн, К. Йеттмар). В рамках этих подготовительных работ в районе Хиласа было документировано около 1000 наскальных рисунков, в основном доисторических изображений охоты и животных, а также изображений ступы и надписей буддийского времени. В различных местах верхней части долины Инда выявлены могильники, на которых в будущем будут проведены раскопки. На базарах в этом регионе удалось также сфотографировать большое количество бронзовых предметов, выполненных в зверином стиле, происходящих из грабительских раскопок (рис. 15) (Parzinger, 2001).

В данном кратком обзоре исследовательской деятельности Евроазиатского отдела Германского археологического института удалось, разумеется, лишь схематически осветить вопросы, над которыми мы работаем, и описать уже достигнутые результаты. Как упоминалось выше, наше внимание концентрируется на Северном Причерноморье, Кавказе, Средней Азии, Южной Сибири – регионах, имевших контакт с южными цивилизациями, независимо от того, идет ли в данном случае речь об античной Греции, Иране, долине Инда или Китае. Некоторые исследовательские работы уже завершены и находятся в данное время в стадии подготовки монографий. Другие проекты только начинаются и будут завершены через несколько лет. Исследования развиваются на базе сотрудничества с местными академическими институтами, музеями и университетами, которое везде протекает успешно и является взаимовыгодным для всех заинтересованных сторон. Это позволяет с большим оптимизмом смотреть в будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бороффка Н., Бубнова М., Черный Й. и др. Исследования в районе древних разработок олова в северном Таджикистане (Мушистон и Такфон) // Археологические работы в Таджикистане. 2000. Вып. 27.

Васильев С.К., Бенеке Н., Молодин В.И., Парцингер Г. К реконструкции хозяйственной деятельности населения памятника Чича-1. Предварительные итоги изучения остеологического материала по результатам раскопок 2000 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 6. Новосибирск, 2000.

Зайберт В.Ф., Парцингер Г., Плешаков А.А., Наглер А. Могильник Байкара // Вестник Северо-Казахстанского университета. 1999. № 5.

Молодин В.И., Парцингер Г., Беккер Х. и др. Археолого-геофизические исследования российско-германской экспедиции в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 5. Новосибирск, 1999.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др. Памятник Чича-I: первые итоги полевых исследований 2000 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 6. Новосибирск, 2000.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др. Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи // Материалы по археологии Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 2001.

Парцингер Г., Молодин В.И., Новикова О.И. и др. Первые раскопки на городище Чича-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 5. Новосибирск, 1999.

Чугунов К., Наглер А., Парцингер Г. Исследование кургана на дороге Аржан–Тарлаг в Туве // АО–1997. 1999.

Alimov K., Boroffka N., Bubnova M. und and. Prähistorischer Zinnbergbau in Mittelasien. Vorbericht zur ersten Kampagne 1997 // Eurasia Antiqua. 1998. Bd. 4.

Alimov K., Boroffka N., Burjakov Ju. und and. Research at Karnab, Uzbekistan. Preliminary notes from the 1997 campaign // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 30. Ташкент, 1999.

Baghestani S. Metallene Compartimentsiegel aus Ost-Iran, Zentralasien und Nord-China // Archäologie in Iran und Turan. Bd. 1. Rahden, 1997.

Berezanskaja S.S., Kločko V.I. Das Gräberfeld von Hordeevka // Archäologie in Eurasien. Bd. 5. Rahden, 1998.

Böttger B., Šelov D.B. Amphorendipinti aus Tanais // Pontus Septentrionalis. Bd. 1. Tanais 1. Moskau, 1998.

Caner E. Bronzene Votivbleche von Giyimli // Archäologie in Iran und Turan. Bd. 2. Rahden, 1998.

Chegini N.N., Momenzadeh M., Parzinger H. et al. Preliminary report on archaemetallurgical investigations around the prehistoric site of Arisman near Kashan, western Central Iran // Archäologische Mittelungen aus Iran und Turan. 2000. Bd. 32.

Galanina L.K. Die Kurgane von Kelermes // Steppenvölker Eurasiens – Степные народы Евразии. Moskau, 1997.

Gerskovič J.P. Studien zur bronzezeitlichen Sabatinivka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres // Archäologie in Eurasien. Bd. 7. Rahden, 1999.

Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A., Leont'ev N. Neue C-14 Datierungen für die sibirische Steppe und ihre Konsequenzen für die regionale Bronzezeitchronologie // Eurasia Antiqua. 1998. Bd. 4.

Görsdorf J., Parzinger H., Leont'ev N., Nagler A. New Radiocarbon Datings from the Siberian Steppe Zone and its Consequences the Regional Bronze Age Chronology // Actes du Colloque C-14 et Archéologie. 3ème Congrès International Lyon 6–10 avril 1998. Mémoires de la Société Préhistorique Française. 1999. T. 26.

Götzelt N. Ansichten der Archäologie Süd-Turkmenistans bei der Erforschung der mittleren Bronzezeit (Stude Namazga V) // Archäologie in Eurasien. Bd. 2. Espelkamp, 1996.

The Holocene History of the European Vertebrate Fauna / Hrsg. Benecke N. // Archäologie in Eurasien. Bd. 6. Rahden, 1999.

Leont'ev N., Parzinger H., Nagler A. Die russisch-deutsche Ausgrabungen beim Berg Suchanicha am mittleren Enisej. Vorbericht der Kapmagne 1995 // Eurasia Antiqua. 1996. Bd. 2.

Litvinskij B.A. La civilisation de l'Asie centrale antique // Archäologie in Iran und Turan. Bd. 3. Rahden, 1998.

Marčenko K.K., Žitnikov V.G, Kopylov V.P. Die Siedlung Elizavetovka am Don // Pontus Septentrionalis. Bd. 2. Tanais 2. Moskau, 2000.

Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder- und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. Jahrtausend / Hrsg. Eichmann R., Parzinger H. // Kolloquien zur Vor- und Frühgeschichte. Bd. 6. Bonn, 2001.

Mordvinceva V.I. Sarmatische Phaleren // Archäologie in Eurasien. Bd. 11. Rahden, 2001.

Nagler A. Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien // Archäologie in Eurasien. Bd. 3. Espelkamp, 1996.

Özdogan M., Parzinger H., Karul N. Kirklareli Höyüğü 1997 yili kazisi // Kazi Sonuçlari Toplantisi. Bd. XX. Ankara, 1999.

Parzinger H. Archäologie zwischen Steppen, Oasen und Hochgebirgen // Die Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologischen Instituts. Archäologishes Nachrichtenblatt. 1998a. Bd. 4.

Parzinger H. Avrasya steplerdeki arkeolojik araştirmalar // Arkeoloji ve Sanat. 1998b. Bd. 83.

Parzinger H. Investigación arqueológica en las estepas de Eurasia // Trabajos de Prehistoria. 1998c. V. 55.

Parzinger H. Archäologie am Rande der Steppe // Antike Welt. 1998d. Bd. 29. H. 2.

Parzinger H. International Archaeological Conference "Migration and Transmission of Culture – Cultural Change in the Near East and Central Asia at the Turn of the 2nd to the 1st Millenium BC" // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2000. V. 4(4).

Parzinger H. Bemerkungen zu einigen Tierstilbronzen zwischen Karakorum und Pamir // Lux Orientis. Archäologie zwischen Asien und Europa. Festschrift für H. Hauptmann. Studia Honoraria. Bd. 12. Rahden, 2001.

Parzinger H. Das Zinn in der Bronzezeit Eurasiens // Anatolian Metall II. Der Anschnitt. Beiheft (im Druck).

Parzinger H., Boroffka N. Woher stammt das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien? // Archäologie in Deutschland. 2001. Bd. 3.

Parzinger H., Özdogan M. Die Ausgrabungen in Kirklareli (Türkisch-Thrakien) und ihre Bedeutung für die Kulturbeziehungen zwischen Anatolien und dem Balkan vom Neolithikum bis zur Bronzezeit // Berichte der Römisch-Germanischen Komission. 1995. Bd. 76.

Parzinger H., Özdogan M., Karul N. Prähistorische Forschungen an der Schwelle vom Orient zum Okzident. Die deutsch-türkischen Ausgrabungen in Kirklareli, Türkisch-Thrakien // Antike Welt. 1999. Bd. 30. H. 4.

Picchelauri K. Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien // Archäologie in Eurasien. Bd. 4. Espelkamp, 1997.

Rezepkin A.D. Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaukasien // Archäologie in Eurasien. Bd. 10. Rahden, 2000.

Vida T., Völling T. Das slawische Brandgräberfeld von Olympia // Archäologie in Eurasien. Bd. 9. Rahden, 2000.

Zbenovič V.G. Siedlungen der Tripol'e-Kultur zwischen Dnestr und Südlichem Bug // Archäologie in Eurasien. Bd. 1. Espelkamp, 1996.

Zubkov V.S., Poseljanin A.I. Das tagarzeitliche Gräberfeld Belyj Jar I in Chakassien // Archäologie in Eurasien. Bd. 8. Rahden, 1999.

The German Archaeological Institute: Tasks and Prospectives in Archaeological Investigations of Eurasia

G. Parzinger

Summary

In the article are characterised history, organisational structure, the main stages of development, and the present situation of the Eurasian department – a scientific investigational body organised in the German Archaeological institute (Berlin) in 1995. The main tasks of the department was establishing active scientific co-operation between German scholars and the archaeologists from Russia and Middle, Central, and Western Asia in investigation ancient cultures of the region. At present 9 archaeologists and 4 specialists in different sciences (the coordinators of palaeobotanical, archaeozoological, dendrochronological, and radiocarbon laboratories) are employed in the department. In accordance with development plan in the department edition of two journals were started: "Eurasia Antiqua" and "Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan", as well as seven series of monographs. Three of them were bilingual Russian–German ones (they are joint editions "Steppenvolker Eurasians" and "Pontus Septentrionalis" in co-operation with the Institute of History of RAS, and "Materials in Siberian archaeology" in co-operation with the Institute of Archaeology and Ethnology, Siberian Branch of RAS). The Eurasian department develops joint scientific projects and carries out active archaeological investigations in the North Pontic area (Moldavia, the Ukraine, South Russia), in the Caucasian region (Russia, Georgia, Azerbaijan, Armenia), in Central Asia (Iran, Turkmenistan, Uzbekistan, Kazakhstan, Kirghizstan, Tadjikistan, Afghanistan, Pakistan), in Siberia, Mongolia, and North China. Scientists from the countries co-operating with the German Archaeological institute participate in scientific exchange gaining an opportunity to work in the German Archaeological institute and in the best scientific libraries in Europe.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 3, с. 79–97

ДИСКУССИИ

ГОРОДИЩА С БАСТИОННО-БАШЕННЫМИ ФОРТИФИКАЦИЯМИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ЛЕСНОМ ЗАУРАЛЬЕ

© 2001 г. **В. А. Борзунов**

Уральский государственный университет, Екатеринбург

Появление в различных частях Старого Света городов, стены которых были защищены с флангов круглыми и квадратными башнями, Ф. Энгельс связывал с переходом человечества от варварства к цивилизации, т.е. от первобытного общества к классовому. Бастионы же, по его мнению, были изобретены в Италии, в связи с появлением в Европе огнестрельного оружия, прежде всего артиллерии, и существовали там уже в начале XIV в. При этом бастионами считались только переделанные из башен фортификационные сооружения неправильной пятиугольной в плане формы, являвшиеся составной частью крепостной ограды, выступавшие за линию куртин и обращенные одной, открытой, стороной (горжей) внутрь укрепления, а четырьмя другими (двумя фланками и двумя фасами) – к открытой местности (Энгельс, 1959. С. 88, 328–332; 1961. С. 163, 164). Сходные взгляды, особенно по определению и генезису бастионов, продолжают господствовать в энциклопедической, справочной и специальной филологической литературе. Между тем, благодаря археологическим исследованиям, проведенным в последнее столетие, уже установлено, что наиболее ранние башни, бастионы, контрфорсы и специальные предвратные укрепления были созданы еще первыми земледельцами-скотоводами Ближнего Востока в IX/VIII–VI тыс. до н. э. (Иерихон, Телль Магзалия, Телль-эс-Савван, Хассуна и др.) (Мелларт, 1982. С. 34–37; Массон, 1989. С. 34, 42, 71–76; Бадер, 1989. С. 11, 19–52, 199–201. Табл. 13, 18, 20; Брей, Трамп, 1990. С. 89; Le Grand Atlas..., 1990. P. 13, 81, 98). Это время соответствует не разложению, а расцвету первобытного общества – периоду или стадии позднепервобытной общины (Алексеев, Першиц, 1990. С. 217–226). Впоследствии новые архитектурные идеи из Передней Азии распространились в сопредельные и более удаленные регионы Старого Света, включая ближайшие к Уралу и Западной Сибири – Кавказ и Среднюю Азию.

Территория распространения, хронология и степень изученности памятников.

На Севере Евразии известно 50 поселений с остатками бастионно-башенных сооружений, безусловно или предположительно относящихся к раннему железному веку (рис. 1–10)[1]. Один из этих памятников находится в Среднем Прикамье – городище Алтен-Тау (Борзунов, 1997а), остальные – в Зауралье и Западной Сибири. Более ранних укреплений с бастионно-башенной архитектурой здесь не обнаружено. Ранее мы наметили две локальные группы таких городищ: тоболо-исетскую и приобскую (Борзунов, 1998. С. 91). Более детальный анализ показал целесообразность выделения на севере Евразии двух обширных ареалов: *южного* (длиной 850 км) и *северного* (1100 × 600 км), разделенных полосой шириной около 360 км. К первому относятся поселения северной лесостепи и южной кромки леса Зауралья и Западной Сибири (21), ко второму – таежные городища бассейнов Оби, Надыма и Пура (28).

В Зауралье открыто 17 укреплений начала эпохи железа с бастионно-башенной архитектурой: Багарякское Дальнее, Зотинские II (1-я площадка) и III, Андреевское № 7, Сигрякское I (Большое), Матайкул (Зубчатое), Казакбаевские Большое и Малое, Гороховское (Чудаки), Носиловское I, Ильтяковское, Павлиново, Воробьевское, Зыряновское, Калачик 1, Нижне-Суварышские IV и V. Они выстроены в прерывистую цепочку длиной около 350 км, идущую по границе леса и лесостепи от рек Караболка и Багаряка по среднему течению Исети к Тоболу близ устья Туры. Одно городище (Гороховское) выдвинуто в лесостепь – на 90 км к югу от Исети. Культурные слои этих поселений содержат гамаюнскую, иткульскую, воробьевскую, гороховскую, баитовскую керамику, как исключение – носиловскую и саргатскую.

[1] Разведки и раскопки В.А. Арефьева, Г.В. Бельтиковой, В.П. Бирюкова, Л.Ю. Богдановой, В.А. Борзунова, В.А. Булдашева, В.Ф. Генинга, А.Г. Гилязова, М.В. Елькиной, М.Г. и А.В. Епимаховых, В.В. Заниной, В.А. и Е.М. Захов, Г.Б. Здановича, А.П. Зыкова, Н.О. Ивановой, Р.Г. Игнатьева, О.В. Кардаша, К.Г. Карачарова, А.А. Ковригина, Л.Л. Косинской, Л.Н. Коряковой, П.И. Кутафьева, О.В. Малоземовой, Н.П. Матвеевой, А.К. Мергасова, В.М. Морозова, С.А. Мызникова, Л.И. Погодина, К.В. Сальникова, А.С. Сергеева, В.Е. Стоянова, Л.В. Сухины, И.А. Сыркиной, В.Я. Толмачева, Н.В. Федоровой, Ю.П. Чемякина, М.М. Чесноковой, Л.А. Чиндиной, С.В. Шараповой, Я.А. Яковлева.

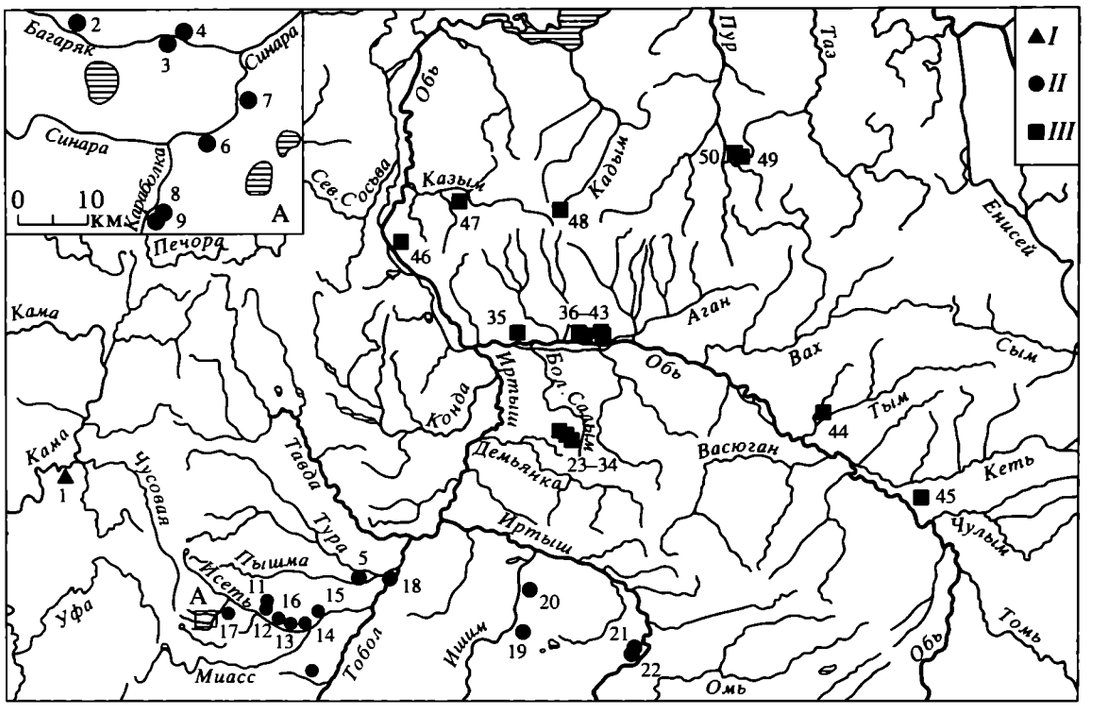

Рис. 1. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века севера Евразии. *I* – Приуралье: *1* – Алтен-Тау (2-я фортификация)*. *II* – Зауралье и Западня Сибирь, южный ареал: *2* – Багарякское Дальнее; *3* – Зотинское II (1-я площадка)*; *4* – Зотинское III*; *5* – Андреевское № 7*; *6* – Сигрякское I (Большое); *7* – Матайкул (Зубчатое); *8*, *9* – Казакбаевские Большое и Малое*; *10* – Гороховское (Чудаки)*; *11*, *12* – Нижне-Суварышские IV и V; *13* – Новосиловское I; *14* – Ильтяковское; *15* – Павлиново*; *16* – Воробьевское*; *17* – Зыряновское; *18* – Калачик I; *19* – Лихачевское (Ерзовка)*; *20* – Борки (1-я площадка)*; *21* – Старокарасук XXI; *22* – Батаково XIX. *III* – Западная Сибирь, северный ареал: *23*, *24* – Соровские I, VII, VIII, XII, XIV (1), XVIII, XXII, XXIX, XXXIII–XXXVI; *35* – Селияровское VI; *36*, *37* – Кучиминские II, XV; *38–43* – Барсов Городок I/1*; I/4, I/5, I/17, I/18, I/20*; *44* – Паргаляк II; *45* – Саровское*; *46* – Низямы II; *47* – Товгор-Лор IV; *48* – Нумто III; *49*, *50* – Усть-Кальпяс-яха 17, 21* (звездочками отмечены памятники, на которых вскрыты остатки бастионно-башенных сооружений).

К востоку от тоболо-исетской группы, на границе лесостепи и лиственно-лесной подзоны расположены четыре городища южного ареала: в низовьях Ишима – баитовское Лихачевское (Ерзовка) и раннее богочановское (журавлевское) Борки (Борковское), в Среднем Прииртышье – саргатские Старокарасук XXI и Батаково XIX. В Среднем и Нижнем Приобье выявлено 25 поселений с остатками бастионных выступов и предвратных сооружений, в том числе 23 в средней тайге – Соровские I, VII, VIII, XII, XIV (1), XVII, XXII, XXIX, XXXIII–XXXVI, Селияровское VI, Кучиминские II, XV, Барсовы Городки I/1, 4, 5, 17, 18, 20, Паргаляк II, Низямы II, а также по одному в южной и северной тайге – Саровское и Товгор-Лор IV. Это памятники белоярской и, возможно, калинкинской культур, одно поселение перегребнинского типа, а также укрепления различных локальных вариантов кулайской культурно-исторической общности. В северном ареале намечаются два микрорайона с высокой концентрацией поселков такого типа: Соровские озера в верховьях Салыма (левый приток Оби) и окрестности Сургута (соответственно 12 и 8 памятников). Типологически сходны со среднеобскими оборонительные линии трех кулайских городищ северной тайги – Усть-Кальпяс-яха 17 и 21 в бассейне Пура, Нумто III в верховьях Надыма. Наиболее выразительными в южном ареале являлись гороховские и саргатские городища, в северном – кулайские.

Поселения с бастионно-башенными фортификациями лесостепи и южной кромки леса к востоку от Уральского хребта датируются в пределах VI–II вв. до н. э., поселения тайги – предположительно V–IV вв. до н. э. – первыми веками н. э. При этом наиболее ранними из них являлись гамаюнские, иткульские, воробьевские, журавлевские, а также отдельные гороховские и баитовско-саргатские памятники (Багарякское Дальнее, Зотинское II – 1-я площадка, Воробьевское, Андреевское № 7, Борки, Гороховское, Калачик 1), поздними – саргатские и кулайские (саровского периода). К укреплениям переходного времени – от раннего к позднему железу – относится городище Товгор-Лор IV. единственная предполагаемая "башня" в Приуралье – во 2-й (по времени) ананьинской оборонительной системе городища Алтен-Тау – сооружена около IV в. до н. э.

Раскопки проведены на 22 памятниках, в том числе на 14 из них вскрыты бастионно-башенные объекты (рис. 1). К сожалению, выявленные остатки, прежде всего относящиеся к конструкциям

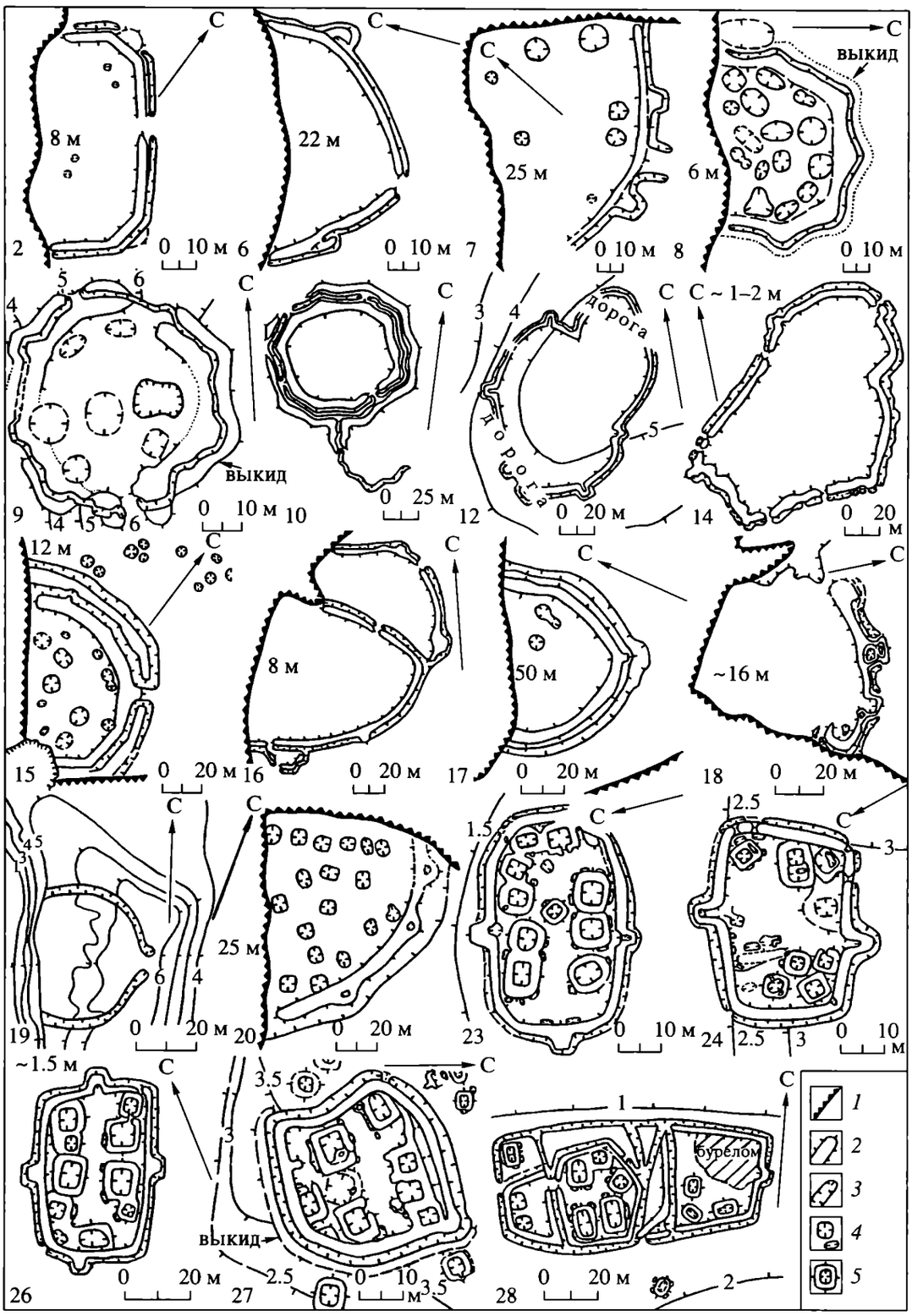

Рис. 2. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века Севера Евразии (№ памятников см. на рис. 1; ориентировка городищ – по истинному северу). *1* – край коренной террасы; *2* – вал; *3* – ров; *4* – жилищная впадина, яма; *5* – приподнятая жилищная площадка с обваловкой.

из дерева, невыразительны, что характерно для ранних фортификаций Севера Евразии. Это делает реконструкции достаточно условными и вынуждает нас более скрупулезно анализировать данные внешней фиксации оборонительных систем городищ. Тем более что следы башенно-бастионных конструкций, за редким исключением (Алтен-Тау, Зотинское III, Андреевское № 7), отчетливо видны на поверхности в виде фигурных (зубчатых, волнообразных и т.д.) валов и рвов с характерными выступами.

Основные разновидности бастионно-башенных сооружений Урала и Западной Сибири представлены простейшими бастионами, бастионирo-

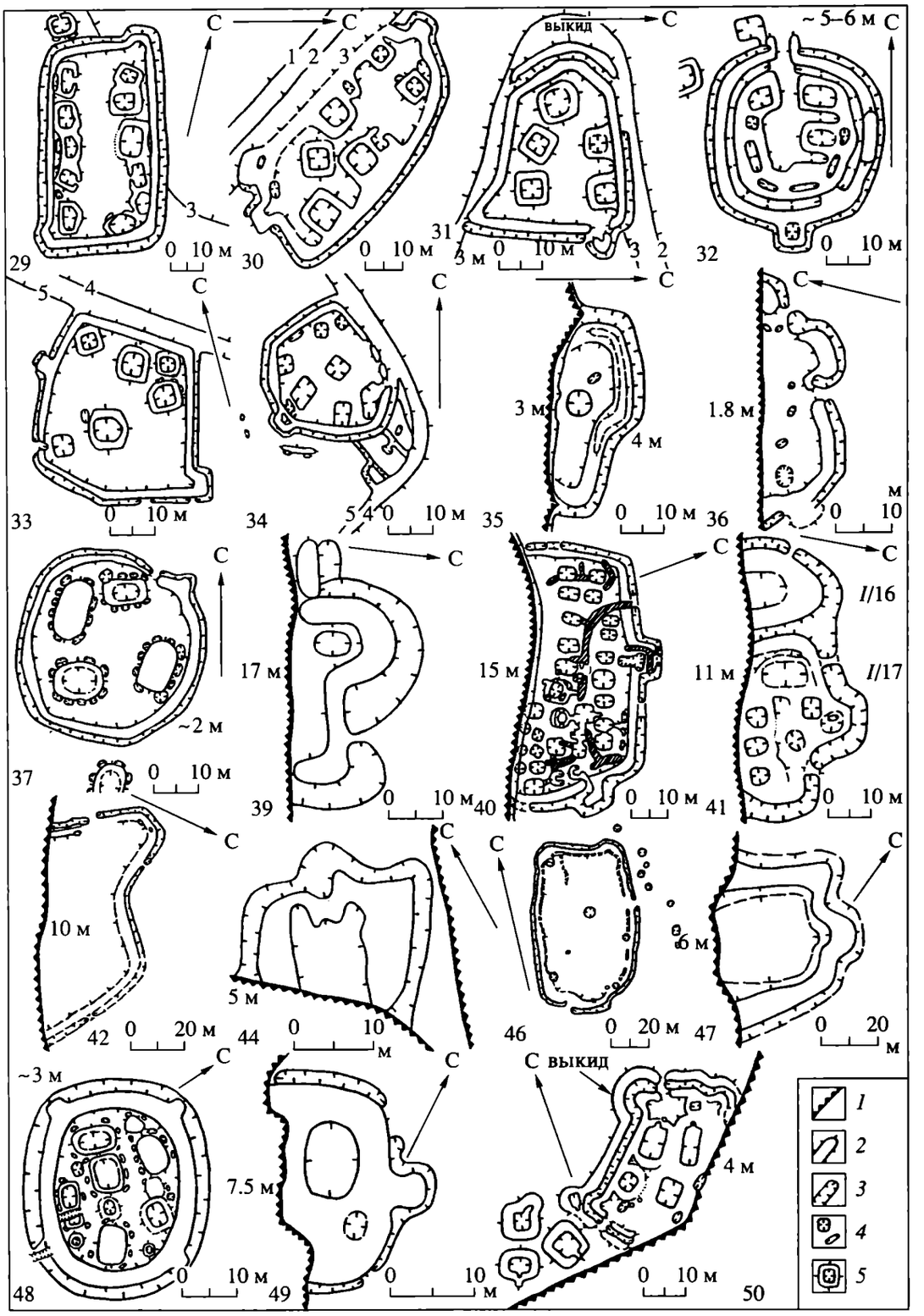

Рис. 3. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века Севера Евразии (№ памятников см. на рис. 1; ориентировка городищ – по истинному северу). *1* – край коренной террасы; *2* – вал; *3* – ров; *4* – жилищная впадина, яма; *5* – приподнятая жилищная площадка с обваловкой.

ванными выступами, башнями и укрепленными входами (предвратными сооружениями).

В обоих ареалах, по-видимому, преобладали б а с т и о н ы – обращенные в напольную сторону выступы в укреплении, образованные изломом линий вала и рва, предназначенные для защиты его крепостных стен (ср: Даль, 1989. Т. 1. С. 53; Т. 2. С. 611). Они строились на останцах материкового грунта, выступавших за линию куртин – отрезков оборонительных стен между бастионами. Останцы в плане квадратные, трапециевидные и полуовальные, размерами от 3 × 3 до 7 × 12 м. По кра-

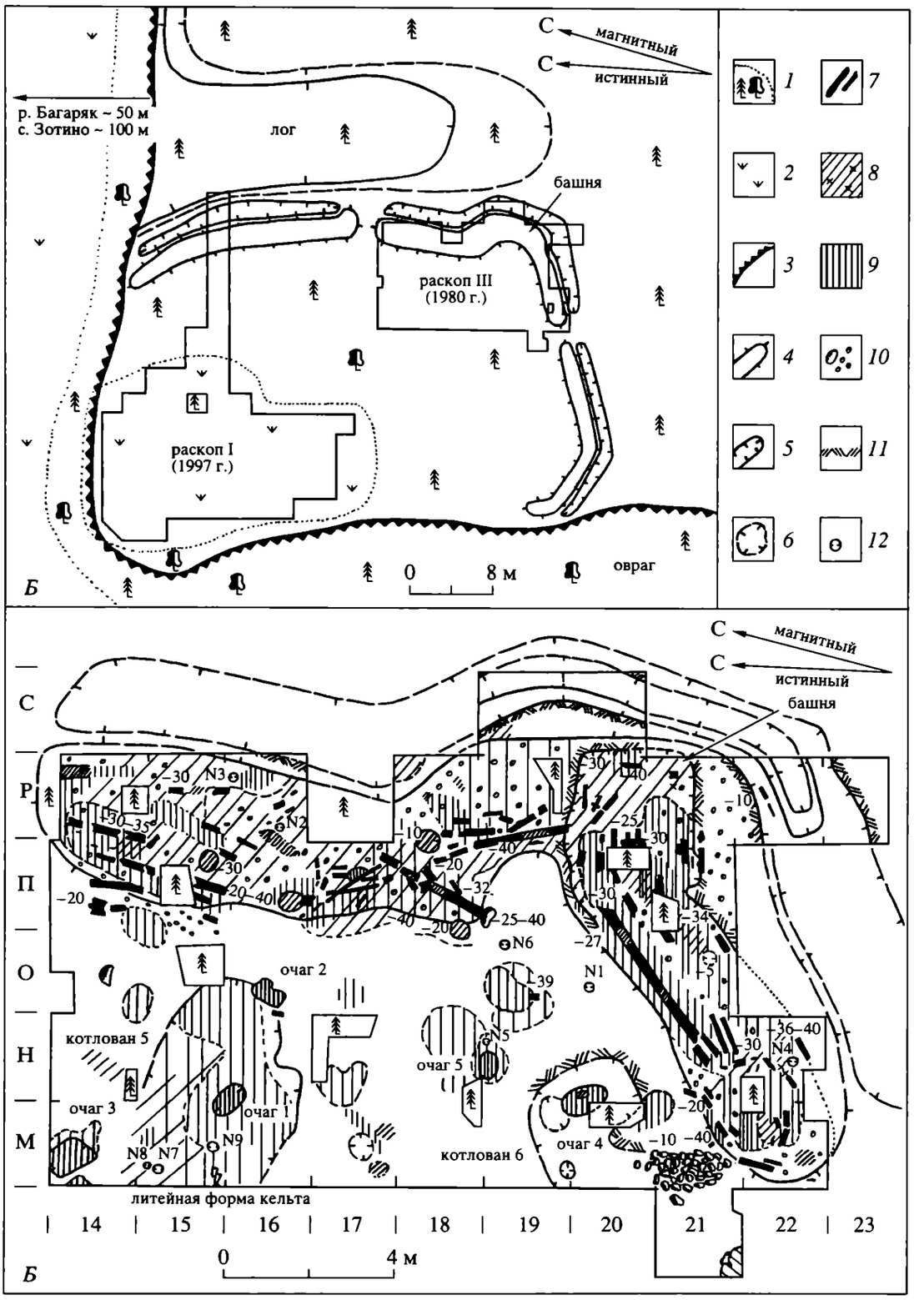

Рис. 4. Городище Зотинское II. Общий план (*А*) и план раскопа III (*Б*). Раскопки В.А. Борзунова 1977, 1980 гг. *1* – деревья, лес; *2* – луг; *3* – край коренной террасы; *4* – вал; *5* – ров; *6* – жилищная впадина; *7* – обугленное дерево; *8* – углистый слой; *9* – прокал; *10* – камни; *11* – скала; *12* – ямка от столба.

ям и поверх них ныне фиксируются фигурные насыпи, являющиеся частью валов, окружающих городища. В заполнении раскопанных насыпей обнаружены обломки обугленных бревен и характерные углистые полосы (Барсов Городок I/20, Саровское) (рис. 8; 10). Это, а также отсутствие здесь сырцовых кирпичей, каменных блоков и других строительных материалов указывает на то, что бастионы имели вид квадратных (П-образных) и трапециевидных в плане трехстенных срубов, открытых со стороны городищенской площадки. Попутно заметим, что срубные конструкции (точнее, монолитные постройки с самонесущими стенами из бревенчатых венцов, соединен-

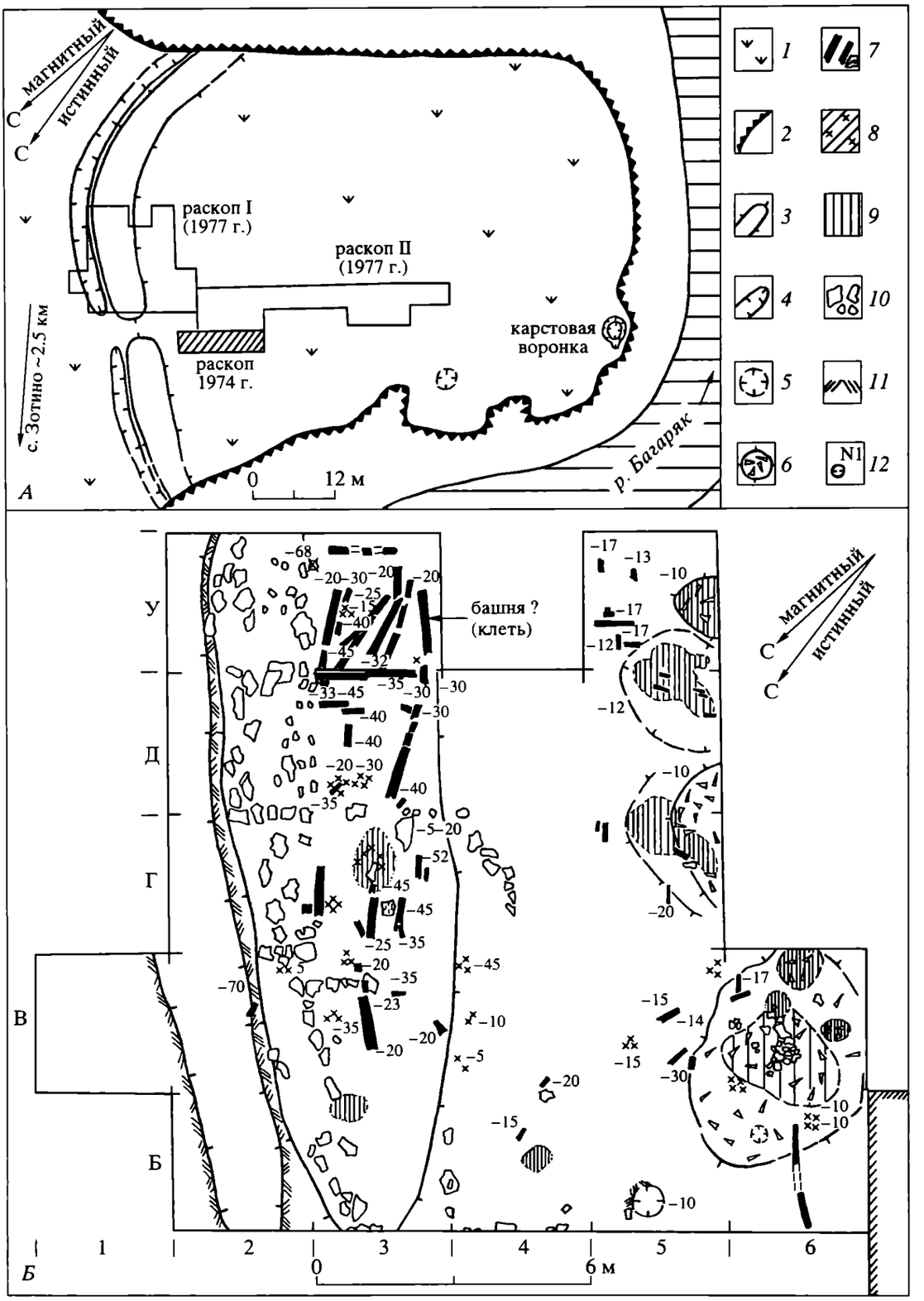

Рис. 5. Городища Зотинское III. Общий план (*А*) и план раскопа I (*Б*). Раскопки В.А. Борзунова 1977 г. *1* – луг; *2* – край коренной террасы; *3* – вал; *4* – ров; *5* – жилищная впадина; *6* – глинобитный горн, производственная площадка; *7* – обугленное дерево и кусок бересты; *8* – углистый слой; *9* – прокал; *10* – камни; *11* – скала; *12* – ямка от столба.

ных контактным способом – рубкой в угол, в лапу, в чашу, в охапку и т.д.) появились в уралосибирском регионе, по-видимому, еще в эпоху бронзы (Очерки культурогенеза..., 1994. С. 73, 74, 113–190, 246–248). На исследованном автором кулайском городище Барсов Городок I/20 западный бастион, как и весь оборонительный пояс, по всей вероятности, имел двойные, соединенные переборками разновеликие стены; пространство между ними в основании было забутовано песком. При этом внутренний сруб бастиона должен был быть ниже внешнего – для сооружения поверх него де-

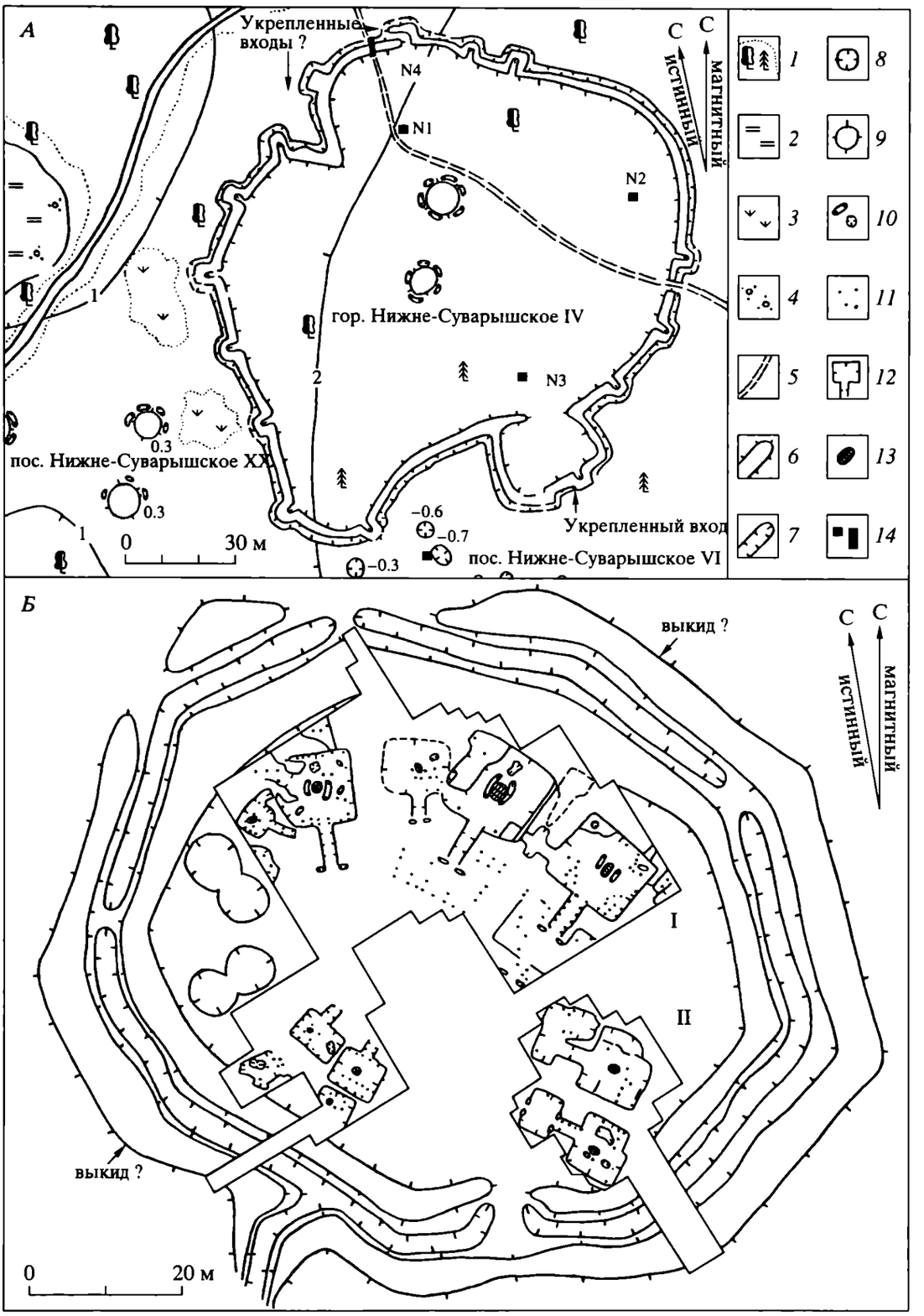

Рис. 6. Городища Нижне-Суварышское IV (*А*) и Гороховское (Чудаки) – 1-я площадка (*Б*). Разведка А.А. Ковригина 1993 г. (*А*), раскопки К.В. Сальникова 1937–1939, 1949 гг., Г.В. Бельтиковой 1975 г. (*Б*). *1* – лес; *2* – болото; *3* – луг; *4* – кусты; *5* – лесная дорога; *6* – вал; *7* – ров; *8* – впадина; *9* – приподнятая жилищная площадка; *10* – ямы; *11* – ямки от столбов; *12* - котлован; *13* – очаг; *14* – разведочные шурфы и траншея.

ревянного помоста. Вероятно, такие же или более легкие настилы (ярусы) для лучников и наблюдателей, опиравшиеся на столбы, оборудовались внутри и более простых по конструкции бастионов. Судя по тем же остаткам, предполагаемые площади бастионов (от 8 до 50 м^2) были чуть меньше останцов, на которых возводились данные сооружения. Связано это с тем, что основание бастиона, в первую очередь, с внешней стороны, было укреплено грунтом (суглинок, песок,

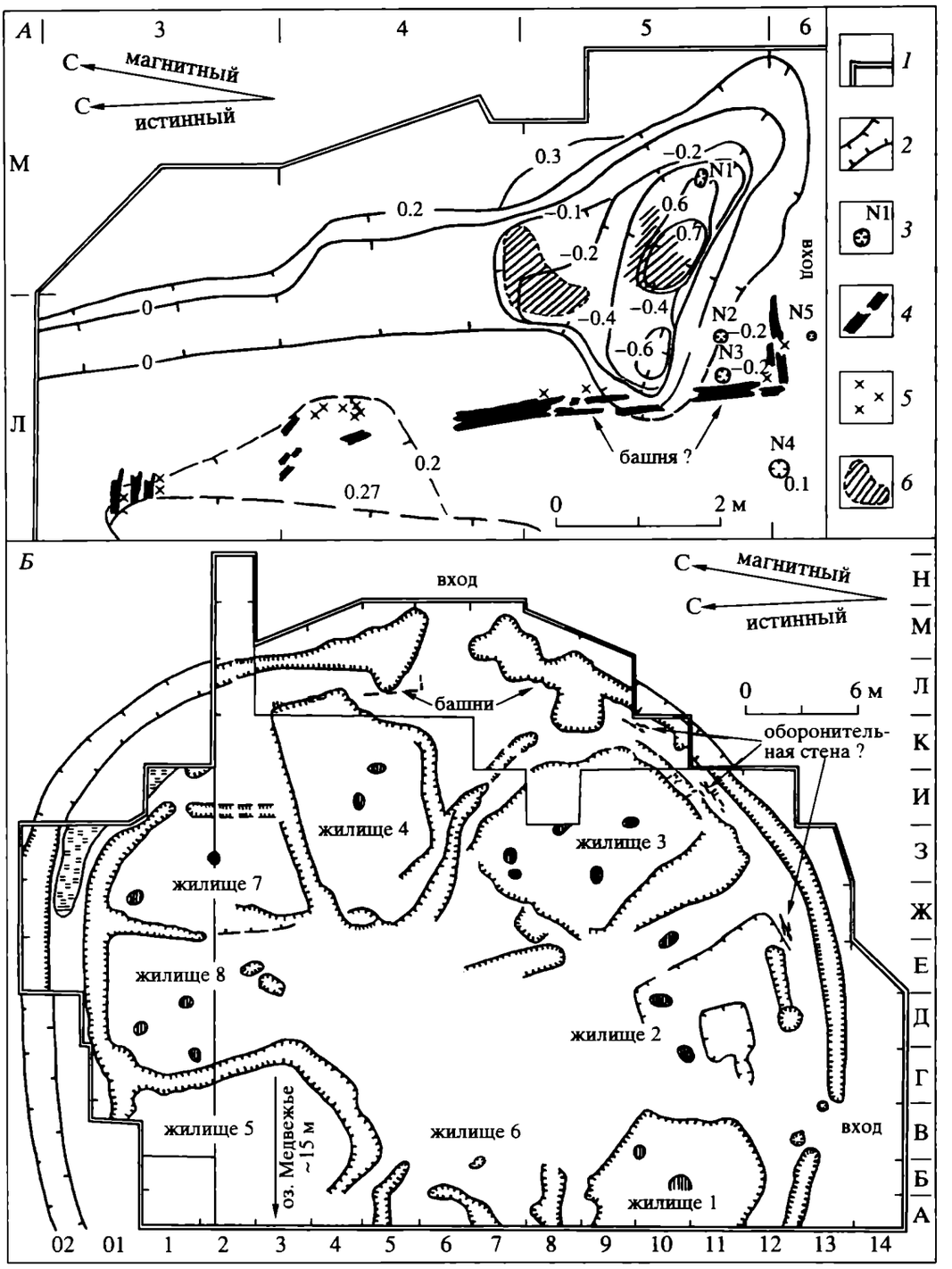

Рис. 7. Городище Лихачевское (Коврижка). Общий план (*Б*) и план восточной части раскопа (*А*). Раскопки В.Ф. Генинга 1964, 1966 гг. *1* – раскоп; *2* – ров, канавка; *3* – ямка от столба; *4* – обугленное дерево; *5* – угли; *6* – углистый слой.

подзол и т.д.), взятым при сооружении рва. Кроме того, края останца должна была опоясывать берма шириной 20–30 см – для того чтобы обваловка основания стены не осыпалась в ров. Сама обваловка, вероятно, покрывалась пластами дерна или крепилась иным способом.

Канавы, опоясывавшие останцы с бастионами, составляли единое целое со рвами, примыкавшими с напольной стороны к валам укреплений. Рвы, как правило, были неширокие, небольшой и средней глубины (1–3 × 0.5–1 м), прежде всего в лесостепи. У кулайских крепостей они более внушительные – шириной 1.5–5 м, глубиной до 2 м. Выкопанный в песке глубокий ступенчатый ров перед западным бастионом городища Барсов Городок I/20 был обшит с обеих сторон плахами, от которых сохранились длинные углистые полосы (Очерки культурогенеза..., 1994. С. 324). По-видимому, деревом или пластами дерна были укреплены глубокие рвы урало-сибирских городищ не только таежной полосы, но и лесостепной. По крайней мере наличие "жесткого деревянного кар-

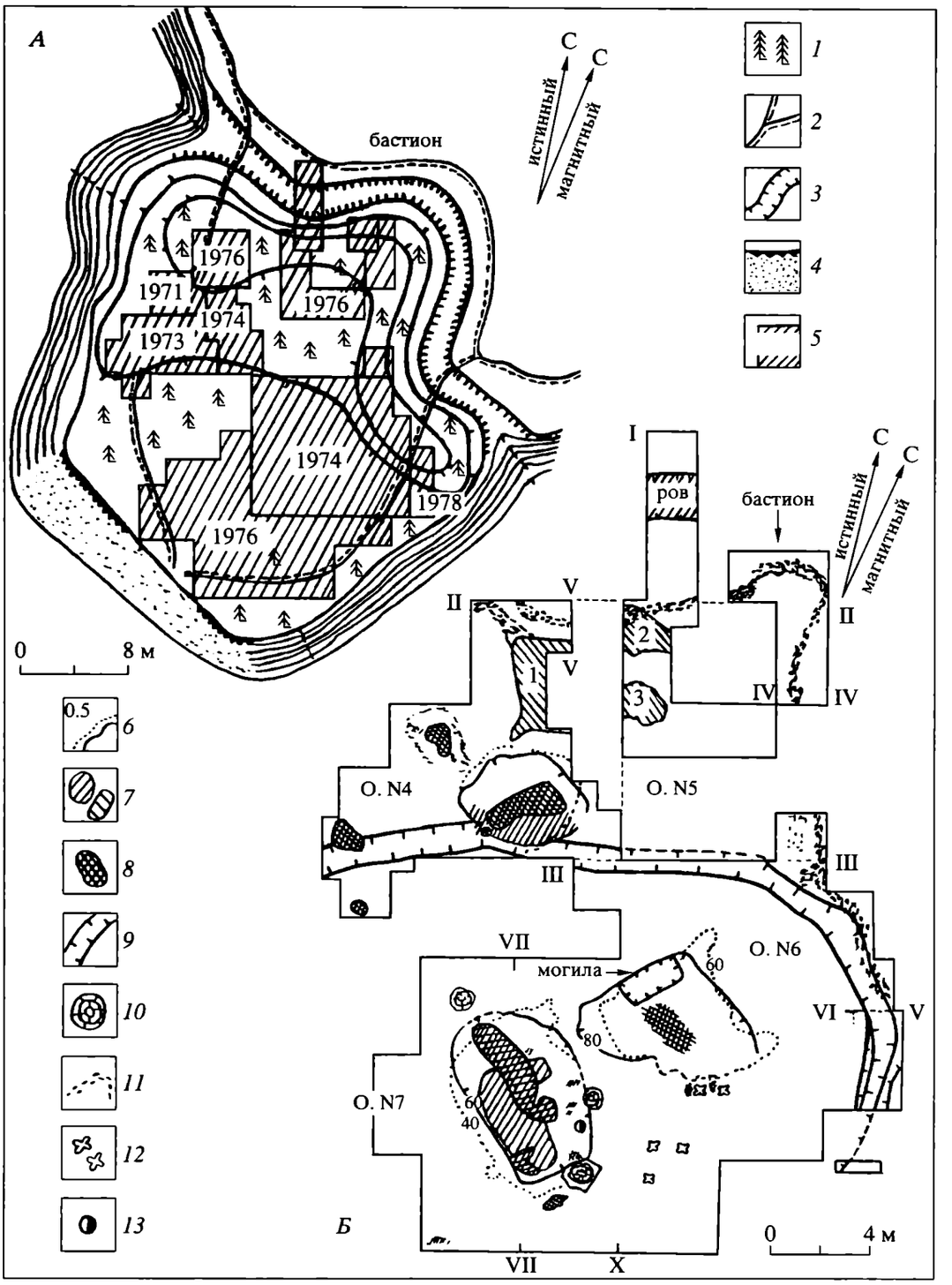

Рис. 8. Городище Саровское. Общий план (*А*) и сводный план раскопов (*Б*). Раскопки Л.А. Чиндиной 1971, 1973, 1974, 1976 гг. *1* – лес; *2* – дороги; *3* – оборонительный ров; *4* – край коренной террасы и осыпь; *5* – раскоп; *6* – объект; *7* – заполнение "пятен"; *8* – кострище, очаг; *9* – траншея, канава (остатки раннего частокола?); *10* – обугленное дерево и угли; *11* – дерево; *12* – скопление шлаков; *13* – череп человека.

каса", державшего стенки рва, отмечается для самого южного поселения с бастионно-башенными объектами – Гороховского городища (Стоянов, 1989. С. 99). Вокруг рвов некоторых городищ (Гороховское, Казакбаевские Большое и Малое, Соровское XIV (1), Усть-Кальпяс-яха 21 и др.) прослеживаются насыпи, которые включаются в общие классификации на правах дополнительных элементов обороны ("вал – ров – вал"). Безусловно, по аналогии со среднеазиатскими фортификациями заманчиво считать эти вторые "валы" остатками внешних оборонительных стен, а рвы между насыпями – стрелковыми галереями (например: Стоянов, 1989. С. 99). Между тем, анализ разрезов этих напольных насыпей, равно как и их неказистый вид, свидетельствуют о том, что они представляли собой обычные выкиды, образовавшиеся при прокопке рвов.

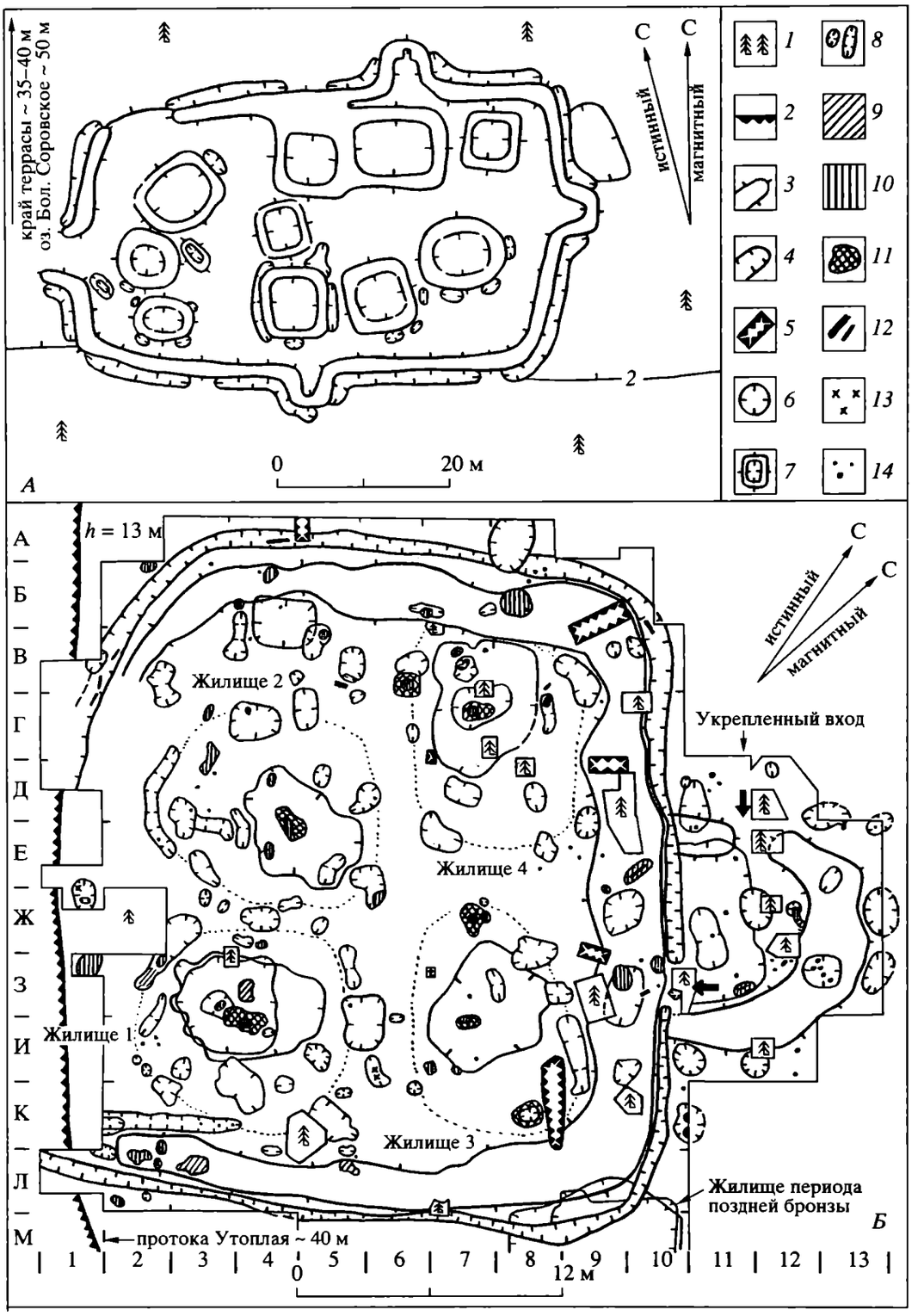

Рис. 9. Городища Соровское VIII (*А*) и Барсов Городок I/1(*Б*). Общие планы. Разведка К.Г. Карачарова 1987 г. (*А*), раскопки Л.Л. Косинской 1972 г. (*Б*). *1* – деревья, лес; *2* – край коренной террасы; *3* – вал; *4* – ров, *5* – шурфы и современные ямы; *6* – яма, впадина; *7* – приподнятая жилищная площадка; *8* – внешние ямы, канавки; *9* – углистый слой; *10* – прокал; *11* – очаг; *12* – обугленное дерево; *13* – угли; *14* – ямки от столбов.

Бастионированные выступы[2] выявлены на пяти городищах средней и северной тайги: белоярском Барсов Городок I/18, кулайских Барсов Городок I/4 и Селиярово VI, а также на укреплениях с неопределенной культурной принадлежностью – Соровском XXII и Товгор-Лор IV (рис. 3). К сожалению, данные объекты пока не раскопаны. По внешним признакам они сходны с охарактеризованными выше бастионами, но в отличие

[2] Ср.: "Бастионированное укрепление, составленное из сломанных линий, с выступающими углами, оголовками" (Даль, 1989. Т. 1. С. 51).

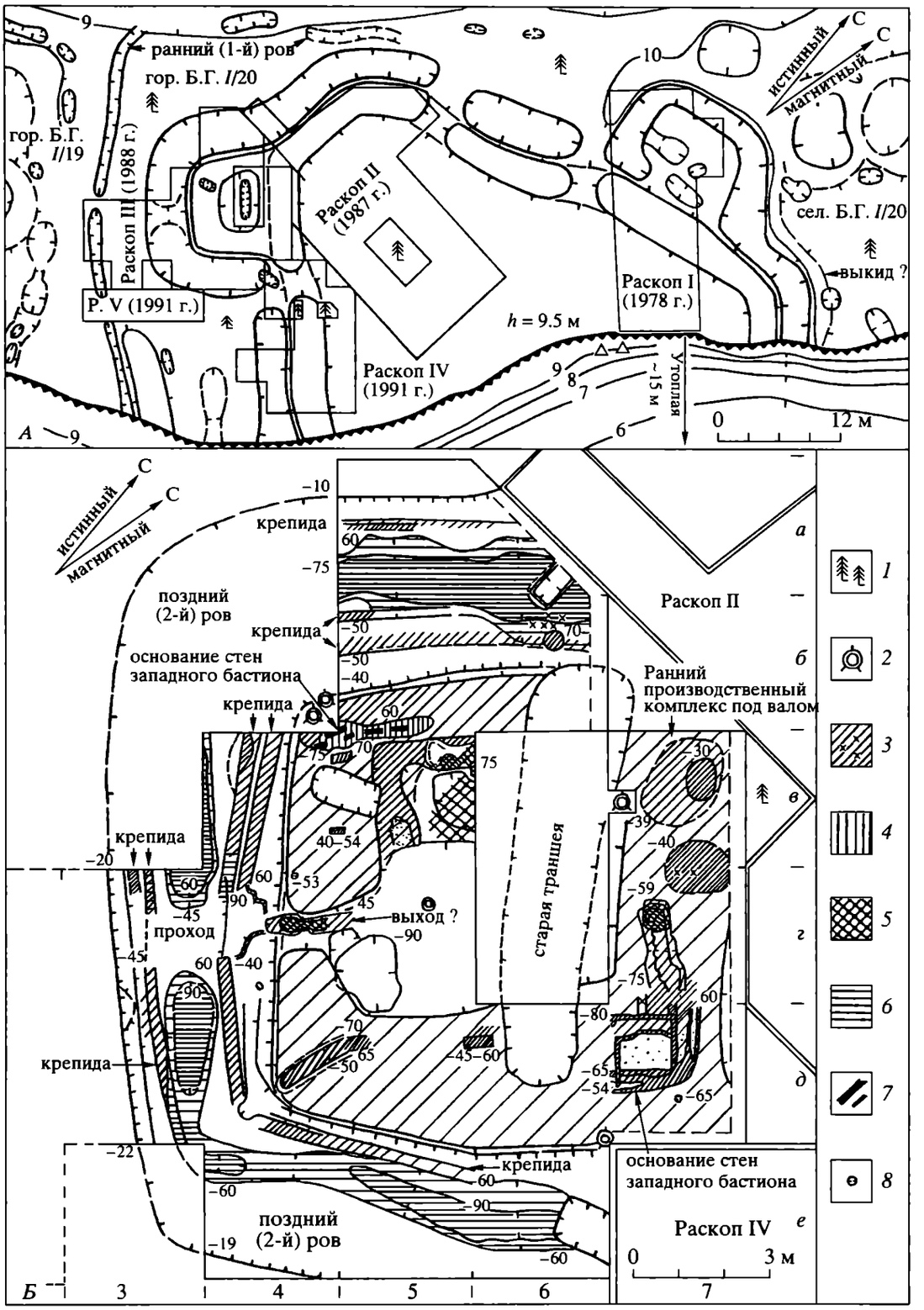

Рис. 10. Городище Барсов Городок I/20. Общий план (*А*) и план раскопа III (*Б*). Раскопки Н.В. Федоровой 1978 г. (раскоп I), Г.В. Бельтиковой 1986 г. (раскоп II), В.А. Борзунова 1988, 1991 гг. (раскопы IV, V), *1* – деревья, лес; *2* – пень; *3* – углистый песок; *4* – прокал; *5* – буро-коричневая супесь с органикой; *6* – ортзанд, ортштейн; *7* – обугленное дерево; *8* – ямка от столба.

от них менее четко выражены и превосходят последние по площади. Размеры останцов, на которых построены бастионированные сооружения, соответственно: 24 × 18; 25 × 8; 16 × 9–10; 10 × 6 и 18 × 7 м. Рвы фиксирующиеся на поверхности вокруг них, довольно узкие (1.5–2.5 м) и мелкие, более похожие на дренажные канавы, чем на полноценные элементы оборонительных систем. От западноевропейских фортификаций с треугольными в плане бастионированными выступами, являвшимися составными частями "циклопических" каменных и кирпичных стен, окружавших древнейшие

дворцы и протогорода[3], западносибирские выступы отличают не только скромные размеры и основной строительный материал (дерево), но также их форма и расположение в оборонительном поясе городища. Западносибирские сооружения в плане напоминали незамкнутую трапецию и во всех случаях возведены на углах подпрямоугольных в плане крепостей. В чем-то они сходны со среднеазиатскими угловыми ("охватывающими") башнями, у которых угол стены был заключен внутри башни (ср.: Дьяконов, 1954. С. 325).

Остатки сооружений, похожих на б а ш н и, выявлены на четырех памятниках. На баитовском Лихачевском городище, по мнению В.Ф. Генинга, две "сторожевые башни" располагались по обеим сторонам от центрального входа, который был обращен в противоположную сторону от озера. От северной постройки сохранились обугленные обломки двух нижних бревен диаметром 25–30 см, сходившихся концами под прямым углом. Автор раскопок предполагал, что данное сооружение было высоким, в плане прямоугольным (до 6.6 × 4 м), с бревенчатым перекрытием, засыпанным глиной и землей. Внутри постройки, на полу находилось ступенчатое углубление неправильной в плане формы (рис. 7). На мысовом гамаюноиткульском Зотинском II городище "башня" была возведена в крайней напольной точке первой (ранней) оборонительной системы, где под углом 120° соединялись два отрезка двухрядных бревенчатых стен. Основание сруба (?) было установлено в подквадратный котлован размером 3 × 3 м, глубиной 0.15 м. Углубление было выкопано на скальном останце (3.5 × 3.5 м), окруженном мелким ровиком-водоотводом. Основание "угловой башни" было укреплено щебнем и суглинком, вынутыми из рва (рис. 4). Сходная ситуация наблюдалась в слое второй фортификации городища Алтен-Тау, но с тем лишь отличием, что подквадратный котлован (3 × 2.7 м) предполагаемой башни или наблюдательной вышки находился на южной оконечности высокого (50 м) мысовидного выступа, откуда открывался прекрасный вид на долину реки. В этом месте практически под прямым углом сходились две однорядные бревенчатые оборонительные стены городища: одна – возведенная на гребне глинистого вала, другая – построенная непосредственно на грунте у края террасы (Борзунов, 1997а. С. 174, 175. Рис. 1, 7). Иную конструкцию и привязку имел объект, открытый на мысовом позднеиткульском Зотинском III городище. Как и предыдущий, на поверхности он не прослеживался. В заполнении дуговидного вала, сложенного из суглинка и щебня, в 13 м к востоку от единственного входа на поселение расчищено основание постройки, похожей на квадратную (2.7 × 3) клеть. Она была встроена в линию двухрядной (?) бревенчатой оборонительной стены и, вероятно, не более чем на 0.5 м, выступала в напольную сторону от пояса куртин. Нижние обугленные венцы "башни-клети" залегали перпендикулярно и продольно валу, образуя почти правильный квадрат. При этом концы бревен в двух углах "сруба" накладывались друг на друга. Более того, в одном случае отчетливо прослеживалось, что конец одного – продольного насыпи – бревна находился между концами двух других – поперечных валу – обломков дерева. Внутри этого "колодца" под углом 25°–45° к оси насыпи залегало еще несколько обугленных бревен и жердей – длиной от 2 до 2.7 м, диаметром около 10–20 см. Вероятно, это остатки верхних венцов сруба или деталей перекрытий (помостов, ярусов). Стена и "башня" в основании на высоту не менее 0.5 м были забутованы щебнем и суглинком, а с внешней стороны укреплены крупными камнями, вынутыми при прокопке ровика перед валом (рис. 5).

Помимо этого, довольно аморфные и мелкие котлованы неких сооружений, включенных в оборонительную систему, отмечены при раскопках на линии сгоревших стен в кольцевом иткульско-гамаюнском (по другой версии – карагай-аульском) Андреевском городище № 7 (уч. Г–Д/42–43, З–К/47–48, Н–П/27–28). Наличие башен, выступавших за линию стен укрепленных поселений и цитаделей, зафиксировано в ходе обследования двух обширных саргатских городищ в бассейне Иртыша – Старокарасук XXI и Батаково XIX (Погодин, 1997. С. 344, 345). Между тем, до проведения стационарных исследований нет полной уверенности в том, что это не были обычные бастионы.

Имели или нет перечисленные выше бастионно-башенные объекты какие-либо навесы, бойницы и т.д. – сказать трудно. Одно бесспорно: для наблюдения и стрельбы с этих построек требовались помосты (ярусы, накаты), опиравшиеся на дополнительные столбы или внутренние срубы, а также брустверы-парапеты. В качестве последних могли использоваться верхние венцы самих срубов.

У к р е п л е н н ы е в х о д ы (п р е д в р а т н ы е с о о р у ж е н и я), судя по конфигурации остатков их обваловок, изгибам линий рвов, а также отдельным раскопанным объектам (Павлиново, Воробьевское, Казакбаевское Малое, Барсов Городок I/1), имели несколько разновидностей.

Наиболее многочисленна и разнообразна группа коридорообразных входов длиной от 3–4 до 30 м, шириной 2.5 до 20 м. Среди них выделяются оконтуренные ровиками крытые (?) коридоры с двумя параллельными стенами, выступающими под прямым углом в напольную сторону (Матайкул, Ка-

[3] Например, крито-микенские укрепления эпохи бронзы (Андреев, 1989. С. 94), иберийские городища железного века (Петерс, 1939. С. 224).

закбаевское Малое, Батаково XIX – цитадель, Старокарасук XXI, Соровские VIII, XXXIV), подтреугольные в плане коридоры, направленные внутрь поселения, фланкированные бастионами или башнями (Нижне-Суварышские IV и V), коридоры, ориентированные продольно основной оборонительной стене (типа "захабов"), в которые можно было войти, повернувшись правым боком к стене городища (Нижне-Суварышское IV), сложные коридорообразные системы, соединявшие два кольцевые укрепления (Андреевские № 5 и 7) (рис. 2; 3; 6, *А*. Специфические коридорообразные "въезды" выявлены во внешней оборонительной линии городища Батаково XIX. "Один из них находился у края террасы и был образован валом, не доходящим до края террасы на 8–9 м, и расположенным параллельно рвом, начинающимся от края крутого склона (...). Въезд в город был возможен лишь вдоль террасы с последующим поворотом под прямым углом в коридор. Второй въезд находился с противоположной стороны. Его коридор (...) образован стенами с внутренними помещениями. Рациональное расположение башни, фланкирующей ворота, обеспечивало въезд в город только с поворотом под прямым углом" (Погодин, 1997. С. 345).

Вторую группу укрепленных входов составляют бастионные выступы с двумя проходами – типа хорошо известных "проездных башен" (Павлиново, Барсов Городок I/1, I/5, Соровские I, VII, VIII, XXXIII и др.) (рис. 2; 3; 9). Вполне вероятно, что проходы имелись и в бастионах тех городищ, где сейчас не прослеживается обычных входов в виде разрывов в линиях валов и рвов (Калачик 1, Борки, Соровские XII, XXIX, Нумто III и т.д.). Как и у обычных бастионов, площадки-останцы данных предвратных сооружений были оконтурены с трех сторон оборонительными рвами, как исключение (Барсов Городок I/1) – внешними ямами. На Павлиновом городище концы ровика частично заходили с тыльной стороны северо-западного бастионного входа. Во всех случаях через канавы необходимо было настилать стационарные или разборные мостики из бревен и жердей. Некоторые ровики прерывались неширокими (1–2 м) перемычками, обеспечивавшими подход к "проездным башням". Размеры останцов, на которых находились эти постройки, варьировались от 6 × 2.5–3 до 10 × 13 м. Форма их в плане – подпрямоугольная и подтрапециевидная. Само сооружение, по-видимому, было сходно с бастионами и "башнями", т.е. представляло собой квадратный четырехстенный или П-образный трехстенный сруб, выступавший за линию куртин. Ямки, обнаруженные Л.Н. Коряковой при раскопках бастионного входа на Павлиновом городище, указывают на то, что некоторые конструкции этого объекта (помосты, ворота и т.д.) опирались на столбы.

Третьей разновидностью предвратного сооружения являлись защитные системы типа "малых предгородий". Они представляли собой подквадратные и полукруглые площадки, обнесенные стенами с дополнительными бастионами, "проездными башнями" или без таковых (Воробьевское – 3-я площадка, Нижне-Суварышское IV, возможно, Гороховское – 2-я площадка). Площади их соответственно: 970, 600 и более 1600 м^2 (рис. 2; 3; 6, *А*).

В отличие от большинства обычных входов на городища предвратные сооружения должны были запираться не одними, а двумя воротами – наружными и внутренними. При этом проемы могли находиться как напротив, на одной линии, так и под углом друг к другу (Барсов Городок I/1, Нижне-Суварышское IV, Воробьевское, Соровское XXXIII и др.) (рис. 2; 3; 6; 9).

Особенности оборонного зодчества южного и северного ареалов. Бастионно-башенные конструкции зафиксированы на городищах всех типов: мысовых (16 = 32%), береговых (20 = 40%), а также расположенных на холмах, покатых возвышенностях и относительно ровных участках местности в глубине террас (14 = 28%). В средней и северной тайге чаще встречаются береговые укрепления (15 = 59.6%), а в лесостепи и на южной кромке леса – мысовые (9 = 42.9%). Вместе с тем следует отметить, что преимущества мысовой топографии при постройке городищ с бастионно-башенными фортификациями к востоку от Урала не всегда использовались в полной мере. В 11 случаях на мысах были сооружены не обычные системы с поперечными и дуговидными напольными валами и рвами, а более сложные – полукольцевые, овальные, подпрямоугольные и трапециевидные, характерные для городищ на краях и в глубине террас (Зотинское II, Зыряновское, Павлиново, Лихачевское, Паргаляк II, Соровские I, XIV (1), XXXIII, XXXVI, Нумто III, Усть-Кальпясяха 21). Безусловно, это делалось намеренно: замкнутая и достаточно мощная оборона бастионно-башенных крепостей позволяла пренебрегать некоторыми достоинствами естественной укрепленности местности. Тем более что такие совершенные фортификации возводились в основном на невысоких, относительно небольших и пологих выступах, так как высокие коренные мысы не требовали столь сильной искусственной защиты. По той же причине в обоих обозначенных выше ареалах бастионно-башенные системы часто встречаются на покатых возвышенностях и ровных участках местности. И на юге, и на севере они занимают второе место по численности среди других вариантов крепостей (7 и 7 = 33.3 и 25%).

В южном ареале укрепления с бастионно-башенными сооружениями были более совершенными и обширными (1400–40000, в среднем 7280 м^2), чем в северном (320–4850, в среднем – 1606 м^2).

Правда, кулайские рвы в основном были глубже, чем канавы вокруг южных городищ. Кроме того, в лесостепи строились, как правило, кольцевые, полукольцевые и дуговидные напольные защитные линии. Бастионно-башенные объекты здесь более многочисленны (от 3 до 16, как исключение – 1–2 на памятнике) и расположены в линии стен ритмично: часто и через определенные, примерно равные промежутки. В тайге же преобладали укрепления подпрямоугольной, прямоугольно-овальной и трапециевидной в плане формы, причем относительно небольшие и с меньшим, чем в лесостепи, количеством бастионов и укрепленных входов (1–2, реже 3–4).

Бастионно-башенные сооружения на уралосибирских городищах располагались преимущественно с напольных сторон и зачастую на самых удаленных от краев террас местах: в центре дуговидных отрезков оборонительных линий и на углах подпрямоугольных в плане крепостей. Достаточно часто такие объекты возводились рядом со входами на городищенские площадки, в том числе по обеим сторонам от главного проезда, либо сами выступали в качестве укрепленных проходов. Наибольшее количество бастионов, башен и предвратных сооружений зафиксировано на поселениях, удаленных от краев коренных террас. В этом случае они строились по всей окружности оборонительного пояса городища. В целом такая расстановка бастионов-башен в фортификационных системах отвечала основным целям строительства этих оригинальных военно-инженерных сооружений, а именно: организации флангового огня вдоль линии куртин, защите входов на городища и обеспечению эффективной обороны участков с наименьшей естественной (природной) укрепленностью.

Приступая к анализу причин и условий появления в Урало-Сибирском регионе укреплений с бастионно-башенными элементами обороны, отметим два основных момента, связанных с генезисом и передачей новых идей. Как показывает практика, "...изобретения могли совершаться независимо везде, где имелись необходимые для них предпосылки и условия. В то же время, однажды возникнув, они могли распространяться далеко за пределы своей родины благодаря контактам, которые издавна связывали человечество в единое целое" (Шнирельман, 1980. С. 245). В свою очередь для заимствования новой идеи нужны были веские причины и соответствующие условия: инновации должны быть крайне необходимы данному обществу, а уровень его развития должен соответствовать определенным социально-экономическим стандартам.

Каким же образом появились бастионно-башенные фортификации в интересующем нас регионе и какой из вариантов – автохтонный или привнесенный – реализовался в нашем случае?

Несмотря на разнообразие оборонительных систем городищ и укрепленных жилищ неолита – бронзы Зауралья и Западной Сибири (Борзунов, 1994. С. 207–235; 1997б; 1999; Стефанов и др., 1999), укреплений с бастионно-башенными сооружениями здесь долгое время не существовало. И это не удивительно: практически до рубежа бронзового и железного веков военных конфликтов между Лесом и Степью не было отмечено, а главное – отсутствовали постоянные экономические и культурные связи между Севером Евразии и южными территориями, где бастионно-башенная архитектура была распространена уже в VII–II тыс. до н.э. (Ближний и Средний Восток, Южная и Средняя Азия и др.). Сами же эти пока немногочисленные первобытные "крепости" леса и лесостепи были предназначены главным образом для защиты их обитателей от соседей – таких же родственных, реже – инокультурных общин.

Ситуация начинает меняться позднее и по не зависящим от лесных и лесостепных обществ причинам – с началом кардинальной перестройки экономики, быта, идеологии и социальной структуры обществ евразийской степи, вступивших в VII в. до н.э. в эпоху железа, номадизма и грабительских войн. Начавшееся в конце бронзового века глобальное потепление климата, обусловившее изменение степных ландшафтов, предопределило постепенный переход населения степей Евразии к полукочевому, а в начале новой эпохи – и к кочевому скотоводству. Имущественная и социальная дифференциация номадов, проходившая на фоне общей милитаризации их жизни, выдвигала на первый план наиболее сильных и богатых военных вождей, под контроль которых перешла вся производственная, военная, культовая и иная деятельность степных коллективов. В том числе в сферу их компетенции попала формирующаяся система посреднической торговли между государствами Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, с одной стороны, племенами урало-сибирской лесостепи и южной кромки леса – с другой. Одновременно с этим происходило формирование новых этнокультурных объединений и военно-политических союзов (скифов, сармат, саков), принимавших активное участие в судьбах окружающих их народов. Этот, безусловно, прогрессивный, но исключительно болезненный процесс трансформации степных культур был осложнен экологическим кризисом, поразившим евразийскую степь в конце V – начале IV в. до н.э. Последствия его наблюдались до первых веков н.э. Особенно пострадали области, расположенные ближе к среднеазиатским пустыням. Резкое усыхание климата, вызвавшее аридизацию значительных территорий, уменьшило объем биомассы в азиатской степи и создало здесь ситуацию пе-

ренаселенности. Результатом этих перемен стало усиление подвижности степных племен, перенесение маршрутов кочевий степняков к северу, активное, большей частью немирное освоение ими менее засушливых, богатых разнотравьем и водными источниками пространств южной лесостепи. Определенное воздействие на усиление миграционных процессов в степях Евразии могли оказать также многочисленные походы персидских царей и Александра Македонского, направленные против кочевников и городов Средней Азии (545–539, 530, 519–518, 515–512, 329–327 годы до н.э.).

Закономерной реакцией лесостепных коллективов на возрастающую агрессивность степных племен явилась активизация строительства пограничных "крепостей". К середине I тыс. до н.э. лесостепные городки Восточной Европы, Урала и Западной Сибири превратились по сути в единую линию укреплений, защищавших лесостепь и сопредельные лесные районы от набегов кочевников. Впрочем, это не мешало обеим сторонам выступать в качестве деловых партнеров в торгово-обменных операциях, в ходе которых в степь с Урала и из Западной Сибири поступали цветной металл и пушнина, в лесостепь и лес – скот и престижные предметы ремесленников городских центров Юга Евразии. Кроме того, по-видимому, под влиянием кочевых обществ в начале эпохи железа аборигены южной кромки лесостепи освоили полукочевое скотоводство. При этом некоторые лесостепные группы (гороховская культура) периодически кочевали в приуральских степях и контактировали там с местным населением. Последнее наряду с другими факторами (экономические, торговые, культурные контакты) обусловило "определенное участие зауральских лесостепных племен раннего железного века в становлении раннесарматской прохоровской культуры" (Мошкова, 1972. С. 47, 48).

Существенные изменения с элементами коренной перестройки общества происходили и в западносибирской тайге, но несколько позже, чем в лесостепи – в момент формирования кулайской культурно-исторической общности. Об этом, в частности, свидетельствует начавшееся имущественное и социальное расслоение таежного населения, формирование в его среде военно-потестарной элиты, зарождение принципа раздельного проживания верхушки общества и рядовых общинников, распространение престижных вещей далекого импорта, появление новой оборонной архитектуры. Этим и многим другим новым явлениям в значительной степени способствовало установление тесных экономических связей между Севером и Югом Евразии при посредничестве степных племен. Важное значение в этих взаимоотношениях на первых порах отводилось экспорту цветного металла из иткульского металлургического очага, функционировавшего в Зауралье в VII–III вв. до н.э. Посредниками в обменной "торговле" между металлургами горно-лесных областей и окружающими племенами выступало, по-видимому, лесостепное население с керамикой гороховского и второго иткульского типов.

Между тем *основной причиной включения Урало-Сибирского региона в систему экономических связей Старого Света в начале эпохи железа, на наш взгляд, явился экспорт пушнины* – единственного местного товара, по своим функциональным и престижным качествам имевшего высокую потребительную стоимость на мирово рынке на протяжении последних двух с половиной тысячелетий. Именно на этот период приходится формирование системы многоступенчатых торговых операций, караванной торговли, "Великого степного" и позднее – "Великого шелкового пути" с многочисленными "пушными" дорогами и тропами, пролегавшими из Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии в лесостепные и лесные районы Урала и Западной Сибири (ср.: Иванов, 1982. С. 39, 40, 51, 72–75, 123; Могильников, 1991. С. 14; Зыков и др., 1994. С. 38, 39, 64–66; Матвеева, 1997; Матющенко, Татаурова, 1997. С. 104–106). Особую роль в этом процессе играла Средняя Азия, которая в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. являлась не только (и не столько) потребителем западносибирской "мягкой рухляди", но и одним из организаторов караванной торговли на "Великом шелковом пути" между Востоком и Западом. Из-за отсутствия ценных пород пушного зверя в лесостепи и по мере истребления их на южных лесных территориях, ответвления "торговых путей" продвигались на север – в западносибирскую тайгу[4]. При этом посредниками в обменных операциях на этих путях между таежным населением и кочевниками степей могли выступать общины, обитавшие в лесостепи и на южной окраине лесной зоны. Для скифов и сармат таковыми являлись пьяноборские, гляденовские, возможно, позднеананьинские, иткульские (иткульско-гамаюнские) и гороховские, для саков – гороховские, саргатские, отчасти богочановские и др. (ср.: Иванов, 1982. С. 54, 72; Зыков и др., 1994. С. 64, 66; Страницы истории..., 1996. С. 40; Данченко, 1996. С. 102–109; Белавин, 2000. С. 6).

Закономерно, что практически на это же время (VI–V вв. до н.э. – II–III вв. н.э.) приходится распространение на Севере Евразии первых бастионно-башенных крепостей, причем первоначально в лесостепной, а затем в лесной зоне. На последнее

[4] Пользуясь случаем, подчеркну, что, по моему глубокому убеждению и мнению моих коллег, именно становление и развитие системы пушной торговли стало одним из главных катализаторов социально-экономического прогресса таежных обществ Западной Сибири в начале железного века, в том числе ускоренной социальной дифференциации населения тайги на рубеже эр (ср.: Зыков и др., 1994. С. 68; Нягань..., 1995. С. 15–25).

указывает приведенное выше различие датировок городищ с новой архитектурой южного и северного ареалов.

Начало эпохи железа в интересующем нас регионе было отмечено не только появлением изделий из нового метала, формированием собственной черной металлургии (около V–IV вв. до н.э.), но и расцветом бронзолитейного производства. Топоры-кельты из цветного металла в это время становятся обыденным явлением. Отдельные их экземпляры найдены на южных городищах с бастионно-башенными системами (Зотинское II, Воробьевское, Лихачевское). В тайге бронзовые кельты обнаружены в кулайских погребениях, на культовых местах и некоторых селищах. По нашему мнению, массовое распространение этих орудий (как и их появление в начале эпохи бронзы) стало этапным явлением в развитии строительства, в том числе фортификационного.

Создается впечатление, что лесостепные крепости с фигурными линиями обороны (в первую очередь наиболее совершенные – гороховские и саргатские) появляются уже в сформировавшемся виде, а поселения с такими фортификациями и радиальным размещением жилищ строятся по заранее намеченному плану. Для гамаюнского и иткульского "градостроительства" бастионы и "башни" – явление очень позднее, единичное и инородное, а предвратные укрепления вообще чужды. Достаточно оригинальны и не имеют прообразов в Приобье белоярские, кулайские и иные бастионные крепости. Все это, а также относительно одновременное появление бастионно-башенных городищ на Севере Евразии в начале эпохи железа свидетельствует о распространении идеи и основных принципов строительства таких фортификаций из какого-то более развитого центра. Мало вероятно, что данная идея в VI–III вв. до н.э. могла быть заимствована из достаточно удаленных регионов – Северного Причерноморья, Кавказа и Китая. В Южной и Восточной Сибири, равно как и на севере Восточной Европы, до средневековья таких специфических оборонительных систем не было. В ближайшем же к Западной Сибири регионе – Средней Азии – такая архитектура успешно развивалась еще с энеолита и ранней бронзы под непосредственным влиянием градостроительства Юго-Западной и Южной Азии. Уже в VII–VI вв. до н.э. – первых веках н.э. и даже намного раньше в Средней Азии были известны многие элементы раннегородского оборонного зодчества: двухчастная планировка укрепленных поселений с цитаделью или дворцом, городища с "жилыми стенами", внутристенные стрелковые галереи, круглые, квадратные и прямоугольные со скругленными углами башни и бастионы, пилоны-контрофорсы, ритмическое расположение башен и бастионов в линии оборонительных стен, проездные и наугольные башни, фланкированные башнями укрепленные входы, предвратные лабиринты, Т-образные и иных типов ловушки, барбаканы, валганги, зубчатые парапеты, бойницы различных типов и т.д.[5]

Среднеазиатские (приаральские) корни архитектуры Гороховского и позднего Воробьевского городищ в свое время отмечал еще В.Е. Стоянов (1969. С. 56; 1989. С. 99). Мы также полагаем, *что наиболее вероятными районами, откуда первоначально с торговыми караванами и военными экспедициями саков была "занесена" в зауральскую и западносибирскую лесостепь идея строительства бастионно-башенных систем, являлись Восточное и Южное Приаралье, в первую очередь Хорезм* (чирикрабатская, джетыасарская, кюзели-гырская и другие культуры). Вполне вероятно, что в этих и более поздних торговых предприятиях степных саков и хорезмийцев принимали участие также выходцы из Согда, Ферганы и других областей Средней Азии. Н.П. Матвеева даже предполагает, что "гороховское население зимовало в районах Северо-Восточного Приаралья, где взаимодействовало с хорезмийцами и джетыасарцами" (Матвеева, 1999. С. 128). Что же касается бастионно-башенной фортификации саков Хорезма – бывших кочевников, выходцев из северных областей Приаралья, занявших низовья Амударьи в VII в. до н.э., то она наряду с другими элементами оседло-земледельческой культуры уже в VI в. до н.э. была заимствована пришельцами у покоренного местного населения и, возможно, у соседей – земледельцев Маргианы (ср.: Вишневская, Раппопорт, 1997. С. 151–154, 167, 171)[6]. Номады быстро освоили новое для них оборонное зодчество более передовых народов Средней Азии. Это довольно симптоматично. Спустя короткое время ситуация с некоторыми нюансами повторилась у противоположной окраины азиатской степи. Сравнительно быстро некоторые лучшие достижения среднеазиатских мастеров были восприняты аборигенами Зауралья и Западной Сибири – обществами с комплексными хозяйством и даже потомственными охотниками и рыболовами.

[5] Исследования А.А. Аскарова, О.К. Бердыева, А.Н. Бернштама, Г.А. Брыкиной, Ю.Ф. Бурякова, Б.И. Вайнберг, О.А. Вишневской, П.П. Гаврюшенко, Н.Г. Горбуновой, М.М. Дьяконова, Ю.А. Заднепровского, А. Исакова, М. Исхакова, М.А. Итиной, Л.Б. Кирчо, В.И. Козенковой, И.Т. Кругликовой, Б.А. Латынина, Б.А. Литвинского, В.М. Массона, Е.Е. Неразик, Ш.Р. Пидаева, Г.А. Пугаченковой, Ю.А. Раппопорта, Э.В. Ртвеладзе, К.С. Сабирова, Е.Д. Салтовской, В.И. Сарианиди, В.И. Спришевского, Р.Х. Сулейманова, Ш.С. Ташходжаева, А.И. Тереножкина, С.П. Толстова, М. Туребекова, И.Н. Хлопина и др.

[6] В свою очередь многие элементы градостроительства различных областей Средней Азии античности и эллинизма – Хорезма и Маргианы, Бактрии и Парфии, Согда и Ферганы – восходят к традициям культур эпохи бронзы – алтындепинской культуры (ср.: Массон, 1981. С. 130) и связанной с ней сапаллинской.

Центром распространения новых элементов оборонного зодчества на Севере Евразии стало лесостепное Притоболье – самый близкий к Приаралью пограничный западносибирский район, находившийся в сфере влияния кочевых племен. Здесь открыто большинство лесостепных (прежде всего гороховских) городищ с бастионно-башенной фортификацией. Само же степное Притоболье являлось границей двух миров – сарматского и сакского. Учитывая это, вполне логично, что известная сакам среднеазиатская башенная архитектура была воспринята именно к востоку от Урала – аборигенами Зауралья и Западной Сибири. В то же время в Приуралье, связанном в основном с сарматами и скифами, ориентировавшимися в своих "торговых" операциях на Кавказ и Причерноморье, городищ с такими оборонительными системами практически нет.

Через лесостепное Притоболье проходила магистральная водная артерия, связывающая Среднюю Азию с глубинными районами среднеобской тайги, где выявлена основная масса лесных укреплений с новой оборонной архитектурой. Примечательно, что один из караванных путей шел из Средней Азии как раз по Тоболу, а затем по Туре и ее притокам через Уральские горы на Каму и далее на Волгу (Таиров, 1990. С. 105, 106). Судя по распространению башенных фортификаций, ответвление этого торгового маршрута пролегало через низовья Тобола, Иртыша, район Соровских озер в Сургутское Приобье. Безусловно, это не исключает возможности заимствования баитовским и саргатским населением (а от последнего – богочановским и кулайским) элементов бастионно-башенной фортификации как из Притоболья, так и непосредственно из Средней Азии по другим путям и иным образом. С этой точки зрения заслуживает внимания гипотеза о появлении в саргатской среде предметов среднеазиатского импорта в результате непосредственного участия некоторых саргатских групп в походах на юг вместе с кочевниками (Корякова и др., 1987. С. 45; Матющенко, Татаурова, 1997. С. 106).

В тайге, первоначально в Сургутском Приобье, а затем – в Томско-Нарымском и Нижнем Приобье, бассейнах Надыма и Пура бастионные укрепления появились чуть позднее, чем в лесостепи. При этом приемы нового "градостроительства" проникли на север по тем же тоболо-иртышским и обским информационным коридорам, которые связывали лесостепь с глубинными районами приобской тайги с древности (по крайней мере с неолита). Об оживлении культурных связей таежных областей с лесостепью свидетельствует также распространение в это время в Среднем Притоболье и Среднем Прииртышье типичных северных наземных подпрямоугольных жилищ с обваловкой основания стен ("завалинкой") и внешними ямами по периметру постройки, остатками которых являются так называемые "приподнятые" площадки.

В целом появление в начале эпохи железа бастионно-башенной архитектуры в Урало-Сибирском регионе стало частью единого процесса передачи культурных достижений южных цивилизаций на север Евразии.

Строителями укреплений нового типа в Зауралье и Западной Сибири являлись предки современных финно-угорских и самодийских народов. Они не слепо копировали известные модели фортификаций, а творчески перерабатывали их сообразно своим нуждам, возможностям и приемам местного строительства. Бастионно-башенные крепости Севера Евразии довольно просты, не слишком велики, их защитные пояса, как и у остальных городищ, деревоземляной конструкции. Не случайно на раскопанных памятниках нет остатков стен из битой глины-пахсы, кирпича или каменных блоков, круглых башен и т.д., т.е. большей части того, что характерно для среднеазиатской архитектуры.

Это же касается зауральской (притобольской) кольцевой планировки бастионно-башенных укреплений с радиальной расстановкой жилищ и западносибирской прямоугольной фортификации с расположением построек параллельно друг другу в один и позднее – в два ряда. Обе эти системы возникли в Зауралье и Западной Сибири не в раннем железном веке и не под влиянием среднеазиатской архитектуры. Основы их заложены в эпоху бронзы в результате воздействия на общества урало-сибирской лесостепной зоны строительных традиций петровской, алакульской и других культур азиатской степи.

Подводя итог, подчеркнем, что строительство в начале эпохи железа бастионно-башенных "крепостей" в Зауралье и Западной Сибири совпало с установлением постоянных торговых, культурных и иных связей этих регионов с южными цивилизациями (формирование "пушных/шелковых путей"), а также явилось ответной реакцией местных обществ на активное, нередко агрессивное освоение степными племенами (сарматами, саками) южной лесостепи.

В заключение несколько слов ***о функции упомянутых выше укреплений.*** Сразу оговоримся: несмотря на разнообразие оборонительной и жилой архитектуры укрепленных поселений первобытности, последним в значительной степени характерна полифункциональность. Наиболее четко дифференциация укреплений начинает проявляться на стадии разложения первобытного общества и в раннеклассовых образованиях. На всей территории Севера Евразии городища с бастионно-башенными фортификациями не были рядовыми поселениями. В лесостепной зоне они являлись центрами племенных и иных объединений, местами производственно-хозяйственной деятельности,

пунктами посреднической "торговли" (неудачно называемыми "торговыми факториями"). Часть лесостепных укреплений – относительно обширных, но с очень бедными культурными слоями, можно определить как городища-убежища. В период военной опасности за их стенами укрывали скот общины, а также пряталось население, обитавшее по соседству в селищах и летниках. Впрочем, мы полагаем, что эти городища никогда не пустовали, по крайней мере в них постоянно проживала какая-то охрана. В противном случае такие стратегически важные пункты могли стать легкой добычей враждебного окружения. Саргатские укрепления, особенно в Зауралье, как полагает Н.П. Матвеева, вполне могли быть форпостами на оборонительных рубежах и базами для завоевания новых земель (Матвеева, 1999. С. 128). В таежной зоне малые кулайские и единичные поздние белоярские крепости являлись, вероятно, резиденциями военно-потестарной элиты, в то время как рядовые общинники селились в расположенных неподалеку селищах. В целом же следует признать, что поселения с бастионно-башенными фортификациями являлись наиболее идеальными укреплениями для территорий со слабо выраженным рельефом местности и достаточно мощными – по меркам Севера Евразии – "крепостями" для районов с пересеченным ландшафтом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М., 1990.

Андреев Ю.В. Островные поселения Эгейского мира в эпоху бронзы. Л., 1989.

Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.

Белавин А.М. Камский торговый путь. Пермь, 2000.

Борзунов В.А. Укрепленные поселения Западной Сибири каменного, бронзового и первой половины железного веков // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. I. Томск, 1994.

Борзунов В.А. Городище Алтен-Тау и проблема реконструкции ананьинских фортификаций // РА. 1997а. № 1.

Борзунов В.А. К вопросу о генезисе и функции уралосибирских укрепленных жилищ // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997б.

Борзунов В.А. Поселения с бастионно-башенной оборонной архитектурой Зауралья и Западной Сибири начала эпохи железа // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Томск, 1998.

Борзунов В.А. Новый ареал укрепленных жилищ на севере Евразии // РА. 1999. № 4.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990.

Вишневская О.А., Раппопорт Ю.А. Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ. 1997. № 2.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1989.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине – второй половине I тыс. до н.э. Омск, 1996.

Дьяконов М.М. Древняя Бактрия // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Екатеринбург, 1994.

Иванов В.А. У подножия Рифейских гор. Уфа, 1982.

Корякова Л.Н., Погодин Л.И., Труфанов А.Я. К вопросу о связях населения лесостепи Западной Сибири в эпоху поздней бронзы – раннего железа // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987.

Массон В.М. Алтын-Депе. Л., 1981.

Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989.

Матвеева Н.П. О торговых связях Западной Сибири и Центральной Азии в раннем железном веке // РА. 1997. № 2.

Матвеева Н.П. Гипотетическая реконструкция социальных структур населения гороховской культуры // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск, 1999.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997.

Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982.

Могильников В.А. Некоторые проблемы изучения саргатской культуры. Омск, 1991.

Мошкова М.Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972.

Нягань: город на историческом фоне Нижнего Приобья. Екатеринбург, 1995.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. I. Томск, 1994.

Петерс Д.Д. Вещественные памятники Иберии времени железного века // ВДИ. 1939. № 2 (7).

Погодин Л.И. Исследования в Омской области // АО–1996. 1997.

Стефанов В.И., Борзунов В.А., Погодин А.А., Корочкова О.Н. Городище каменного века Амня I: новые данные // XIV Уральское археологическое совещание. Челябинск, 1999.

Стоянов В.Е. Зауральские лесостепные поселения // КСИА. 1969. Вып. 119.

Стоянов В.Е. Хозяйство и социальные отношения населения лесостепи и степи // История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.

Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейшего времени до начала XVIII века / Белавин А.М. Пермь, 1995.

Таиров А.Д. Ранние кочевники Южного Зауралья в VII–II вв. до н.э. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.

Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. М., 1980.

Энгельс Ф. Фортификация // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 14. М., 1959.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М., 1961.

Le Grand Atlas de l'archéologie / Chr. Scarre. Paris, 1990.

The Early Iron Age Hillforts With Bastion-Tower Fortification in North Eurasia

V. A. Borzunov

Summary

Fifty hillforts dated back to the Early Iron Age (the 6th–5th cc. BC – the early 1st mill. AD) discovered in North Eurasia have yielded the remains of bastion-tower fortifications. One site is known from the Kama basin and 49 in Transurals and West Siberia. The sites situated eastward from the Urals form two clusters: the southern forest-steppe one on the Middle Tobol, Ishim, and Irtysh rivers, and the northern taiga one in the basins of Ob', Nadym, and Pur rivers. The principal types of bastion-tower constructions are bastions proper, bastion-shaped prominences, "towers," and fortified entrances at the gates. All the constructions were built of logs and earth. The forest-steppe fortresses are large enough covering an area of 1400 to 40 000 sq. m., average 7280 sq. m., they occupy usually the rivers' promontories and low heights. The objects of bastion and tower type are numerous enough at these sites, numbering from 3 to 16 units and are situated densely on equal length from one another. The landward fortifications at the southern hillforts are of circle, semi-circle, and arch shapes. The forest fortresses cover lesser areas of 320–4850 sq. m., average 1606 sq. m. mainly rectangular and trapez-shaped situated on river banks. There are few bastions and towers at the sites, usually 1 or 2, rarely 3–4 ones. These ancient hillforts were constructed by the ancestors of Finno-Ugrian and Samodian peoples. The idea of fortifications of the type was adopted by the forest-steppe Transuralian and West Siberian tribes from the Central Asiatic communities of East and South Aral sea area. The fortification systems of the kind was known there since the Eneolithic and the Bronze Age. The penetration of new advanced fortification architecture in the territories in question coincided with the establishment of their permanent trade, cultural, and other connections with southern civilisations, among them the formation of silk and furs roads. It may be interpreted as a reaction of the local societies against active and often aggressive settling of steppe tribes, such as the Sarmatians and Saks in the forest-steppe zone in the period of the Early Iron Age.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 3, с. 98–114

ДИСКУССИИ

ОБРЯД ОБЕЗВРЕЖИВАНИЯ ПОГРЕБЕННЫХ В ВЕРХНЕ-САЛТОВСКОМ И РУБЕЖАНСКОМ КАТАКОМБНЫХ МОГИЛЬНИКАХ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2002 г. В. С. Аксенов

Харьковский исторический музей

Обряд обезвреживания погребенных отмечен на многих могильниках Восточной Европы. Впервые на преднамеренное (ритуальное) разрушение скелетов, погребенных на Верхне-Салтовском и Дмитриевском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры, обратили внимание Д.Т. Березовец и С.А. Плетнева (Плетнева, 1967. С. 80, 83, 88). Широкомасштабные исследования Дмитриевского могильника позволили С.А. Плетневой указать, что частичному или полному разрушению людские костяки могли подвергаться как с целью обезвреживания погребенных (Плетнева, 1989. С. 187), так и во время ограбления погребальных камер (Плетнева, 1989. С. 189, 191). При этом исследовательница все же больше склонна видеть в разрушенных костяках результат ограбления или, в крайнем случае, результат действий по освобождению места для нового подзахоронения (Плетнева, 1989. С. 178, 191). В полной же мере обряд обезвреживания погребенных удалось проследить на материалах Маяцкого катакомбного могильника (Флеров, 1984. С. 180–187). После чего о существовании этого обряда у аланского населения салтово-маяцкой культуры уже в течении ряда лет пишет В.С. Флеров (1993; 1997). Исследователь не без оснований утверждает, что нельзя все погребения с разрушенными костяками считать ограбленными. В частности, на примере захоронений Маяцкого катакомбного могильника В.С. Флерову удалось показать, что как полное, так и частичное разрушение костяков в салтовских катакомбных захоронениях является стремлением обезопасить живых от возможного отрицательного воздействия их умершего родственника (Флеров, 1993. С. 44–51). Там же исследователем изложена историография данного вопроса (Флеров, 1993. С. 53–60).

При многолетних исследованиях катакомбных захоронений Верхне-Салтовского археологического комплекса и могильников, расположенных в непосредственной близости от него – Рубежанского могильника (РМ), погребения с разрушенными костяками трактовались исследователями неоднозначно. Так, в некоторых случаях разрушение костяков авторы раскопок связывали с обрядом обезвреживания погребенных (Бородулин, 1989. С. 12, 17, 25), в других, без всяких объяснений, – считали результатом ограбления могил (Бородулин, 1987. С. 25, 56; Семенов-Зусер, 1949. С. 120, 129). Разрушение костяков некоторые исследователи объясняли результатом обвала свода камер или просачиванием в погребальную камеру воды (Семенов-Зусер, 1949. С. 115, 126, 132; 1952. С. 271).

Возобновление исследований Рубежанского (1995) и Верхне-Салтовского IV (ВСМ-IV) (1998, 1999) катакомбных могильников экспедицией Харьковского исторического музея позволило выявить следы обряда обезвреживания погребенных. Они во многом оказались сходными с проявлениями этого обряда в захоронениях Маяцкого катакомбного некрополя, которые в силу каких-то причин не были зафиксированы при предыдущих исследованиях указанных могильников.

В исследованных захоронениях Рубежанского (№ 14–18) и Верхне-Салтовского IV (№ 28, 30, 31, 33, 36, 37, 39, 40, 42–49, 51) катакомбных могильников на глубине 0.6–0.8 м от современной поверхности почвы дромос в плане имел "булавовидную" форму (рис. 1, *1*, *4*; 2, *1*, *3*; 3; 4, *1*, *3*; 5, *1*, *3*; 6, *1*, *3*; 7, *1*, *4*; 8, *1*, *3*; 9, *1*, *3*). В ближнем к погребальной камере конце дромоса четко фиксировалось пятно хода повторного проникновения в захоронение. Расположенная ниже по склону часть пятна имела в плане форму вытянутого прямоугольника и представляла собой не потревоженную последующим перекопом начальную часть дромоса. Заполнение этой части дромоса во всех случаях было достаточно однородным и состояло из чистого суглинка, вследствие чего оно лишь незначительно отличалось по цвету от материка. Какие-либо вещевые находки для этой части дромоса не характерны. При вскрытии этой не потревоженной части заполнение легко отслаивалось от ровных, тщательно исполненных боковых стенок дромоса, которые с глубины 1.3–1.5 м от современной поверхности почвы достаточно хорошо фиксировались по белесоватому налету. Такой же белесоватый налет отмечался многими исследователями верхне-салтовских захоронений на стенках, чаще всего незаполненных грунтом и сохранивших свой первоначальный свод погребальных ка-

мер. Он принимался ими за преднамеренную побелку камер (Бородулин, 1986. С. 39; Тесленко, 1927. С. 354). Однако еще в начале XX в. А.М. Покровский указал на ошибочность подобных взглядов (Покровский, 1905. С. 466). Длина не потревоженной части дромоса в исследованных нами захоронениях составляла от 1/2 до 2/3 общей его длины.

Ход повторного проникновения в погребальную камеру на уровне обнаружения имел в плане эллипсовидную, каплевидную или грушевидную форму, а ширина его несколько превышала наибольшую ширину не потревоженного дромоса. Заполнение хода повторного проникновения отличалось от материка и заполнения начальной части дромоса более темным цветом, составом, плотностью. Оно состоит из слоев перемешанного грунта (с преобладанием чернозема), имевших общий наклон в направлении камеры. В заполнении на разных глубинах встречаются древесные угольки, фрагменты салтовской кухонной и столовой керамики. Иногда в засыпке хода повторного проникновения находились целые или неполные скелеты домашних животных (коза–овца) (№ 14, 18 РМ) (рис. 5, *1*), отдельные вещи – кружечка (№ 28 ВСМ-IV) (рис. 2, *1*), железный фалар и железный нож (№ 37 ВСМ-IV) (рис. 8, *1*). По плотности заполнение хода повторного проникновения более рыхлое, чем утрамбованное первоначальное заполнение дромоса, за исключением тех случаев, когда оно состоит из затечного грунта. В последнем случае оно очень плотное и вязкое. Стенки хода повторного проникновения неровные, наклонные и лишь у входа в погребальную камеру совпадают с первоначальными стенками дромоса. Границей между вторичным и первоначальным заполнением дромоса часто служил слой достаточно плотного натоптанного грунта, иногда с вкраплениями древесных угольков, концентрация которых возрастает по мере приближения к входу в камеру. В идеальном случае дно хода повторного проникновения дополнительно фиксируется по лежащему на нем каменному (№ 28, 30, 33, 44, 49 ВСМ-IV) (рис. 2, *1*; 4, *1*; 6, *1*; 9, *1*, *3*) или деревянному (№ 36, 37, 43 ВСМ-IV, № 15, 17, 18 РМ) закладу (рис. 1, *1*; 2, *3*; 5, *3*; 8, *1*).

Иногда на дне дромоса, у входа в погребальную камеру, лежали железные черешковые ножи (№ 36, 37, 43, 48 ВСМ-IV). Во всех отмеченных случаях они, возможно, играли роль своеобразных оберегов, ибо были направлены острием в сторону погребальной камеры и должны были служить дополнительным препятствием на пути мертвеца к выходу. В катакомбе № 48 (ВСМ-IV) таким препятствием выступало и тесло-мотыжка, положенное у входа в погребальную камеру. Применение острых железных предметов в качестве своеобразных оберегов отмечено исследователями и на других катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989. С. 192).

Сами камеры, как и вход, были до высоты входа забутованы грунтом, соответствующим своей слоистостью и составом заполнению хода повторного проникновения. Так, в катакомбах № 31, 33 ВСМ-IV заполнение камер состояло из 5–6 чередующихся слоев мешанного грунта (толщина 2–4 см) и слоев чистого суглинка (толщина 8–12 см). В слоях мешанного грунта встречались древесные угольки, фрагменты салтовской столовой керамики, тогда как в слоях суглинка какие-либо находки отсутствовали.

В исследованных катакомбных захоронениях были представлены следующие способы обезвреживания погребенного: отделение черепа (№ 17 РМ, № 30 ВСМ-IV) (рис. 2, *4*; 9, *2*); разрушение грудной клетки, рук со смещением черепа (№ 14–16 РМ, № 28, 31, 37, 39, 44–46 ВСМ-IV) (рис. 1, *3*; 2, *2*; 3, *1*, *4*; 4, *4*; 5, *2*; 8, *2*; 9, *4*); полное разрушение скелета с разбрасыванием костей по полу камеры (№ 18 РМ; № 33, 40–42, 48, 51 ВСМ-IV) (рис. 4, *2*; 5, *4*; 6, *2*, *4*; 7, *2*, *3*). Эти способы известны и по другим катакомбным могильникам Подонья. Как и в захоронениях Маяцкого могильника (Флеров, 1993. С. 46), были отмечены случаи изъятия части костей скелета из погребальной камеры при проведении обряда обезвреживания. Так, из камеры кат. № 46 (ВСМ-IV) были извлечены кости грудной клетки, позвонки, тазовые кости (рис. 4, *4*); в кат. № 33 (ВСМ-IV) большая часть костей была изъята, а черепа трех погребенных были сложены недалеко от входа в камеру (рис. 4, *2*). Последний случай для захоронений в ВСМ-IV не единичен (№ 28, 40, 47, 51) (рис. 2, *1*; 6, *2*, 4; 7, *3*; 8, *4*).

Для подтверждения тезиса о существовании у салтовского населения обряда обезвреживания погребенных необходимо более детально рассмотреть несколько характерных случаев. Наиболее показательны в этом отношении одиночные захоронения, ибо и в парных, если они были не одновременны, и в коллективных погребениях разрушение костяков, смещение отдельных частей скелета могло быть произведено при освобождении места для очередного покойника. Однако в этих случаях размещение костей и целых костяков в камере совершенно иное, чем при ритуальном разрушении скелета (рис. 2, *3*).

Катакомба № 15 (РМ). В дромосе отмечен ход повторного проникновения, деревянный заклад был отброшен от входа в камеру и лежал на границе первичного и вторичного заполнения дромоса (рис. 3, *3*). Кости обеих рук погребенного были сдвинуты к черепу, отброшенному со своего первоначального места (рис. 3, *4*). При погребенном находился стандартный набор инвентаря: топорик-чекан, поясной набор, нож, кувшин.

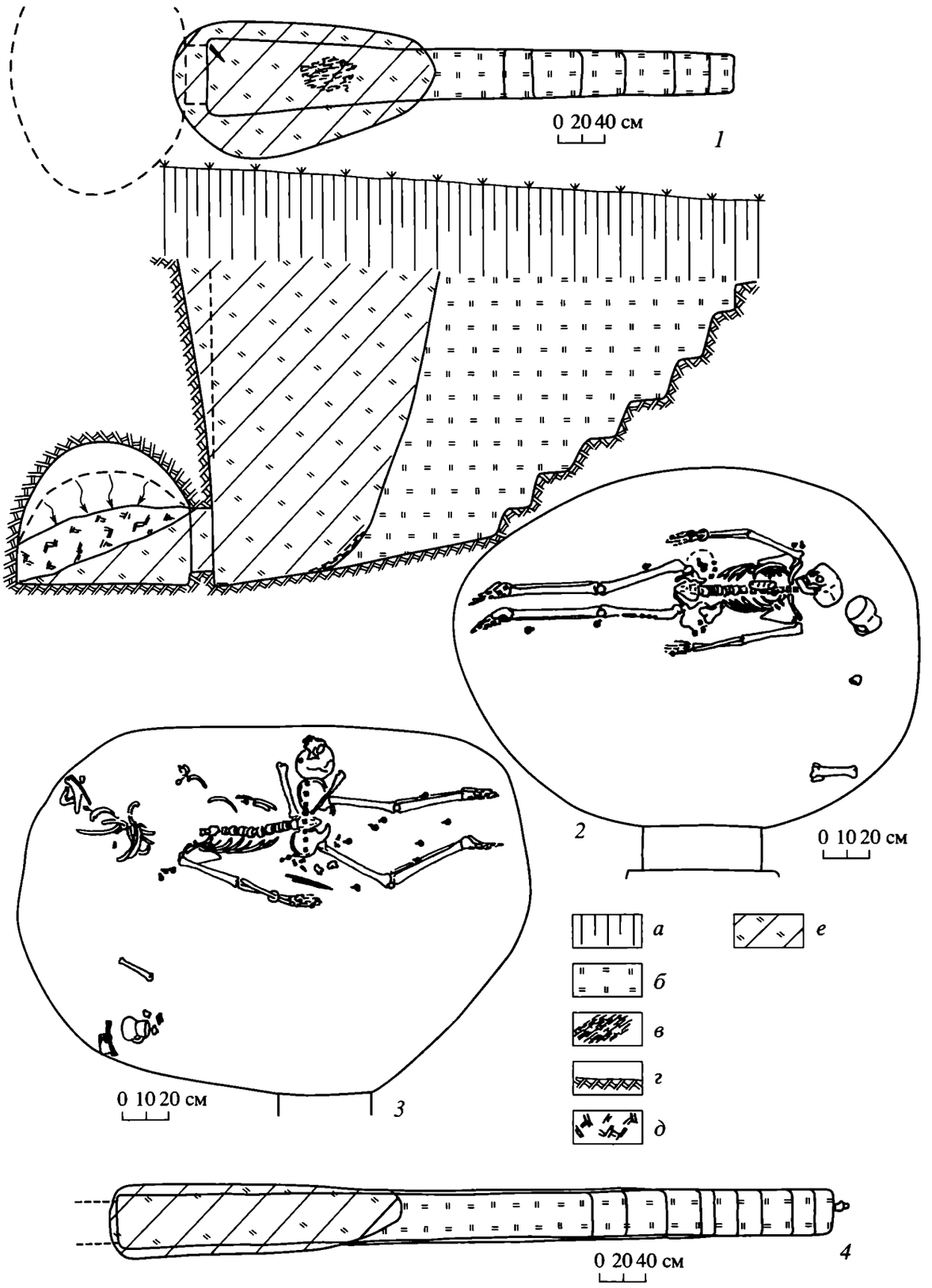

Рис. 1. Захоронения Верхне-Салтовского IV могильника. *1*, *2* – кат. № 36; *3*, *4* – кат. № 39; *а* – чернозем; *б* – первичное заполнение дромоса; *в* – деревянный заклад; *г* – материк, *д* – обрушившийся свод камеры, *е* – заполнение хода повторного проникновения.

Катакомба № 17 (РМ). В дромосе зафиксирован ход повторного проникновения, деревянный заклад был отброшен от входа в камеру и лежал на границе первичного и вторичного заполнения дромоса (рис. 2, *3*). У погребенного отброшен со своего места череп (рис. 2, *4*). В погребении зафиксирован стандартный погребальный инвентарь. Возможно, из камеры была извлечена сабля, сло-

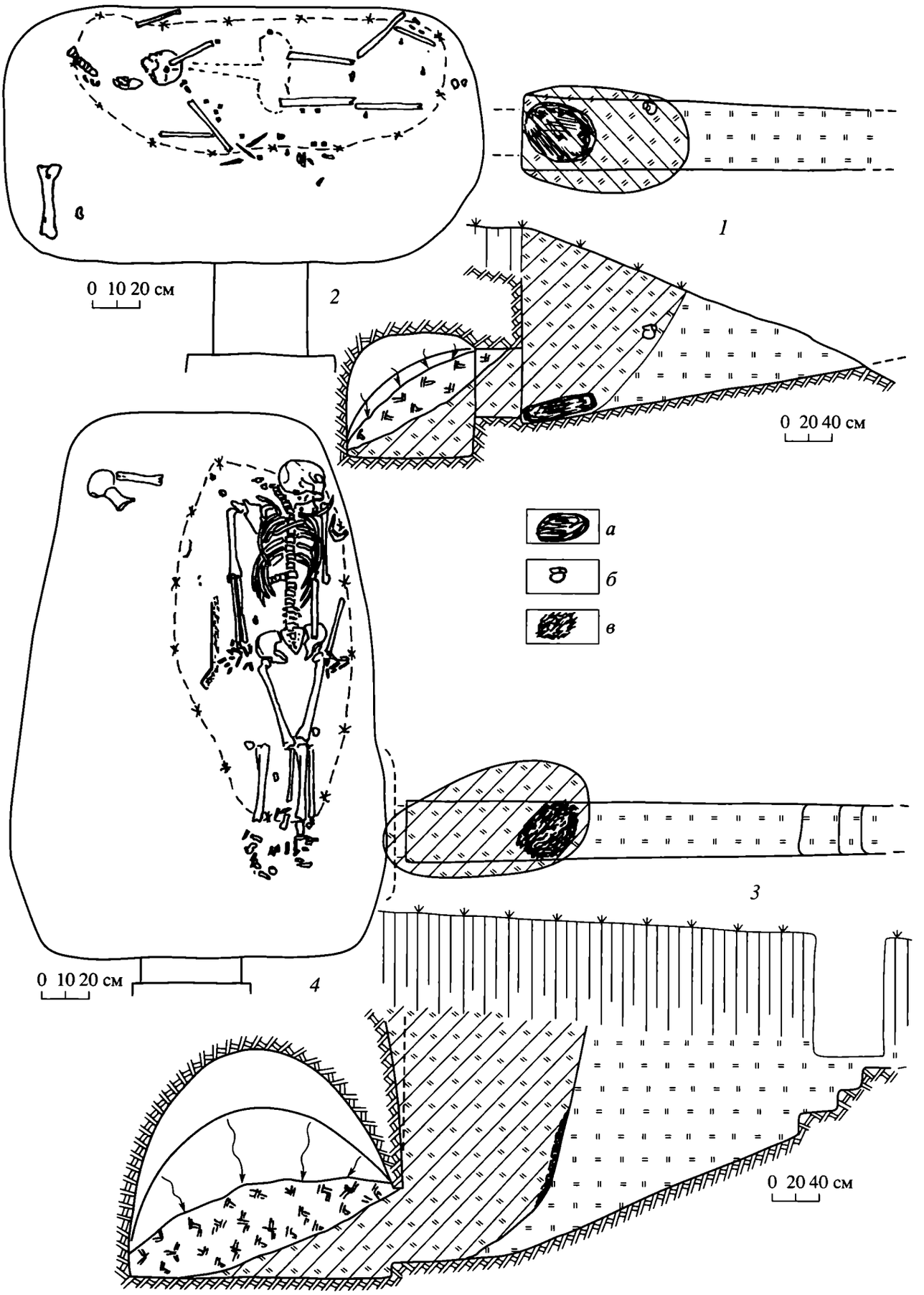

Рис. 2. *1*, *2* – кат. № 28 (ВСМ-IV); *3*, *4* – кат. № 17 (РМ); *а* – каменный заклад; *б* – сосуд; *в* – деревянный заклад.

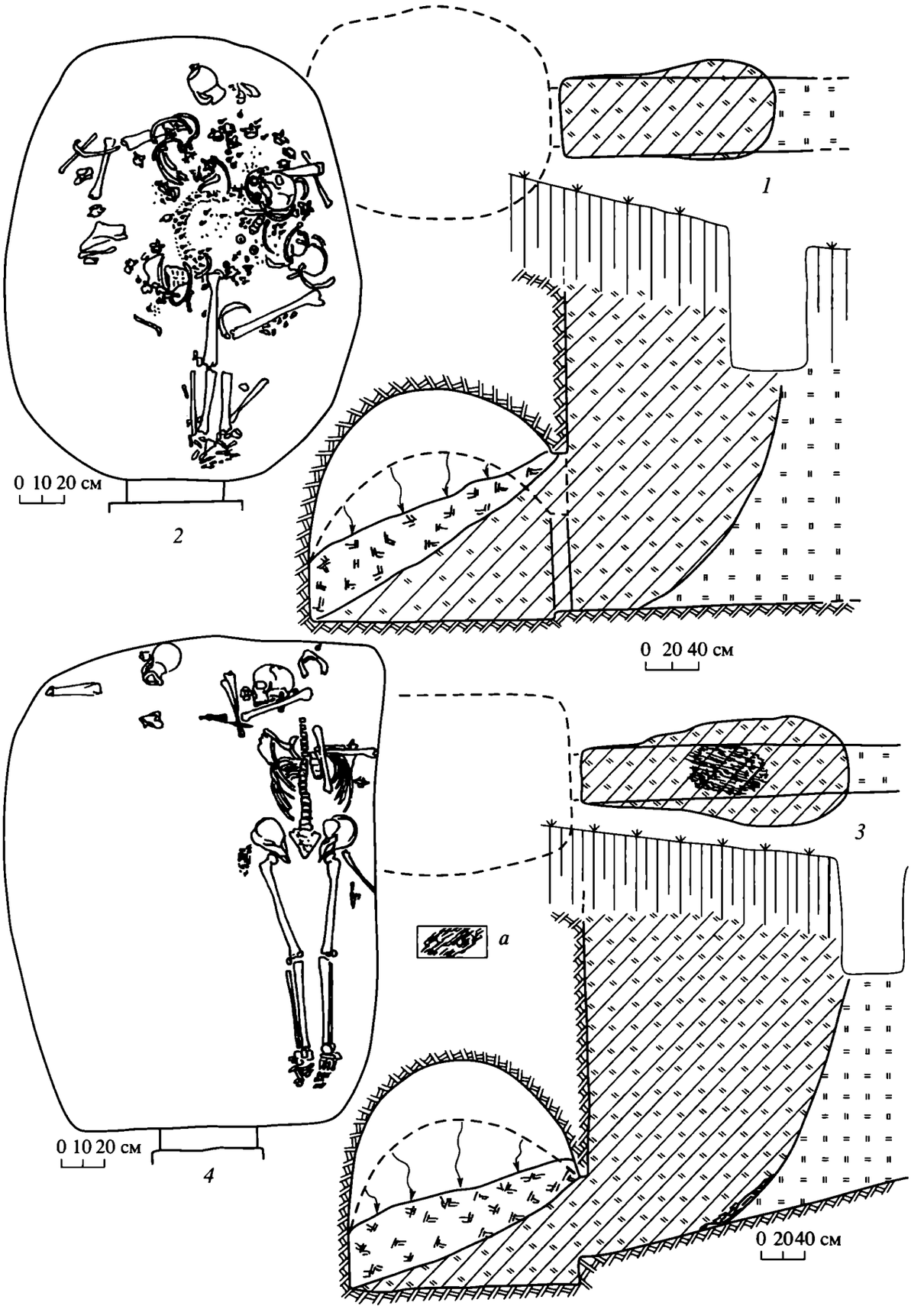

Рис. 3. Захоронения Рубежанского могильника. *1*, *2* – кат. № 16; *3*, *4* – кат. № 15; *а* – деревянный заклад.

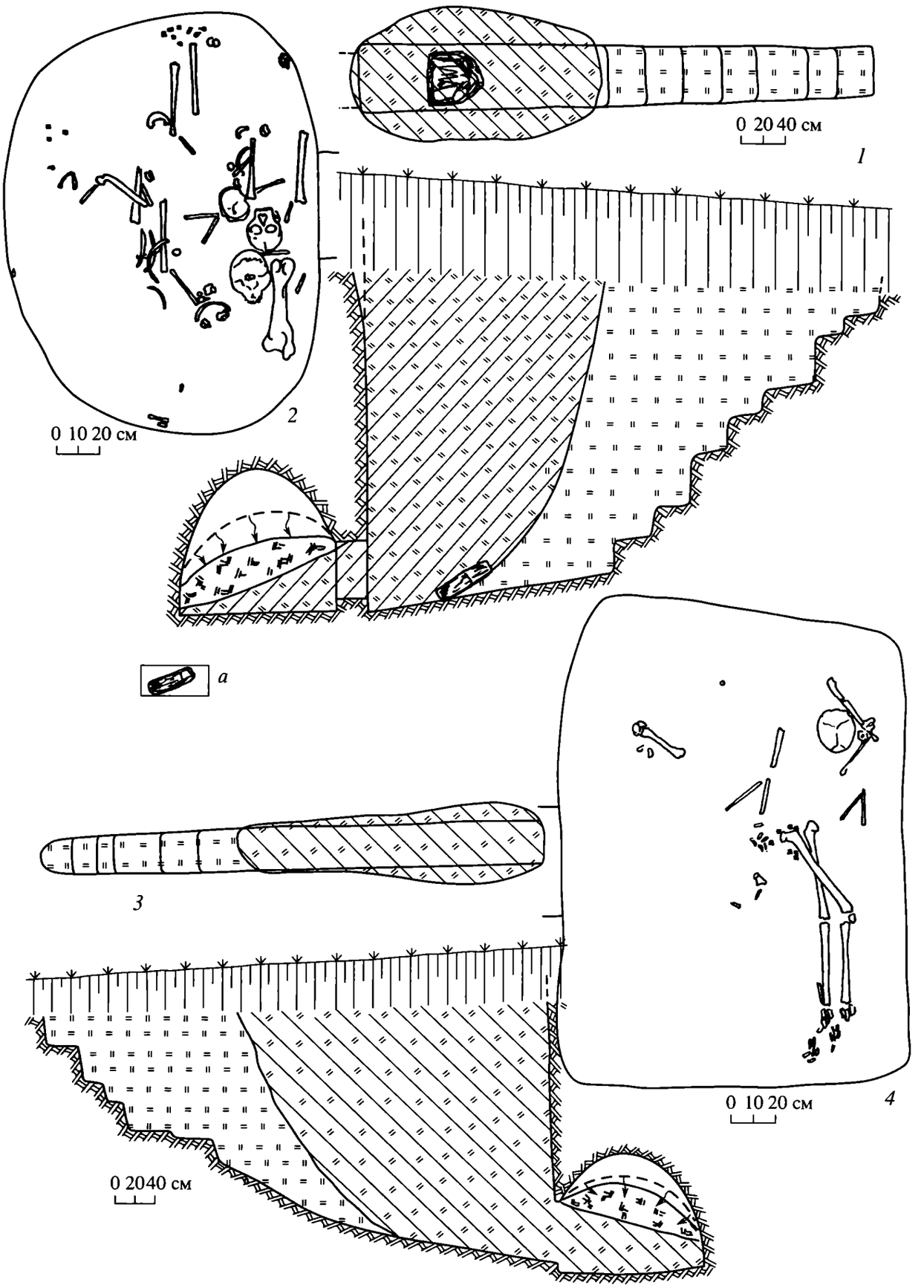

Рис. 4. Захоронения Верхне-Салтовского IV могильника. *1*, *2* – кат. № 33; *3*, *4* – кат. № 46; *а* – каменный заклад.

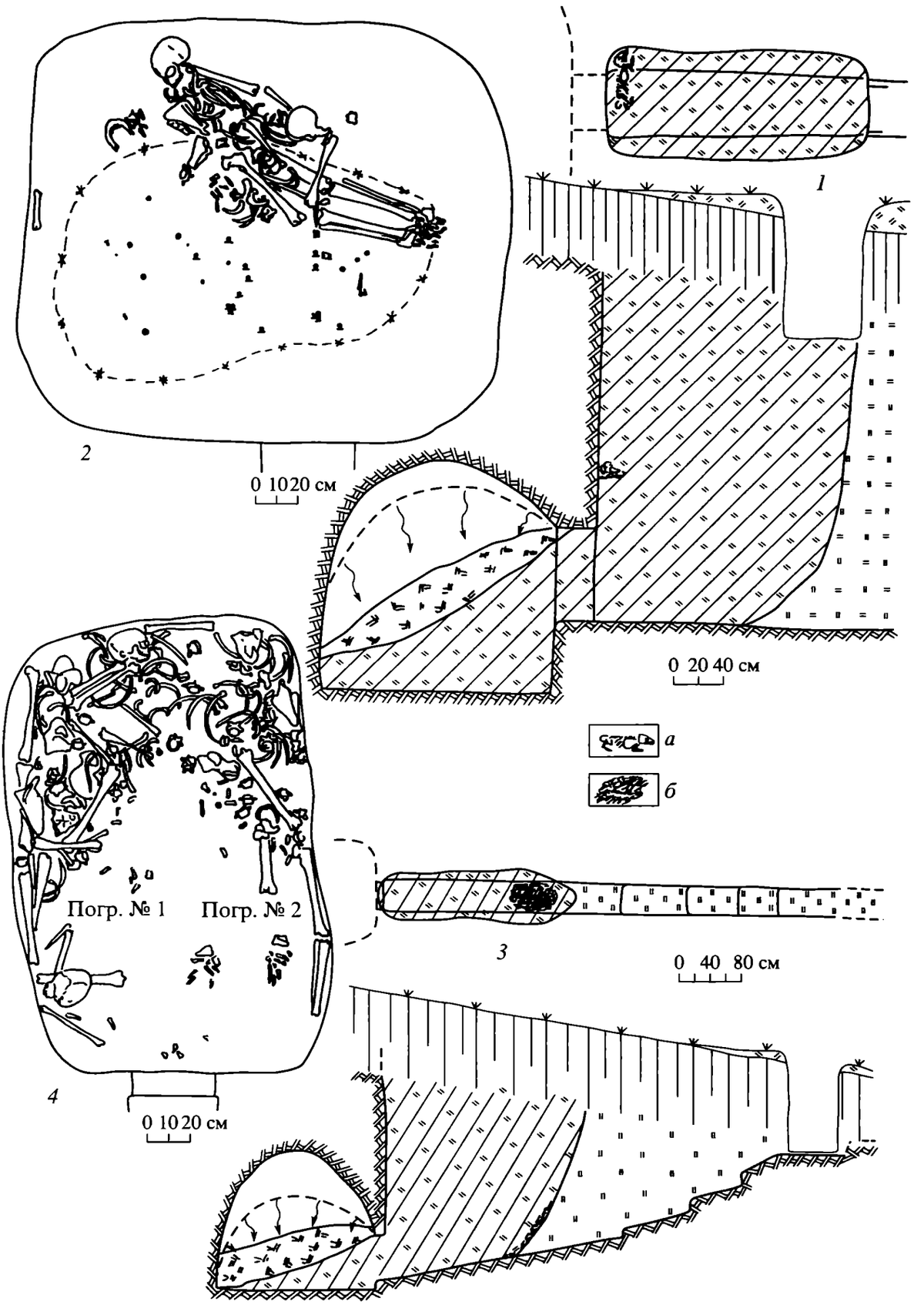

Рис. 5. Захоронения Рубежанского могильника. *1*, *2* – кат. № 14; *3*, *4* – кат. № 18; *а* – жертвенное животное, *б* – деревянный заклад.

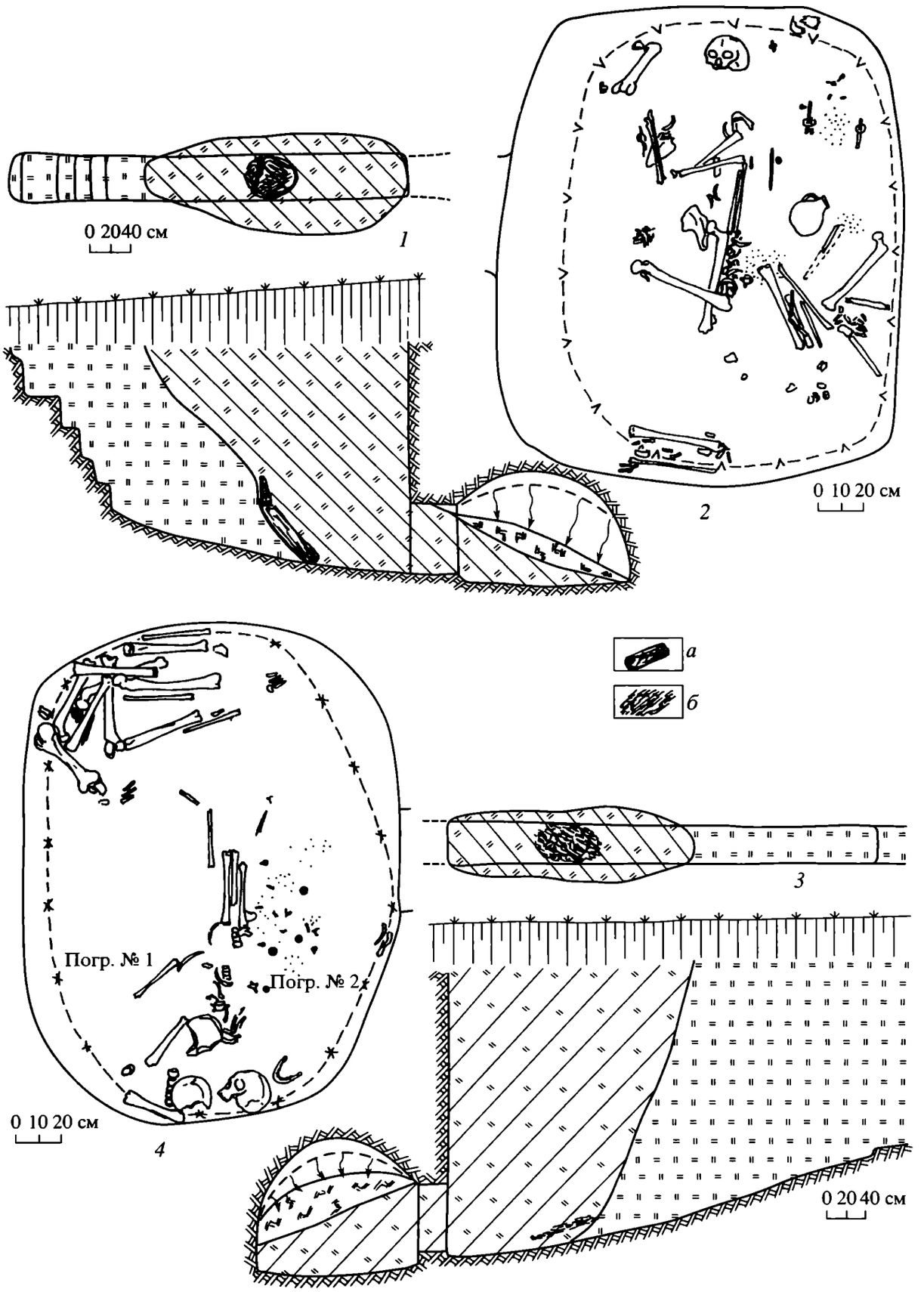

Рис. 6. Захоронения Верхне-Салтовского IV могильника. *1*, *2* – кат. № 49; *3*, *4* – кат. № 43; *а* – каменный заклад, *б* – деревянный заклад.

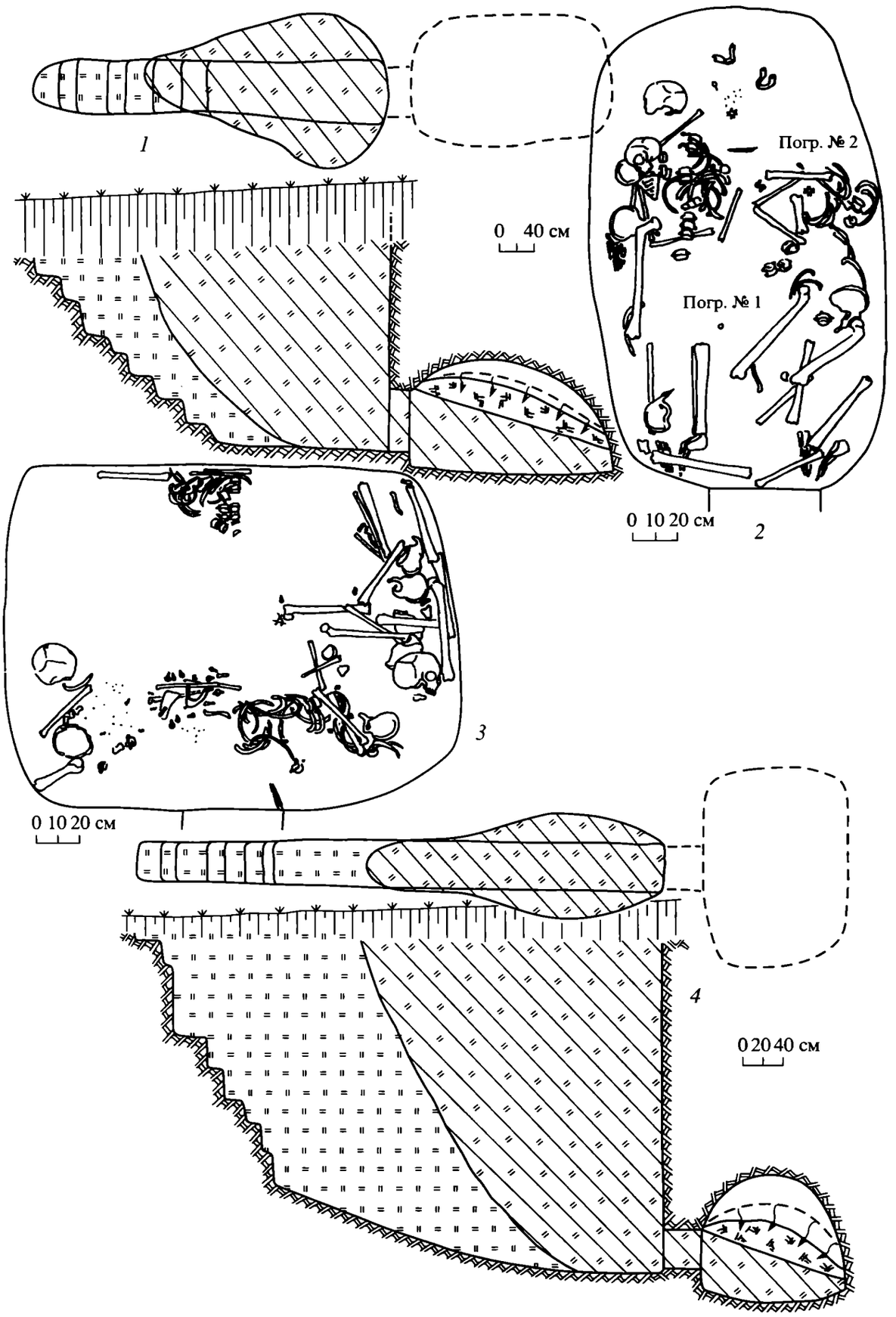

Рис. 7. Захоронения Верхне-Салтовского IV могильника. *1*, *2* – кат. № 45; *3*, *4* – кат. № 51.

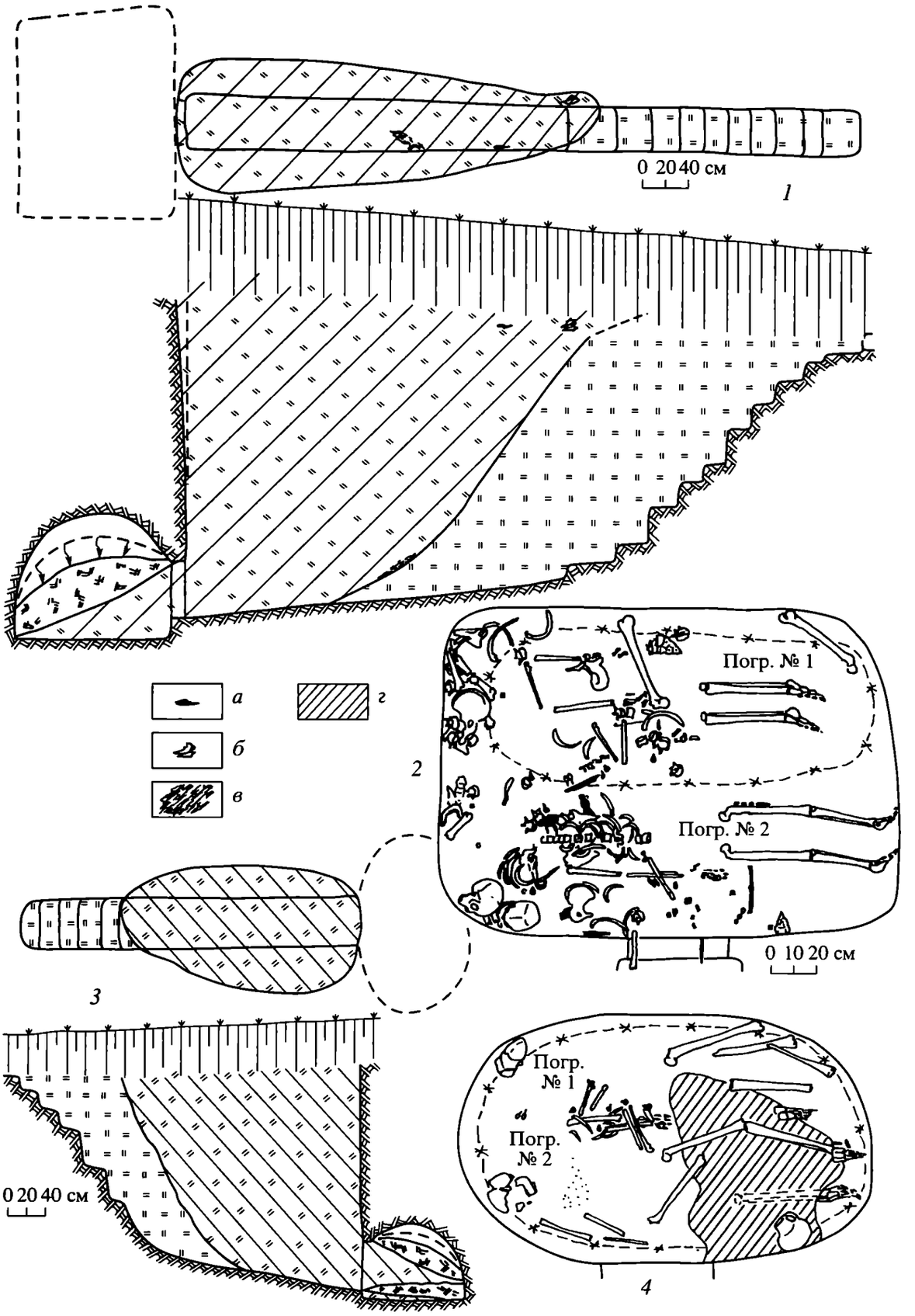

Рис. 8. Захоронения Верхне-Салтовского IV могильника. *1*, *2* – кат. № 37; *3*, *4* – кат. № 47; *а* – железный фалар и нож; *б* – крупные фрагменты керамики; *в* – деревянный заклад; *г* – "затечка".

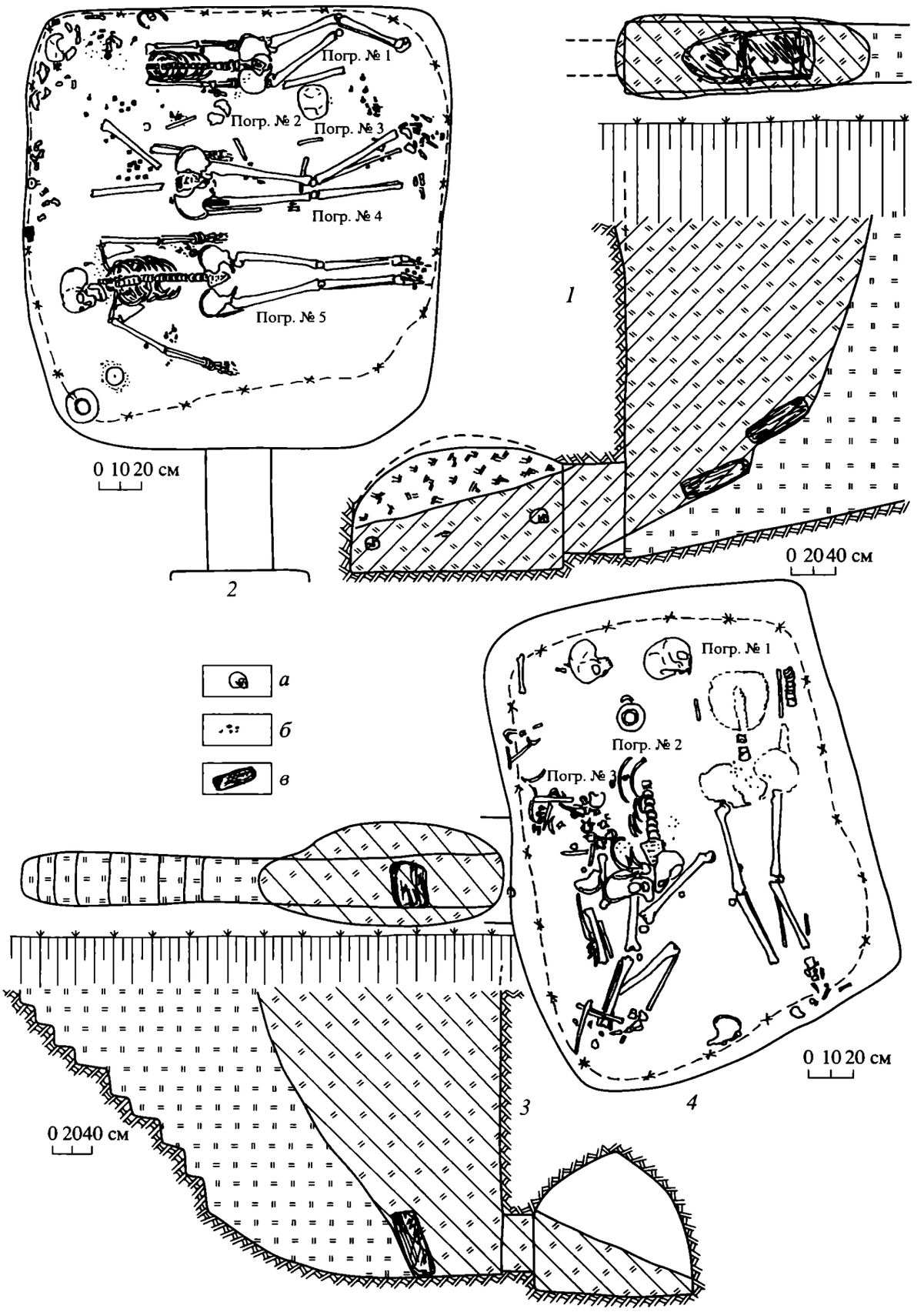

Рис. 9. Захоронения Верхне-Салтовского IV могильника. *1*, *2* – кат. № 30; *3*, *4* – кат. № 44; *а* – человеческий череп; *б* – отдельные вещи; *в* – каменный заклад.

манные деревянные ножны которой лежали справа от тела погребенного.

Катакомба № 39 (ВСМ-IV). В дромосе зафиксирован ход повторного проникновения (рис. 1, *4*). Череп погребенного отброшен, кости левой руки смещены (рис. 1, *4*). Погребальный инвентарь (топорик-чекан, тесло-мотыжка, поясной набор, нож, бронзовый разделитель, кувшин) занимает привычные места.

Катакомба № 36 (ВСМ-IV). В наличии ход повторного проникновения в камеру (рис. 1, *1*). На границе первичного и вторичного заполнения дромоса лежал деревянный заклад, отброшенный от входа в погребальную камеру. На дне дромоса у входа в погребальную камеру – железный черешковый нож, направленный острием в сторону камеры. Костяк мужчины находился, однако, на полу камеры в полном анатомическом порядке (рис. 1, *2*) в сопровождении стандартного погребального инвентаря (кувшин, поясной набор, нож). Вероятно, в этом случае мы имеем дело с сознательным проникновением в камеру с целью убедиться, по состоянию останков, что покойник не представляет опасности для живых сородичей. По состоянию тела умершего определяли его принадлежность к разряду опасных (живых) покойников еще в совсем недавнем прошлом (Ефименко, 1991. С. 499; Зеленин, 1991. С. 352, 420). По-видимому, состояние останков покойника из кат. № 36 убедило проникших в погребальную камеру родственников в его безопасности для живых, тогда как в остальных описанных выше случаях сородичами были предприняты определенные меры безопасности, адекватные, по их мнению, той угрозе, которая исходила от конкретного покойника. В особых случаях, как показывают данные этнографии, тело мертвеца рубилось на куски (Франко, 1991. С. 515), тогда как в остальных случаях в грудь мертвеца забивался осиновый кол (Зеленин, 1991. С. 420).

Из парных захоронений вызывает интерес катакомба № 47 (рис. 8, *4*). В камере удалось проследить массив затечного грунта, который перекрыл берцовые кости правой ноги погребенного, уложенного ближе ко входу в погребальную камеру. Затечный грунт в виде своеобразного "языка" подстилал дно погребальной камеры под левой ногой погребенного и зафиксировал кости стопы правой ноги умершего, уложенного вдоль торцевой стенки камеры. У входа в камеру толщина затечного грунта достигала 0.1–0.12 м. Его толщина по мере приближения к торцевой стенке камеры сходила на нет. В разрезе "затечка" представляла собой массив грунта, состоящий из четырех сходящих на нет слоев суглинка, смешанного с мельчайшими частичками чернозема. Границами между слоями выступали еле различимые белые полосы – корка высохшего затечного грунта. Подобная корка неоднократно наблюдалась нами на глинистом дне раскопов при их высыхании после сильных дождей. Интересно, что поверх затечного грунта, в 0.3 м от входа в погребальную камеру, находился салтовский лощеный кувшин с петлевидной ручкой.

Все это позволяет предположить, что после помещения умерших в погребальную камеру, в результате каких-то природных явлений (вероятно, весеннего таянья снегов), через небольшой зазор в деревянном закладе или зазор между каменным закладом и боковой стенкой входа просачивалась вода, несущая грунт из засыпки дромоса. До следующего подобного природного явления "затечка" успевала высохнуть, а ее поверхность – взяться белесоватой корочкой. Высыхая, затечный грунт закрепил на месте определенные кости покойников, зацементировав их. Таких природных изменений, произошедших до повторного проникновения в камеру, нами зафиксировано четыре. По прошествии (в нашем случае) 4-х лет в погребальную камеру проникли люди и совершили обряд обезвреживания погребенных: разрушили верхнюю часть костяков, при этом была изъята часть костей (тазовые кости, позвонки ребра). Вероятно, тогда же изменил свое первоначальное местоположение и кувшин с жертвенной пищей. Он оказался у ног погребенных на затечном грунте, хотя для не потревоженных захоронений характерно размещение сосудов в головах погребенных. Уже после совершения обряда обезвреживания покойников произошел обвал свода погребальной камеры, который прикрыл собой останки погребенных. Интересно, что после совершения обряда обезвреживания ход повторного проникновения в камеру не был засыпан. Об этом свидетельствует наличие затечного грунта по всей глубине и длине хода повторного проникновения в погребальную камеру. При этом затечный грунт перекрыл рухнувший свод погребальной камеры (рис. 8, *3*). В несколько лет определяется период между захоронением и последующим проникновением в камеру для совершения обряда обезвреживания погребенных и В.С. Флеровым (1993. С. 44).

Обряд обезвреживания погребенных зафиксирован нами и в коллективных захоронениях, хотя в этих случаях следы его выявить значительно сложнее. Этому мешает наличие достаточно большого количества костяков – при относительно небольших размерах погребальных камер. В катакомбе № 30 (ВСМ-IV) следы обряда обезвреживания погребенных проступали достаточно явственно: наличие хода повторного проникновения в камеру; отброшенный от входа в камеру каменный заклад, лежавший на границе вторичного и первичного заполнения дромоса (рис. 9, *1*). В погребальной камере находились останки 5 человек (3 взрослых и 2 ребенка) (рис. 9, *2*). У самого входа в камеру в полном анатомическом порядке на-

Обряд обезвреживания покойников в катакомбных могильниках бассейна Северского Донца

Могильник	РМ	ССМ	ВСМ-I	ВСМ-III	ВСМ-IV
Количество катакомб	18	21	76	12	50
Катакомбы с ООП	10	7	54	6	40
%	55.5	33.3	75.6	50	80

РМ – Рубежанский могильник, раскопки 1987, 1995 гг.; ССМ – Старо-Салтовский могильник, раскопки 1982–1985 гг.; ВСМ-I – Верхне-Салтовский I могильник, раскопки 1984–1989 гг.; ВСМ-III – Верхне-Салтовский III могильник, раскопки 1988, 1989 гг.; ВСМ-IV – Верхне-Салтовский IV могильник, раскопки 1989, 1990, 1996, 1998, 1999 гг.

ходился костяк женщины, уложенной в вытянутом положении на спине головой влево от входа (погр. № 5). Так же были уложены и ранее погребенные в камере женщина (погр. № 1) и мужчина (погр. № 4), покоившиеся соответственно вдоль восточной торцевой стенки камеры и в центральной ее части вдоль длинной ее оси.

У обоих погребенных (№ 1, 4) отсутствовали черепа, а у мужчины к тому же была разрушена грудная клетка, нарушено анатомическое положение костей обеих рук. Оба черепа обнаружены в слоистом заполнении камеры на 0.2–0.4 м выше ее пола (рис. 9, *1*) вместе с некоторыми вещами (бусы, бронзовые спиралевидные пронизи, пряжка-пуговица из раковины, железный нож в деревянных ножнах). Последовательность действий в данном случае представляется в таком виде: во время последнего проникновения в камеру для проведения очередного захоронения (№ 5), над ранее умершими (№ 1, 4 и, возможно, детьми) был совершен обряд обезвреживания погребенных, после чего камеру засыпали мешанным грунтом. В засыпку при этом были брошены черепа костяков № 1 и 4. Ход повторного проникновения в камеру не был засыпан полностью, так как верхние слои его заполнения состояли из затечного грунта. При ограблении разрушению должны были подвергнуться все костяки, в том числе и костяк женщины, лежащий у входа. На то, что в данном случае мы имеем дело не с ограблением, указывает факт избирательности совершенных действий и сохранность погребального инвентаря, среди которого представлены изделия из бронзы, серебра (перстни, браслеты, элементы поясной гарнитуры), золота (серьги), стеклянные, сердоликовые и гагатовые бусы (Аксенов, 1999а. С. 219. Рис. 2).

Ознакомление с полевой документацией Верхне-Салтовского I (ВСМ-I) (1984–1989), Верхнесалтовского III (ВСМ-III) (1988, 1989), Старо-Салтовского (ССМ) (1982–1985), Рубежанского (РМ) (1987) катакомбных могильников позволило убедиться, что обряд обезвреживания погребенных присутствует на всех этих некрополях. При этом нами была учтена возможность естественного разрушения костяков и перемещение отдельных костей под воздействием обвала свода камер, действий грызунов и т.п. Он представлен всеми теми способами, которые отмечены В.С. Флеровым в захоронениях Маяцкого могильника (Флеров, 1993. С. 45, 46) и С.А. Плетневой в катакомбах Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 186, 189). На могильниках встречены: отделение черепа (№ 2, 18 ССМ, № 12 ВСМ-I, № 43, 50, 63, 68 ВСМ-I) (Аксенов, 1999б. Рис. 3, *26*; 5, *1*); разрушение рук и грудной клетки, при сохранении положения костей ног (№ 10, 15 ССМ, № 6, 8, 9 РМ, № 3, 8 ВСМ-III) (Аксенов, 1999б. Рис. 2, *26*; 3, *2*); полное разрушение костяка с хаотичным разбрасыванием костей по полу камеры (№ 1 ВСМ-III, № 21, 26, 27, 33, 37, 51, 54, 57, 61, 75 ВСМ-I); полное разрушение костяка с укладыванием костей компактными кучками (№ 11, 16 ССМ, № 2, 5, 15, 19, 20, 23 ВСМ-I) (Аксенов, 1999б. Рис. 6, *1*, *20*); отсечение костей стоп (№ 2 ССМ) (Аксенов, 1999б. Рис. 5, *1*); удаление из камеры части костей (№ 18 ССМ, № 14, 18, 24, 42, 57 ВСМ-I); связывание ног (№ 22, 23, 63 ВСМ-I).

Соотношение захоронений, в которых отмечены следы обряда обезвреживания погребенных, к общему числу исследованных на указанных некрополях катакомб представлено в таблице. При этом нами не принимались во внимание случаи, когда разрушение костяков было необходимо в целях освобождения места для новых захоронений или воздействием на них природных факторов. Разный процент захоронений с обрядом обезвреживания погребенных по могильникам может быть объяснен как разной степенью изученности самих могильников, так и спецификой погребального обряда на каждом могильнике, а также, вероятно, хронологическими рамками существования каждого из указанных некрополей. Достаточно большое количество катакомб с преднамеренно разрушенными костяками, как нам представляется, является одним из серьезных аргументов в пользу существования у салтовского населения обряда обезвреживания погребенных. Как показывают исследования позднескифских склеповых захоронений Крыма, в течение достаточно долгого периода, пока на поселениях, которым принадлежали некрополи, жили скифы, ограбление могил не практиковалось, тогда как в периоды межплеменных столкновений, завоеваний, смены одного

населения другим – разграбление и связанное с ним осквернение могил приобретают массовый характер (Дашевская, 1994. С. 82). В связи с тем, что аланское население продолжало занимать бассейн Северского Донца даже в XII в. (Повесть временных лет, 1950. С. 201), трудно предположить, что массовое разрушение костяков в салтовских катакомбных захоронениях, т.е. ограбление и осквернение их, связано с гибелью Хазарского каганата и массовым проникновением сюда славянского населения. Хотя единичные случаи ограбления катакомб или осквернения произведенных в них захоронений вполне возможны. Интересно, что на Верхне-Салтовском IV катакомбном могильнике разрушению были подвергнуты почти все взрослые погребенные. Так, из 10 катакомб, не несущих следы обряда обезвреживания погребенных, в шести были захоронены исключительно дети (№ 2, 11, 29, 32, 34, 35) (рис. 10, *1*, *2*), а в двух случаях (№ 38, 50) взрослые умершие находились в погребальных камерах, явно тесных для них (рис. 10, *3*, *4*, *5*). В катакомбе № 50 взрослого покойника уложили в камеру, в которой уже было произведено захоронение ребенка. Помещение взрослых покойников в небольшие по размерам погребальные камеры объяснить пока не представляется возможным. Разрушение костяков практически всех без исключения взрослых погребенных наблюдалось и на Маяцком катакомбном могильнике (Флеров, 1993. С. 46). Исключение делалось для детей, которые в силу своего возраста не могли принести большого вреда живым. На Рубежанском могильнике из восьми катакомб с не потревоженными костяками лишь три (№ 5, 7, 10) принадлежали детям. Вероятно, в этом случае сказывается специфика данного некрополя.

Таким образом, полученные материалы позволяют высказать ряд аргументов против гипотезы о массовом ограблении катакомбных захоронений. Современные "салтовцам" грабители вряд ли могли безнаказанно орудовать на могильнике в силу уже того, что почти все известные в настоящее время катакомбные некрополи расположены в непосредственной близости от городищ с довольно значительным для того периода населением (Верхний Салтов, Маяки, Дмитриевка). Этнографические данные показывают к тому же, что, например, осетины могилы предков посещают достаточно часто (7 и 12 основных поминок в год у мусульман и христиан соответственно, не считая еженедельных) (Калоев, 1984. С. 91; Магометов, 1968. С. 381, 382), что, несомненно, не облегчало работу грабителям. Преднамеренное же разрушение могилы предков считалось настолько серьезной обидой роду, фамилии, семье, что за ней следовала кровная месть (Магометов, 1968. С. 436).

На поверхности захоронения, по-видимому, имели какие-то опознавательные знаки. Вполне возможно, что это были земляные насыпи над всем дромосом или его частью, над погребальной камерой, ибо случаи нарушения одних катакомб другими на указанных некрополях не отмечены. Зафиксирован пока единичный случай, когда бросили начатый дромос, так как он пересекался с дромосом более ранней катакомбы (катакомба № 25 ВСМ-III) (Бородулин, 1992). Такое возможно только в том случае, когда на поверхности земли какие-либо отличительные признаки могилы отсутствовали, и родственники не могли с большой точностью определить местонахождение более ранней могилы. Подобные ошибки салтовцев заставляют усомниться, что поиски их могил для грабителей более поздних времен не представляли большого труда. Опознавательные знаки над могилами, вероятно, по прошествии сравнительно непродолжительного времени исчезали. Мы склонны определять это время в 40–50 лет, т.е. временем смены двух поколений, ибо катакомбы достаточно редко содержат более пяти погребенных (3 взрослых и 2 детей), например, кат. № 30 (рис. 9, *2*). Поэтому обнаружение захоронений после исчезновения надгробных знаков было делом случая. Показательно в этом отношении открытие Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника. Несмотря на то, что исследования катакомбных захоронений у с. Верхний Салтов велись с перерывами с начала XX в., а местное население принимало в них довольно активное участие, могильник был обнаружен совершенно случайно в 1989 г. При выпасе коров на пологом восточном склоне Нетечинского оврага одна из них провалилась в погребальную камеру.

Само наличие хода повторного проникновения в погребальную камеру, по нашему мнению, также свидетельствует не в пользу отнесения всех без исключения захоронений с разрушенными костяками к разряду ограбленных. Трудно представить себе грабителя, который, выйдя на дромос, шириной зачастую не более 0.6–0.7 м, будет идти строго по его стенкам, не пытаясь его расширить и тем самым облегчить себе работу. К тому же, проникновение в погребальную камеру через ее свод, без всякого сомнения, более удобно, безопасно и сопряжено с меньшими временными и физическими затратами. Однако именно такие случаи проникновения в погребальную камеру на катакомбных могильниках и не зафиксированы. Если принять во внимание тот факт, что салтовцы, во избежания ограбления камер, как считают некоторые исследователи, преднамеренно забивали их грунтом (Плетнева, 1989. С. 181), то остается непонятным, почему даже в этих случаях предполагаемые грабители не расширяли для удобства своей работы входы в погребальные камеры. Ширина входа даже в этих случаях редко превышает 45–50 см, т.е. вход узок даже для человека среднего роста и средней комплекции.

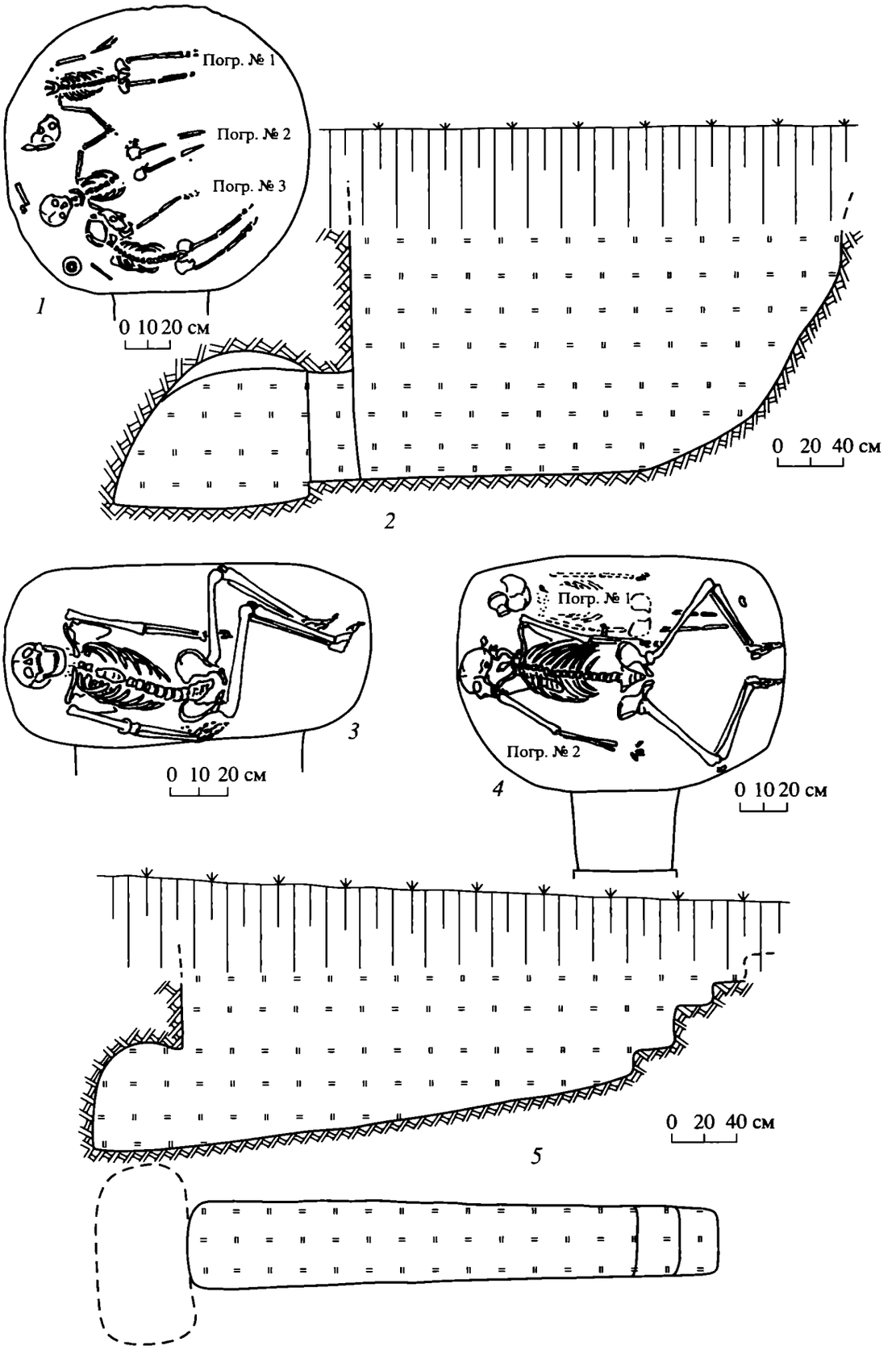

Рис. 10. Захоронения Верхне-Салтовского IV могильника. *1*, *2* – кат. № 29; *3*, *5* – кат. № 38; *4* – кат. № 50.

Необходимо также задаться вопросом: что могло интересовать потенциальных грабителей в салтовских катакомбных захоронениях? Многолетние исследования катакомбных некрополей (Дмитриевского, Маяцкого, Верхне-Салтовского) показали отсутствие в захоронениях сколько-нибудь значительных сокровищ. Сравнение же погребального инвентаря из одиночных (мужских,

женских) захоронений с целыми и нарушенными костяками часто показывает его идентичность и имеет рядовой характер. В некоторых случаях инвентарь из захоронений с разрушенными костяками даже богаче. Он представлен, вопреки представлениям об ограблении, золотыми и серебряными серьгами (№ 6, 30, 31, 33, 37, 41, 43, 47 ВСМ-IV; № 16 РМ), саблями (№ 1, 8 ВСМ-IV), арабскими серебряными монетами (№ 8, 14, 15, 17, 24, 48 ВСМ-IV), роскошными наборами бус (Аксенов, 1997. С. 163. Рис.1; 1998. С. 49. Рис.1). Факты же проникновения в захоронения грабителей нового времени современных "черных" археологов показывают что ученым после этого чаще всего приходится довольствоваться только фиксацией конструкции погребальных сооружении и мелкими незначительными вещами.

Об отсутствии страха перед вероятностью ограблений свидетельствует и незначительное количество тайничков, открытых в катакомбных захоронениях Подонья. На Дмитриевском могильнике открыто всего два тайничка в дромосах (кат. № 82, 106) (Плетнева, 1989. С. 179. Рис. 92). Два тайничка, но в самих погребальных камерах, были обнаружены в захоронениях Верхне-Салтовского могильника (№ 25 ВСМ-III, № 1 ВСМ из раскопок 1948 г.) (Семенов-Зусер, 1952. С. 274). Интересно, что в двух дмитриевских и одном верхне-салтовском (кат. № 25 ВСМ-III) тайничках находились только позолоченные украшения конской сбруи (начельник, фалары). Такое же наполнение имели и тайнички, обнаруженные под скелетами коней в конских захоронениях № 3 и 4 Верхне-Салтовского I могильника (Бородулин, 1986. С. 47–50). В тайничке катакомбы № 1 (ВСМ раскопки 1948 г.) находился пояс, украшенный бронзовыми бляшками, и нож в деревянных ножнах с серебряными обкладками. Таким образом, наличие четырех тайничков на более чем 500 исследованных (с момента открытия могильника в 1900 г.) катакомбных захоронений Верхне-Салтовского некрополя однозначно указывает на отсутствие опасений у населения за целостность положенного в могилу инвентаря. Хотя, заметим, в некоторых случаях отдельные ценные вещи и не выставлялись на показ. В катакомбе № 16 Рубежанского могильника золотые серьги были вкопаны в пол камеры, а сверху над ними был установлен кувшин (рис. 3, *2*). В катакомбе № 30 ВСМ-IV золотые серьги, положенные у северной боковой стенки камеры, были прикрыты сверху бронзовым зеркалом (рис. 9, *2*).

С точки зрения теории ограбления салтовских катакомбных захоронений невозможно объяснить, почему в некоторых случаях после проникновения в погребальную камеру и "ограбления" ее, каменные и (реже) деревянные заклады возвращались на первоначальное место. Такие случаи отмечены в захоронениях Старо-Салтовского (№ 2, 15), Верхне-Салтовского I (№ 24), Верхне-Салтовского IV (№ 18), Верхне-Салтовского (№ 3 из раскопок 1948 г.) могильников (Бородулин, 1982. С. 13; Михеев, 1983. С. 8; Семенов-Зусер, 1949; Колода, 1996. С. 6, 44. Табл. XXI). Подобные действия, тем не менее, вполне согласуются с обрядом обезвреживания покойников. Живые продолжали опасаться конкретного покойника даже после проведения обряда обезвреживания и возводили между собой и покойником дополнительную преграду, возвращая заклад на вход в погребальную камеру.

Во время проникновения в захоронение из камеры изымались вещи, не представляющие, с точки зрения ограбления, особой ценности – керамические сосуды, а довольно ценные вещи (оружие, украшения) оставлялись на месте. Из 40 захоронений ВСМ IV с обрядом обезвреживания покойника лишь в 16 камерах сосуды находились рядом с останками погребенных, еще в одном случае (кат. № 28) целая кружечка находилась в засыпке хода повторного проникновения над отброшенным от входа в камеру каменным закладом (рис. 2, *1*). В остальных случаях в засыпке хода повторного проникновения встречались фрагменты, иногда довольно крупные, салтовской керамики (рис. 8, *1*) – все, что осталось, по-видимому, от помещенных в погребальные камеры сосудов с жертвенной пищей. На Рубежанском некрополе только в 5 из 10 захоронений с обрядом обезвреживания погребенных в камерах находились гончарные сосуды. Объяснить это можно тем, что разрушение костяка человека, вероятно, означало окончательный разрыв умершего с миром живых, полный переход в потусторонний мир и, как следствие этого, ликвидацию сосудов с жертвенной пищей, выполнивших свою функцию хранилища пищи на пути умершего в мир мертвых (Зеленин, 1934. С. 9).

Таким образом, следует констатировать, что обряд обезвреживания погребенных представлен не только на каких-то отдельных катакомбных некрополях салтово-маяцкой культуры (Маяцкий, Дмитриевский), но характерен и для других катакомбных могильников бассейна Северского Донца (Старо-Сатовского, Верхне-Салтовского, Рубежанского). Представленный на указанных катакомбных могильниках обряд обезвреживания покойника своими способами, последовательностью действий идентичен обряду обезвреживания катакомбных некрополей Северного Кавказа I–VIII вв. (Флеров, 1998 а,б).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксенов В.С. Исследования салтовского могильника у с. Рубежное на Харьковщине // Древности 1996. Харьков, 1997.

Аксенов В.С. Исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника // Археологічні відкриття в Україні 1997–1998 рр. Київ, 1998.

Аксенов В.С. Исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника в 1997 г. // Древности 1997–1998. Харьков, 1999а.

Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // Vita antigua. 1999б. № 2.

Бородулин В.Г. Дневник раскопок Старосалтовского катакомбного могильника в 1982 г. // Архив ХИМ. 1982.

Бородулин В.Г. Дневник раскопок Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1986 г. // Архив ХИМ. 1986.

Бородулин В.Г. Дневник раскопок Верхнесалтовского отряда Левобережной славяно-русской экспедиции ИА АН УССР // Архив ХИМ. 1987.

Бородулин В.Г. Дневник раскопок Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1989 г. // Архив ХИМ. 1989.

Бородулин В.Г. Дневник раскопок Верхнесалтовского катакомбного могильника в 1992 г. // Архив ХИМ. 1992.

Дашевская О.Д. О разорении греческих и скифских могил в древности // РА. 1994. № 4.

Ефименко П.С. Упыри (из истории народных верований) // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ. 1991.

Зеленин Д.К. Истолкование пережиточных религиозных обрядов // СЭ. 1934. № 5.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.

Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1984.

Колода В.В. Отчет об археологических исследованиях Верхнесалтовского комплекса в 1996 г. // Архив ИА НАН Украины. 1996.

Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.

Михеев В.К. Отчет о раскопках Старосалтовского катакомбного могильника за 1983 г. // Архив ХИМ. 1983.

Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142.

Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

Повесть временных лет. Ч. 1. М; Л., 1950.

Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник // Тр. XII АС. 1905. Т. 1.

Семенов-Зусер С.А. Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 1. Київ, 1949.

Семенов-Зусер С.А. Дослідження Салтівського могильника // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. Ш. Київ, 1952.

Тесленко Г.І. Розкопки Верхньо-Салтівського согмльника 1920 року. Збірник на пошану акад. Д.І. Багалеїві / Наукові дослідження кафедри історії української культури. № 6. Харків, 1927.

Флеров В.С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М., 1984.

Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник) // Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии Восточной Европы. Вып. 1. Волгоград, 1993.

Флеров В.С. Салтово-маяцкая культура: проблема ограбленности погребений // Проблемы истории и археологии Украины. К 140-летию со дня рождения академика Д.И. Багалея. Харків, 1997.

Флеров В.С. Обезвреживание погребенных в Северном Предкавказье и на Дону в I–VIII вв. // VII Донская археологическая конференция "Проблемы археологии Юго-Восточной Европы" (22–29 ноября 1998 года). Ростов-на-Дону, 1998а.

Флеров В.С. Разрушение скелетов на могильнике Клин-Яр III на Северном Кавказе // МАИЭТ. 1998б. Вып. VI.

Франко И.Я. Сожжение упырей в с. Нагуевичах в 1831 г. // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991.

Prophylactic Rite Directed Against the Dead in the Verkhnee Saltovo and Rubezhansky Catacomb Cemeteries of Saltovo-Mayatskoe Culture

V. S. Aksenov

Summary

New excavations at the Verkhnee Saltovo and Rubezhansky cemeteries (the Ukraine) were carried out by the author. The sites date back to the Khazar kaganate. A series of burials were marked by prophylactic rite directed against the dead and aimed at protection of the living from the negative influence of the buried. The rituals included penetration into the burial chamber an partial or full destruction of the skeleton. A stratigraphy of the tunnels leading into the chambers was revealed. The variants of skeletons' destruction are analysed, as well as other features characterising the rite practised in the chambers with single, two, or more buried. The author stresses the necessity to distinguish in the process of the excavations between the graves plundered in antiquity and those undergone the prophylactic rite. He points in particular to the finds made of gold and silver often found in the latter, which seen to be hardly possible in case of plundering.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 3, с. 115–120

ДИСКУССИИ

ПЕЩЕРНАЯ КИНОВИЯ ЧИЛТЕР-МАРМАРА В КРЫМУ

© 2002 г. Н. Е. Гайдуков

Лицей № 2, Москва

Памяти М.Я. Чорефа

Вопрос о происхождении средневековых пещерных монастырей на окраинах Византии, в том числе и в Тавриде, остается и в настоящее время дискуссионным. Не совсем ясно, почему одновременно на всем протяжении империи от Италии до Армении вдруг возникли сотни пещерных монастырей.

В 1878 В.Г. Васильевским была предложена гипотеза об иммиграции монахов-иконопочитателей в Таврику, позднее она была поддержана многими авторитетными медиевистами (Могаричев, 1992. С. 84). Отсюда возникла мысль о возникновении крупных пещерных монастырей в VII–IX вв. Однако в последние годы иконоборческая гипотеза происхождения монастырей подвергается все более и более серьезной и обоснованной критике.

Монастырь Чилтер-Мармара[1] является частью комплекса, включающего в себя два пещерных монастыря: Чилтер и Шулдан, а также "пещерный город" Эски-кермен. Он расположен в полутора километрах к западу от села Терновка (бывш. Шули) в обрыве скалы Чилтер-кая, которая нависает над Шульской и Кара-Кобинской долинами (рис. 1).

Впервые монастырь описан А.Л. Бертье-Делагардом в 1886 г. (Бертье-Делагард, 1886. С. 240, 241). В 1935 г. на территории монастыря работал В.П. Бабенчиков (Бабенчиков, 1941). Но самое подробное описание монастыря было выполнено Е.В. Веймарном и М.Я. Чорефом в 1978 г. (Веймарн, Чореф, 1978). Они впервые выделили пять ярусов-этажей и составили план, поняв монастырь как единое целое. В 1970–1980-е годы, всего около 10 лет, на Чилтере работала Херсонская экспедиция ИА АН СССР, результаты работы которой опубликованы в Византийском Временнике (Беляев, Бушенков, 1986).

В 1999 г., во время работы в составе экспедиции Бахчисайского государственного историко-культурного заповедника, автором была произведена разведка пещерного монастыря Чилтер-Мармара. Нас заинтересовала сама структура монастыря, изучению которой и посвящена данная работа.

Прежде всего перед нами стояла задача определить: к какому типу относился монастырь; что перед нами – киновия (общежительный монастырь) или лавра (необщежительный). Основное отличие киновии от лавры заключается в том, что в киновии все службы находятся внутри единой ограды монастыря, они сгруппированы вместе, а в лавре группа отдельных келий объединялась с центральным комплексом, содержащим трапезную, церковь, общий зал и различные внешние службы (The Oxford dictionary..., 1991. P. 1136, 1190). Очевидно, что Чилтер-Мармара является именно киновией.

Устройство общежительного монастыря было строго регламентировано уставом. И хотя уставы средневековых византийских монастырей сильно отличались друг от друга, основой, как правило, служил студийский устав. Для работы нами взят текст патрологии Миня в переводе академика Е.Е. Голубинского (1997. С. 776–790). Рассмотрим те положения этого устава, которые могут иметь отношение к устройству нашего монастыря:

"§ 24. Надлежит знать, что когда принимаем в свой монастырь братьев из другого монастыря или мирян... то заставляем их пробыть в монастырской гостинице две недели.

§ 26. Должно знать, что в те дни, в которые мы свободны от телесных дел, ударяет книгохранитель однажды в дерево, и собираются в книгохранительную комнату, и берет каждый книгу и читает до вечера.

§ 28. Когда собираются братия обедать... садится за каждый стол по 9 человек; таксиархи распоряжаются, чтобы приносимы были кушанья... бывает чтение.

§ 38. Нужно знать, что каждый брат должен иметь: две рубашки, два хитона (рясы)... 2 куколя, мантию малую для работ, и другую глубочайшую для церкви... и иную мантию шерстяную, ве-

[1] Слово чилтер или чильтер, а правильнее "челтер" значит "деревянная решетка, перегородка; но и узор для вышивания, как ткацкий термин" (Суперанская, 1997. С. 162). Возможно, название это дано киновии татарами из-за остатков деревянных перегородок и конструкций, вероятно, в нем скрывается реликт подлинного названия монастыря. Название Чилтер носит еще один пещерный монастырь, расположенный неподалеку.

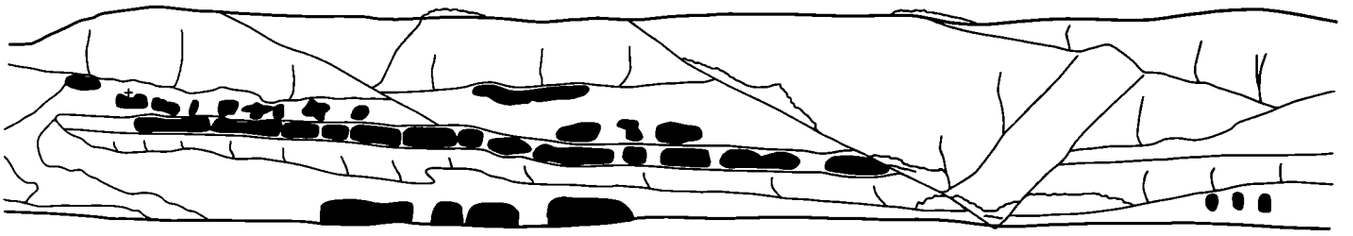

Рис. 1. Внешний вид пещерной киновии Чилтер-Мармара.

ликую; обуви же короткие сапоги и другие длинные сапоги и калиги; на постели да имеет каждый брат тростниковую рогожу и два шерстяные покрывала (одеяла)".

Из "Заповедей игумену": "§ 10. Да не имеешь частых выходов из монастыря и частого общения в миру, без нужды оставляя собственное стадо.

§ 11. Да хранишь всячески, чтобы трижды в неделю творить оглашение (сказывать поучение братии), и также каждый вечер...

§ 18. Да не возьмешь в келию к себе в послушники юношу с пристрастием.

§ 22. Да не принимаешь на себя хранение казны и экономических забот... Золото же и относящееся до телесных нужд да вручишь экономам, келарям."

Из § 24 следует, что в монастыре имелась гостиница, из § 26 – наличие книгохранительной комнаты в монастыре, а из § 28 – специальной монастырской трапезной. § 38 говорит нам о том, что в монастыре имелась отдельная кладовая. Из § 10 "Заповедей игумену" следует, что монастырь был окружен четкой оградой. Из § 11 узнаем, что кроме церкви в монастыре могло быть и иное помещение для оглашения; § 18 показывает, что келии студийского монастыря были рассчитаны на двух человек. В то же время из § 22 ясно, что монастырская казна, келии эконома, келаря и др. были расположены в монастыре отдельно. Таким образом, структура монастыря становится "прозрачной". Ниже рассмотрим, где предположительно располагались эти помещения и службы в монастыре Чилтер-Мармара.

В нижнем ярусе киновии находится 16 естественных и искусственных пещер, часть из них хозяйственные, это естественные пещеры, где, возможно, содержался скот и были кладовые, и костотеки. Костотеки представляют собой небольшие пещеры, имеющие входы округлой формы, расположенные на высоте около метра от земли. Примечательно, что костотеки находятся вне монастыря, за калиткой; значит, снаружи монастырь был окружен оградой.

Лестница ведет на полку второго яруса, здесь имеются остатки калитки, закрывавшей вход в монастырь. Вход располагался в неглубокой нише так, что одной стороной его являлась скала, другой – каменная стена, идущая по внешнему краю террасы.

Далее, в окружении нескольких пещер явно хозяйственного значения – это кладовые и кухня – находилась трапезная. На то, что перед нами именно трапезная, указывают остатки каменной скамьи, вырубленной вдоль северной и восточной стен и находящееся около восточной стены четырехугольное углубление для очага в полу (0.72 × 0.8 × 0.2); в это "гнездо" вставлялась жаровня. В плоскости потолка проделано 14 колец для подвешивания светильников, а в северо-западном углу пола имеются небольшие углубления для установки пифосов или больших амфор.

Очевидно, что трапезная и церковь должны были бы располагаться поблизости. По иерусалимскому уставу в воскресные и праздничные дни после бдения и литургии полагалась трапеза. Причем трапеза была обязательным элементом службы. Описывается случай, когда в Лавре св. Саввы Освященного канонарх отказывался бить в било ко всенощной, так как кладовые монастыря были пусты (Мансветов, 1885. С. 171). Современный Типикон содержит специальный "чин о панагии", который прямо связывает храм и трапезу. Однако между трапезной и алтарем пещерного храма имеется еще два небольших помещения, вероятнее всего, в одном из них располагалась просфорная, точно так же, как в расположенном по соседству пещерном монастыре Шулдан.

Вслед за трапезной мы попадаем в большой естественный грот, размерами 32 × 8 × 2.9 м. Это внутренний дворик монастыря, в глубине которого и высечен храм. Для сравнения приведем план одной из "келий", входящих в состав Лавры св. Саввы Освященного (рис. 2). Быть может, первоначально и весь наш монастырь располагался в этом гроте? Если так, то можно предположить, что и структура монастыря первоначально была иной. Возможно, на первой стадии монастырь был необщежительный, и действительно такая большая киновия не могла возникнуть в одночасье.

Восточную часть грота занимает храм прямоугольной формы, размерами 9.5 × 5.3 × 2.5 м. Апсида полукруглая, размерами 2 × 3 м, возвышается над наосом на 0.1 м. В середине пола апсиды – небольшая вырубка 0.39 × 0.25 м для основания престола, с маленьким подбойным углублением

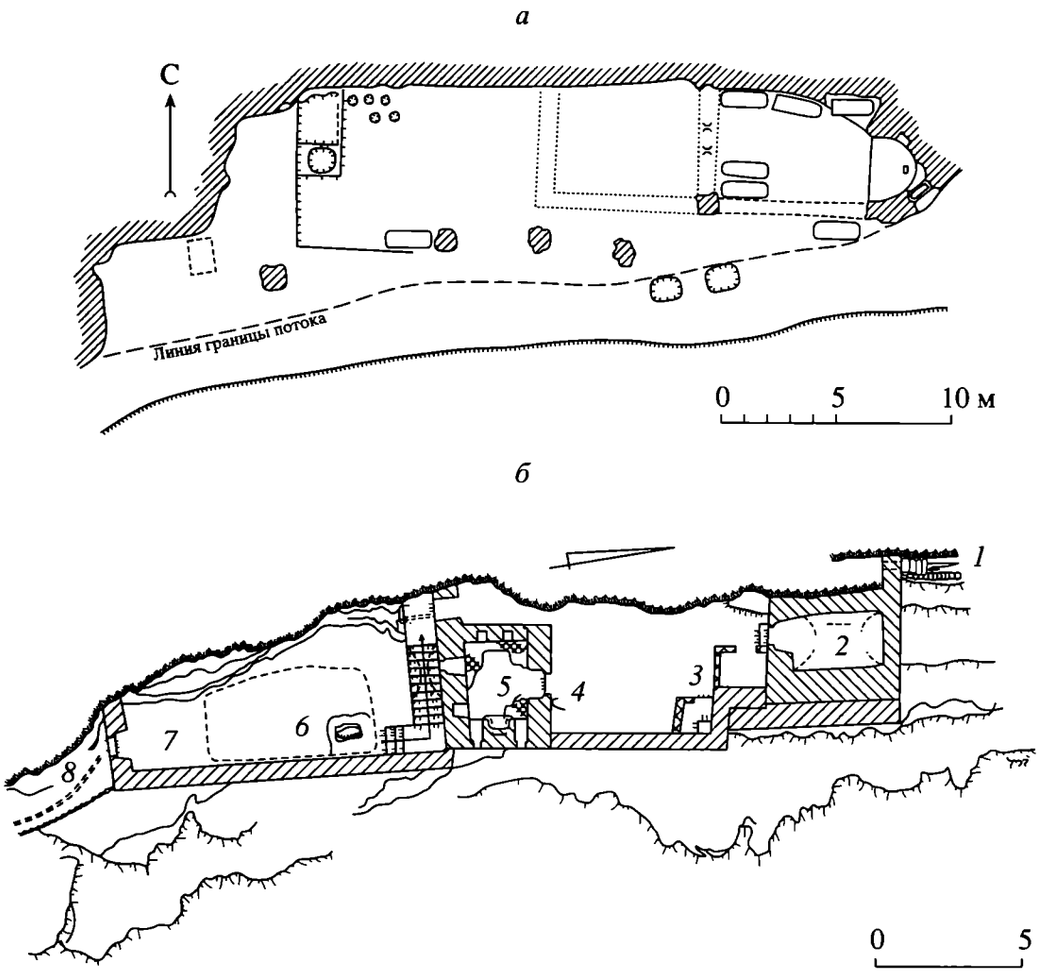

Рис. 2. План: *а* – внутренний дворик монастыря Чилтер-Мармара; *б* – келии № 23 ("Дом святой Софии") Лавры св. Саввы Освященного; *1* – канал для воды; *2* – келии; *3* – службы; *4* – внутренний дворик; *5* – часовня; *6* – цистерна; *7* – внешний двор; *8* – дорожка. По Joseph Patrich Chapels and Hermitage of St. Sabas Monastery // Ancient Churches Revealed Israel Exploration Society. 1993.

для мощей в восточной части. К стене апсиды на высоте 0.55 м примыкал скальный синтрон (Могаричев, 1997. С. 32)

От наоса апсида отделялась алтарной преградой. Скорее всего, та была каменной, а не деревянной, как полагает Ю.М. Могаричев. Ее подрубка хорошо просматривается в полу. В северо-восточной стене алтаря – ниша, а в восточной – сквозная вырубка с окном.

В северной стене рядом с апсидой имеется глубокая ниша, как бы "плечо" или даже небольшой боковой неф 2.5 × 1.7 м. По нашему мнению, здесь помещалась храмовая святыня.

Южная и западная стены церкви были сложены из камня. "Если в Греции и Константинополе в ранне- и средневизантийскую эпоху господствовал нартекс, то в местной традиции (речь здесь идет о пещерных монастырях Каппадокии. – *автор*) не меньшим было значение открытой западной галереи со столбами-колоннами" (Беляев, 1999. С. 226). Именно такую галерею с шестью массивными скальными столбами можно наблюдать и в нашем монастыре. В южной части дворика выдолблен большой тарапан. Закрытый монастырский дворик в сезон сбора урожая скорее всего использовался как хозяйственное помещение. В Палестине и теперь в сезон сбора оливки заносят прямо в храм и сортируют на полу.

Третий ярус монастыря делится на три неравные части.

Западную его часть, чуть приподнятую над остальным ярусом, занимает вытянутое помещение с двумя окнами, а также углублениями для установки деревянных опор, находившихся вдоль северной стены. По-видимому, здесь были монастырская ризница и библиотека. Возможно, это помещение использовалось также для оглашения.

Следующее помещение, судя по углублениям в полу, разделялось перегородками на четыре части. Одна из них, в полу которой было две могилы, представляется нам как небольшая изолированная часовня.

Наружная дверь часовни, вероятнее всего переоборудованной из келии, где жили либо основа-

тели монастыря, либо какие-то известные подвижники, хорошо просматривается снизу, а попасть к ней можно было скорее всего по деревянной галерее, пристроенной к скале. Снаружи над дверью был вырублен крест в круге, диаметром 0.53 м. Подобный же крест, только много меньшего размера, имеется и внутри часовни.

Остальная часть третьего яруса представляет собой братский корпус монастыря; здесь располагались основные келии братии. Еще и сейчас хорошо видно, что перегородки между ними были глухими, а веранда, откуда попадали в келии, нависала над нижним ярусом. Ход сюда вел по лестнице, начинавшейся на галерее, окружавшей внутренний дворик.

Судя по размерам келий, в каждой жили по два монаха, такова же была и монастырская традиция (см. выше). Вероятнее всего, несколько келий, ближайших к часовне, отмечавшей самое "сердце монастыря", занимали наиболее "привилегированные" насельники. Руководствуясь планом Е.В. Веймарна и М.Я. Чорефа, мы насчитали в монастыре около десяти келий. Однако опыт показывает, что далеко не все монахи живут в братском корпусе. Наверняка у монастыря были и наземные корпуса.

На четвертом ярусе или этаже киновии прямо над алтарем большой церкви располагался игуменский корпус; попасть сюда можно только с помощью специальных приспособлений.

Ю.М. Монаричев ошибочно принимает весь этот комплекс за церковь, однако перед нами именно небольшой келейный корпус с двумя кладовыми. Восточная его часть, которая и была собственно келией игумена, имеет размеры $5.27 \times 3.2 \times 2.1$ м. Обращает на себя внимание небольшая ниша в восточном углу. Такие ниши, например, в Зверинецких пещерах Киева, хранили черепа усопших. Вероятно, здесь похоронен один из настоятелей монастыря, и здесь же была келия настоятеля живого.

Таким образом, можно видеть в нашей киновии три типа захоронений: костотеки, вырубные могилы в полу храма и часовен, а также захоронения в нишах. Заметим, то все три типа на востоке имели распространение.

На стене пещеры, слева от ниши, высечены две неглубокие площадки для надписей, в одной вырезан крест и надпись "раб Божий ... 6911" (1403 г.). Вдоль северной части восточной стены вырублена скальная скамья.

С северной стороны к игуменскому корпусу примыкают две небольшие темные каморки, обе имеют следы для установки пифосов. Стоит ли удивляться тому, что самые важные склады, а скорее всего и монастырская казна, располагались прямо возле келии игумена.

Но могла ли келия игумена быть так далеко на отшибе и к тому же прямо над церковью? Нам представляется, что этот комплекс был древним и пришлось как-то мириться с келией над храмом. Заметим, в Дальних пещерах Киево-Печерской лавры келия преп. Феодосия расположена дальше всех, а то, что в одноярусных киевских пещерах дальше, в наших пятиярусных просто выше.

Самый верхний пятый ярус монастыря занимают ворота: без сомнения, воротами монастырь выходил не на монастырскую деревеньку внизу, а на "пещерный город" Эски-Кермен, кроме того, здесь же, неподалеку, были источник и комплекс помещений, с ним связанный.

С правой стороны от пещеры в скале выдолблена небольшая "надвратная", а в нашем случае даже как бы "подвратная" часовня. На стене ее имеется процарапанное граффито. Это человеческая фигура с монограммой "Х"; если это Христос, не Богоявленский ли перед нами храмик?

Но все-таки основное значение часовни служить караулкой у входа в монастырь. Здесь постоянно находился монастырский привратник. Такое послушание имелось во всех студийских монастырях. Из текста Киево-Печерского Патерика очевидно следует, что привратник постоянно жил при монастырских воротах (Киево-Печерский Патерик, 1991. С. 189, 214, 215).

Рядом с церковью длинная карстовая пещера, со следами текущей воды. Возможно, здесь начинался водопровод, проведенный по пристроенным галереям и снабжавший монастырь водой. Вырезанные на ее стенах граффито оленя ("Имже образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к Тебе Боже." Пс. 41:2) и кресты указывают на несомненно культовое значение пещеры.

Выше мы попытались представить монастырь как единое целое, исходя из этого, понять его устройство. Изучение обширного монастырского хозяйства в наши задачи не входило.

В одной из могил внутри большого храма монастыря В.П. Бабенчиков обнаружил нательный крест-энколпион, с удлиненной нижней частью и вырезанным изображением святого, и небольшой красноглиняный сосуд с одной ручкой, орнаментированный параллельными горизонтальными, реброобразными полосками с наколами в виде цепочки. Поскольку как такового культурного слоя в монастыре нет, эти немногие предметы, найденные здесь, с тех пор служат предметом всевозможных археологических спекуляций, связанных с попыткой датировки комплекса. Заметим, что подобные сосуды Херсонеса А.Л. Якобсон относит к XII–XIV вв. (Якобсон, 1950. С. 109–114), а энколпион тоже вряд ли мог быть старше X–XI в. (см., например: Византийский Херсонес..., 1991). Сам В.П. Бабенчиков относил монастырь к XI–XV вв. (Бабенчиков, 1941. С. 286).

Е.В. Веймарн и М.Я. Чореф датировали монастырь VIII–IX вв. (Веймарн, Чореф, 1978). С.А. Беляев в своих датировках следует за ними, ссыла-

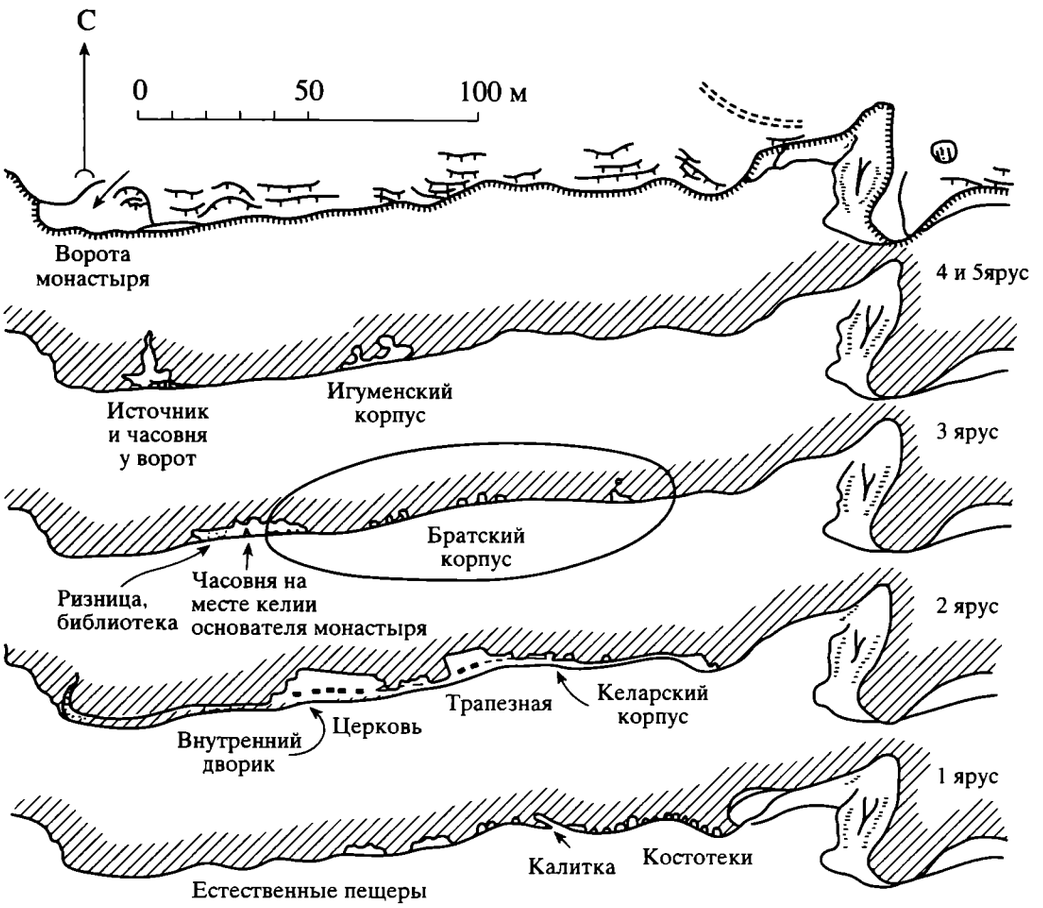

Рис. 3. План пещерной киновии Чилтер-Мармара. По Н.В. Веймарну и М.Я. Чорефу.

ясь на собранный по склонам керамический материал (Беляев, Бушенков, 1986. С. 187).

Ю.М. Могаричев, вообще склонный к поздним датировкам пещерных монастырей Крыма, произвольно датирует монастырь XII–XIII вв. (Могаричев, 1997. С. 34).

По нашему мнению, общежительный монастырь просто физически (огромное монастырское хозяйство!) не мог существовать ни при хазарах в VII–IX вв., господство которых как раз хронологически совпадало с периодом иконоборчества, ни при татарах, начиная с 1475 г. Таким образом, представляется, что монастырь возник не ранее X в. и прекратил существование в XV в.

Однако не будем ограничиваться общими соображениями; можно сделать предположение о времени существования монастыря по количеству костотек. Каждая костотека примерно соответствовала одному поколению монахов (если теперь это около 70 лет, то тогда было менее 50); таким образом, если костотек всего около 10, получим 450–500 лет. Если предположить, что монастырь был разрушен в 1475 г., одновременно со столицей княжества Феодоро, расположенной на плато Мангуп-Кале, а первые лет 30–40 умерших было мало, можно сделать вывод о строительстве монастыря в X–XI в.

Чтобы окончательно рассеять сомнения, обратимся к аналогиям. Рассмотрим те пещерные монастыри Причерноморья, которые наиболее походят на наш, с запада на восток. Монастырь в Иваново (Болгария) основан в XII–XIV вв., Киево-Печерская Лавра в XI–XII вв., монастырь Вардзиа в Грузии – в XI–XII вв. Все они возникли примерно в одно и то же время – дата VIII в. сильно выпадает за пределы статистической погрешности. Некоторые особенности устройства храма (например, то, что престол находился в центре алтаря), также говорят не в пользу таких ранних датировок.

Итак, перед нами киновия и не такая уж маленькая. Но сколько же насельников все-таки было здесь? Вероятно, храм мог вместить не более 50 человек. Каждая из каменных костотек, возле входа монастыря, в которой хоронили одно "поколение" монахов, вмещала такое же количество черепов. Благодаря Студийскому уставу мы хорошо представляем себе устройство трапезой. По монастырскому уставу за каждым столом помещалось 9 человек; таких столов в трапезной могло поместиться около пяти. Предположим, что четыре и стол игумена, таким образом, получается, что в лучшие времена в монастыре могло пребывать около 40–50 монахов и послушников,

не считая работников и мирян, связанных с монастырем, которые ели после или отдельно. Несколько меньшую цифру дает подсчет келий "братского корпуса" монастыря, если в самом монастыре было около 10 келий, а в каждой келии жило по двое монахов, получается, что "население" монастыря не превышало 20 человек. Возможно, таково и было первоначальное число насельников. Однако далеко не все монахи жили в келиях: некоторые жили за оградой, "на послушаниях" (например, вратарник, огородник), а также не следует забывать и об игуменском корпусе, в котором наверняка жил не один игумен, а несколько человек. Таким образом получаем, что в монастыре одновременно могло пребывать до пятидесяти монахов. Для горного монастыря на удаленной окраине Византии это довольно внушительная цифра!

В результате наших исследований монастырь предстает перед нами как единое целое. Такое понимание и отражено нами на плане, приведенном выше (рис. 3).

Рассмотренная структура пещерной киновии Чилтер-Мармара оказалась идентичной структуре идеального монастыря Студийского Устава. Следовательно, предложенный нами метод можно использовать для изучения не только пещерных, но и обычных наземных монастырей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бабенчиков В.П. Балаклавский и Куйбышевский район // Археологические исследования в СССР. М.; Л., 1941.

Беляев Л.А. Рец. на кн.: Natalia B. Teteriatnikov. The liturgical planning of bizantine churches in Cappodocia. Roma, 1996 // РА. 1999. № 1.

Беляев С.А., Бушенков В.А. Исследования комплекса Чилтера в 1973–1981 гг. // Византийский Временник. 1986. Т. 46.

Бертье-Делагард А.Л. Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. 14.

Византийский Херсон. Каталог выставки / Под ред. Чичурова И.С. М., 1991.

Веймарн Е.В., Чореф М.Я. Пещерний ансамбль Чильтер в Крыму // Пещеры Грузии. Тбилиси, 1978.

Голубинский Е.Е. Истории русской церкви. Т. 1(2). М., 1997.

Киево-Печерский Патерик. Киев, 1991.

Мансветов И. Церковный Устав. М., 1885.

Могаричев Ю.М. Пещерние церкви Таврики. Симферополь, 1997.

Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-Западного Крыма // Проблемы истории пещерных городов в Крыму. Симферополь, 1992.

Суперанская А.В., Исаева З.Г., Исхакова Х.Ф. Топонимика Крыма. Т. 1. М., 1997.

Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес // МИА. 1950. № 17.

The Oxford dictionary of Bizantine / Ed. Kazdan A. V. 2. New York, 1991.

The Cave Cenobia of Chilter-Marmara in the Crimea: the Studite Typicon Carved in Stone

N. E. Gaidukov

Summary

The author makes an attempt to explain the structure of Byzantine cave cenobia situated in the mountains of south-western Crimea, proceeding from the Studite Typicon. This method, as far as we know, has not been applied in national science so far. The investigation is based on the text of J.P. Migne's Patrologia translated by E.E. Golubinsky. The author compares an ideal monastery of the Studite Typicon with the Chilter-Marmara cave cenobia. The latter's structure permits to suppose the number of inhabitants (50); the period of the site's functioning is established as the 10th–15th cc.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 3, с. 121–132

ПУБЛИКАЦИИ

ТЕХНОЛОГИЯ ОТЛИВКИ БУС СРЕДНЕБРОНЗОВОГО ВЕКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ И В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

© 2002 г. Е. И. Гак*, Н. В. Рындина**, С. Г. Хаютин***

*Государственный Исторический музей, Москва

**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

***Научно-производственный центр "Салют", Москва

Среди предметов мелкой литой пластики, имевших хождение у населения Восточной Европы и Северного Кавказа в эпоху средней бронзы, самую многочисленную группу составляют металлические бусы. Основная их масса происходит из погребальных комплексов культур катакомбной и северокавказской общностей, носители которых не только имели сходные представления о погребальном костюме и семантической функции его отдельных деталей (Кореневский, 1984. С. 281), но и следовали в производстве этих деталей единым технологическим стандартам (Равич, Рындина, 1999. С. 97; Гак, 2000. С. 89).

По нашим наблюдениям, литые бусы чаще всего встречаются в памятниках Северо-восточного Кавказа (более 700 экз.) и Калмыкии (более 800 экз.). В регионах Азово-Черноморской зоны бус найдено меньше, но и там их суммарное количество исчисляется тысячами штук. Исходя из погребального контекста, можно утверждать, что бусины являлись в первую очередь украшением шеи, рук и ног человека. В захоронениях они образовывают низки или в различных сочетаниях с другими привесками составляют наборные ожерелья. Известны также случаи, когда металлические бусины нашивались на одежду и верхнюю часть войлочной обуви покойного (Федорова-Давыдова, Горбенко, 1974. С. 102).

Типология литых бус подробно разработана только на материалах памятников средней бронзы Северо-восточного Кавказа, отличающегося заметным морфологическим разнообразием украшений данной категории (Каменский, 1990. С. 68. Прил. С. 235). Для других регионов подобного разнообразия не наблюдается. Вероятно, поэтому в публикациях характеристика бусам нередко дается только в самом общем плане и ограничивается кратким указанием их формы. Выделяют биконические, цилиндрические, шаровидные, бочонковидные и другие экземпляры. Находки орнаментированных бусин единичны. Мотивы декора ограничиваются змейками, шишечками, спиральками, псевдозернью. Незамысловатость форм и редкость орнамента, очевидно, объясняются высокой степенью стандартизации производства бус, пользовавшихся, судя по огромному количеству их находок и частоте встречаемости в погребениях, большим спросом у населения степи и Кавказа во второй пол. III–начале II тыс. до н.э.

На каких технико-технологических принципах должно было базироваться столь массовое производство подобного рода изделий? Ответить на данный вопрос при отсутствии в рассматриваемом ареале форм для их отливки возможно только на основе реконструкции процесса литья самих украшений. С этой целью в Государственном Историческом музее и Государственном музее Востока была отобрана серия литых бус из погребальных памятников Калмыкии (4 экз.), Северского Донца (29 экз.) и Нижнего Дона (12 экз.), относящихся к различным культурам катакомбной общности, а также курганных могильников Адыгеи (27 экз.) и Чечни (14 экз.), оставленных племенами северокавказской общности[1] (рис. 1). Отобранные предметы (табл. 1, рис. 2) подверглись аналитическому изучению, задачей которого являлось выяснение приемов и способов изготовления украшений, а также конструктивных особенностей их литейных форм. Исследование носило комплексный характер и проводилось с применением различных естественнонаучных методов.

Первичную информацию о возможных вариантах отливки некоторых предметов выборки удалось получить в ходе визуального осмотра украшений и их изучения с помощью бинокулярного микроскопа МБС-2, дающего увеличение от 3 до 140 раз. По результатам наблюдений выделены три основных способа изготовления бус.

Первый способ – литье в двустворчатую форму со вставным стержнем и литником, подведенным к корпусу предмета. Этот литейный принцип прослежен на биконических бусинах из северскодонецких могильников Ковалевка и Шпаковка (№ 1–6, 15–17) и погребения 4 кургана 73 левобе-

[1] Благодарим Н.И. Шишлину (Государственный Исторический музей) и К.А. Днепровского (Государственный музей Востока) за предоставление материалов исследования.

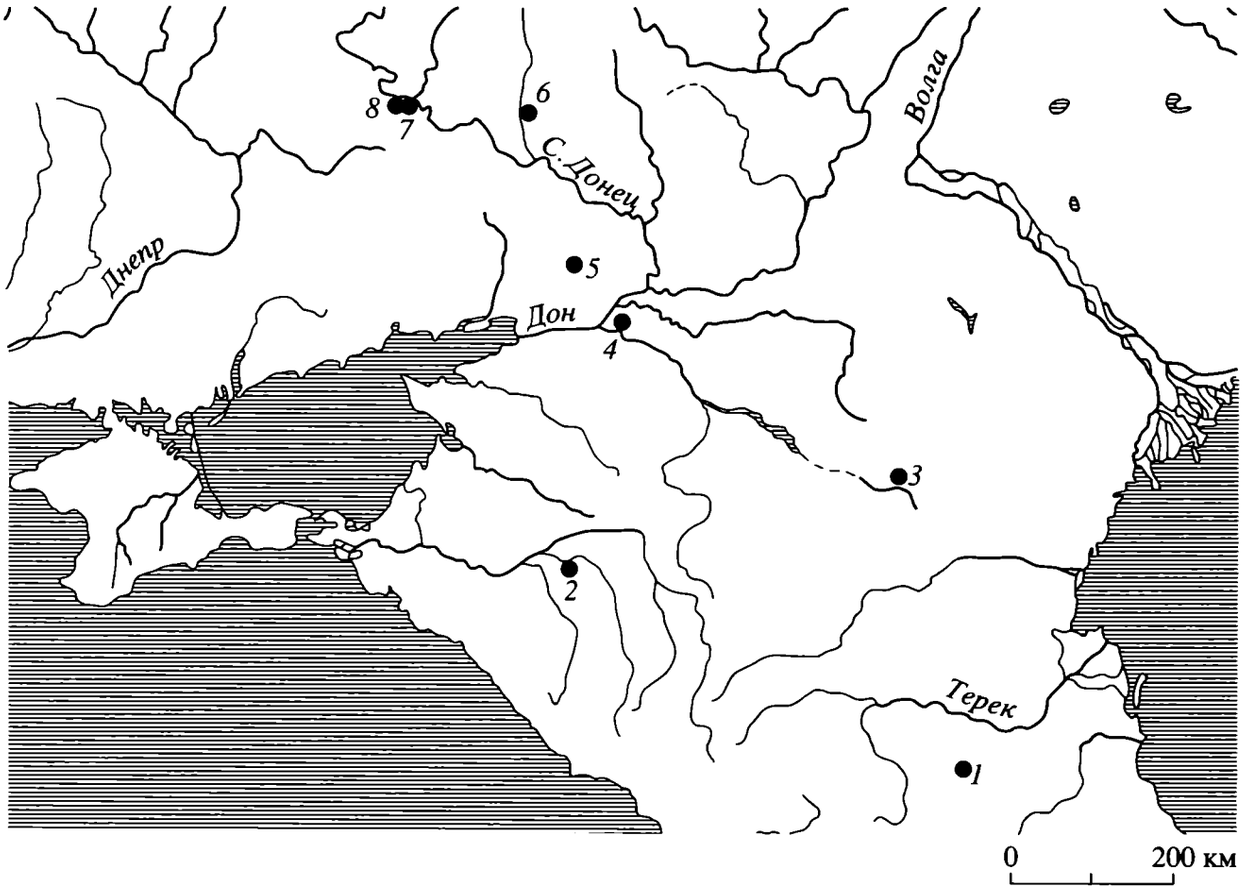

Рис. 1. Карта расположения погребальных памятников, материалы которых использованы в работе (в скобках указан автор раскопок): *1* – Бамут (Р.М. Мунчаев); *2* – Чернышев курган (К.А. Днепровский); *3* – Восточный Маныч, левый берег (И.В. Синицын); *4* – I Шахаевская группа (Э.Л. Федорова-Давыдова); *5* – Астахово (Г.Л. Евдокимов); *6* – Новоникольское (С.Н. Братченко); *7* – Шпаковка (В.А. Городцов); *8* – Ковалевка (В.А. Городцов).

режной группы I Восточного Маныча (№ 30–32)[2]. У каждой из них на ребре зафиксированы остатки литников и затеков металла, образовавшихся по линии совмещения створок формы и пересекающих корпус изделия от одного торца к другому. Торцы имеют рваные края, что говорит об использовании специальной вставки-стержня для получения отверстия.

Второй способ – литье "навыплеск" в форму без вставного стержня, дававшую возможность своевременно удалить еще не застывший металл из сердцевины бусины. Предположить вероятность применения такого специфического метода отливки нас заставила ярко выраженная неравномерность в расположении на гладком корпусе отдельных бусин литейных дефектов (пор, усадочных раковин). Их появление связано с тем, что расплав, заливаемый в полость формы, вытесняет находящийся в ней воздух. При этом растворенные в металле газы устремляются в сторону литника и образуют многочисленные поры, фиксирующие в готовом изделии место его расположения (Спасский, 1955. С. 105). В нашем случае дефекты группируются вокруг отверстия на одном из торцов украшения, который имеет уплощенный, немного скошенный край. Именно он должен соответствовать зоне поступления расплава в форму. Другой торец почти лишен литейных дефектов и тем самым обозначает зону выхода незатвердевших остатков металла наружу. Подобная картина наблюдалась у бочонковидных и биконических бусин Бамутского могильника Чечни (3 экз.), Чернышова кургана Адыгеи (4 экз.), погребения 35 кургана 4 I Шахаевской группы Нижнего Подонья (1 экз.). Почти все они (№ 34, 47, 53, 73, 74, 77, 78) имеют на корпусе остатки литейных швов или трещины, возникшие в ходе их удаления специальными кузнечными зубильцами. И те, и другие свидетельствуют об использовании при отливке бусин двусторонних литейных форм. Напомним, что применение аналогичных по конструкции форм для литья "навыплеск" было зафиксировано ранее только в производстве древнерусских ювелирных украшений (Рындина, 1962. С. 91–98).

Третий способ – литье по выплавляемой (восковой) модели. Он прослежен только на север-

[2] Номера предметов даны по "Книге учета результатов поверхностного технологического осмотра археологических объектов лаборатории структурного анализа кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова".

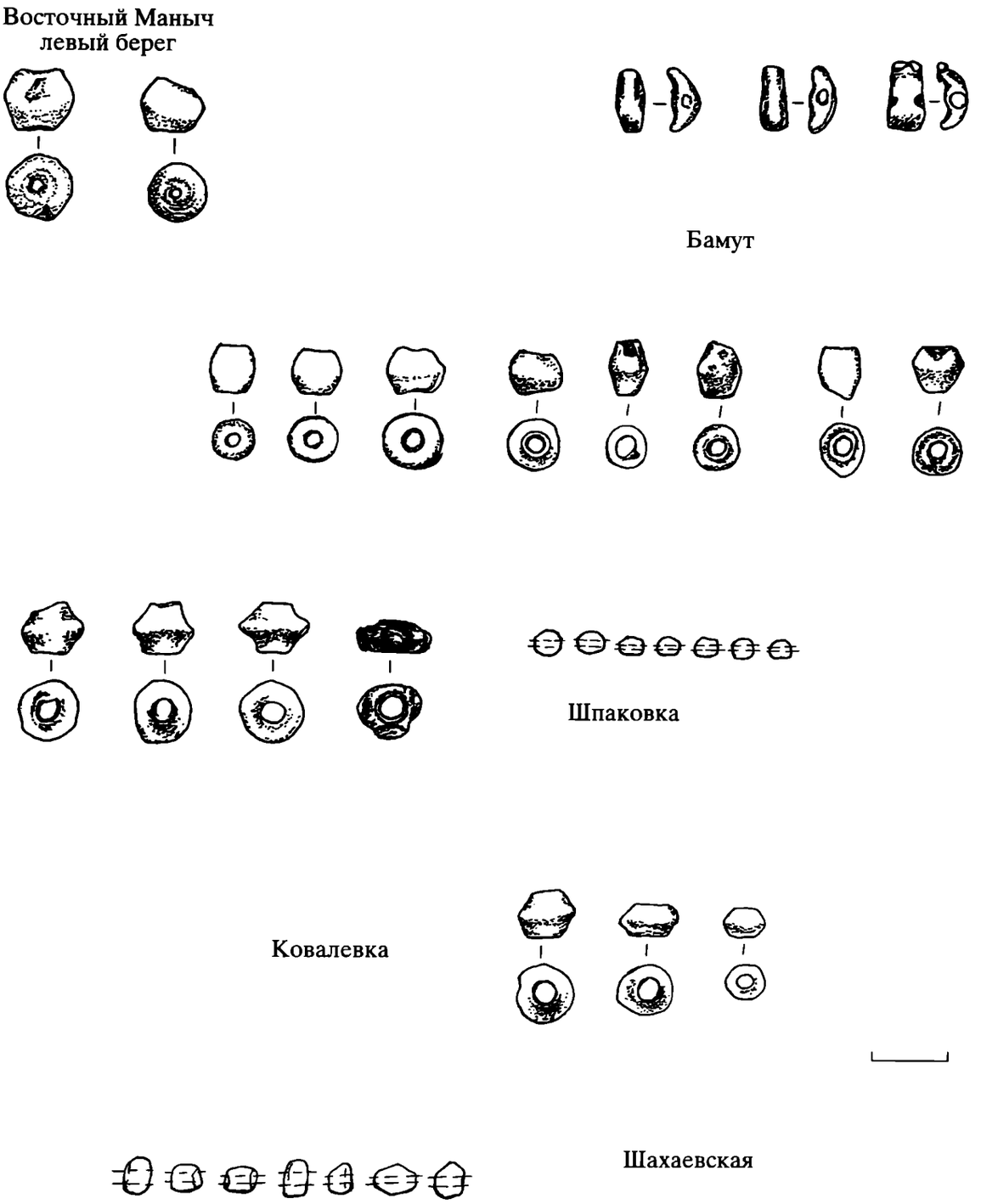

Рис. 2. Литые бусы катакомбной и северокавказской к.и.о., прошедшие технологическое исследование.

скодонецких изделиях со змеевидным (№ 14) и плоскоспиральным шишечным (№ 25) орнаментом, который получался путем наложения провощенных шнуров непосредственно на воспроизведенные в воске модели предметов. В этом убеждает отсутствие следов напайки, монолитное, но недостаточно плотное соединение корпуса бусин с орнаментальными шнурами, сильно затертыми в результате ношения.

Для выяснения характера литой макроструктуры, находящейся в прямой зависимости от конструкции и материала использованной литейной формы, а также способа заполнения ее жидким расплавом, бусы исследовались методом рентгеновского просвечивания в лаборатории Федерального научно-производственного центра "Салют". Просвечивание выполняли на установке РУП 150/300–10 при напряжении 70–120 кВ, токе 9 мА в течение 2 мин. Объекты исследования помещали непосредственно на кассету с пленкой, а источник рентгеновских лучей (трубка) находился на расстоянии 1.3 м от кассеты. В результате получали контрастный снимок изделий в их натуральную величину.

Таблица 1. Основные морфологические характеристики бус и их паспортные данные

№	Форма Орнамент	Размеры (см)	Паспортные данные	Культура, регион
1–13	Биконическая	D 0.6–1.0	Ковалевка, к. 3/2	Катакомбная
14	Бочонковидная, Змеевидный	D 0.8		Сев. Донец
15–17	Биконическая	D 0.9–1.1	Шпаковка, к. 2/5	Катакомбная
18–24	Бочонковидная	D 0.3–0.5		Сев. Донец
25	Биконическая, Шишечный Плоскоспиральный	L 0.4; D 0.8		
26	Цилиндрическая	D 0.5	Астахово, к. 22/3	Катакомбная
				Сев. Донец
27–28	Биконическая	L 1.2; D 0.7	Новоникольское, к. 1/6	Катакомбная
29	Бочонковидная	D 0.5		Сев. Донец
30–32	Шаровидная с едва заметным ребром	D 0.9–1.1	Вост. Маныч, л/б I, к. 73/4	Катакомбная
				Калмыкия
33–37	Бочонковидная	D 0.4–0.6	Шахаевская I, к. 4/35	Катакомбная
38–44	Бочонковидная с едва заметным ребром	D 0.4–0.6		Ниж. Дон
45	"Птичья головка"	L 0.9	Вост. Маныч, л/б II, к. 6/1	Катакомбная
		B 0.3		Калмыкия
		H 0.2		
46–51	Биконическая	D 0.5–0.8	Бамут, к. 9/3	Северокавказская
52–55	Бочонковидная с едва заметным ребром	D 0.6–0.8		Чечня
56–59	"Птичья головка"	L 0.8–1.0	Бамут, к. 9/3	Северокавказская
		B 0.3–0.5		Чечня
		H 0.3–0.4		
60–72	"Птичья головка"	L 0.9–1.1	Чернышов курган	Северокавказская
		B 0.4–0.5		Адыгея
		H 0.4		
73–86	Биконическая	L 1.1–1.6	Чернышов курган	Северокавказская
		D 1.0–1.3		Адыгея

После просмотра полученных снимков исследованные предметы по характеру наблюдаемой макроструктуры разделились на две группы с соответствующими условными названиями: "плотные" и "пористые" (рис. 3)[3]. Среди последних оказались бусины, предварительно отнесенные нами к числу отлитых "навыплеск". Как выяснилось, они ослабляют рентгеновские лучи значительно слабее, чем можно было бы предположить, исходя из измеренных толщин их стенок, сквозь которые на негативе четко просматривается литейный канал. Сами изделия выглядят как "кружево", образованное тонкими перемычками пор, тогда как их наружная поверхность сохраняет вид монолитной оболочки. По самой грубой оценке эффективная толщина "пористых" бусин минимум вдвое меньше габаритного размера, а по весу они в полтора раза легче изделий, имеющих "плотную" отливку. Создается впечатление, что "пористые" бусины сохранили лишь остов, скелет из металла, при этом продукты коррозии в нем отсутствуют.

Наблюдаемая картина, очевидно, отражает особенности застывания жидкого расплава после

[3] Следует сказать, что чувствительность рентгеновского просвечивания к пористости ограничивается так называемой геометрической нерезкостью, обусловленной конструкцией использованной рентгеновской трубки. Практически достижимое разрешение соответствует 0.05 мм, поэтому очень мелкие поры не улавливаются.

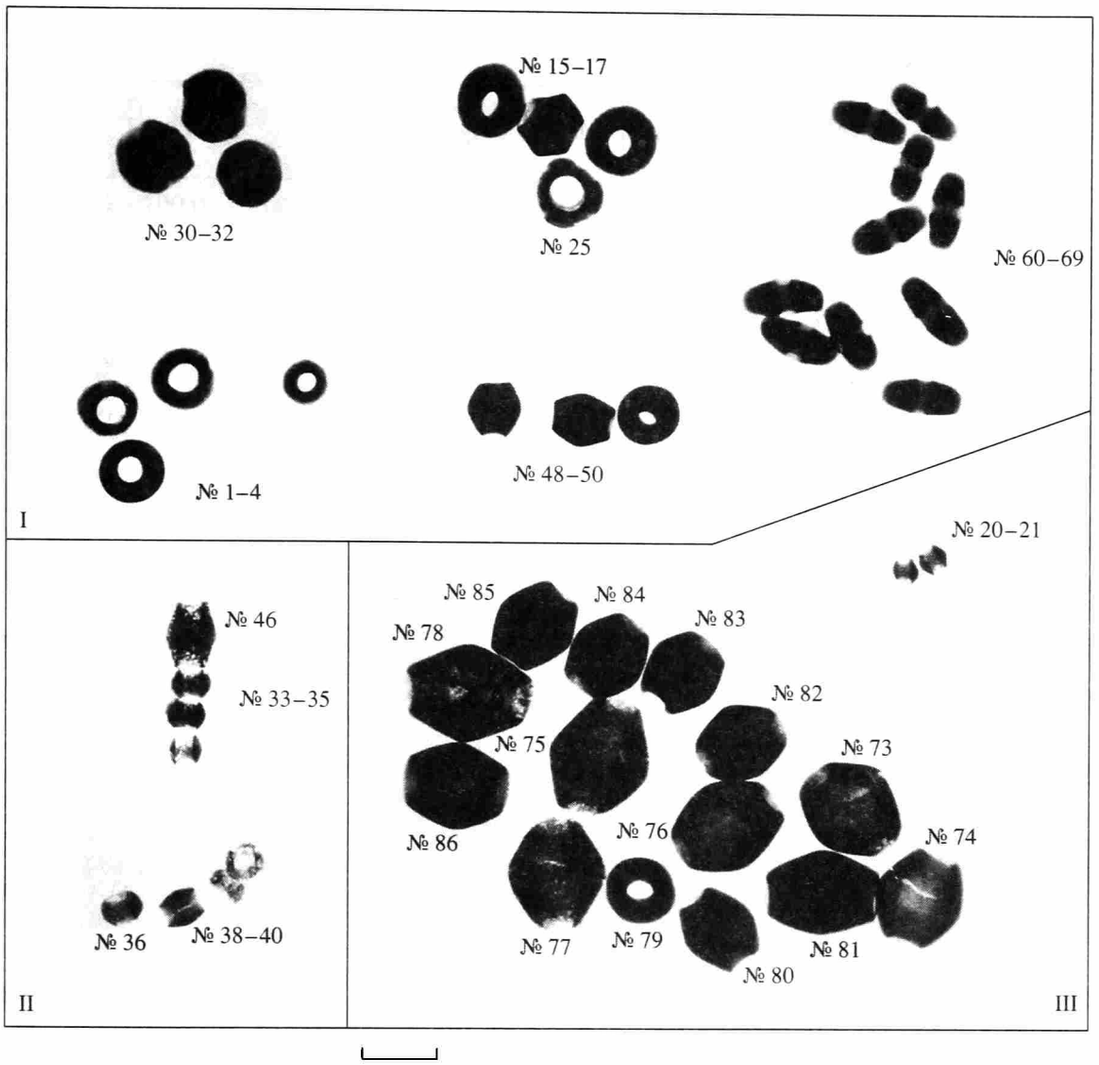

Рис. 3. Фотоотпечатки снимков, полученных рентгеновским просвечиванием бусин (номера даны по табл. 1): I – изделия первой группы ("плотные"); II – изделия второй группы ("пористые"); III – изделия обеих групп.

его заливки в форму: у изделий второй группы ("пористых") кристаллизация происходила явно иначе, чем у изделий первой группы ("плотных"). Следует полагать, что на ход этого процесса влияли такие факторы, как: 1) природа использованного металла и степень насыщенности его газами; 2) конструктивные особенности литейной формы; 3) способ заливки в нее расплава; 4) материал формы и величина ее теплопроводности.

Уточнить эти данные мы попытались с помощью макро- и микроструктурного анализов по ранее разработанной методике для сплавов медь–мышьяк (Равич, Рындина, 1984). Из числа бусин, исследованных методом рентгеновского просвечивания, были отобраны 12 экземпляров разных форм и размеров – из них семь первой группы (№ 1, 2, 15, 20, 26, 27, 28) и пять второй группы (№ 29, 33, 46, 52, 53). Уже при визуальном осмотре обратил на себя внимание их серебристый оттенок, характерный для медных сплавов с содержанием мышьяка более 12% (Равич, Рындина, 1984. С. 118). То, что для отливки бус в большинстве случаев подбирался высокомышьяковый материал, подтвердили результаты эмиссионно-спектрального анализа, выполненного в лабораториях ИА РАН (Е.Н. Черных, С.Н. Кореневский) и ИИМК РАН (В.А. Галибин, А.Н. Егорьков), а также микроструктурные данные, позволившие их частично скорректировать (табл. 2). Действительно, в металле исследованных изделий мышьяк присутствует в очень больших концентрациях (10–21%) и является практически единственным легирующим элементом. Данный факт с учетом сравнительной "чистоты" металла (то есть, отсутствия значительных примесей) однозначно указывает на искусственный характер подобных сплавов. Их целенаправленное использование, очевидно, было обусловлено не только потребительским спросом на украшения красивого серебристого оттенка, но и литейными качествами высокомышьяковой бронзы, для которой характерны высокий показатель жидкотекучести и малая линейная сосредоточенная усадка, обеспечивающие хорошее заполнение литейных полостей сложной конфигурации с вос-

Таблица 2. Результаты эмиссионно-спектрального анализа бусин, подвергнутых рентгеновскому просвечиванию и металлографическому исследованию

Номер по табл. 1	Шифр	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn
1	580	осн	0.002	0.005	–	0.01	0.06	0.03	21	0.001	0.002	0.001	–
2	705-36	осн	–	–	–	–	–	–	20	–	0.04	–	–
15	715-13	осн	–	–	–	–	–	–	12	0.02	0.02	–	–
20	715-14	осн	–	–	–	–	–	–	16	0.01	0.02	–	–
26	19040	осн	0.005	0.001	–	0.001	0.001	0.8	~10	–	0.003	–	–
27	16277	осн	0.02	0.003	–	0.04	0.002	-	~20	0.2	0.003	–	0.02
29	16358	осн	0.02	0.003	–	0.04	0.02	0.003	~13	0.01	0.001	–	–
30	705-33	осн	–	–	0.6	–	–	0.04	17	0.01	–	–	–
33	705-35	осн	–	–	–	–	–	–	19	–	0.02	0.02	–
46	705-37	осн	–	–	–	–	0.01	–	18	–	0.02	–	–
52	705-38	осн	–	–	–	–	0.01	–	17	–	0.01	–	–
53	13329	осн	0.003	0.006	–	0.001	0.05	–	~18	0.1	0.7	–	–

Примечание. Анализы с шифром в виде трехзначного или пятизначного номера выполнены в лаборатории ИА РАН; анализы с шифром в виде пятизначного номера с дефисом между третьей и четвертой цифрами выполнены в лаборатории ИИМК РАН.

произведением самых мелких деталей (Тавадзе, Сакварелидзе, 1959. С. 33–35). Очевидно, что при наличии таких исходных технологических свойств можно было успешно практиковать различные способы отливки украшений.

Шлифы для металлографического анализа изготавливали двумя способами: полировкой бусины с одной или двух сторон вдоль ее отверстия (8 экз.), разрезанием изделия вдоль отверстия и полировкой одной из его половинок (4 экз., рис. 4). Проведенное металлографическое исследование[4] выявило существенные различия в макро- и микроструктуре изделий первой и второй групп. Бусины, имевшие на рентгеноснимке вид "плотной" отливки, уже при увеличении в 90 раз обнаруживали большое количество округло-овальных литейных пор, скорее всего газового происхождения, расположенных внутри скоплений эвтектики (рис. 5, *1–4*). Образование таких пор происходило в момент охлаждения и кристаллизации металла (Пикунов, 1997. С. 178–180), который одновременно затвердевал и у стенок формы, и в зоне соприкосновения со стержнем. Именно поэтому поры концентрируются только во внутренней полости бусин и практически не выходят ни на их поверхность, ни в полость отверстия, стенки которого имеют ровные и четкие очертания. Строение эвтектики, как правило, очень мелкое, внутри нее хорошо видны дендриты α-фазы – твердого раствора медь–мышьяк. В целом такая картина характерна для изделий, отливавшихся в формы со вставным стержнем. Частные особенности микроструктуры отдельных бусин, фиксирующие скорость охлаждения расплава, позволяют предполагать применение главным образом форм с высокой теплопроводностью (каменных или металлических). Формы могли быть предназначены как для изготовления единичных украшений, так и целых их серий. На это указывают полосы скольжения и деформации в структуре некоторых исследованных бусин, прослеженные вдоль их отверстий и возникшие при удалении образовавшихся между ними перемычек.

На Ближнем Востоке и в Закавказье двусторонние каменные формы для отливки бус со вставным стержнем использовались в литейном производстве уже с раннего бронзового века. Находки подобных форм с негативами крупных биконических бусин известны, например, в Восточном Средиземноморье, по материалам раскопок IX слоя Библа (рис. 6, *1*, *2*) (Dunand, 1954. P. 419. Fig. 444. № 11084; P. 431. Fig. 458. № 11262). Одна створка обнаружена в Закавказье в куроараксском слое поселения Кюльтепе II (рис. 6, *3*) (Мунчаев, 1994. С. 40). Тот же литейный принцип демонстрируют формы из анатолийских телей Малатья-

[4] Металлографическое исследование проводилось совместно с И.Г. Равич, за что авторы статьи выражают ей искреннюю признательность.

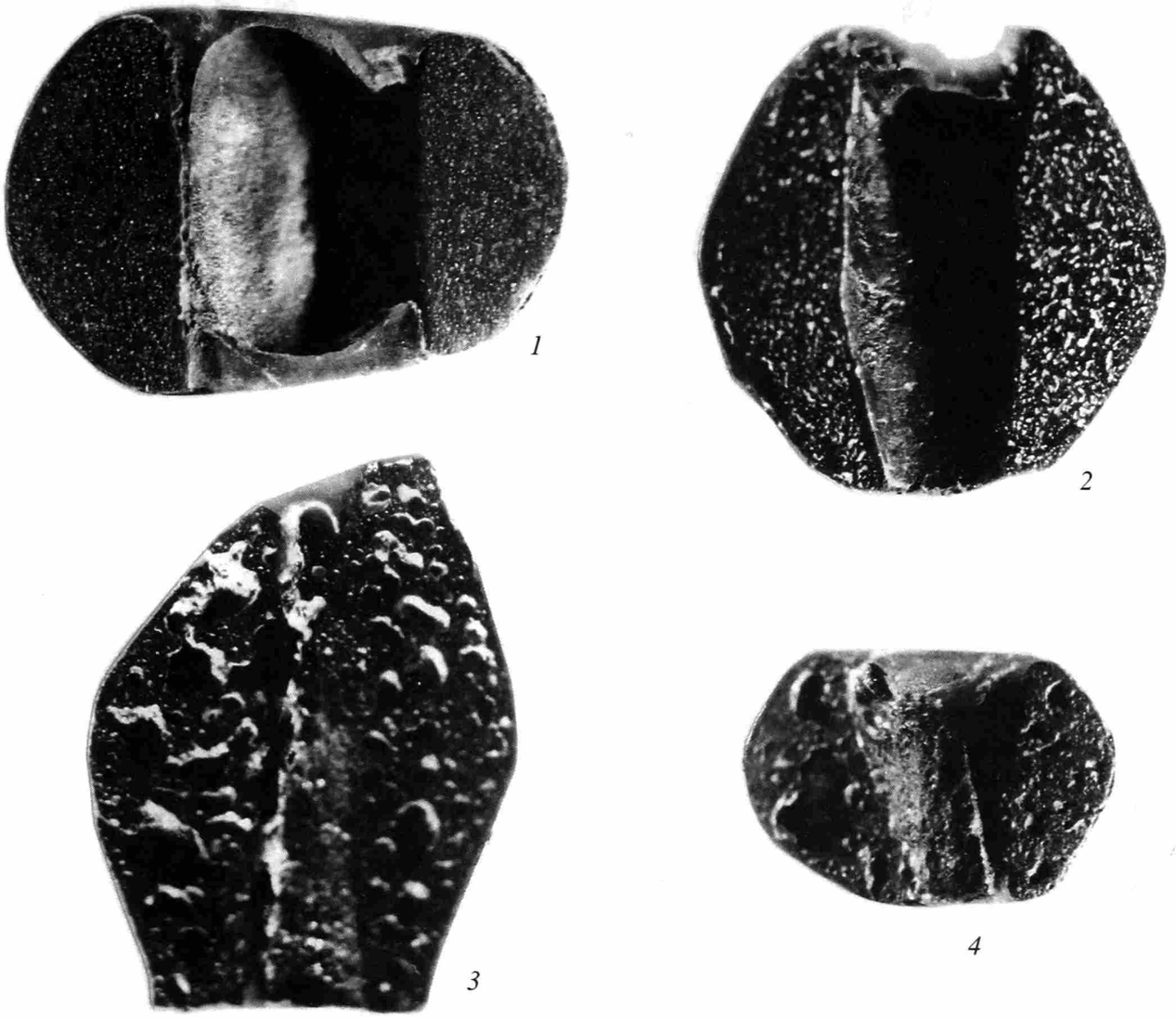

Рис. 4. Макроснимки металлографических шлифов, полученных полировкой разреза бусин по линии канала: *1*, *2* – бусины первой группы ("плотные"); *3*, *4* – бусины второй группы ("пористые"). Ув. 10.

Арслантепе и Карахююк-Эльбистан, предусматривавшие серийное изготовление бусин (рис. 6, *4*, *7б*) (Müller-Karpe, 1994. Taf. 57, *1*, *3*). Отметим, что последняя была, очевидно, переоборудована из формы, первоначально предназначенной для отливки методом "навыплеск".

Микроструктура украшений второй группы ("пористых") имеет свои особенности (рис. 7). Насыщающие ее литейные поры не только крупнее, чем в случае с "плотными" бусинами, но их также значительно больше количественно. К тому же преобладают поры не округло-овальной, а более сложной "древовидной" конфигурации, концентрирующиеся в междендритных пространствах. Вероятно, образование этих пор происходило прежде всего в тех участках отливки, куда расплав не попадал при кристаллизации, хотя какая-то их часть, несомненно, имеет газовое происхождение. Вокруг пор различимы области эвтектического состава сплава медь–мышьяк очень мелкого строения. Чрезвычайно важно подчеркнуть, что поры не заполнены продуктами коррозии, которая затронула преимущественно мелкие первичные дендриты α-фазы. В характере размещения пор также наблюдается определенное своеобразие: они практически не достигают наружной поверхности бусины (рис. 7, *2*), а группируются в основном во внутренней полости с выходом на поверхность отверстия (рис. 7, *1*, *3*). Последнее отличается чрезвычайно неровными, бугристыми стенками, что связано не только с повышенной пористостью металла, но и с разнонаправленным ростом его дендритов. Все это свидетельствует о быстрой кристаллизации металла, которая протекала от стенок формы в сторону внутренней полости бусины. Обеспечить формирование наблюдаемой структуры могла только холодная литейная форма, лишенная специальной вставки в виде стержня. Отверстие в бусине при отсутствии стержня

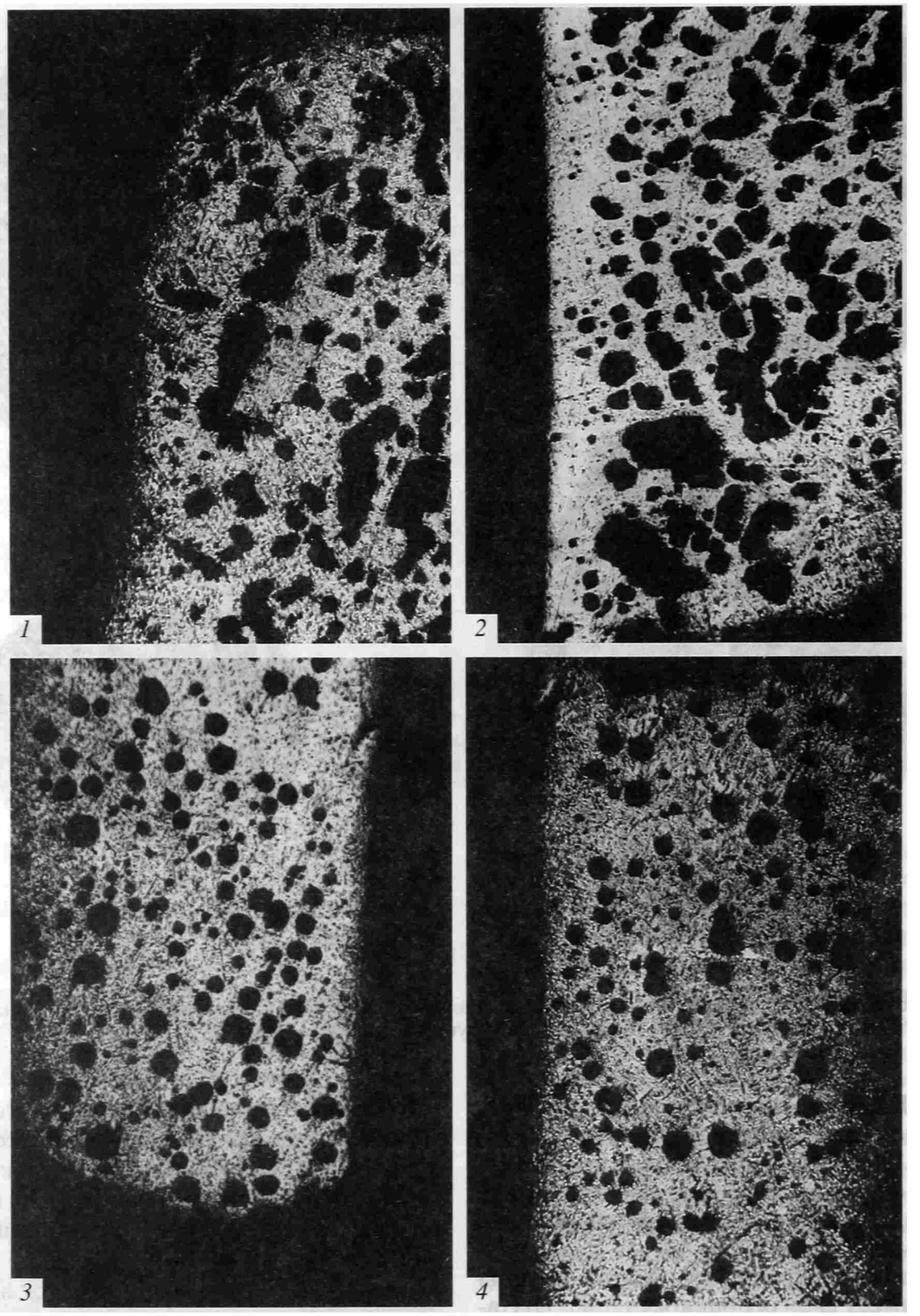

Рис. 5. Микроструктура изделий, отлитых в формы со вставным стержнем: наружная поверхность (*1*) и канал (*2*) бусины из Ковалевки; угол (*3*) и канал (*4*) бусины из Бамута. Ув. 90.

получалось благодаря выплеску из сердцевины формы незатвердевших остатков металла.

Данное заключение базируется прежде всего на особенностях расположения пор в металле бусин: поры никогда не выходят на их наружную поверхность, а имеются только во внутренней полости и обрамляют отверстие. Многие из пор по своей природе, видимо, являются газовыми. По мнению профессора кафедры литья МИСИС М.В. Пикунова[5], они могут быть образованы либо водородом, либо мышьяком. Какой именно газ (водород или оксид мышьяка) выделялся из рас-

[5] Выражаем благодарность профессору М.В. Пикунову, консультации которого оказали неоценимую помощь в работе над статьей.

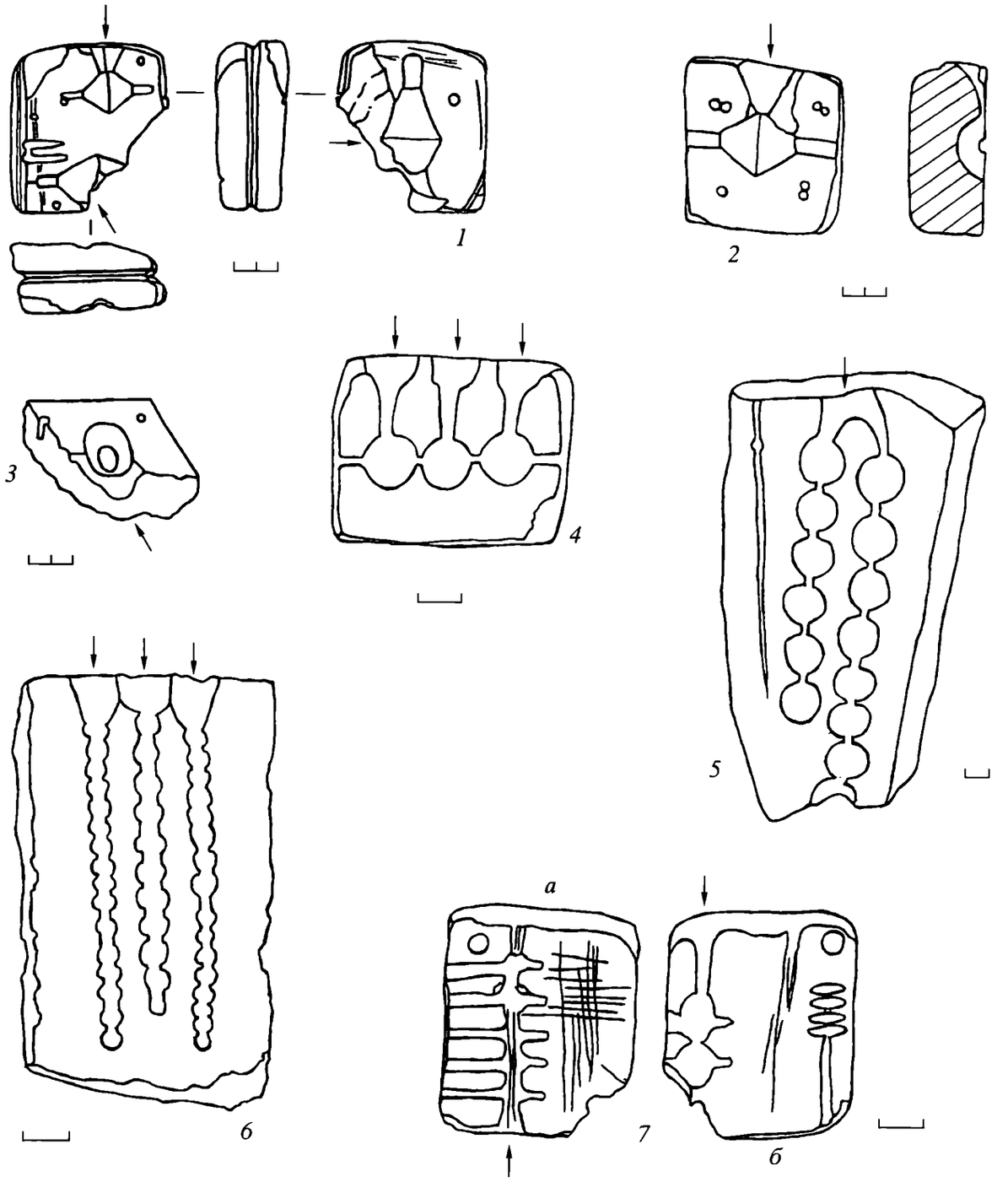

Рис. 6. Каменные формы раннего и среднего бронзового века для литья бус со вставным стержнем (*1–4*, *7б*) и "навыплеск" (*5*, *6*, *7а*): *1–2* – Библ (по: Dunand); *3* – Кюльтепе II (по: Мунчаев); *4* – Малатья-Арслантепе (по: Müller-Karpe); *5* – Жихалом (по: Kalicz); *6* – Солтвацкерт (по: Gazdapusztai); *7а,б* – Карахююк-Эльбистан (по: Müller-Karpe). Стрелкой показано место литника.

плава после его заливки в литейную форму, пока установить не удалось. Однако в любом случае появление газовых пор возможно лишь при охлаждении и кристаллизации металла (Пикунов, 1997. С. 178–180), который в "пористых" бусинах начинал затвердевать у стенок формы, оставаясь жидким в ее сердцевине. В процессе выливания ("выплеска") часть крупных газовых пор захватывалась растущей кристаллической коркой и оказывалась открытой со стороны расплава. Именно эти поры видны на шлифах и искажают поверхность отверстия бусин (рис. 7, *1*, *3*).

Реконструированный выше способ отливки полых предметов хорошо известен современным практикам, занимающимся художественным литьем. В технической литературе можно встретить различные его названия – литье с выливанием, литье с выплеском, литье "навыплеск". Подробное описание способа дается в книге Я. Емелевского "Литье цветных металлов" (Емелевский, 1977). Суть его

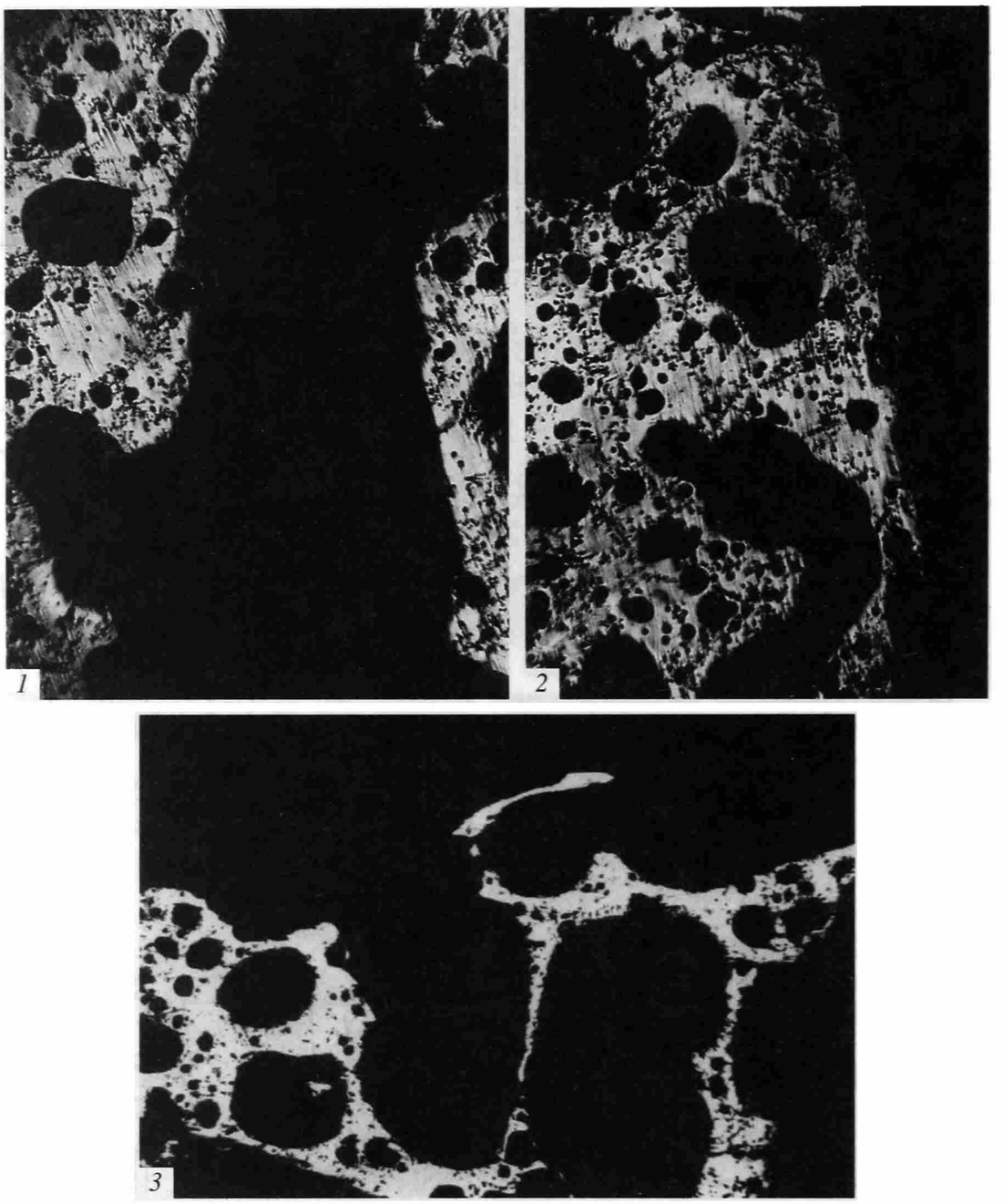

Рис. 7. Микроструктура изделий, отлитых в формы без вставного стержня ("навыплеск"): канал (*1*) и наружная поверхность (*2*) бусины из Бамута; канал бусины из Шахаевской (*3*). Ув. 90.

сводится к следующему. Расплав заливают в разъемную металлическую форму и выдерживают в ней определенное время, необходимое для образования твердой корки. По истечении этого времени форму наклоняют, выливая не успевшую кристаллизоваться часть металла, и получают пустотелую отливку, образованную затвердевшей по стенкам формы коркой. При поддержании постоянной температуры расплава и формы, а также строгом соблюдении времени затвердевания корки описанным способом можно изготавливать полые предметы с толщиной стенок до 2 мм (Емелевский, 1977. С. 142, 143).

Основные параметры исследованных нами "пористых" бус отвечают необходимым условиям литья "навыплеск". Важно отметить, что с помощью этого способа, как правило, отливалась целая "гирлянда" мелких украшений в одной литейной форме. Об этом свидетельствуют присутствующие в их металле полосы скольжения и деформации, выявленные в торцевой части отверстий при микроструктурном анализе. Очевидно, что эти полосы возникли в процессе разрубания перемычек. Оправданность отливки бус "гирляндами" предопределялась не только соображениями экономического характера, но и технологическими особенностями литейного процесса. Как известно, литье металла очень малыми порциями просто невозможно. Между тем основную массу

"пористых" бус составляют как раз мелкие изделия размером 3–6 мм, весом менее 1 г и диаметром канала до 1 мм.

Из числа находок двусторонних форм раннего и среднего бронзового века нами выявлено пока только три экземпляра, в которых бусы отливались методом "навыплеск". Две каменные створки от разных форм происходят с территории Венгрии, из слоев поселений Жихалом (горизонт Тосег В – культура Хатван) и Солтвацкерт (горизонт Тосег С), датируемых эпохой средней бронзы (Kalicz, 1968. Taf. LXXIX, *3*; Gazdapusztai, 1958. P. 286. Taf. II, *7*). Формы предназначались для серийной отливки крупных колесовидных и мелких шаровидных бусин (рис. 6, 5, *6*). Первая имела общую чашу для двух литниковых каналов, к каждому из которых подходили вертикальные "гирлянды". В такой форме можно было единовременно отлить не менее 14 предметов. Створка из Солтвацкерта, позволявшая получить сразу 43 бусинки, демонстрирует тот же принцип отливки, только для каждой из трех представленных на негативе "гирлянд" имелась своя литниковая чаша. Конструкция обеих форм предполагала выплеск незатвердевшего расплава через тот же канал, в который он заливался.

Полагаем, что в эпоху бронзы применялись и формы, имевшие специальный нижний литник для вывода наружу остатков жидкого металла. Примером здесь может служить одна из створок уже упомянутой формы из Карахююк-Эльбистан (рис. 6, *7а*), а также, вероятно, створка, найденная на поселении поздней бронзы Пилини (горизонт Фарро-Опай) в Венгрии (Mozsolics, 1973. Taf. 110, *I a*). Следует заметить, что применение данного варианта литья "навыплеск" было визуально зафиксировано и на нескольких бусинах нашей выборки.

Итак, в результате комплексного исследования, проведенного на материалах металлических бус из погребений эпохи средней бронзы юга Восточной Европы и Северного Кавказа, выявлено три способа их изготовления: 1) отливка в формах со вставным стержнем и литником, подведенным к корпусу предмета; 2) отливка в формах без вставного стержня ("навыплеск"); 3) отливка по выплавляемой (восковой) модели с использованием провощенных шнуров для получения орнамента. Возможность применения второго способа в производстве больших серий мелких предметов, таких как бусы, впервые доказана и обстоятельно разобрана на основе детальной реконструкции процесса литья, с привлечением данных по металлообработке других регионов Старого Света.

Пока нет ясности в вопросе, где именно были освоены выявленные технологии отливки бус – в мастерских степи и/или Кавказа. Это объясняется прежде всего отсутствием прямых свидетельств их изготовления – литейных форм. Вместе с тем очевидным является факт наличия в эпоху средней бронзы самостоятельных, но тесно связанных между собой очагов металлопроизводства как на Северном Кавказе, так и в прилегающей к нему степной зоне (Кореневский, 1984. С. 280; Каменский, 1990. С. 160; Chernykh, 1992. P. 184, 192, 196; Гак, 2000. С. 88, 89). Исходя из этого, можно лишь предполагать постепенное распространение всех трех методов отливки в пределах юга Восточной Европы и Северного Кавказа. Однако это уже тема отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гак Е.И. О металлообрабатывающем производстве катакомбных племен бассейна Северского Донца // Сезонный экономический цикл населения Северо-Западного Прикаспия в бронзовом веке. Тр. ГИМ. Вып. 120. М., 2000.

Емелевский Я. Литье цветных металлов. М., 1977.

Каменский А.Г. Металлообрабатывающее производство племен Северо-Восточного Кавказа в период средней бронзы. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.

Кореневский С.Н. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–79 гг. Т. 1. Нальчик, 1984.

Мунчаев Р.М. Куро-аракская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994.

Пикунов М.В. Плавка металлов. Кристаллизация сплавов. Затвердевание отливок. М., 1997.

Равич И.Г., Рындина Н.В. Изучение свойств и микроструктуры сплавов медь–мышьяк в связи с их использованием в древности // Художественное наследие. 1984. № 9 (39).

Равич И.Г., Рындина Н.В. Древние сплавы медь–мышьяк и проблема их использования в бронзовом веке Северного Кавказа // Вестник МГУ. 1999. Сер. 8. История. № 4.

Рындина Н.В. О древнерусском литье "навыплеск" // СА. 1962. № 3.

Спасский А.Г. Основы литейного производства. М., 1955.

Тавадзе Ф.Н., Сакварелидзе Т.Н. Бронзы древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Федорова-Давыдова Э.А., Горбенко А.А. Раскопки Шахаевской группы в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. 2. М., 1974.

Chernykh E. Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge, 1992.

Dunand M. Fouilles de Byblos 1933–1938. V. II. Paris, 1954.

Gazdapusztai Gy. Der Gussformfund von Soltvadkert // Acta Archaeologica Hungaricae. T. IX. Budapest, 1958.

Kalicz N. Die Fruhbronzezeit in Nordost-Ungarn. Budapest, 1968.

Mozsolics A. Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens. Budapest, 1973.

Müller-Karpe A. Altanatolisches Metallhandwerk // Offa-Bücher. 1994. Bd. 75.

Technology of Beads Casting During the Middle Bronze Age in the North Caucasus and Eastern Europe

E. I. Gak, N. V. Ryndina, S. G. Khayutin

Summary

The paper discusses the results of technological studies of cast beads – the most numerous category of metal ornaments met with in burial associations of catacomb and North-Caucasian cultural groups dated back to the Middle Bronze Age. The investigation is based on reconstructing the process of casting 86 beads of different shape and size originating from burial assemblages of Kalmykia, Adyghei, Chechnya, as well as the Lower Don and the Seversky Donets rivers' basins. The methods applied included visual surface survey, X-ray testing, macro- and micro-structural analyses (metallographical investigation). Three basic patterns of beads manufacturing have been revealed: 1. Casting into bivalve mould with central core and pouring gate attached instantly to the artefact founded; 2. Hollow casting into bivalve mould without core provided that liquid metal would be poured from inside the mould; 3. "Lost wax" casting with waxed cords used to obtain ornamentation. For the first time the method of hollow casting was proved and analysed in details with regard to its application by the Middle Bronze Age craftsmen while producing numerous series of minor hollow objects of arsenic alloys. The thesis is illustrated by casting moulds from the Bronze Age sites of the Near East, Transcaucasus, and Central Europe.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 3, с. 133–144

ПУБЛИКАЦИИ

КОМПЛЕКС ДЕРЕВЯННЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ РАСКОПОК КУЛЬТОВОГО ЦЕНТРА КАЛАЛЫ-ГЫР 2

© 2001 г. С. Б. Болелов*, Н. Д. Двуреченская**

*Государственный Музей Востока, Москва
**Институт археологии, Москва

Крепость Калалы-гыр 2 расположена на территории левобережного Хорезма в 6 км к северо-востоку от городища Кюзели-гыр, у левого берега Южного Даудана. В процессе раскопок удалось установить, что памятник являлся крупным культовым центром левобережного Хорезма (Вайнберг, 1991. С. 26–34; Vainberg, 1994)[1]. Гибель памятника была связана с очень большим пожаром. Благодаря этому в культурном слое сохранился богатый комплекс бытовой и художественной керамики и других категорий инвентаря. Среди прочих выделяется комплекс изделий из дерева, который и послужил основой для предлагаемой публикации.

Полностью или частично сохранились лишь те предметы, которые сгорели – все они превратились в древесный уголь и сохранили свою первоначальную форму. После закрепления и реставрации удалось восстановить некоторые формы изделий до археологически целых и зафиксировать их графически.

Большинство сохранившихся деревянных изделий относится к бытовой утвари. Посуда представлена чашами, мисками, ложками. Предметы туалета – миниатюрными сосудами, фрагментами шкатулки, гребнями. В хозяйственной деятельности использовались также плетеные корзинки, шило, безмен. Отдельно стоит отметить находку двух колес. К ремесленному инвентарю предположительно можно отнести веретена.

Ниже приводится описание предметов по категориям.

Миниатюрные сосуды (*пиксиды*). Миниатюрные сосуды представлены фрагментами от шести изделий. Все они изготовлены на токарном станке с непрерывным равномерным вращением, о чем свидетельствуют частые спиралевидные следы резца. Точение производилось двумя способами – поперечным и пластинным. Первым способом было изготовлено четыре сосуда (рис. 1, *1*, *2*, *5*, *9*). Они вытачивались из отрезка ствола так, что волокна древесины располагались вертикально, а дно представляло поперечный срез ствола. Для предотвращения выпадения сердцевины дно утолщено и его центр, как правило, не совпадал с природным центром ствола. Надо отметить, что данным способом изготавливались сосуды и открытой цилиндрической, и закрытой биконической формы. Пластинным способом изготовлены два сосуда (рис. 1, *8*). Они вытачивались из бруска с поперечным сечением колец.

Разнообразные по форме, часто сложные по профилировке и орнаментации миниатюрные сосуды с городища Калалы-гыр 2 свидетельствуют о высоком качестве токарной работы. Так, один из сосудов закрытого типа при наибольшем диаметре тулова в 6 см и высоте не более 5 см имеет толщину стенок 3–4 мм, при этом на изгибе плечиков был размещен состоящий из пяти тонких желобков собранный орнаментальный поясок (рис. 1, *5*). Иначе решено оформление миниатюрного цилиндрического сосуда (рис. 1, *1*), стенки которого орнаментированы разными по профилю и толщине выпуклыми поясками, что ярко иллюстрирует мастерство и безукоризненную точность, достигнутые в приемах обработки дерева.

Пять сосудов относятся к открытому типу. Они в свою очередь подразделяются на два варианта: чашевидные (рис. 1, *9*) и цилиндрические (рис. 1, *1*, *2*, *8*). Один чашевидный и один цилиндрический сосуд имеют характерный прямоугольный уступ с наружной стороны под крышку (рис. 1, *1*, *9*). В других случаях эта деталь отсутствует. Один сосуд относится к закрытому типу (рис. 1, *5*).

Интересной особенностью четырех "пиксид" является их украшение различными сочетаниями орнаментальных поясков. Эта особенность наблюдается также и в изготовлении крышек (рис. 1, *5–9*).

Крышки от миниатюрных сосудов. Всего четыре деревянные крышки различных форм и размеров удалось зафиксировать графически. Так же как и миниатюрные сосуды, все они точеные. По форме и принципу действия крышки можно разделить на два типа: накрывающие и пробковые.

К первому типу относятся две крышки. Одна представлена небольшим фрагментом, выточена пластинным способом (рис. 1, *7*). Судя по сохранив-

[1] Раскопки памятника проводились под руководством Б.И. Вайнберг и С.М. Колякова. Общее научное руководство осуществлялось Б.И. Вайнберг.

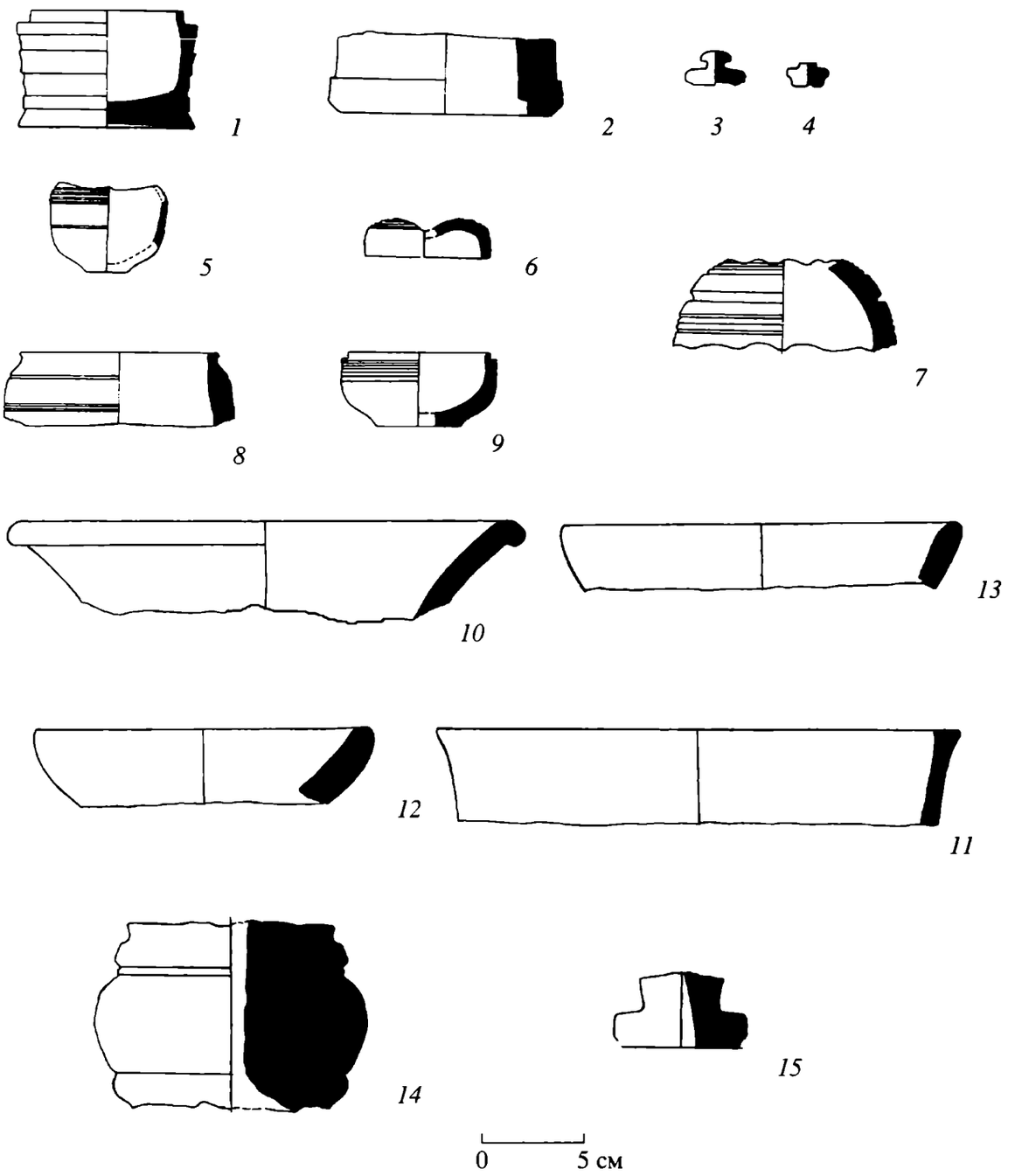

Рис. 1. Пиксиды и деревянные сосуды из культового центра Калалы-гыр 2. *1–9* – пиксиды; *10–13*, *15* – фрагменты сосудов; *14* – деталь мебели (балясина?).

шемуся фрагменту, крышка была круглая, выпукло-полусферическая. С внешней стороны она украшена двумя орнаментальными поясками.

Вторая крышка (рис. 1, *6*) – выпуклая, круглая в плане, в сечении чечевицевидная, т.е. с прогибом в середине, была выточена также пластинным способом. С внешней стороны она украшена характерным орнаментальным пояском из пяти тонких близко расположенных желобков.

Две крышки второго типа были изготовлены поперечным способом. Волокна древесины расположены вертикально и в плане они представляют собой поперечный срез ствола (рис. 1, *3*, *4*). Крышки предназначались, вероятно, для сосудов типа флаконов, так как имеют диаметр 3 и 1.6 см. Они имеют ручки, в одном случае с грибовидной шляпкой, в другом шляпка не сохранилась. Уступы с внутренней стороны этих крышек свидетельствуют о том, что они входили внутрь сосудов.

Описанные изделия не подходят по размерам к сохранившимся миниатюрным сосудам. Учитывая это обстоятельство, а также находку миниатюрного деревянного сосуда, от которого сохранилась каменная крышка, можно говорить о не

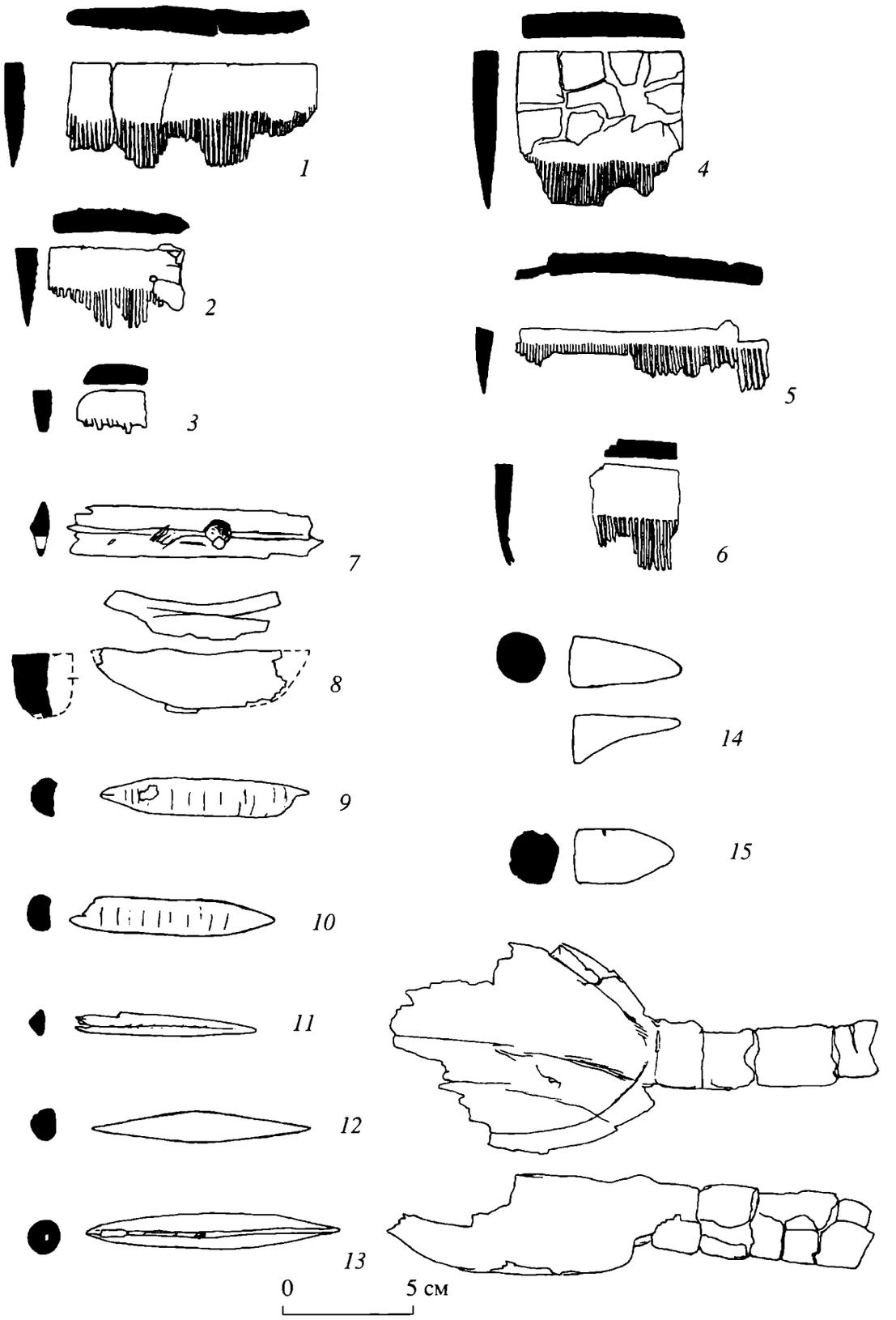

Рис. 2. Деревянные предметы из культового центра Калалы-гыр 2. *1–6* – гребни; *8–13* – челноки; *16* – ковш; *7, 8, 14, 15* – детали бытовых предметов.

менее 11 деревянных сосудиках с памятника Калалы-гыр 2.

Гребни. На памятнике найдено шесть гребней. Все они односторонние, подпрямоугольной формы, с частым расположением зубьев. В поперечном сечении гребни имеют вид вытянутого, слегка изогнутого треугольника. Верхний торец плоско срезан. В одном случае он срезан слегка

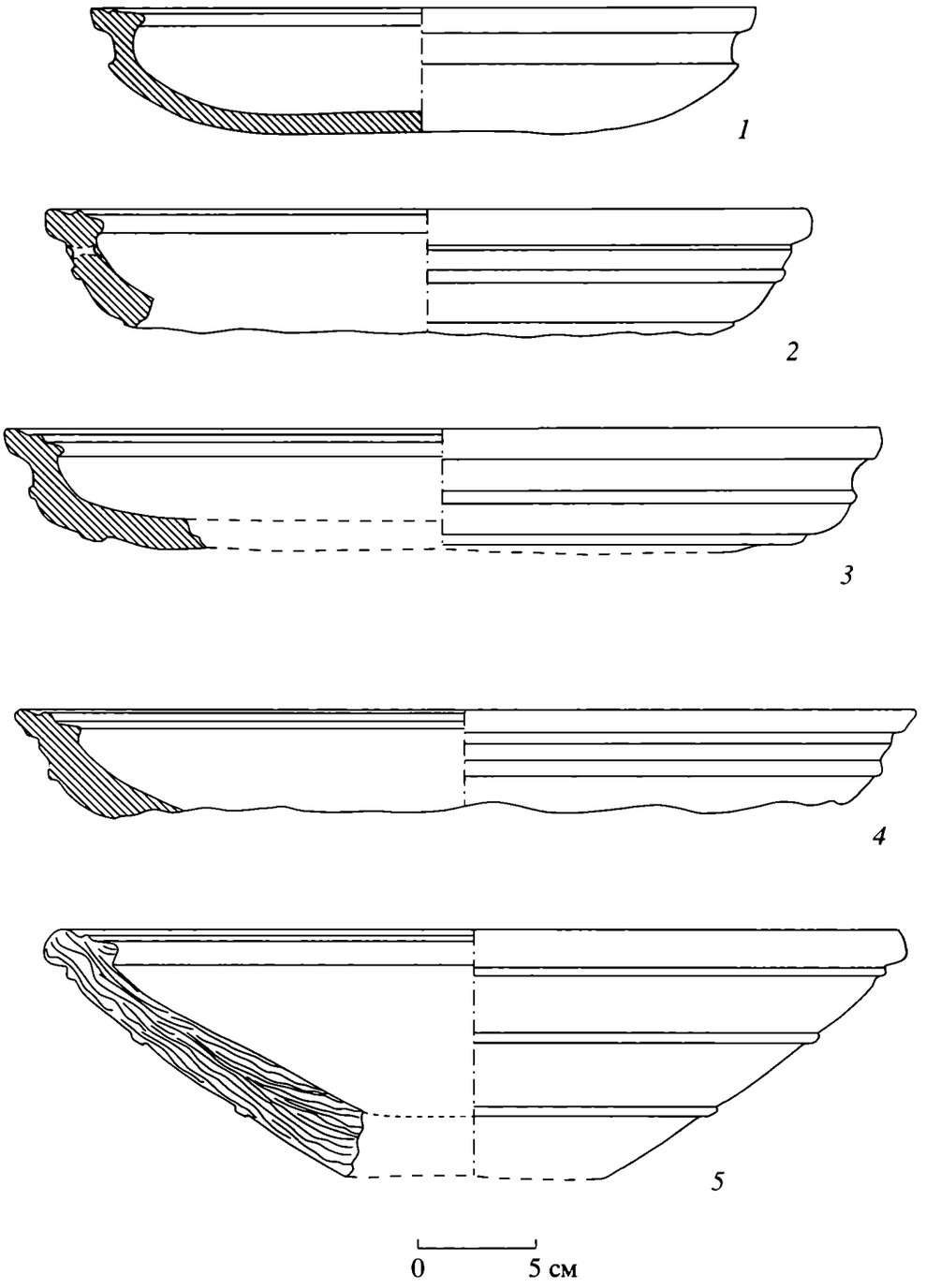

Рис. 3. Керамические и деревянные миски из культового центра Калалы-гыр 2. *1–4* – керамика; *5* – дерево.

наискось (рис. 2, *5*). У всех гребней отсутствует отметка нижней границы зубьев, вследствие чего при пропиловке не удавалось соблюсти одинаковой длины зубьев. Особенно наглядно это видно на гребне, где нижняя граница зубьев имеет вид "пляшущей" линии (рис. 2, *1*). Изготавливались гребни из пластин таким образом, что волокна древесины всегда были расположены вдоль длины зубьев, которая у всех гребней от 2 до 2.2 см. При наличии безусловного родства гребней по форме и деталям изготовления имеется и ряд особенностей. Среди них можно отметить следующие: в поле одного гребня (рис. 2, *2*) имеется сквозное отверстие; у другого (рис. 2, *3*) скругленные края спинки и редкое расположение широких зубьев. В четырех случаях у гребней высота поля почти равна высоте зубьев. В одном варианте поле почти в 2 раза больше (рис. 2, *4*), в другом – почти в 2 раза меньше высоты зубьев (рис. 2, *5*).

Два гребня были найдены *in situ* в комплексе с другими индивидуальными находками. Гребень с широким полем (рис. 2, *4*) был обнаружен вместе с большим фрагментом бронзового зеркала, вернее, на нем, и в том же же помещении были обнаружены две "пиксиды"; гребень с разреженными зубьями (рис. 2, *3*) был найден в одном помещении

с пиксидой закрытого типа (рис. 1, *5*); один гребень (рис. 2, *6*) входил в набор изделий, обнаруженных в шкатулке. Там же найдено семь пряслиц, три челнока, шило и терракотовая статуэтка барана.

Деревянная посуда. Эта категория предметов представлена фрагментами шести сосудов. Техника изготовления не во всех случаях ясна из-за плохой сохранности.

В основном это фрагменты венчиков сосудов открытых форм типа мисок или чаш (рис. 1, 3), изготовленных пластинным способом.

Наибольший интерес представляет миска-чаша со сложно профилированным венчиком, имеющим уступ вовнутрь, стенки которого плавно утолщаются ко дну, с наружной стороны они орнаментированы тремя рельефными валиками (рис. 3, *5*). Судя по сохранившимся частым спиралевидным следам резца, миска-чаша была изготовлена на токарном станке равномерного непрерывного вращения. Этот крупный сосуд почти полностью реконструирован.

Другой разновидностью крупных сосудов является миска с прямо поставленным утолщенным горизонтально срезанным венчиком (рис. 1, *11*). На поверхности миски сохранились частые следы резца. В отличие от выше описанных выше сосудов чаша с округлым слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 1, *10*) изготовлена на токарном станке с меньшей скоростью вращения.

Для остальных сосудов характерны такие же ровные и гладкие стенки, без явных следов режущего инструмента.

Ложки. Эта категория изделий представлена двумя экземплярами разных размеров. Общая длина крупной ложки достигла не менее 22 см, а меньшей – не менее 12. Обе ложки вырезаны из цельного куска дерева таким образом, что волокна древесины расположены вдоль его длины (рис. 2, *16*).

Плетеные изделия. Всего были обнаружены фрагменты двух плетеных корзинок. Диаметр сохранившегося фрагмента одной из них 15 см, прутики диаметром 0.6–0.7 см. Характер плетения простой, прутики сплетены попарно с чередованием перевязки полосками лыка шириной 0.2–0.3 см. Корзинка была обнаружена рядом с зернотеркой. В ней были найдены зерна.

Фрагмент другой корзинки сплетен из овальных в сечении (0.9 × 0.7 см) прутьев и полосок лыка шириной 0.3–0.4 см. Прутки связаны по два, с чередованием перевязки. Диаметр корзинки в сохранившемся фрагменте 14 см.

К заготовке плетеных изделий можно отнести овальное колечко из смотанного в 4.5 раза лыка, шириной 0.4 мм и толщиной 0.05 см.

В одном из помещений вблизи ворот на верхней площадке памятника были обнаружены остатки транспортного средства, возможно колесницы, которое целиком сгорело. В удовлетворительном состоянии *in situ* сохранились два колеса. Оба находились друг подле друга, и, несомненно, были связаны с другими сгоревшими деталями. Колеса дисковидные, диаметром 80 см, толщиной 3.5 см. Они изготовлены из трех досок, скрепленных двумя шпонками толщиной по 2.5 см, длиной 50 см, шириной 8 см. Шпонки расположены на расстоянии 26 см параллельно друг другу, поперек плах. Осевое отверстие диаметром 10 см располагалось в центре. На колесах не сохранилось ни ступицы, ни обода.

Вряд ли эти деревянные колеса принадлежали к разряду бытовых изделий. Они были найдены в заднем помещении небольшого комплекса. Возможно, что это были колеса от специальной культовой повозки, которую использовали в ритуальных действиях во время религиозных церемоний.

В связи с данной находкой следует упомянуть, что на памятнике в четырех различных помещениях были зафиксированы четыре глиняные модели колес. Все они также дисковидные, но в отличие от описанных выше деревянных имеют сильно выступающие ступицы.

Деревянные веретена. Найдено всего три археологически целых экземпляра (рис. 2, *11–13*). Они имеют вытянутую биконическую форму, концы заострены. На одном из веретен сквозной канал (диаметр 0.4 см), идущий вдоль по центру тулова. Возможно, он образовался в результате выпадения сердцевины. У всех изделий волокна древесины расположены в продольном направлении, и все веретена были найдены в одной шкатулке, упоминавшейся выше.

В Средней Азии предметы из дерева сохраняются очень плохо. В связи с этим, находки деревянных изделий IV–II вв. до н.э. в этом регионе исчисляются единицами. Немногим больше найдено их и на памятниках, относящихся к последующим периодам, вплоть до раннего средневековья. Однако несмотря на это, некоторые из описанных выше предметов находят себе аналогии на территории как Средней Азии, так и эллинистического Востока, Северного Причерноморья и Восточного Туркестана.

Характерен в этом отношении комплекс миниатюрных деревянных сосудов с Калалы-гыр 2, который, судя по форме, размерам, материалу и приемам изготовления, относится к так называемым туалетным коробочкам или "пиксидам". Пиксиды в Греции изначально изготавливались из дерева, на что указывает само слово греческого происхождения, означающее породу дерева – самшит. Употреблялись они для хранения украшений, мазей, пряностей и т.д. Имели чрезвычайно широкое распространение в эллинистическом

мире начиная с периода ранней античности и до III–IV веков н.э. (Словарь античности, 1989. С. 429; Сокольский, 1971. С. 199).

В Средней Азии миниатюрные деревянные сосуды встречены в материалах трех могильников: Алтынасар 4, в низовьях Сырдарьи, Исфаринский и Карабулакский в Ферганской долине, а также в погребальном сооружении Асар (чирикрабатская культура). Графически удалось зафиксировать лишь 12 туалетных коробочек.

Все среднеазиатские "пиксиды" подразделяются на две хронологические группы.

Ранняя группа датируется IV–II вв. до н.э. Она состоит из шести миниатюрных сосудов и четырех крышек с Калалы-гыр 2 и двух пиксид из погребального сооружения Асар. Асарские деревянные пиксиды являются ближайшими аналогиями калалыгырским сосудам (рис. 1, *1, 9*) по целому ряду признаков. Для них также характерны прямоугольный уступ на венчике с внешней стороны под крышку и заостренный выступ дна у цилиндрического сосуда. Пиксиды изготовлены на токарном станке и имеют небольшие размеры: цилиндрическая 5 × 6 см, чашевидная 7 × 4 см. Асарские сосуды отличаются отсутствием орнаментации с внешней стороны. Исследователями памятника они были отнесены вместе с костяными изделиями к греческому импорту и датированы IV – началом III в. до н.э. Было высказано предположение, что они попали на данную территорию с юга, из областей центрального Согда, где появились во время походов Александра Македонского (Вайнберг, Левина, 1993. С. 89, 90. Рис. 65, *3, 4*). Косвенным подтверждением этого предположения может служить тот факт, что керамическое производство чирикрабатской культуры испытывало сильное культурное влияние гончарства Согда, что свидетельствует о тесных связях между двумя областями в это время.

Ранняя хронологическая группа с учетом крышек составляет более половины всех известных в Средней Азии деревянных "пиксид". Часть их свидетельствует если не о прямом греческом импорте, то о безусловном эллинистическом влиянии. Это прослеживается в общей технологии изготовления на токарном станке непрерывного вращения, в выработанных формах и их разнообразии, в общих чертах отдельных формообразующих деталей. К примеру, заостренный выступ у дна цилиндрических "пиксид", прямоугольный уступ с внешней стороны по венчику под крышку и т.д.

К ранней группе миниатюрных сосудов относится найденная в нижних слоях Кой-Крылган-калы алебастровая "пиксида", однотипная по форме с калалыгырским миниатюрным сосудом (рис. 1, *1*) и соответственно схожая с ранними пиксидами Северного Причерноморья (Сокольский, 1971. С. 199–203. Табл. XXVI–XXVIII). Как предполагает М.Г. Воробьева, ей в подражание была изготовлена аналогичная керамическая форма, найденная в том же горизонте (Воробьева, 1959. С. 119. Рис. 22, *32*; 25, *1, 2*).

Вторую хронологическую группу составляют 10 сосудов из могильников Ферганской долины (Исфаринский, Карабулак), а также могильника Алтынасар 4. Они датируются в основном I–IV вв. н.э.

"Пиксида" из Алтынасарского курганного погребения № 420 (тип ямы с нишей), датируемого временем до III–IV в. н.э., близка по форме калалыгырской (рис. 3, *1*), но более проста в исполнении, без орнаментации с внешней стороны. Подобное упрощение характерно также для пиксид этого времени на памятниках Северного Причерноморья (Сокольский, 1971. С. 207. Табл. XXXI). Сосуд имел полусферическую крышку, которая также аналогична калалыгырской, но не имеет украшений.

Точеные цилиндрические пиксиды из Карабулакского могильника, датированные III–IV вв. н.э., в отличие от калалыгырских, имеют такую характерную деталь, как вставное дно (Баруздин, 1961. С. 59, 60. Табл. XV). Такой же сосуд, близкий по форме и орнаментации, известен в материалах Северного Причерноморья, изготовлен он из кости и также имеет вставное дно (Сокольский, 1971. Табл. XXX, *14*). На этом примере видно, что проблема выпадения дна у сосудов, изготовленных поперечным способом, иногда решалась не за счет утолщения его или смещения природного центра ствола относительно центра дна самого сосуда, а за счет отдельного изготовления дна, крепившегося к сосуду, вероятно, методом распорки.

Карабулакские "пиксиды" цилиндроконической формы украшены резным орнаментом из четырехлепестковых розеток, вписанных в квадраты. Такой же орнаментальный мотив встречается на различных видах деревянных изделий Восточного Туркестана (Восточный Туркестан..., 1995. Табл. 17, *1, 4*).

Во время раскопок Исфаринских могильников, датированных III–IV вв. н.э., также были найдены миниатюрные деревянные сосуды типа "пиксид". Они представлены двумя видами: укороченные цилиндрической формы, с уступом под крышку с грибовидной ручкой; а также сферической формы, на невысокой ножке, с двумя ручками по бокам (Литвинский, 1978. С. 62, 63. Табл. 12, *6, 10*).

Миниатюрные сосуды второй хронологической группы дают большое разнообразие форм и ряд оригинальных черт, говорящих в пользу их местного происхождения (сферические вазочки на ножках, резной орнамент розетками). Несмотря на то, что в этой группе всего 10 пиксид и в основном они из погребений III–IV вв. н.э., можно

предположить, что употребление этого предмета туалета продолжается.

Разнообразные технологические приемы изготовления деревянной посуды в Средней Азии рассматривались А.Н. Бернштамом. По его предположению сосуды малого диаметра изготавливались либо из корневищ, либо из болванки с продольным сечением древесных колец (Бернштам, 1940. С. 18). Пластинный способ изготовления предотвращал риск выпадения дна сосуда, но требовал более качественные резцы. Поперечный способ не требовал особого качества резца, а малый диаметр сосудов уменьшал риск выпадения дна. На примере калалыгырских сосудов можно отметить, что уже в IV–II вв. до н.э. данные приемы обработки дерева были известны и апробированы.

Анализируя материалы Кенкольского могильника, датируемого I в. до н.э. – первой половиной II в. н.э., А.Н. Бернштам предположил существование в это время примитивного токарного станка в виде закрепляемого на веревке режущего инструмента, который вращался вокруг зафиксированной точки. Заготовка при таком способе оставалась неподвижной (Бернштам, 1940. С. 18, 19; 1952. С. 64, 65). По мнению Б.А. Литвинского, во второй половине I тыс. до н.э. могли возникнуть усовершенствованные типы токарных станков с равномерным вращением, что подтверждается материалами Калалы-гыр 2. Подобные станки с ременным приводом сохранились почти до наших дней у киргизов. Кроме того, по этнографическим данным на Памире известны примитивные водные токарные станки (Литвинский, 1972. С. 43).

Миниатюрные деревянные сосуды зафиксированы в материальной культуре земледельцев и кочевников Средней Азии уже в период IV–II вв. до н.э. В это время "пиксиды", если не были импортированы, были изготовлены в подражание греческим образцам.

"Пиксиды" второй хронологической группы, обладая высоким качеством исполнения, имели целый ряд оригинальных черт, не находящих аналогов в материалах эллинистических городов, что в свою очередь может свидетельствовать об их местном происхождении. Следует отметить, что в Северном Причерноморье III–IV вв. н.э. "пиксиды" практически исчезают (Сокольский, 1971. С. 207), в то время как в Средней Азии они продолжают существовать, однако изготавливаются не только из дерева.

По материалам Мунчактепинского могильника V–VII вв. известен целый ряд низкоцилиндрических туалетных коробочек, изготовленных из бронзы (Матбабаев, 1999. С. 130. Рис. 3, *6*, *26–29*). Аналогичные формы туалетных коробочек хорошо известны в раннесредневековом погребальном инвентаре могильников Восточного Туркестана. Они изготавливались из дерева и металла (Восточный Туркестан..., 1995. С. 254, 255. Табл. 19, *4*, *5*; 24, *7*, *9*). Для уточнения вопроса о происхождении пиксид большое значение имеет определение применяемых пород дерева. По материалам памятников Северного Причерноморья установлено, что гребни и пиксиды изготавливались в большинстве случаев из самшита (Сокольский, 1971. С. 147, 199, 200). На основании анализа деревянных изделий из хорезмийского городища Топрак-кала, датированных III в. н.э., предполагается наличие в этот период местного автохтонного деревообрабатывающего производства, основанного на использовании местных пород древесины (Туманян, 1954. С. 91).

Сведения о миниатюрных деревянных сосудах дополняются находками деревянных крышек с Калалы-гыр 2. Упомянутые выше накрывающие и пробковые крышки находят соответствия в керамическом комплексе Калалы-гыр 2, что скорее всего свидетельствует об их местном изготовлении.

Небольшие каменные и керамические крышки с грибовидными ручками широко известны на территории Средней Азии. Аналогичные по форме, но богаче орнаментированные крышки III–II вв. до н.э. найдены и на Ай-Ханум (Francfort, 1984. Pl. 14, 15). Такая же форма представлена и в материалах Кой-крылган-калы. Она изготовлена из камня и датируется III – началом IV вв. н.э. (Кой-крылган-кала..., 1967. С. 143. Рис. 56). В материалах Исфаринских могильников этого же времени известны две деревянные крышки с аналогичными ручками (Литвинский, 1978. С. 63. Табл. 12, *9*, *6*).

Как выше уже было отмечено, деревянные крышки с Калалы-гыр 2 по диаметру не соответствовали найденным пиксидам, но их форма и размеры говорят в пользу того, что принадлежали они именно миниатюрным сосудам.

Кроме миниатюрных сосудов к предметам туалета относятся гребни. Находки деревянных гребней чрезвычайно редки, и для периода более чем в одно тысячелетие (IV в. до н.э. – VIII в. н.э.) известно менее четырех десятков графически зафиксированных экземпляров. Также редки и гребни из кости – материала, близкого к дереву по свойствам и технике обработки.

Подавляющее большинство их происходит из инвентаря погребений, относящихся как к кочевой, так и к земледельческой среде, но есть экземпляры, происходящие из культурных слоев городских и сельских поселений. В Южном Хорезме, в верхних слоях крепости Капарас, датируемых I–IV вв. н.э., найдено три деревянных гребня. Один двусторонний и два односторонних, а также односторонний, изготовленный из кости. Односторонние гребни близки по форме калалыгырским, но в отличие от них имеют очень мелкие зубья (Воробьева, 1991. С. 231. Рис. 78, *32*; 80, *7–9*).

На территории Хорезма известна еще одна находка двух деревянных гребней в раннесредневе-

ковом замке Якке–Парсан. Оба гребня двусторонние, подпрямоугольной формы и, как предполагает автор, опираясь на этнографические наблюдения, применялись для расчесывания шерсти (Неразик, 1963. С. 16. Рис. 8, *15*).

Деревянные гребни часто встречаются в женских погребениях джетыасарской культуры. Так, из восьми женских разновременных погребений могильника Алтынасар 4 происходят восемь графически зафиксированных гребней, шесть из них двусторонние. Поскольку погребения эти датируются временем от первых веков до н.э. до V в. н.э., то выявить какие-либо тенденции сложно. Возможно, именно этим обстоятельством объясняется разнообразие форм, техники и качества их изготовления. Нельзя также исключить возможности различного происхождения этих гребней; часть могла быть импортом, другая – могла приобретаться в соседних земледельческих оазисах, а некоторые изготавливались на месте. Происходят они из погребений типа ям, ям с нишей и подбоев. За исключением одного гребня хорошей сохранности и качественной проработки всех деталей (Левина, 1994. Рис. 175, *7*), все остальные гребни плохой сохранности, грубого изготовления, с подпрямоугольной средней частью и с разными по длине и толщине зубцами (Левина, 1994. Рис. 175, *1–4*, *8*). В двух погребениях типа ямы с нишей были односторонние гребни. Они существенно отличаются от калалыгырских и размерами, и формой, а также наличием в обоих случаях отметки нижнего края зубьев. Оба гребня имеют широкое поле и округлую "спинку". Односторонний гребень из подкурганного грунтового женского погребения № 292, датированного не позднее первых веков н.э., был обнаружен в деревянном ларце, в матерчатом мешочке вместе с туалетным набором, включавшим кусочек мела и бронзовое зеркало (Левина, 1996. С. 97). Этот очевидный факт свидетельствует, что односторонний гребень использовался как предмет туалета. Один двусторонний гребень был обнаружен в кургане № 153 в изголовье погребенной вместе с зеркалом (Левина, 1996. Рис. 150, *1*).

В материалах Карабулакского могильника, относимого к местному оседлоземледельческому населению долины Ферганы, было обнаружено четыре деревянных гребня: два односторонних и два двусторонних. Материалы могильника датируются II–IV вв. н.э. (Баруздин, 1961. Табл. XV). Один односторонний гребень с округлой спинкой, с разреженным расположением зубьев, без отметки нижнего края зубьев, второй – подпрямоугольной, с небольшим прямоугольным же выступом-ручкой. Двусторонние гребни относятся к одному типу. Они имеют прямоугольную форму и ромбовидное сечение.

В Ферганской долине, в могильнике, расположенном в Ворухском ущелье, найдено четыре деревянных гребня, датированных III–V вв. Три из них односторонние с вертикально вытянутыми спинками, с грибовидными плоскими ручками. Один двусторонний, подпрямоугольной формы, сохранился фрагментарно. Гребни встречены в женских погребениях: в одном случае в плетеной корзинке вместе с миниатюрными глиняными сосудами, деревянной чашей и столиком (Литвинский, 1978. С. 24).

На территории Северной Ферганы в одиночных погребениях Мунчактепинского могильника было обнаружено 11 деревянных двусторонних гребней. Датируются они V–VI вв. (Матбабаев, 1999. С. 132, 137. Рис. 5, *1–6*). Еще одна находка деревянных гребней периода раннего средневековья известна по материалам с горы Муг. Здесь было обнаружено три двусторонних гребня и один односторонний, на длинной ручке, прядильно-ткацкого типа (Бентович, 1958. С. 360. Рис. 1, *3–6*).

В Северном Причерноморье, а также на территории самой материковой Греции, в период с IV–I вв. до н.э. и до IV в. н.э. был распространен тип двусторонних гребней с частым и более редким расположением зубьев по каждому ряду (Сокольский, 1971. С. 147).

Известные из дореволюционных раскопок в Керчи два односторонних гребня с широким плоским верхним полем, срезанным на два ската, со сквозным отверстием в верхней части, близкие рассматриваемым нами, были отнесены автором к прядильно-ткацким (Сокольский, 1971. С. 146. Табл. XVI, *7*, *12*).

В Средней Азии известны односторонние экземпляры со сквозным отверстием в поле: костяной гребень с отметкой нижнего края зубьев из погребения Алтынасар 4 джетыасарской культуры (Степная полоса..., 1992. С. 60. Табл. 24, *41*). Еще один гребень с отверстием в поле есть в коллекции Калалы-гыр 2, но в противоположность упомянутым выше пропиловка зубьев имеет неровный "пляшущий" край.

В связи с упомянутой проблемой выяснения функционального назначения гребней важно напомнить, что почти все экземпляры с городища Калалы-гыр 2 имели очень частое расположение зубьев. Такие гребни могли служить не только для расчесывания волос, но и в гигиенических целях, т.е. для их чистки. Причем последнее обстоятельство связывается с развитием городских цивилизаций (Сокольский, 1971. С. 147). Наряду с этим на Калалы-гыр 2 один гребень входил в набор предметов деревянной "шкатулки", имевших непосредственное отношение к ткачеству. Таким образом, нельзя полностью отрицать принадлежности части односторонних гребней к разряду прядильно-ткацких.

Наиболее близкие аналогии калалыгырские деревянные гребни находят в материалах первых

веков н.э. из Восточного Туркестана (Stein, 1921. Pl. XXVIII; 1928. V. 2. P. 705, 706; V. 3. Tabl. XXXIX). Гребни из этого региона можно подразделить на три типа. Первый тип включает наибольшее количество гребней. Они имеют подпрямоугольную форму со скругленными углами поля. Расположение зубьев частое, их длина равна высоте поля, реже – меньше или больше. Эти гребни использовались в парикмахерских и гигиенических целях. Ко второму типу относятся гребни с вертикально вытянутым полем, часто с небольшой ручкой и короткими зубьями. Функционально данный тип относится к прядильно-ткацким гребням (Восточный Туркестан..., 1995. С. 44, 45, 53, 54. Табл. 4, 5). Третий тип включает небольшое количество оригинальных наборных гребней, которые, возможно, служили для закрепления и украшения прически (Восточный Туркестан..., 1995. С. 248, 249. Табл. 33, *1, 2*).

Средняя Азия расположена между двумя регионами, где найдено сравнительно большое количество деревянных гребней, – Северным Причерноморьем и Восточным Туркестаном. Отличительной чертой причерноморских гребней является их преимущественно двусторонняя форма, высокое качество проработки, обязательное наличие отметки нижнего края зубьев, самшита. Для Восточного Туркестана характерны в основном односторонние гребни различных типов без отметки нижней границы зубьев.

В рассмотренном выше среднеазиатском материале сейчас нельзя выделить четкие характеристики параметров деревянных гребней, во-первых, в силу малочисленности материала, во-вторых, из-за его разрозненности как региональной, так и хронологической. Тем не менее можно наметить некоторые тенденции: в древности более характерны односторонние гребни, часто с округлыми спинками, в период раннего средневековья – двусторонние, ромбовидные в сечении.

Деревянная посуда широко использовалась в быту кочевников и земледельцев древней Средней Азии. Она зафиксирована в погребениях целого ряда могильников Ферганы, Семиречья и Памира позднесакского и гуннского времени: Кенкольском, Карабулакском, Боркорбозском, Исфаринском, Мугхона, Чиль-хона, Истык, Кызарт, Кургак, Памирская 1, могильниках джетыасарской и чирикрабатской культур в низовьях Сырдарьи. Перечисленные памятники дали самые разнообразные формы деревянных сосудов: чаши, миски, блюда, тарелки, кружки, кувшины.

Можно отметить, что вне зависимости от принадлежности памятника к кочевой или земледельческой культуре преобладает точеная деревянная посуда. В то же время в наиболее ранних погребениях (Памирская I – V–IV вв. до н.э.) встречается крайне примитивная резная посуда, по форме очень сходная с керамической (Бернштам, 1952. С. 313).

Одним из ранних памятников, где была зафиксирована деревянная посуда токарного изготовления, является могильник Чиль-хона, датированный III–I вв. до н.э. В его материалах наряду с резными сосудами был обнаружен один точеный (Литвинский, 1972. С. 42, 43). Кенкольский могильник, датированный I в. до н.э. – первой половиной II в. н.э., сохранил целый комплекс деревянной посуды, в основном изготовленной на токарном станке. Могильники карабулакской культуры также дали разнообразный набор точеной деревянной посуды I–IV вв. н.э. (Баруздин, 1961. С. 59. Табл. XV; Сорокин, 1961. С. 159; Литвинский, 1978. С. 62–70. Табл. 12, *7–16*).

Резные сосуды известны по материалам могильника Чиль-хона III–I вв. до н.э., Мугхона первых веков до н.э. (Спришевский, 1956), а также мавзолея Асар чирикрабатской культуры III–II вв. до н.э. и погребений джетыасарской культуры, датируемых от первых веков до н.э. до V в. н.э.

Комплекс деревянной посуды с городища Калалы-гыр 2 расширяет хронологические рамки бытования точеной посуды в Средней Азии до IV вв. до н.э. Отличительной чертой калалыгырского набора форм является отсутствие кружек, что характерно и для керамических комплексов всех земледельческих памятников Средней Азии до III–IV вв. н.э.

Обращает на себя внимание крупная миска-чаша со сложно профилированным венчиком (рис. 3, *5*). По морфологическим признакам она полностью аналогична сероглиняным керамическим мискам, представленным в комплексе керамики Калалы-гыр 2 в небольшом количестве (рис. 3, *1–4*). По всей видимости, эти миски являются либо импортом, либо изготовлены в подражание импортным сосудам такого типа. Для Хорезма IV–II вв. н.э. подобная форма и особенно технология не характерны. В то же время среди гончарных горнов, раскопанных на территории Присаракамышской дельты, выделяется вариант, конструктивные особенности которого предполагают восстановительный обжиг. Это позволяло получать сероглиняную посуду (Болелов, 1991. С. 80, 81).

Наиболее близкой, но неполной аналогией калалыгырским мискам являются сосуды этого типа, найденные на Ай-Ханум (Rapin, 1992. Pl. 74, *17–19*), а также миски, представленные в эллинистических комплексах Средней Азии (Седов, 1984. С. 174. Рис. 1, *8, 9*). Можно предполагать, что рассматриваемая деревянная миска-чаша либо была изготовлена в подражание керамическим чашам местными мастерами, либо была завезена вместе с керамическими сосудами. Если первое предположение верно, а оно, кажется, наиболее предпочтительным, это может свидетельствовать о высоком уровне токарного производства, а также, возможно, о его длительном развитии на территории Хорезма.

Совпадение форм деревянных сосудов с керамическими – явление не редкое. Вероятно, это оп-

ределялось повышенным спросом на определенные виды изделий из более доступных материалов или получаемых более доступными средствами. Подобное совпадение форм было отмечено в Кенкольском могильнике (Бернштам, 1940. С. 30).

Глубокая миска с прямопоставленным горизонтально срезанным венчиком находит близкую аналогию с деревянной чашей, найденной в погребении близ с. Олонешты в Северном Причерноморье (Сокольский, 1971. С. 198. Табл. XXVI, *8*). Деревянный точеный сосуд отличается от калалыгырского несколько большим диаметром и имеет выступ венчика только вовнутрь. Погребение датируется II в. н.э.

В отличие от описанных выше сосудов, чаша с округлым венчиком несет разреженные следы резца, что свидетельствует об изготовлении ее на токарном станке с меньшей скоростью вращения.

К сожалению, из-за малочисленных как самих находок деревянной посуды на Калалы-гыр 2, так и сведений по ранней деревянной посуде по всей территории Средней Азии нет возможности на данный момент однозначно ответить на вопрос о происхождении этой категории изделий и их функциональном назначении.

Вместе с тем следует отметить, что традиция изготовления деревянных сосудов в Средней Азии сохранилась до наших дней. Например, узбеки дельты Амударьи широко используют в хозяйстве деревянные блюда, миски и чаши различной величины (Задыхина, 1952. С. 372). Большие глубокие деревянные миски имели широкое применение у населения южной Киргизии. Они назывались чара и имели диаметр 40–50 см, изготавливались на токарном станке. В этих сосудах замешивали тесто, складывали куски мяса в сыром и вареном виде, хранили молоко. В них же подавали разные кушанья (Антипина, 1962. С. 145). У таджиков долины Хуф деревянные точеные чаши-миски служили для замешивания теста, ношения воды, складывания готовой пищи (Писарчик, 1958, С. 362, 363). Сходные функции могли быть и у калалыгырских мисок-чаш.

Плетеные изделия были широко распространены в материальной культуре народов Средней Азии с периода древности до современности. Обширные материалы по плетению были получены из ряда могильников: Кенкольского (Бернштам, 1940. С. 21. Табл. XXIV), Карабулакского (Баруздин, 1957; 1961. С. 49, 59, 60), Исфаринского (Литвинский, 1978. С. 70, 71. Табл. 14, *1–4*), а также из погребений чирикрабатской и джетыасарской культур (Вайнберг, Левина, 1993. С. 53. Рис. 65, *17, 18*; Левина, 1994. С. 62, 63. Рис. 142, *7–9, 12, 13*). Раннесредневековый период представлен материалами находок с горы Муг (Бентович, 1958. С. 360), а также Мунчактепинского могильника (Матбабаев, 1999. С. 132, 137. Рис. 5, *3, 14*).

К наиболее распространенному виду плетеных изделий относятся различного рода корзинки. Формы их могут быть самыми разнообразными: круглые, сферические, цилиндрические, прямоугольные и т.д. Форма и размеры корзинок определяли функциональное назначение этих изделий. Они могли быть самыми разнообразными. Миниатюрные корзинки чаще всего встречаются в женских погребениях Исфаринского, Карабулакского могильников. Различные крупные корзинки использовались, по всей видимости, для хозяйственных целей, например для хранения и переноски продуктов. Маленькие – для хранения мелких предметов туалета и косметических наборов.

В погребениях джетыасарской культуры в 12 погребениях найдены плетеные корзинки с крышками. В них, как и в шкатулочках, лежали туалетные наборы и украшения (Левина, 1994. С. 62. Рис. 142, *7–13*).

В погребальном инвентаре мавзолея Асар чирикрабатской культуры (III–II вв. до н.э.) были обнаружены две плетеные круглые корзинки диаметром 20 и 23 см, высотой 9–10 см, исполненные техникой спирального плетения, обтянутые снаружи кожей, с плоскими плетеными крышками к ним (Вайнберг, Левина, 1993. С. 53. Рис. 65, *17, 18*). В могильниках Ферганы плетеные корзинки различных форм являются частью погребального инвентаря. Они часто встречаются в женских погребениях (Литвинский, 1978. С. 70, 71. Табл. 14). Небольшие использовались, по всей видимости, как туалетные коробочки.

На фоне минимума сведений об использовании дерева в древности на территории Средней Азии коллекция деревянных изделий с городища Калалы-гыр 2, собранная из стратиграфически датированных культурных слоев, является интереснейшим археологическим комплексом, требующим пристального внимания и тщательного исследования. Калалыгырский комплекс деревянных изделий позволил наметить ряд важных проблем: время возникновения местной токарной технологии, накопление опыта по деревообработке, применение отдельных технологических приемов, торговые связи, значение и место изделий из дерева в повседневной жизни.

Утвердительно ответить на вопрос об использовании местным населением токарного станка не представляется возможным, но напомним два существенных момента: сосуды с городища изготовлены на токарных станках разных скоростей, причем изготовленные на станке быстрого вращения имеют аналогии в материалах эллинистических городов.

Использование пластинного и поперечного способов при точении свидетельствует не только о знании особенностей материала, но и о применении резцов повышенной твердости. Причем по-

Таблица

№	Наименование изделия	Порода древесины	Иллюстрации
1	Сосуд миниатюрный	Самшит (Bruxus sempervirens, br. hyrcana)	Рис. 1, *1*
2	Сосуд миниатюрный	Самшит (Bruxus sempervirens, br. hyrcana)	Рис. 1, *5*
3	Крышка от миниатюрного сосуда	Самшит?	Рис. 1, *3*
4	Крышка от миниатюрного сосуда	Самшит (Bruxus sempervirens, br. hyrcana)	Рис. 1, *6*
5	Крышка от миниатюрного сосуда	Самшит (Bruxus sempervirens, br. hyrcana)	Рис. 1, *7*
6	Сосуд миниатюрный	Крушина (Rhamnus frangula L.)	Рис. 1, *9*
7	Миска	Берест (карагач, Ulmus foliceae, G.)	Рис. 1, *10*
8	Миска	Самшит (Bruxus sempervirens, br. hyrcana)	Рис. 1, *11*
9	Гребень	Самшит (Bruxus sempervirens, br. hyrcana)	Рис. 2, *1*
10	Гребень	Самшит (Bruxus sempervirens, br. hyrcana)	Рис. 2, *2*
11	Гребень	Самшит (Bruxus sempervirens, br. hyrcana)	Рис. 2, *3*
12	Гребень	Самшит (Bruxus sempervirens, br. hyrcana)	Рис. 2, *5*
13	Веретено	Песчаная акация (Ammodendron Conollyi, Bgl)	Рис. 2, *12*
14	Веретено	Песчаная акация (Ammodendron Conollyi, Bgl)	Рис. 2, *13*
15	Черпак	Тополь (Populus alba? L.)	Рис. 2, *16*
16	Миска-чаша	Берест (карагач, Ulmus foliaceae, G.)	Рис. 3, *5*

перечным способом изготавливались только изделия малого диаметра. При изготовлении резных изделий также учитывались особенности материала. Веретена, ложка и черпак вырезаны из цельных кусков и древесные волокна всегда расположены в продольном направлении.

Целая группа деревянных изделий из Калалыгыр 2 свидетельствует о тесной взаимосвязи с эллинистической культурой, импорте отдельных видов изделий – "пиксид", столовой посуды, или изготовлении ее на месте в подражание оригинальным эллинистическим формам. Необходимо отметить, что данное явление прослеживается не только в материалах деревянных изделий, но и на целом спектре предметов материальной культуры. Так, можно отметить широко известные каменные туалетные диски, каменные тарелочки с резным орнаментом по венчику, заполненым пастой, и т.д.

Малая толика сохраненных пожаром деревянных изделий, дошедших до современного исследователя заполняет вакуум, образовавшийся в результате почти полного отсутствия артефактов, подтверждающих широкое применение дерева в различных сферах бытовой жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ

После написания статьи часть деревянных предметов с городища Калалы-гыр 2 удалось отдать на определение пород древесины из которых они были изготовлены (табл.). Микроскопические исследования были проведены СНС Института географии РАН КГН А.Л. Александровским. Пользуясь случаем, выражаем искреннюю признательность за экстренно проведенную работу и полученные в результате ценные сведения. А.Л. Александровским было отмечено, что самшит, из которого была изготовлена большая часть отданных на определение предметов, не произрастает в Среднеазиатских пустынях. Он распространен в субтропических регионах с более влажным климатом, в Гималаях, в Малой Азии и Средиземноморье, в Абхазии и в лесах Талыша, а также по южному берегу Каспийского моря. Возможность произрастания крушины, из которой был изготовлен один миниатюрный сосуд, в пустынных условиях региона по мнению А.Л. Александровского маловероятна, хотя и не исключена. Остальные породы, указанные в таблице, вполне могли произрастать в районе городища Калалы-гыр 2.

Эти данные позволяют очертить круг возможных вариантов происхождения изучаемых изделий. Так, не вызывает сомнения местное изготовление резных изделий – черпака, веретен. Точеные сосуды из карагача оставляют возможность их среднеазиатского, но не местного происхождения, к примеру импорта из районов греческих колоний (Айханум). Применение самшита свидетельствует либо об импорте изделий, изготовленных из него, либо об импорте самой древесины. Не исключено также и сочетание обоих вариантов. В обоих случаях подтверждаются тесные связи с районами, имеющими высокий уровень деревообрабатывающего производства. Нужно отметить, что из самшита изготовлены изделия, требующие наибольшего мастерства: гребни, миниатюрные сосуды и крышки, а также крупные сосуды, выполненные на токарном станке. Напомним, что если часть миниатюрных сосудов и крупная миска находят близкие аналогии в материалах Северного Причерноморья, то гребни не имеют таковых. Изготовление двух крупных сосудов из местных пород дерева (рис. 3, *5*; рис. 1, *10*), говорит в пользу их местного происхождения. Это в свою оче-

редь свидетельствует не только об использовании токарного станка, но также о высоком уровне мастерства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. По материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизской ССР. Фрунзе, 1962.

Баруздин Ю.Д. Карабулакский могильник // Тр. ИИ АН Кирг. ССР. 1957. Вып. III.

Баруздин Ю.Д. Карабулакский могильник // Изв. АН Кирг. ССР. 1961. Сер. ОН. Т. III. Вып. 3.

Бентович И.Б. Находки на горе Муг // МИА. 1958. № 66.

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник // Археологическая экспедиция ГЭ. Вып. II. Л., 1940.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алтая // МИА. 1952. № 26.

Болелов С.Б. Керамические обжигательные печи Нурумского поселения в Северной Туркмении // Новые открытия в южном Приаралье (материалы к археологической карте). Вып. 1. М., 1991.

Вайнберг Б.И. Изучение памятников Присаракамышской дельты Амударьи в 70–80-х годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма. Вып. 1. М., 1991.

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикрабатская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 1. М., 1993.

Воробьева М.Г. Керамика Хорезма античного периода // Тр. ХАЭЭ. 1959. Т. IV.

Воробьева М.Г. Предметы вооружения, бытового и производственного назначения, украшения из крепости Капарас // Древности Южного Хорезма. Тр. ХАЭЭ. 1991. Т. XVI.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1995.

Задыхина К.Л. Узбеки дельты Амударьи // Тр. ХАЭЭ. 1952. Т. I.

Кой-крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма. Тр. ХАЭЭ. 1967. Т. V.

Левина Л.М. Могильники Алтынасар 4 // Джетыасарская культура. Ч. 3–4. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. IV. М., 1994.

Левина Л.М. Этнокультурная история восточного Приаралья. М., 1996.

Литвинский Б.А. Древние кочевники "крыши мира". М., 1972.

Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978.

Матбабаев Б.Х. Могильник Мунчактепа в Северной Фергане // СА. 1999. № 3.

Неразик Е.Е. Раскопки Якке-Парсана // МХЭ. 1963. Вып. 7.

Писарчик И.К. Примечание к кн. М.С. Андреева "Таджики долины Хуф" // Тр. АН Тадж. ССР. 1958. Т. LXI. Вып. II.

Седов А.В. Керамические комплексы ай-ханумского типа на побережье Амударьи // СА. 1984. № 3.

Словарь античности. М., 1989.

Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья // МИА. 1971. № 178.

Сорокин С.С. Боркорбазский могильник // Тр. ГЭ. 1961. Т. V.

Спришевский В.И. Некоторые находки из мугхона в собрании Музея истории // Тр. Музея истории УзССР. 1956. Вып. III.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1992.

Туманян С.А. Древесные остатки из раскопок древнего Хорезма // Изв. АН Арм. ССР. 1954. Сер. Биологические и сельско-хозяйственные науки. Т. VII. № 9.

Francfort H.-P. Le sancuaire du temple a niches indentees // MDAFA. 1984. T. XXVII.

Rapin C. La tresorerie du palais hellenistique d'ai khanoum // MDAFA. 1992. T. XXXIII.

Stein A. Serindia. V. IV. Oxford, 1921.

Stein A. Innermost Asia. Detaled report of exporatous in Central Asia, Kansu and Esteru Iran. Oxford, 1928.

Vainberg B.I. The Kalali-Gir 2 Ritual Center in Ancient Khwarazm // Bulletin of the Asia Institute. 1994. V. 8.

Assemblage of Wooden Artefacts from The Excavations of Kalaly-Ghyr 2 Religious Centre

S. B. Bolelov, N. D. Dvurechenskaya

Summary

In the article the assemblage of wooden artefacts from the site of Kalaly-ghyr 2 is published. The site is located in North Turkmenia, in the territory of left-bank Khoresm. The monument of Kalaly-ghyr 2 is dated back to the 4th–2nd cc. B.C., the same date is suggested for the wooden artefacts' assemblage. Wooden pyxes and combs are of special interest, numerous analogies may be pointed to in coeval archaeological assemblages from North Pontic area, as well as in hellenistic sites of southern part of Central Asia and Eastern Turkestan. Wooden bowls should be mentioned; one of them displays morphological similarity to the clay bowls known from southern part of Central Asia, first of all from Ai-Khanum-type assemblages. The collection of wooden artefacts from Kalaly-ghyr 2 is one of the most representative ones in the territory of Central Asia, it gives the opportunity to judge to certain extent about the level of wood-working in Khoresm in the late 1st millennium B.C. Numerous analogies drawn in the article evidence possible direct or indirect contacts of Khoresm with the other regions of Central Asia in the discussed period.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 3, с. 145–152

ПУБЛИКАЦИИ

КУМАТЫРСКИЙ КЛАД БРОНЗОВЫХ МОНЕТ IV–I ВВ. ДО Н.Э.

© 2002 г. М. Г. Абрамзон*, Н. А. Фролова**, Ю. В. Горлов***

*Магнитогорский государственный педагогический институт
**Государственный исторический музей, Москва
***Институт археологии РАН, Москва.

В 1976 г. в ущелье Куматырь Анапского района во время бульдозерных работ при сооружении комплекса прудов был найден сосуд, содержащий клад бронзовых монет (Нестеренко, 1981. С. 85–87). По сообщению Н.Д. Нестеренко, одна часть комплекса поступила на хранение в Анапский археологический музей – 177 монет; другая – в Новороссийский музей – 304 экз. (Нестеренко, 1987. С. 74 и сл.). Монеты из фондов Анапского музея могут быть разбиты на три основные группы: 1) пантикапейские монеты IV–III вв. до н.э.; 2) пантикапейские монеты II в. до н.э. (в том числе перечеканенные); 3) монеты городов Понта – Амиса, Амасии, Таулары. В части клада, хранящейся в Анапском музее (рисунок), представлены монеты следующих типов:

1) "сатир – лук в горите, ΠΑΝΤΙ" (Зограф, 1951. Табл. XL, *20*; Шелов, 1956. Табл. IV, *52*) – 1 экз.;

2) "сатир – лук и стрела, ΠΑΝ" (Зограф, 1951. Табл. XLI, *4*; Шелов, 1956. Табл. VI, *65*) – 1 экз.;

3) тот же тип, но чеканенный на кружках меньшего размера со следами литников (Шелов, 1956. Табл. VI, *66*) – 3 экз.

4) "Аполлон – треножник, ΠΑΝ" (Зограф, 1951. Табл. XLI, *9*; Шелов, 1956. Табл. VII, *69*) – 1 экз.;

5) халки "Аполлон – лук в горите, ΠΑΝ" (Шелов, 1956. Табл. VIII, *95*) – 76 экз.;

6) дихалк типа "голова быка – колос и плуг, ΠΑΝ" (Шелов, 1956. Табл. VII, *83*) – 1 экз.;

7) тетрахалк типа "сатир – рог изобилия между шапками Диоскуров, ΠΑΝΤΙ" (Шелов, 1956. Табл. VIII, *100*) – 8 экз.;

8) дихалк типа "сатир – шапки Диоскуров, ΠΑΝΤΙ" (Шелов, 1956. Табл. VIII, *101*) – 7 экз.;

9) халки "Афина – прора, ΠΑΝ" (Шелов, 1956. Табл. VIII, *102*) – 7 экз.;

10) "Аполлон – венок, ΠΑΝ" (Анохин, 1986. Табл. 5, *158*) – 3 экз.;

11) халки "треножник – звезда, ΠΑΝΤΙΚΑΠ" (Зограф, 1951. Табл. XLIII, *18*) – 13 экз.;

12) халки "сатир – лук и стрела, ФА" (Шелов, 1956. Табл. IX, *112*) – 37 экз.;

13) монета Амасеи типа "бюст молодого человека – рог изобилия, звездные шапки Диоскуров, ΑΜΑΣΣΕΙΑΣ" (Wroth, 1889. P. 6. № 2. Pl. I, *13*; Price, 1993. № 1046) – 1 экз.

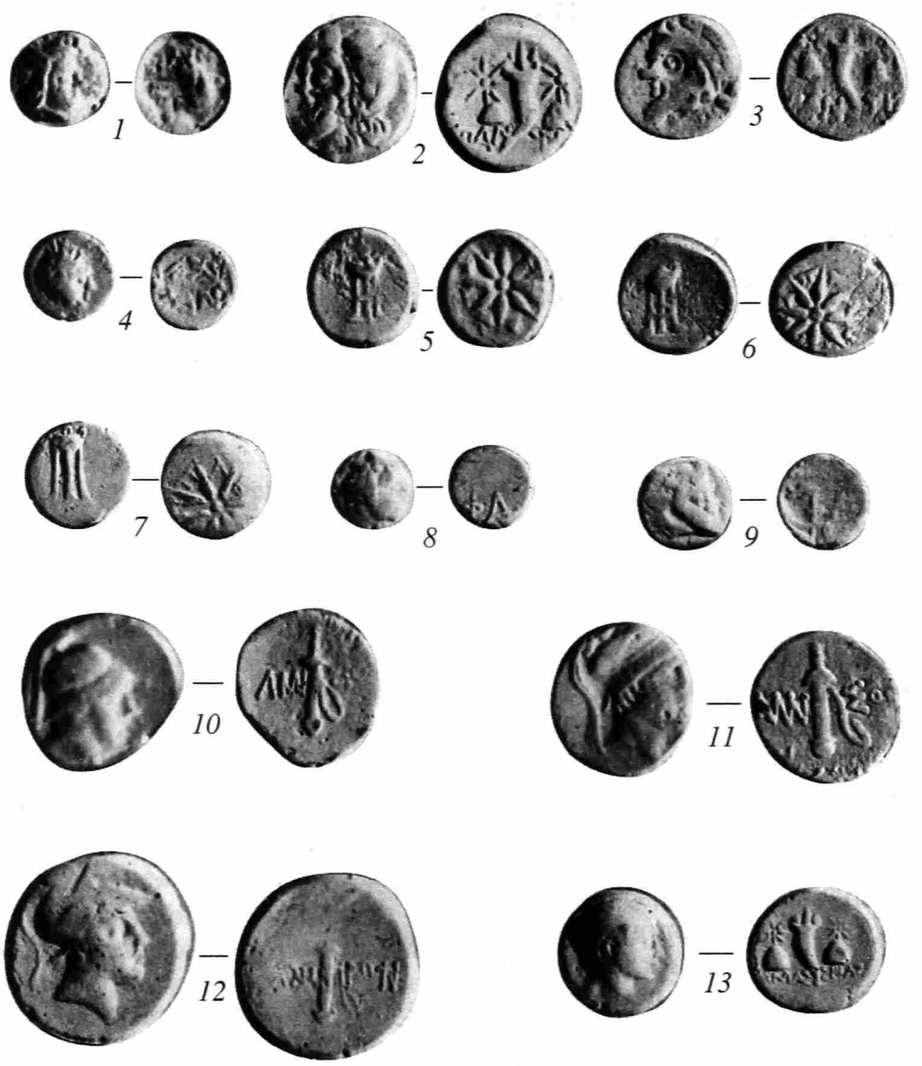
14) тетрахалки Амиса типа "голова Ареса – меч, ΑΜΙΣΟΓ" (Price, 1993. № 1147–1165) – 3 экз.;

15) тетрахалк Таулары типа "голова Ареса – меч, ΤΑΓΛΑΡΩΝ" (Price, 1993. № 1290–1292) – 1 экз.

Состав комплекса свидетельствует о том, что мы имеем дело с кладом длительного накопления. Особенный интерес вызывает присутствие в нем пантикапейской монеты IV в. до н.э. (№ 1) и 6 монет III в. до н.э. (№ 2–7). Следовательно, они находились в обращении вплоть до начала I в. до н.э. Абсолютное большинство монет клада носит следы длительного пребывания в обращении, а часто – неоднократной перечеканки.

Самой ранней в кладе является пантикапейская монета типа "голова сатира – лук в горите, ΠΑΝΤΙ", датируемая 375–350 гг. до н.э. (Зограф, 1951. Табл. XL, *20*) или 340–330 гг. до н.э. (Шелов, 1956. Табл. IV, *52*), самыми поздними – пантикапейские монеты типа "треножник – звезда, ΠΑΝΤΙΚΑΠ" и монеты понтийских городов, чеканившиеся в конце II – начале I вв. до н.э. Конечной датой захоронения клада следует считать время после 85 г. до н.э., о чем свидетельствуют монеты Амиса и Таулары типа "голова Ареса – меч", которые относят к 100–85 гг. до н.э.

Публикуемый комплекс примыкает к компактной группе аналогичных по составу кладов монет III–I вв. н.э., в которых основу составляют перечеканенные монеты II в. до н.э. (см. Приложение II), зато совершенно отличается от кладов митридатовского времени, в составе которых преобладают монеты I в. до н.э.[1]. Основная масса монет в кладе относится к II в. до н.э. – 155 экз. Монет IV–III вв. до н.э. в кладе мало – всего 7 экз.

Куматырский клад бронзовых монет.

(№ 1–6); монет рубежа II–I вв. до н.э. – 15 экз. (№ 109–120, 173–177). Таким образом, клад дает очень важный материал для суждения о денежном обращении прежде всего во II во до н.э.

Между тем в литературе по истории денежного обращения на Боспоре периоду II в. до н.э. уделено гораздо меньше внимания, чем периоду кризиса III в. до н.э. Так, К.В. Голенко, опираясь на опыт А.В. Орешникова и А.Н. Зографа, предпринял серьезную попытку установить последовательность смены типов и определить относительную датировку монет Пантикапея II в. до н.э. (Голенко, 1955а. С. 131–138). Д.Б. Шелов в своей капитальной монографии (Шелов, 1956), а позже В.А. Анохин (1986), также предложили (причем, не всегда бесспорные) датировки серий медных монет II в. до н.э. Находка Куматырского и Фадеевского кладов позволила Н.Д. Нестеренко[2] уточнить последовательность смены монетных типов в эту эпоху (Нестеренко, 1987). Найденные ранее (1964) сходные по составу клады из ст. Раевской и сов. Виноградного Анапского района еще предстоит обработать и опубликовать: их изучение также даст важные сведения о денежном обращении во II в. до н.э.

Особенностью Куматырского клада является присутствие в его составе большого количества перечеканенных монет, исследование которых позволяет определить последовательность смены монетных типов в эту эпоху и внести коррективы в предложенные ранее схемы.

[1] См. клады из Патрэя и других центров Боспора (Крушкол, 1952. С. 137 и сл.) а также из Полянки (Фролова, 1998а. С. 53–93).

[2] Н.Д. Нестеренко обратил внимание на сходство по составу Куматырского и Фадеевского кладов (Нестеренко, 1987. С. 74).

Так, прежде всего следует признать, что тип "голова Аполлона – треножник, ΠΑΝ" чеканился сразу же вслед за типом "голова сатира – лук и стрела, ΠΑΝ": такая перечеканка имеется в кладе (№ 160).

Тип "Аполлон – горит", представленный в кладе самой многочисленной группой – 76 экз. (№ 22–98), начал чеканиться, видимо, еще в конце III – самом начале II вв. до н.э., как полагает Н.А. Фролова (1998б. С. 24), а не в 150–140 гг. до н.э. (Анохин, 1986. Табл. 5, *169*). Этот тип следовал непосредственно сразу же за монетами периода денежного кризиса. Во-первых, он иногда чеканился из монет III в. до н.э. типа "сатир – лук и стрела, ΠΑΝ". Группа монет "голова Аполлона – горит" демонстрирует яркую картину деградации типа: самая тяжелая весит 3.39 г (№ 78), самая легкая – 1.29 г. (№ 73). Эти изменения веса монет и художественного качества изображения подтверждают мнение К.В. Голенко и Д.Б. Шелова о его длительной чеканке (Голенко, 1952. С. 149; Шелов, 1965. С. 40).

Во-вторых, этот тип перечеканивался всеми типами последней четверти II в. до н.э.: "Афина – прора" (№ 104, 105), "сатир – шапки Диоскуров" (№ 167, 169, 171), "Аполлон-венок", "треножник – звезда" (№ 120, 121), "сатир – лук и стрела, ФА" (№ 151–166). Аналогичная ситуация наблюдается на монетах из кладов, найденных близ хутора Фадеево, ст. Раевской, сов. Виноградного, Керчи (Фролова, 1998б). В Фадеевском кладе есть уникальный экземпляр, представляющий тип "Аполлон – лук в горите", последовательно перечеканенный в тип "сатир – шапки Диоскуров", затем в тип "Афина – прора" и, наконец, в тип "треножник – звезда" (Нестеренко, 1987. С. 78).

А.Н. Зограф датировал тип "Аполлон – лук в горите" 200–110 гг. до н.э. (Зограф, 1951. Табл. XLII, *9*), К.В. Голенко – концом первой–третьей четвертями II в. до н.э. (Голенко, 1952. С. 149), Д.Б. Шелов – первой половиной–серединой III в. до н.э. (Шелов, 1956. Табл. VII, *83*), а затем 200–120 гг. до н.э. (Шелов, 1965. С. 40). Подводя итог по проблемам датировки монет типа "Аполлон – лук в горите", предлагаем считать, что он выпускался от конца III в. до н.э. примерно до начала последней четверти II в до н.э.

Следует уточнить также и датировку монет типа "голова быка – колос, плуг". В кладе этот тип представлен одним экземпляром (№ 83). Данный тип датировали 250–200 гг. до н.э. (Зограф, 1951. Табл. XLI, *12*), первой половиной II в. до н.э. (Шелов, 1956. Табл. VII, *83*) или 160–150 гг. до н.э. (Анохин В.А., 1986. Табл. 5, *165*). Картину проясняют монеты этого типа из других аналогичных кладов – из Фадеева, ст. Раевской, из Керчи (Фролова, 1998б), перечеканенные из типа "Аполлон – горит"[3]. Таким образом, тип "голова быка – колос, плуг" следует непосредственно за типом "Аполлон – лук в горите". О том, что выпуск типа "голова быка – плуг, колос" прекратился только в последней четверти II в. до н.э., свидетельствует его перечеканка в следующий тип – "голова Афины – прора".

Тип "голова Афины – прора" перечеканивался из двух типов: 1) "голова Аполлона – лук в горите" (№ 169); 2) упомянутый выше тип "голова быка – колос, плуг"[4].

Клад также подтверждает мнение К.В. Голенко о том, что монеты Фанагории типа "голова сатира – лук, стрела, ФА" чеканились, вне сомнения, на протяжении длительного времени – всего II в. до н.э. (Голенко, 1955б; 1972. С. 149). Это следует из того, что фанагорийские монеты иногда перечеканивались не только из типов III в. до н.э. ("голова сатира – лук, стрела, ΠΑΝ"; "голова Аполлона – лук в горите, ΠΑΝ"; "голова Аполлона – треножник, ΠΑΝ"), но и из типа "голова сатира – шапки Диоскуров", относящегося к последней четверти II в. до н.э. (№ 167, 171).

Тип "голова Аполлона – венок" выпускался позже типа "голова сатира – шапки Диоскуров", о чем также свидетельствует имеющаяся в кладе перечеканка (№ 106), и датируется последней четвертью II в. до н.э. Это позволяет пересмотреть датировку Д.Б. Шелова, относившего данный тип к первой половине и середине II в. до н.э.

Пантикапейские монеты типа "треножник – звезда" чеканились иногда из типа "голова сатира – шапки Диоскуров, ΠΑΝ" (в свою очередь перечеканенного типом "голова Аполлона – лук и стрела, ФА") (№ 159). Они, бесспорно, относятся к концу II – началу I вв. до н.э.

Присутствие в кладе монет понтийских городов Амасеи, Таулары и Амиса – достаточно распространенное явление. В. Уоддингтон и соавторы, вслед за Имхоф-Блумером, датируют монеты Амиса типа "голова Ареса – меч" 111–105 гг. до н.э. (Waddington et al., 1925. P. 54. № 29). Не останавливаясь на проблемах датировки монет Амиса и Таулары типа "голова Ареса – меч", мы опираемся на новейшие работы по нумизматике Причерноморья (Price, 1993. Part I), в которых этот тип датируется 100–85 гг. до н.э.

Итак, публикуемый клад – ценный источник по истории денежного обращения Боспора во II – начале I вв. до н.э.

Статья написана в рамках проекта "Клады античных монет на юге России", поддержанного РГНФ. Код проекта 98-01-00113.

[3] В Раевском кладе – №№ АМ 4181, АМ 4188; в Фадеевском – АМ 10603/693–694.

[4] В Фадеевском кладе – АМ 10603/668–669.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СОСТАВ КЛАДА

№	Инв. № Анапского музея	Вес, г	Примечания	№ фото в табл.
1	2	3	4	5
I тип. Пантикапей, ок. 340–330 гг. до н.э. Л.с. Голова безбородого сатира вправо. О.с. ПАNTI. Лук в горите. Зограф, 1951. Табл. XL, *20*; Шелов, 1956. Табл. IV, *52*.				
1.	АМ 10190/72	1.20		№ 1
II тип. Пантикапей, первая половина III в. до н.э. Л.с. Голова безбородого сатира в венке влево. О.с. ПАN. Лук и стрела. Шелов, 1956. Табл. VI, *65*.				
2.	АМ 10190/111	3.84		
III тип. То же, но тип деградированный (чеканенный на монетных кружках меньшего размера со следами литников). Шелов, 1956. Табл. VI, *65*.				
3.	АМ 10190/109	1.63		
4.	АМ 10190/110	1.30		
5.	АМ 10190/125	2.27		
IV тип. Пантикапей, середина III в. до н.э. Л.с. Голова Аполлона в венке вправо. О.с. ПАN. Треножник. Зограф, 1951. Табл. XLI, *9*; Шелов, 1956. Табл. VII, *69*.				
6.	АМ 10190/160	2.64	перечеканена из типа "голова сатира – лук и стрела, ПАN"	
V тип. Пантикапей, конец III в. – до начала последней четверти II в. до н.э. Л.с. Голова Аполлона вправо. О.с. ПАN. Лук в горите. Шелов, 1956. Табл. VIII, *95*.				
7.	АМ 10190/1	2.48		
8.	АМ 10190/2	2.09		
9.	АМ 10190/3	3.09		
10.	АМ 10190/4	2.75		
11.	АМ 10190/5	2.39		
12.	АМ 10190/6	1.92		
13.	АМ 10190/7	2.73		
14.	АМ 10190/8	2.41		
15.	АМ 10190/9	2.19		
16.	АМ 10190/10	3.29		
17.	АМ 10190/11	2.52		
18.	АМ 10190/12	2.47		
19.	АМ 10190/13	2.60		
20.	АМ 10190/14	2.09		
V тип. Пантикапей, конец III в. – до начала последней четверти II в. до н.э. Л.с. Голова Аполлона вправо. О.с. ПАN. Лук в горите. Шелов, 1956. Табл. VIII, *95*				
21.	АМ 10190/15	1.59		
22.	АМ 10190/16	2.01		
23.	АМ 10190/17	2.02		
24.	АМ 10190/18	2.46		
25.	АМ 10190/19	1.74		
26.	АМ 10190/20	1.48		
27.	АМ 10190/21	2.69		
28.	АМ 10190/22	2.09		
29.	АМ 10190/23	2.68		
30.	АМ 10190/24	2.74		
31.	АМ 10190/25	1.80		
32.	АМ 10190/26	1.63		
33.	АМ 10190/27	2.51		
34.	АМ 10190/28	3.05		
35.	АМ 10190/29	2.19		
36.	АМ 10190/30	1.47		
37.	АМ 10190/31	1.71		
38.	АМ 10190/32	2.64		
39.	АМ 10190/33	2.51		
40.	АМ 10190/34	2.80		
41.	АМ 10190/35	2.42		
42.	АМ 10190/36	2.29		
43.	АМ 10190/37	1.96		
44.	АМ 10190/38	2.70		
45.	АМ 10190/39	2.17		
46.	АМ 10190/40	1.51		
47.	АМ 10190/41	2.63		
48.	АМ 10190/42	2.63		
49.	АМ 10190/43	2.13		
50.	АМ 10190/44	2.81		
51.	АМ 10190/45	1.85		
52.	АМ 10190/46	2.38		
53.	АМ 10190/47	2.08		
54.	АМ 10190/48	1.73		
55.	АМ 10190/49	2.14		
56.	АМ 10190/50	2.01		
57.	АМ 1019051	2.27		
58.	АМ 10190/52	1.79		
59.	АМ 10190/53	2.07		
60.	АМ 10190/54	2.46		

ПРИЛОЖЕНИЕ I (Продолжение)

№	Инв. № Анапского музея	Вес, г	Примечания	№ фото в табл.
1	2	3	4	5
61.	АМ 10190/55	1.91		
62.	АМ 10190/56	2.37		
63.	АМ 10190/57	1.80		
64.	АМ 10190/58	1.85		
65.	АМ 10190/59	1.91		
66.	АМ 10190/60	2.35		
67.	АМ 10190/61	2.26		
68.	АМ 10190/62	3.36		
69.	АМ 10190/63	1.84		
70.	АМ 10190/64	2.49		
71.	АМ 10190/65	2.63		
72.	АМ 10190/66	1.70		
73.	АМ 10190/67	1.29		
74.	АМ 10190/68	1.43		
75.	АМ 10190/69	1.97		
76.	АМ 10190/70	2.83		
77.	АМ 10190/71	2.62		
78.	АМ 10190/72	3.39		
79.	АМ 10190/73	1.53		
80.	АМ 10190/74	1.72		
81.	АМ 10190/76	3.24		
82.	АМ 10190/144	2.93		
	VI тип. Пантикапей, конец III – первая половина II в. до н.э. Л.с. Голова быка в три четверти вправо. О.с. ПАN. Колос и плуг. Шелов, 1956. Табл. VII, *83*.			
83.	АМ 10190/112	1.84	плохой сохранности	
	VII тип. Пантикапей, последняя четверть II в. до н.э. Л.с. Голова бородатого сатира в венке влево. О.с. ПАNTI. Рог изобилия между шапками Диоскуров. Шелов, 1956. Табл. VIII, *100*.			
84.	АМ 10190/77	3.95		
85.	АМ 10190/78	4.20		
86.	АМ 10190/79	3.60		
87.	АМ 10190/80	3.85		
88.	АМ 10190/81	4.04		№ 2
89.	АМ 10190/82	3.08		
90.	АМ 10190/83	3.01		№ 3
91.	АМ 10190/84	3.69		
	VIII тип. Пантикапей, последняя четверть II в. до н.э. Л.с. Голова безбородого сатира в венке вправо. О.с. ПАNTI. Шапки Диоскуров, увенчанные звездами. Шелов, 1956. Табл. VIII, *101*.			
92.	АМ 10190/89	2.08		
93.	АМ 10190/90	2.58		
94.	АМ 10190/91	2.06		
95.	АМ 10190/92	3.34		
96.	АМ 10190/93	2.36		
97.	АМ 10190/145	2.37	перечеканена из типа “голова сатира – лук и стрела, ПАN”	
98.	АМ 10190/173	2.04	то же	
	IX тип. Пантикапей, последняя четверть II в. до н.э. Л.с. Голова Афины в коринфском шлеме вправо. О.с. ПАN. Прора. Шелов, 1956. Табл. VIII, *102*.			
99.	АМ 10190/94	2.08		
100.	АМ 10190/95	2.58		
101.	АМ 10190/96	2.06		
102.	АМ 10190/97	3.34		
103.	АМ 10190/98	2.36		
104.	АМ 10190/169	1.95	перечеканена из типа “голова сатира – лук и стрела, ПАN”	
105.	АМ 10190/170	1.91		
	X тип. Пантикапей, последняя четверть II в. до н.э. Л.с. Голова Аполлона вправо. О.с. ПАN. Венок. Анохин, 1986. Табл. 5, *158*.			
106.	АМ 10190/172	2.29	отчеканена на типе “голова сатира – шапки Диоскуров, ПАNTI”, перечеканенном в тип “голова сатира – лук, стрела, ФА”	

ПРИЛОЖЕНИЕ I (Продолжение)

№	Инв. № Анапского музея	Вес, г	Примечания	№ фото в табл.
1	2	3	4	5
107.	АМ 10190/162	2.10	отканена на типе "голова сатира – лук и стрела, ПАN", перечеканенном в тип "голова Аполлона – горит, ПАN".	
108.	АМ 10190/163	1.63	то же	№ 4
XI тип. Пантикапей, конец II – начало I в. до н.э. Л.с. Треножник. О.с. Звезда, между лучами надпись – ПАNТІКАП. Зограф, 1951. Табл. XLIII, *18*.				
109.	АМ 10190/99	3.04		
110.	АМ 10190/100	1.91		№ 5
111.	АМ 10190/101	2.18		
112.	АМ 10190/102	1.74		
113.	АМ 10190/103	2.25		№ 6
114.	АМ 10190/104	3.30		№ 7
115.	АМ 10190/105	1.71		
116.	АМ 10190/106	2.18		
117.	АМ 10190/107	2.01		
118.	АМ 10190/108	1.70		
119.	АМ 10190/159	2.03	отчеканена на типе "голова сатира – шапки Диоскуров, ПАN", перечеканенного типом "голова Аполлона – лук и стрела, ФА",	
120.	АМ 10190/167	2.91	перечеканена из типа "голова Аполлона – горит, ПАN"	
121.	АМ 10190/168	1.99	то же	
XII тип. Фанагория, II в. до н.э. Л.с. Голова бородатого сатира вправо. О.с. ФА. Лук и стрела с оперением в виде кадуцея. Шелов, 1956. Табл. IX, *112*.				
122.	АМ 10190/113	1.84		
123.	АМ 10190/114	1.41		№ 8
124.	АМ 10190/115	2.46		
125.	АМ 10190/116	2.83		
126.	АМ 10190/117	2.19		
127.	АМ 10190/118	1.72		
128.	АМ 10190/119	2.02		
129.	АМ 10190/120	1.97		
130.	АМ 10190/121	1.75		
131.	АМ 10190/122	2.73		
132.	АМ 10190/123	2.41		
133.	АМ 10190/124	2.30		
134.	АМ 10190/126	1.91		
135.	АМ 10190/127	2.92		
136.	АМ 10190/128	1.75		
137.	АМ 10190/129	1.14		
138.	АМ 10190/130	1.81		
139.	АМ 10190/131	1.62		
140.	АМ 10190/132	1.75		
141.	АМ 10190/133	3.68		
142.	АМ 10190/134	2.25		
143.	АМ 10190/135	1.51		
144.	АМ 10190/136	2.84		
145.	АМ 10190/137	2.01		
146.	АМ 10190/138	1.84		
147.	АМ 10190/139	1.36		
148.	АМ 10190/140	1.61		
149.	АМ 10190/141	3.53		
150.	АМ 10190/142	1.92		
151.	АМ 10190/143	2.08		
Перечеканенные монеты этого же типа				
152.	АМ 10190/146	1.90	№№ 151–166 перечеканены из типа "голова Аполлона – горит, ПАN".	
153.	АМ 10190/147	2.35		
154.	АМ 10190/148	1.95		
155.	АМ 10190/149	2.47		№ 9
Перечеканенные монеты этого же типа				
156.	АМ 10190/150	2.93		
157.	АМ 10190/151	2.52		
158.	АМ 10190/152	2.72		
159.	АМ 10190/153	1.31		
160.	АМ 10190/154	1.90		
161.	АМ 10190/155	2.01		
162.	АМ 10190/156	2.28		
163.	АМ 10190/157	2.27		
164.	АМ 10190/161	1.72		
165.	АМ 10190/165	1.80		

ПРИЛОЖЕНИЕ I (Продолжение)

№	Инв. № Анапского музея	Вес, г	Примечания	№ фото в табл.
1	2	3	4	5
166.	АМ 10190/176	1.90		
167.	АМ 10190/158	1.94	отчеканена на типе "голова Аполлона – горит, ПАN", перечеканенном в тип "голова сатира – шапки Диоскуров, ПАN–ТІ".	
168.	АМ 10190/164	1.85	отчеканена на типе "голова сатира – лук и стрела, ПАN", перечеканенном в тип "голова Аполлона – треножник, ПАN".	
169.	АМ 10190/166	1.98	отчеканена на типе "голова сатира – лук и стрела", перечеканенном в тип "голова Аполлона – горит, ПАN".	
170.	АМ 10190/171	2.39	отчеканена из типа "голова сатира – лук и стрела, ПАN".	
171.	АМ 10190/174	2.84	отчеканена из типа "голова сатира – шапки Диоскуров, ПАNТІ".	
172.	АМ 10190/175	2.74	неопределенная перечеканка (плохая сохранность).	
	XIII тип. Понт. Амасия, 120–100 гг. до н.э. Л.с. Бюст молодого человека вправо. О.с. Рог изобилия между звездными шапками Диоскуров. АМАΣ ΣΕΙΑΣ Wroth, 1889. P. 6. № 2. Pl. I, *13*; Price, 1993. № 1046, 1047.			
173.	АМ 10384	6.78		№ 13
	XIV тип. Понт. Амис, 100–85 гг. до н.э. Л.с. Голова Ареса в шлеме вправо. О.с. Меч в ножнах с перевязью вертикально; АМІ ΣОГ горизонтально в центре. Wroth, 1889. P. 17. № 40. Pl. III, *5*; Price, 1993. № 1147–1165.			
174.	АМ 10190/85	5.57		№ 10
175.	АМ 10190/86	6.05		
176.	АМ 10190/88	7.79		№ 11
	XV тип. Понт. Таулара. 100–85 гг. до н.э. Л.с. Голова Ареса в шлеме вправо. О.с. Меч в ножнах с перевязью вертикально; [ТАГ]ΛА – РΩN горизонтально в центре. Wroth, 1889. P. 39. № 1. Pl. VII, *5*; Price, 1993. № 1290–1292.			
177.	АМ 10190/87	7.80	Перечеканка	№ 12

ПРИЛОЖЕНИЕ II

КЛАДЫ С ПЕРЕЧЕКАНКАМИ И МОНЕТАМИ ГОРОДОВ ПОНТА И ПАФЛАГОНИИ

№	Место находки	Год находки	Общее количество монет	Крайние даты	Литература или место хранения
1.	Хутор Фадеево, Анапский р-н	1977	1675	375–340 гг.* – начало I в.	Анапский муз. АМ 10093/1–1138; АМ 10603/1532. Нестеренко, 1987.
2.	Ст. Раевская, Анапский р-н	1964	332	конец III – II в.	Анапский муз. АМ 4176–4505.
3.	С-з Виноградн., Анапский р-н	1964	139	II в.	Анапский муз. АМ 4801–4939.
4.	Окрестности Керчи	Неизв.	Неизв.	III–II вв.	Зограф, 1951. С. 180.
5.	Окрестности Керчи	1996	1400	330–315 гг. – начало II в. до н.э	Фролова, 1998б. С. 24–26.

* К этому времени относятся только две монеты типа "сатир – грифон" (Зограф, 1951. Табл. XL, *19*), все остальные датируются III–II вв. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.

Голенко К.В. Монеты из случайных находок в Патрее (1947–1950) // ВДИ. 1952. № 3.

Голенко К.В. Датировка медных монет Пантикапея конца III–II вв. до н.э. // КСИИМК. 1955а. Вып. 58.

Голенко К.В. К уточнению одной группы монет Фанагории // КСИИМК. 1955б. Вып. 58.

Голенко К.В. Заметки о медных боспорских монетах III в. до н.э. // ВДИ. 1972. № 3.

Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16.

Крушкол Ю.С. Монеты с монограммами из Патрэйского клада 1950 г. // ВДИ. 1952. № 3.

Нестеренко Н.Д. Клады Горгиппии // КСИА. 1981. Вып. 168.

Нестеренко Н.Д. Заметки по денежному обращению меди Боспора последней четверти II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 2.

Фролова Н.А. Клад боспорских монет I в. до н.э., найденный на античном поселении "Полянка" (1984–1985 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VI. М.; Магнитогорск, 1998а.

Фролова Н.А. Клад боспорских монет конца III–II вв. до н.э. (Керчь, 1996) // Шестая Всерос. нумизмат. конф. Тез. докл. СПб., 1998б.

Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956.

Шелов Д.Б. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI–I вв. до н.э. // НЭ. 1965. № V.

Price D. British Museum Catalogue. The Black Sea // Sylloge Numorum Grecorum. 1993. V. IX. Part I.

Waddington W., Babelon E., Reinach Th. Recueil general des monnais grecques d'Asie Mineure. I. Paris, 1925.

Wroth W. Catalogue of Greek Coins in the British Museum. Pontus, Paphlagonia, Bithinia, and the Kingdom of Bosporus. London, 1889.

The Kumatyr' Hoard of Bronze Coins of the 4th–1st cc. BC

M. G. Abramzon, N. A. Frolova, Yu. V. Gorlov

Summary

In 1976 in the Kumatyr' gorge (Anapa district) a hoard of bronze coins was found. A part of the association preserved in the Anapa archaeological museum is published in the article (177 coins). The hoard comprised Panticapaean coins of the 4th–2nd cc. BC and those minted in the Pontic cities of Amisa, Amasia, Taulara. The major part of the coins (155 items) dates from the 2nd c. BC. Those dated back to the 4th–3rd cc. BC are not numerous – 7 items only; the coins dating to the turn of the 2nd and 1st cc. BC number 15 items. The hoard was comprised after 85 BC. The specific feature of the Kumatyr' hoard is a large number of re-minted coins; their study permits to establish the succession of coin types in the 2nd c. BC and thus to improve earlier chronologies. The published association is a valuable source on the history of coinage system in Bosporus in the 2nd – early 1st cc. BC.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 3, с. 153–161

ЗАМЕТКИ

ЗЕРКАЛО "ОЛЬВИЙСКОГО ТИПА" ИЗ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

© 2002 г. В. Е. Маслов

Институт археологии РАН Москва

В начале 2000 г. в результате контактов с частным коллекционером, пожелавшим остаться неизменным, мне удалось осмотреть зеркало "ольвийского типа", происходящее с территории Краснодарского края. Подлинность данного экземпляра не вызывала сомнений. Более точная локализация находки мне не известна, однако весьма вероятно, что она была сделана на берегу Краснодарского водохранилища, где в течение последнего десятилетия обнаружено несколько подобных зеркал (Ескина, 1995. С. 108–110. Рис. 1; Хачатурова, 1996. С. 45, 46. Рис. 1; Пьянков, Тарабанов, 1997. С. 69, 70. Рис. 3, *1*). По крайней мере одно из них ныне также находится в частной коллекции.

Бронзовое зеркало имеет диск с массивным, треугольным в сечении бортиком и боковую ручку, украшенную двумя зооморфными изображениями (Рисунок). Оно было частично реставрировано. Общая длина зеркала – 34.3 см, диаметр диска – 18.8 см, длина боковой ручки – 15.5 см, высота прямого гурта – 1.2 см.

Диск поврежден у верхнего края: отломан крупный фрагмент, лопнувший бортик слегка отогнут наружу в результате деформации. От границ разлома вдоль бортика тянутся трещины. Одна их них также прослеживается вдоль места соприкосновения бортика и части зооморфной фигурки на ручке. Она тянется поперек бортика диска под основание выступа крепления ручки. Следует отметить, что именно такие повреждения характерны и для других ольвийских зеркал различных вариантов (Скуднова, 1962. Рис. 3, 8, 11, 16). Весьма вероятно, что они связаны с технологией изготовления предмета.

Диск зеркала заполирован снаружи. Крепление ручки к диску в виде сегментовидного выступа, основанием примыкающего к бортику, расположено на оборотной стороне. Гладкая лицевая сторона непосредственно переходит в скульптурную фигуру на боковой ручке.

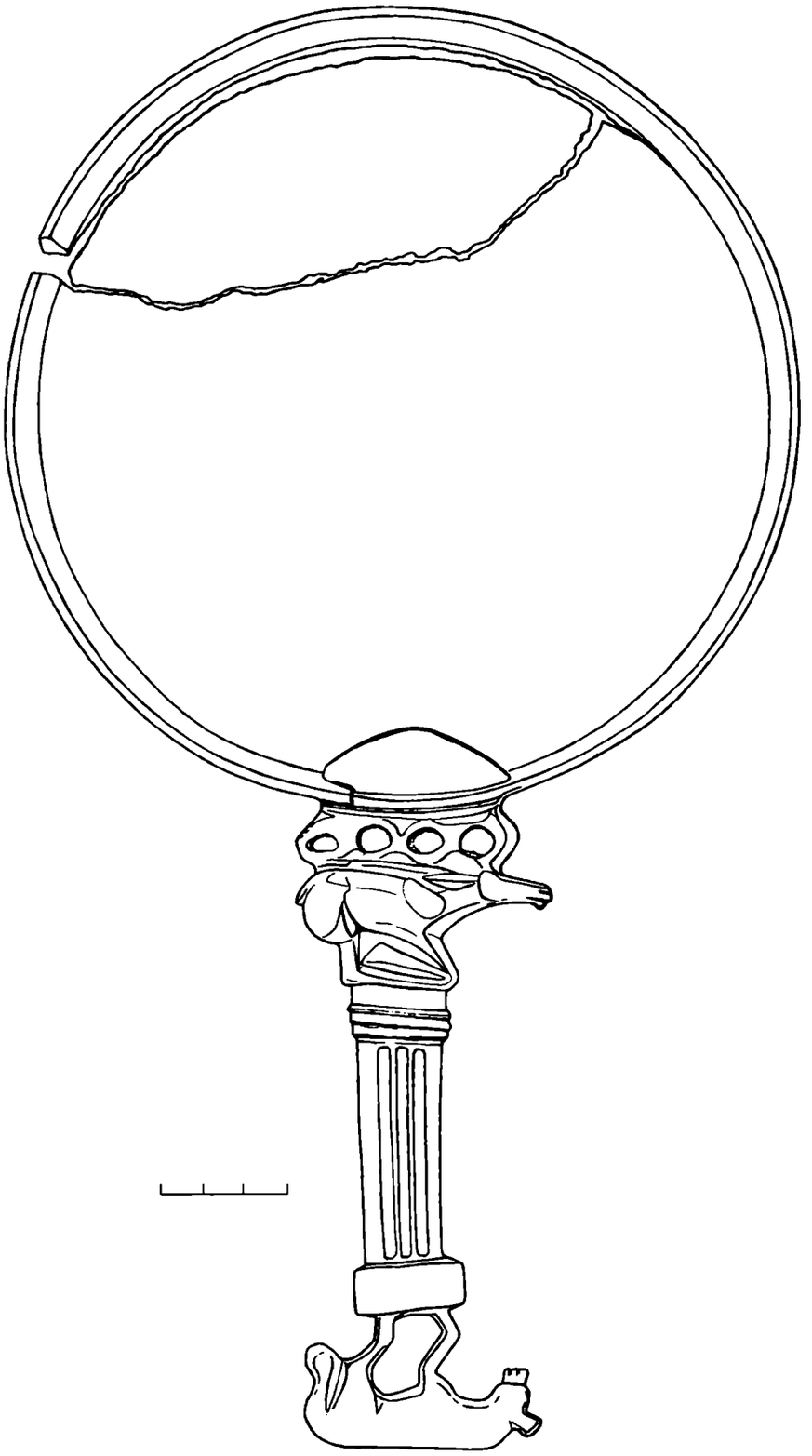
Верхняя часть ручки отлита в виде лежащего оленя с подогнутыми ногами – передние поверх задних. Копыта не обозначены. Изображение животного покоится на прямоугольном основании, дополненном снизу четырьмя поперечными рельефными валиками. Ствол ручки чуть сужается книзу. Тремя каннелюрами он разделен на четыре рельефных валика неравной ширины: наружные шире внутренних. Ручка завершается стилизованной фигуркой кошачьего хищника, стоящего на прямоугольном гладком постаменте. Обе фигурки животных направлены в одну сторону.

У оленя рельефом акцентированы овальное плечо и сегментовидное бедро с небольшой выемкой в верхней части. Плоскость головы с выделенным надглазным валиком отделена от шеи уступом по краю нижней челюсти. Четко проработан хвост. нарезкой обозначены выступающие губы и ноздри. Подбородок подчеркнут небольшим выступом. Вытянутое назад остролистное ухо имеет слегка заглубленную раковину. Завитки рогов не выделены и символически обозначены четырьмя округлыми углублениями.

У хищника мускулатура тела не выделена, обособлены лишь поднятые над головой уши. Прижатый к бедру хвост обозначен контуром. На конце он имеет завиток без углубления внутри. Передняя часть морды отделена уступом. Пасть и нос намечены нарезкой.

Согласно описанию В.М. Скудниковой, данное зеркало относится ко второй группе так называемых зеркал "ольвийского" или "скифского" типа (Скуднова, 1962. С. 13), а по дробной классификации зеркал из скифских памятников Т.М. Кузнецовой – ко второму типу 2-го класса, 2-го отдела, 1-й группы (Кузнецова, 1987. С. 39). Исследователь отметила, что между стилистикой изображения оленей и характером оформления нижнего конца ручки существуют определенные соответствия (Кузнецова, Ульянова, 1989. С. 79). Фигуры оленей, промежутки ветвей рогов которых обозначены как ряд из четырех кружков, встречены пока только вместе с навершиями в виде кошачьих хищников.

Находки подобных зеркал происходят из Венгрии – Пакафалва, Оляхзанда (Hampel, 1895. Fig. 25, 29), Борзод (Leszih, 1939. Fig. 7), Западной Подолии – Братышев кург. IV (Reichl, 1936. *Abb.* 2-a), Ольвии – погр. 36 (Скуднова, 1962. Рис. 7) и Тамани (Фармаковский, 1914. Табл. XIV, *2*), на территории Адыген и Краснодарского края (Ескина, 1995. Рис. 1; Пьянков, Тарабанов, 1997. Рис. 3, *1*). Сюда же, очевидно, следует причислить и фрагменты зеркал из могильника у ст. Мингрельской и Венгрии (Кузнецова, Ульянова, 1989. Рис. 1, 2; Hampel, 1895. Fig. 27).

Зеркало "ольвийского типа" из Краснодарского края.

Вариации внутри данного типа связаны со строением ручки: количеством каннелюр на ручке, различиями в постаментах, стилистике изображений и направленности фигурок животных.

Датировка зеркал "ольвийского типа" остается одним из важнейших аргументов в рамках дискуссии о хронологии раннескифской культуры. При этом одни исследователи рассматривают взаимовстречаемость подобных зеркал и древностей келермесского типа как аргумент в пользу удревнения появления зеркал, а другие – в пользу омоложения древностей келермесского горизонта (Полін, 1987. С. 23, 24; Ковпаненко и др., 1989. С. 157; Мелюкова, 1998. С. 110).

Бесспорно, наиболее значимым показателем последовательности изготовления данных зеркал является эволюция образов "звериного стиля", которая, как давно установлено, шла по линии деградации (Кузнецова, 1991. С. 78). Этот момент является чрезвычайно важным, поскольку изображения кошачьих хищников на "ольвийских зеркалах" первой и второй групп (по В.М. Скудновой) не имеют отличий и претерпели сходные изменения. Однако исследователи существенно расходятся в представлениях об эволюции данного образа.

Т.М. Кузнецова полагает, что прототипом для изображений всех кошачьих хищников на зеркалах "ольвийского типа" послужили немногочисленные изображения "лежащего льва", связанные с культом Аполлона (Кузнецова, 1991. С. 78–81; 1995. С. 14. Рис. 4). Данная концепция выглядит крайне неубедительно, поскольку как-либо связать два этих образа, принадлежащие к различным иконографическим типам, просто невозможно. Напротив, скифская композиционно-стилистическая основа изображений кошачьего хищника на "ольвийских зеркалах" первой и второй групп надежно аргументирована (Канторович, 1997. С. 98. Рис. 1, *4–7*). Наиболее ранний пласт таких изображений включает навершия зеркал, найденных близ с. Аксютинцы, ст. Крим-Гиреевской, Мариуполя, к. IV у с. Братышев и Пакафалвы (Скуднова, 1962. С. 12, 16; Полін, 1987. С. 24). Они обладают чертами, присущими образу кошачьего хищника в скифском "архаическом искусстве": лапы обозначены кружками с углублением, массивная голова с рельефно выделенными губами, глазничной областью, круглое ухо с углубленной раковиной, рельефно подчеркнутое бедро и плечо, хвост, кончик которого закручен в кольцо. Следует отметить, что ближайшим прототипом этих изображений является все же не знаменитая пантера из Келермеса, а золотые нашивные бляшки из 1-го Ульского кургана 1908 г. и к. 16 могильника Новозаведенное-II (Петренко и др., 2000. С. 243. Рис. 4, *1*, *2*).

Композиционно-стилистические отличия между этими изображениями и наиболее ранними навершиями в виде пантер на "ольвийских зеркалах" сводятся лишь к отдельным, хотя и значимым, деталям. Так, на золотых бляшках на лапы хищников вместо кружков нарезкой нанесены пальцы лап, а на крупе четко выделен излом бедра (Анфимов, 1987. С. 86. Фото). Кроме того, изображения на рукоятях несколько растянуты по сравнению с образами на бляхах. Однако при этом следует учитывать их вторичность по отношению к прототипу, а также различия в материале, технологии изготовления, функциональном назначении.

У всех наверший с изображениями раннего типа зафиксирован невысокий рубчатый постамент и трехствольные ручки.

Поздние изображения хищника на навершиях схематизированы почти до предела. Они упрощены и приобретают контурный характер. Завиток на конце хвоста превращен в округлый выступ. Постамент их более высокий, гладкий, а ручка уплощенная с каннелюрами, в значительной степени утратившая рельефность. Эта группа объединяет находки из Оляхзанда, Борзода, Тамани, Ольвии.

К промежуточным изображениям, имеющим черты как первой, так и второй хронологической групп, можно отнести пантеру на зеркале из Нечерезийского могильника, она выделяется строением тонкого хвоста, оканчивающегося небольшим завитком, а также зеркало из Краснодарского края[1] (Ескина, 1995. Рис. 1. Фото 1; Пьянков, Тарабанов, 1997. Рис. 3, *1*).

По таким признакам, как сглаженность рельефа и строение хвоста, хищник на рукояти публикуемого зеркала принадлежит к поздним изделиям. Однако следует отметить, что его фигура в целом более массивна, чем на зеркалах из некрополя Ольвии, а морда проработана более детально (Скуднова, 1962. Рис. 1–3, 7).

Развитие образа оленя на зеркалах второй группы (по В.М. Скудновой), который, как надежно доказано, восходит к знаменитому "летящему" скифскому оленю, в целом следует сходным эволюционным закономерностям (Канторович, 1997. С. 97, 98. Рис. 1, *1–3*). Вариации образа связаны со степенью выраженности рельефа и деталировкой морды животного. Однако в отличие от образа пантеры, образ оленя изначально появился на скифских зеркалах в модифицированном виде, поэтому он в меньшей степени может быть ориентиром для определения последовательности эволюции зеркал.

Рельеф корпуса оленя на ручке публикуемого зеркала хорошо выражен. С внутренней стороны рельеф голени подчеркнут гранью, напоминающей грань на голени костромского оленя. Следует также отметить плоскостное выделение нижней челюсти и рельефный выступ на подбородке. Пластическая модель изображения, несомненно, выполнена с использованием резьбы, характерной для ранних моделей скифской художественной металлообработки – в том числе и для канонической фигуры из ст. Костромской (Миносян, 1990. С. 72, 73).

Представляется, что эволюция "ольвийских зеркал" с ручкой, украшенной изображениями пантеры и оленя, протекала достаточно быстро и не получила дальнейшего развития. Об этом косвенно свидетельствует находка в кургане 447 у с. Журовка, который по предметам античного импорта

[1] Публикация содержит плохую иллюстрацию, однако можно заметить, что постамент фигуры рубчатый, а хвост имеет завиток с рельефным углублением.

датируется концом VI в. до н.э.[2], биметаллического зеркала, железная рукоять которого украшена предельно стилизованными зооморфными изображениями, отлитыми из бронзы (Ильинская, 1975. С. 26. Табл. XII, *20*). И хотя данный экземпляр по морфологическим признакам не относится к зеркалам "ольвийского типа", без сомнения, он является их дериватом.

Наиболее точно датированные по предметам греческого импорта находки зеркал второй группы с навершиями в виде кошачьего хищника из некрополя Ольвии относятся к 530–520 гг. до н.э. (Скуднова, 1988. С. 69, 93, 113, 116). Поэтому вполне оправдано предположение, что дата наиболее ранних зеркал с изображениями оленя и пантеры на рукояти позднее даты появления их прототипов в скифском искусстве, но ранее даты ольвийских экземпляров. Дата 1-го Ульского и Новозаведенского кургана 16 пока не может быть далеко отодвинута от рубежа VII–VI вв. до н.э.[3] Следовательно, датировка ранней группы подобных зеркал должна относиться ко второй–началу третьей четверти VI в. до н.э.

Технология изготовления зеркал "ольвийского типа" никогда еще не была предметом специального исследования. Часть исследователей придерживаются точки зрения, что подобные зеркала были цельнолитыми (Ольговская, 1992, С. 16; Косиков, 1994. С. 179. Рис. 19, *3*). Другие полагают, что диск и ручка изготовлялись по отдельности. Расходятся мнения о способе крепления ручки. Так, М.В. Скржинская выдвинула предположение, что отлитая по восковой модели ручка припаивалась к диску (Скржинская, 1984. С. 116). Наши наблюдения за характером повреждений позволяют в целом согласиться с тем, что ручка закреплялась на уже готовом диске, вероятно, отлитом в жесткой форме и, возможно, затем прокованном. Но, скорее всего, она приливалась, а не припаивалась. Об этом свидетельствует заполированный натек металла на лицевой поверхности диска над фигуркой оленя, имеющий многочисленные мелкие каверны. Здесь же находится трещина. Подобные трещины можно встретить и на других "ольвийских зеркалах" различных групп (Скуднова, 1962. Рис. 3, 8).

Весьма вероятно также, что зооморфные навершия зеркал вместе с постаментами изготовлялись отдельно и закреплялись на уже отлитом стволе рукояти. Очевидно, именно этим следует объяснять тот факт, что навершие на рассматриваемом зеркале помещено на рукояти криво. Вполне возможно, что направление фигуры навершия могло носить случайный характер.

Имеются определенные свидетельства в пользу такой точки зрения. Так, по наблюдениям В.А. Косикова, навершие в виде кошачьего хищника из Мариуполя было отлито в двусторонней форме и имеет полый постамент со следами установки ручки в полость залитой металлом формы (Косиков, 1994. С. 179, 180. Рис. 19, *4*). Ствол ручки пробил отверстия на наружной поверхности постамента. Отверстие на постменте под фигурой хищника прослежено также на навершии из музея в Дебрецене (Hampel, 1895. Fig. 28). Не исключено, что сходная технология использовалась также для закрепления литых зооморфных наверший на рукоятях некоторых ножей из раннескифских памятников (Петренко и др., 2000. С. 243. Рис. 3).

[2] Предложенная передатировка данного комплекса вызывает возражения (Ковпаненко и др., 1989. С. 163), поскольку находки из него имеют аналогии в некрополе Ольвии, датированные третьей–четвертой четвертями VI в. до н.э. (Скуднова, 1988. С. 48. Кат. 46 – каменное блюдо; С. 148. Кат. 232 – золотые бусы).

[3] Датировка к. 16 могильника Новозаведенное-II связана с уточнением датировки обнаруженных здесь фрагментов северононийской керамики (Петренко и др., 2000. С. 239–241. Рис. 1, *А*, *Б*). Наиболее вероятная дата этих находок – первая четверть VI в. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.

Ескина А.В. Зеркало "ольвийского типа" из могильника Нечерезий // Археология Адыгеи. Майкоп, 1995.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.

Канторович А.Р. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля степной Скифии // МИАР. 1997. № 1.

Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев, 1989.

Косиков В.А. Производство бронзовых художественных изделий в Скифии в VII–V вв. до н.э. Донецк, 1994.

Кузнецова Т.М. Зеркала из скифских памятников VI–III вв. до н.э. // СА. 1987. № 1.

Кузнецова Т.М. Этюды по скифской истории. М., 1991.

Кузнецова Т.М. Зеркала-фиалы (патеры) с зооморфным оформлением ручек // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995.

Кузнецова Т.М., Ульянова О.М. Новая находка бронзового зеркала из Краснодарского края // КСИА. 1989. Вып. 196.

Мелюкова А.И. К вопросу о датировке раннескифских стрел // "Музейні читання". Матеріали Міжнародної наукової конференції, присвяченої 90-літтю з дня народження видатного українського археолога О.І. Тереножкіна. Музей історичних коштовностей України. 3 лютого 1998 р. Київ, 1998.

Миносян Р.С. Изображения свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен // АСГЭ. 1990. Вып. 30.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника

Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. М., 2000.

Ольговская С.Я. Походження дзеркал "ольвійського типу // Археологія. 1992. № 3.

Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59.

Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Могильник протомеотского времени Казазово 3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // МИАР. 1997. № 1.

Скржинская М.В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984.

Скуднова В.М. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // Тр. ГЭ. 1962. Т. VII.

Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.

Фармаковский Б.В. Архаический период в России // МАР. 1914. № 34.

Хачатурова Е.А. Новая находка архаического бронзового зеркала в Прикубанье // Историко-археологический альманах. Вып. 2. Армавир; М., 1996.

Hampel J. Skythische Denkmäler aus Ungarn // Etnologische Mitteilungen aus Ungarn. 1895. Bd. 4. H. 1.

Leszih A. Borsodmegyei szhita leletek // Folia Archaeologia. 1939. I–II.

Reichl I. Die Spiegel der podolischen skythischen Kultur // Sulimirski T. Scytowie na Zachodniem Podolu. Lwov, 1936.

ФАЛАРЫ ИЗ КУРГАНА У СТАНИЦЫ ВОЗДВИЖЕНСКОЙ

© 2002 г. В. И. Мордвинцева

Волгоградский государственный университет

Среди археологических находок есть вещи с удивительной судьбой. Открытые еще в прошлом веке, многократно опубликованные, они неожиданно раскрываются в совершенно новом свете в результате особых стечений обстоятельств. Так произошло и с известными фаларами, найденными во впускном погребении кургана у станицы Воздвиженской, который был раскопан Н.И. Веселовским в 1899 г. на Кубани (ОАК, 1902; Гущина, Засецкая, 1989. С. 98, 125, 131. Табл. IV, *35*). Комплекс датируется второй пол I в. до н.э.–началом I в. н.э., судя по найденному там скифосу (Гущина, Засецкая, 1989. С. 98. № 33).

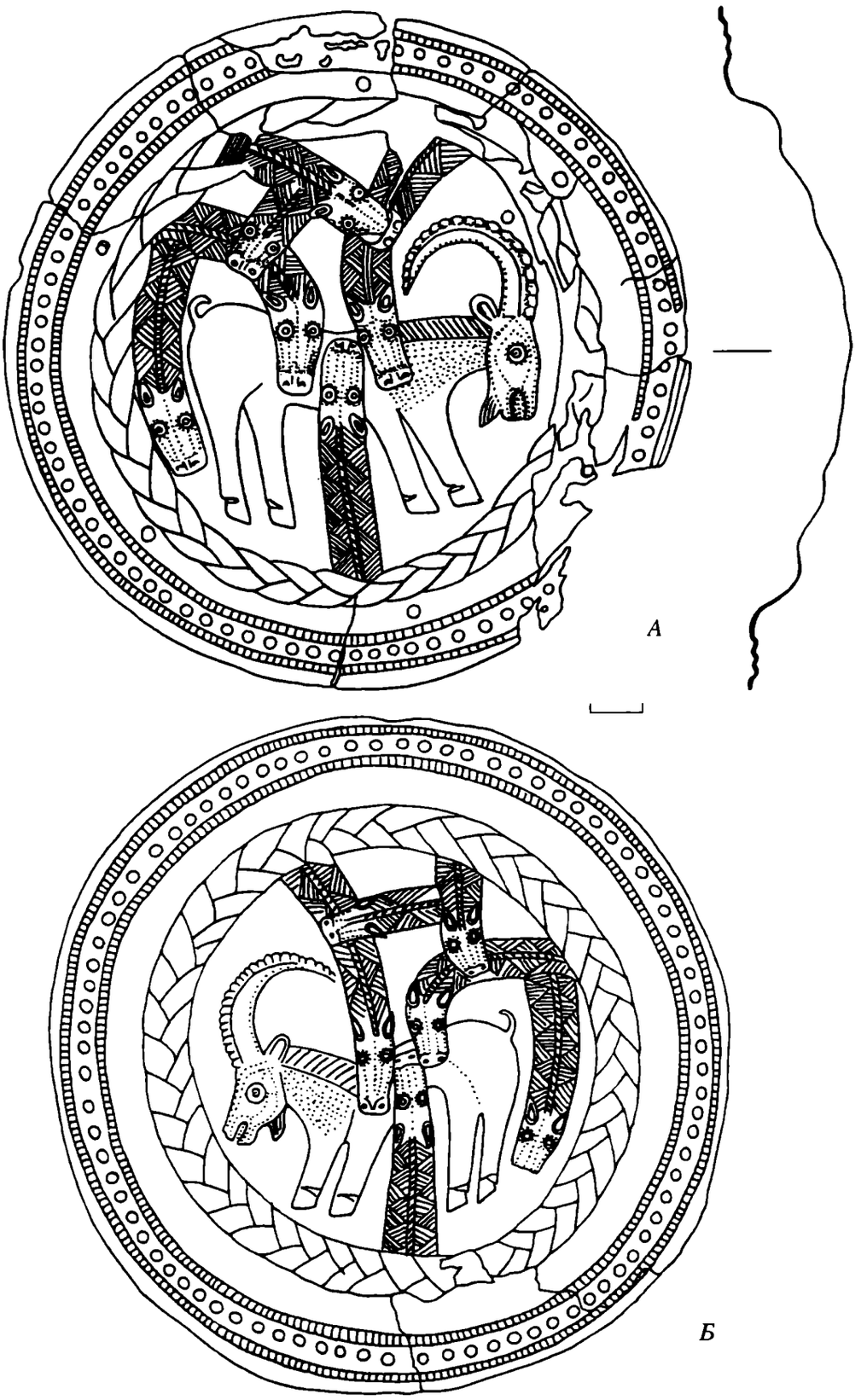
Фалары из Воздвиженской фигурировали всегда как бронзовые. По этому признаку они контрастировали с другими подобными находками того же времени, как правило, серебряными. В 1997 г., перед открытием постоянной экспозиции в Государственном историческом музее, воздвиженские фалары были подвергнуты реставрации, в результате которой не только было установлено изготовление их из серебра, но открылись и новые подробности декора блях. После очистки проступили точечные наколы, которыми были орнаментированы фигуры изображенных в центральном медальоне животных. Это обстоятельство заставляет нас еще раз обратиться к данным предметам[1].

Фалары, обнаруженные в Воздвиженском кургане, сделаны из тонкого серебряного листа. Их диаметр 13.3 см, высота 2.4 см. Пластины выполнены в технике тиснения по твердой модели, орнамент с лицевой стороны доработан резцом и пунсоном, а с оборота – чеканом. На одном из фаларов, лучше сохранившемся, отчетливо видны 6 дырочек для крепления трех петель. Характерной чертой данной пары изделий является изображение сюжетной сцены в зеркальном отображении: фалары были парными, т.е. среди них можно различать правый (Рисунок, *А*) и левый (Рисунок, *Б*) экземпляры.

Край фаларов орнаментирован двумя валиками с прямыми насечками, между которыми расположен ряд "жемчужин". В центральной части, окруженной широким валиком, расчерченным наподобие "плетенки", помещена сцена терзания козла шестью фантастическими существами с мордой хищника. Рельеф изображений очень низкий, много графических деталей. Козел показан стоящим в профиль. Загривок его расчерчен косыми линиями. Шея покрыта рядами точек. Борода треугольной формы расчерчена параллельными линиями. Поверхность головы разрисована точками так, что они образуют своеобразный узор: точками окружены круглый глаз, губной валик, контур головы и рога. Особые линии точек делят морду животного на части, – возможно, мастер таким образом пытался передать ее рельефность.

У шести фантастических животных с хищными мордами показаны только головы на длинных шеях. Уши маленькие, заостренные. Глаза круглые. Подпрямоугольная голова заканчивается валиком с двумя отчетливо показанными (с помощью пунсона-трубочки) ноздрями. Линии точек здесь также обрамляют глаза, внутренние контуры головы и, видимо, заменяют линии рельефа. По центру хребта проходит выпуклый валик с косыми насечками. Грива расчерчена орнаментом "елочка". Четыре головы из шести "вырастают"

[1] Сердечно благодарю И.И. Гущину за любезно предоставленную возможность ознакомиться с данным материалом.

Фалары из Воздвиженской (рисунки автора).

прямо из венка, окружающего центральное изображение. На одном фаларе лист "плетенки" переходит в шею животного (Рисунок, *Б*), на другом – часть "плетенки" расчерчивается наподобие гривы хищника (Рисунок, *А*). Две другие головы присоединены не к венку, а непосредственно к шеям хищников.

Интересно отметить некоторые "промахи", допущенные мастером при изображении данных персонажей. На правом фаларе у одного из хищни-

ков не показаны уши, на левом – глаза. Судя по всему, данный сюжет не был вполне обычен для мастера, изготовившего воздвиженские фалары, поэтому и были допущены отмеченные "ошибки".

Надо заметить, что сюжет воздвиженских фаларов стоит особняком среди одновременных им изображений Прикубанья. Перед нами определенно так называемая "сцена терзания", в которой некое многоголовое животное (гидра? ветвьзмея? – см.: Ростовцев, 1925. С. 571; Смирнов, 1953. С. 36) или несколько животных ("пантера" – Гущина, Засецкая, 1989. С. 98) нападают на козла. К.Ф. Смирнов, поместивший данные изображения в таблице, отражающей развитие прикладного искусства среднесарматского периода, определенно видел в этой сцене образец нового звериного стиля сарматской эпохи (Смирнов, 1976. Табл. 7, *1*).

Действительно, подобные сюжеты (сцены борьбы животных, сцены терзания) не были известны на данной территории в скифское время. В большей степени они характерны для скифо-сибирских изделий, широко представленных, например, в Сибирской коллекции Петра I. В степях же Восточной Европы такие мотивы спорадически появляются только в I в. до н.э., видимо, в связи со значительно усилившимся культурным влиянием с востока (Раев, 1985. С. 129; Засецкая, 1989. С. 41, 42). При этом подавляющее большинство изделий звериного стиля "новой волны" найдено в сарматских погребениях I в. н.э. Но они стилистически сильно отличаются от воздвиженских изображений.

Эти предметы, в основном, изготовлены из золота и украшены каменными или стеклянными вставками. Сцены борьбы животных на таких изделиях полны динамизма, тела их скручиваются и переплетаются между собой. Изображения часто переданы в сложном ракурсе. Все это обычно передается средствами высокого ("динамичного", если так можно выразиться) рельефа без сколько-нибудь существенного использования графических деталей.

Перед нами же довольно "спокойная" сцена, где действующие лица изображены анфас либо в профиль. Их тела не переплетены, а скорее "наложены" друг на друга. Рельефом передаются, в основном, только контуры персонажей. Имеется множество графических нюансов.

Тем не менее можно отметить и черты, сближающие воздвиженские изображения с предметами сарматского звериного стиля. В качестве примера можно привести, например, хищников, изображенных на фаларах из Сибирской коллекции Петра I (Артамонов, 1973. С. 208. Ил. 273). У них также круглые глаза, прижатые к голове каплевидные уши, удлиненная подпрямоугольная морда. Изогнутый хребет пантер также подчеркнут выпуклым валиком. Однако глаза и уши сибирских "пантер" украшены голубыми вставками, в случае же с воздвиженскими фаларами мы скорее имеем дело с изображением вставок, их имитацией.

Таким образом, создается впечатление, что мастер не только пытался передать не вполне понятный ему сюжет, но отчасти и повторить приемы, с помощью которых такие сюжеты обычно изображались. Представляется, что в данном случае перед нами пример причудливого переплетения вкусов людей, для которых были изготовлены данные изображения, и стремления мастера угодить этим вкусам.

Для кого же предназначались рассматриваемые нами предметы, и кем они были изготовлены?

Для ответа на вопрос о месте производства этих изделий обратимся к таким их особенностям, которые вряд ли были специально рассчитаны на "заказчика" вещи, – то есть к изобразительным приемам и малозаметным деталям исполнения.

В изображении хищных животных с воздвиженских фаларов особо можно отметить резко очерченные контуры тела, орнамент "елочкой" и, что особенно важно, графическую имитацию вставок (уши и глаза хищников), а также четко выраженную, подчеркнутую линию хребта, который во всех случаях пролегает посередине и повторяет контуры тела. Эти черты сближают исследуемые нами предметы с другими прикубанскими древностями, например с бляхами, найденными у станицы Воронежской (Шедевры..., 1987. С. 125. Кат. № 52). Доработка изображения пунсоном-трубочкой и точечные наколы, дублирующие контуры персонажей, также хорошо известны среди элементов декора, встречающихся на прикубанских изделиях – фалары из Зубовского кургана (Гущина, Засецкая, 1989. С. 138. Табл. XI. Кат. 121) и случайная находка у хут. Чернышев (№ 985–986 М–IV в хранении ГМИНВ), а также на северопричерноморской торевтике (Мордвинцева, 1999а. Рис. 3; 1999б. С. 174. Рис. 6, *2*). При этом стоит заметить, что данные изделия не имеют ничего общего со звериным стилем.

Эти наблюдения заставляют предположить, что фалары из Воздвиженского кургана были изготовлены мастером-торевтом, работавшим в одном из производственных центров Северного Причерноморья, а возможно, и в каком-то местном, меотском центре.

Кому же могли понадобиться такие необычные изображения? В поисках ответа обратимся к рассматриваемым вещам с точки зрения их функциональной принадлежности.

Найденные под пятками погребенного в Воздвиженском кургане воина фалары, скорее всего, относились к конской упряжи. Существующее

мнение о том, что они служили пряжками обуви[2], представляется не вполне совместимым с понятием о размере данных предметов. Судя по наличию трех пар отверстий, парности фаларов, их размерам, можно предположить, что они являлись седельными бляхами I типа упряжи (Мордвинцева, 1998. С. 64. Рис. 3).

Упряжные наборы различных типов, скорее всего, принадлежали различным этническим группам населения (Мордвинцева, 1998. С. 57). Резонно поэтому предположить, что при изготовлении подобных изделий мастер ориентировался на определенного "заказчика" упряжного набора.

Одновременные воздвиженским фалары, относящиеся к данному типу упряжи, найдены преимущественно к востоку от Волги, но также и в Прикубанье. При этом все "восточные" экземпляры представлены образцами так называемого "греко-бактрийского стиля" (Мордвинцева, 1999а. С. 108–110), прикубанские же находки, как было показано выше, скорее всего были продукцией местных мастерских.

Стоит заметить, однако, что композиционная схема изображений на воздвиженских фаларах в общих чертах напоминает образцы так называемого "греко-бактрийского стиля", которые были найдены к востоку от Волги – Новоузенский клад, Володарка, Ишим, Сидоровка, фалары со слоном из Кунсткамеры (Мордвинцева, 1999а. С. 121. Рис. 2). Перечисленные фалары объединяет особая схема заполнения декоративного пространства. К этой схеме относятся: полоса орнамента (преимущественно кружочки) по самому краю, затем – свободное поле, где пробиты отверстия для крепления петель, и венок, обрамляющий центральный медальон, который занимает примерно 2/3 изобразительного пространства фалара. Важно отметить, что изображения в центральных медальонах всех парных фаларов этого стиля даны в зеркальном отражении. Не исключено, что именно эта схема была взята за основу и при изготовлении воздвиженских блях.

Суммируя все вышесказанное, можно выделить особенности воздвиженских фаларов, указывающие нам на вкусы людей, для которых они были изготовлены. Это – сюжет (сцена терзания), некоторые стилистические особенности (имитация вставок), тип фаларов (принадлежность к определенному конскому убору). Все эти характерные черты так или иначе заставляют нас обратиться к материалам из более восточных районов Евразии. Это не значит, конечно, что в прикубанских степях обитали те же этнические группы, что и в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири. Но это говорит об определенной близости (духовной, этнической?) населения этих территорий. По каким-то причинам и те, и другие старались украсить (и обезопасить) своих коней похожим образом. Реализация же этой идеи была в руках исполнителей из разнообразных ремесленных центров, что и выразилось в стилистических и технико-стилистических различиях таких уборов.

В то же время заказчики подобных украшений были, по-видимому, не единственными обитателями прикубанской степи. Здесь же были найдены фалары, характерные для другого типа упряжи (Мордвинцева, 1998. С. 56. Рис. 4). Эти фалары выполнены в "причерноморском графическом стиле", основными стилистическими чертами которого выступают обилие прочерченных орнаментов, замена рельефа графическими деталями, отсутствие сложных ракурсов в изображении персонажей и др. Некоторые особенности таких изображений указывают на западное (большей частью фракийское) влияние в формировании стиля этих уборов (Мордвинцева, Переводчикова, 2000. С. 55, 56).

Интересно заметить, что некоторые стилистические признаки фаларов этого типа упряжи совпадают с отмеченными нами элементами декора воздвиженских блях. Речь идет прежде всего о графической доработке изображений (ряды точек, удары пунсоном-трубочкой). Такая манера доработки слаборельефных изделий встречается на ряде предметов "причерноморского графического стиля" II–I вв. до н.э., найденных в степях Северного Причерноморья и в Прикубанье.

Таким образом, сравнивая фалары разных типов упряжи, найденные на территории Прикубанья, мы наблюдаем совпадения некоторых специальных приемов – мелких, практически незаметных деталей, и в то же самое время – различия в форме фаларов, сюжете, композиции. Отмечаемое противоречие свидетельствует, видимо, о том, что и те, и другие упряжные наборы, хотя и предназначались для этнически (и духовно) различных групп населения, все же были изготовлены в одних и тех же производственных центрах. При этом приемы доработки изделий торевтики не вполне зависели от стиля, в котором работал (или которому подражал) мастер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И. Сокровища саков. М., 1973.

Гущина И.И., Засецкая И.П. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989.

Засецкая И.П. Проблемы сарматского звериного стиля (историографический очерк) // СА. 1989. № 3.

[2] Мнение С.А. Яценко. Надо сказать, что в погребальном обряде сарматов отмечены случаи, когда фалары конской упряжи были найдены на костяке, например, в погребении у с. Володарка ноги погребенного накрывали два парных (как и в случае с Воздвиженскими бляхами) фалара (Мордвинцева, 1996. С. 148).

Мордвинцева В.И. Фалары с изображением Беллерофонта из сарматского погребения у села Володарка в Западном Казахстане // РА. 1996. № 4.

Мордвинцева В.И. Классификация фаларов конской упряжи III в. до н.э.–начала II в. н.э. и типы парадного конского снаряжения // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы VI археологического семинара. Ч. 1. Краснодар, 1998.

Мордвинцева В.И. Так называемый "греко-бактрийский стиль" в эллинистической торевтике // Научные школы Волгоградского государственного университета. Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья. Волгоград, 1999а.

Мордвинцева В.И. Старобельский клад // Археологические вести. 1999б. № 6.

Мордвинцева В.И., Переводчикова Е.В. О формировании "причерноморского графического стиля" на фаларах II–I вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы VII археологического семинара. Краснодар, 2000.

ОАК за 1899 г. СПб., 1902.

Раев Б.А. "Княжеские" погребения сарматского времени в г. Новочеркасске // Археологические памятники европейской части РСФСР. М., 1985.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

Смирнов К.Ф. Северский курган. М., 1953.

Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976.

Шедевры древнего искусства Кубани. Краснодар, 1987.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 3, с. 162–182

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

М.Г. Жилин. КОСТЯНАЯ ИНДУСТРИЯ МЕЗОЛИТА ЛЕСНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. УРСС, 2001. 326 с.

Появление крупных коллекций, относящихся к мезолиту и неолиту, содержащих десятки, а то и сотни костяных изделий, требует для превращения их в полноценные исторические источники разработки методики их интерпретации и описания. Докторская диссертация М.Г. Жилина, предлагающая такую методику, своевременна, но вряд ли ее можно назвать удачной.

Материалом исследования стали 11 тыс. костяных и роговых изделий из коллекций 32 памятников. Если учесть, что количество отходов на стоянках в несколько раз больше, чем законченных форм, то массив источников для изучения костяной индустрии мог бы быть гораздо больше. Технология же более детально может быть исследована именно по отходам: следы рабочих операций сохраняются без искажений, а обилие и однозначная определяемость создают возможность применения статистики для оценки значимости тех или иных приемов, последовательности операций. Автор, однако, ограничивается исследованием орудий, изредка обращая внимание на заготовки и совершенно игнорируя отходы. Более половины учтенных им изделий приходится на один и весьма специфичный памятник – Оленеостровский могильник. Четверть составляют опубликованные коллекции из Прибалтики, где тоже велика доля погребальных комплексов. Крупный массив материала происходит из северных стоянок, опубликованных М.Е. Фосс и С.В. Ошибкиной – свыше 1.5 тыс. предметов. Материалы из собственных раскопок автора и работ Верхне-Волжской экспедиции Д.А. Крайнова – около 2 тыс. предметов, что тоже не мало, если извлечь всю доступную информацию. Автор утверждает, что им выполнен трасологический анализ костяного инвентаря, но ряд несообразностей в описании и интерпретации позволяет усомниться в том, что такая работа была проделана. В работе совершенно отсутствует документальная фиксация следов обработки и использования орудий, нет ни фотографий, ни прорисовок следов обработки. Имеющиеся описания умозрительны и часто не соответствуют реальным вещам. На пяти страницах (С. 43–46, 51, 53) скорее описано, как должны выглядеть следы, чем конкретные наблюдения. Важные детали, по которым можно определить рабочий прием, игнорируются. По-видимому, обследовались только единичные орудия, в основном наконечники, которым уделено главное внимание.

Между тем следы обработки и использования на костяных орудиях при хорошей их сохранности читаются легко и невооруженным глазом, достаточно бывает небольшого увеличения. При сильном же увеличении вместо следов работы видна в основном структура материала, которая к интерпретации функции орудия не имеет отношения. По утверждению М.Г. Жилина, он применял микроскоп, при этом, касаясь большинства категорий инвентаря, автор не описывает следы износа. Создается впечатление, что автор крайне поверхностно просматривал материал или знаком с самим инвентарем в основном по рисункам. Этим можно объяснить умозрительность описаний и несоответствие их реальным следам на изделиях. Некоторые наблюдения требуют доказательств и не могут быть приняты на веру. Например, выявленные следы токарной работы (С. 62) при изготовлении наконечников по описанию весьма напоминают следы зубов мелких грызунов (может быть предложено для объяснения таких следов использование мягкого абразива – кожа с песком – с вращением, как выполняется полировка шкуркой круглых предметов). Трудно представить обработку пикетажем (С. 43) такого упругого материала, как кость, – за пикетаж, возможно, были приняты следы собачьих зубов.

Костяная индустрия рассматривается в полном отрыве от кремневых орудий, использовавшихся для их изготовления, а они далеко не одинаковы в разных культурах, и их специфика не могла не проявиться в типологии. Не касается он и типов вкладышей, которые по существу составляли единое целое с некоторыми категориями костяных орудий. Не ясно, на каком основании автор утверждает, что "подавляющее большинство вкладышей, встреченных в пазах наконечников, – нересушированные микропластинки и их обломки" (С. 63). Далее он описывает ретушь на внешнем краю вкладыша, где она действительно встречается не часто, но ретушированы ведь обычно лезвия, утопленные в паз, и у подавляющего большинства костяных орудий они обработаны затупливающей ретушью.

Вряд ли было рационально ограничивать историю костяной индустрии мезолитом: в неолите продолжается использование тех же категорий инвентаря и тех же приемов обработки, а неолитические культуры представляют собой прямое продолжение мезолитических. Далеко не все орудия в памятниках, на которых строит свою работу автор, достоверно относятся к мезолиту, часть их попадает в коллекции из неолитических слоев, и они неотличимы от неолитических. Разделение мезолита и неолита по костяной индустрии сугубо условно.

Во вводных главах отражены представления автора о развитии природной среды, мезолитических общностях и кратко охарактеризованы памятники, содержащие костяной инвентарь. Их культурная принадлежность определяется традиционно – по наборам типов кремневых орудий, и не обсуждается, хотя она далеко не всегда бесспорна.

В коллекциях со стоянок имеются обильнейшие источники по технологии обработки – осколки, обрезки, остатки пластин рога после удаления отростков, заготовки, бракованные изделия. Не обратив внимания на отходы обработки, М.Г. Жилин дает искаженную картину технологии. Так, подавляющее большинство эпифизов массивных трубчатых костей удалялось вовсе не по надпилу (который встречается гораздо реже надруба), а двумя ударами (или контрударом). Этот прием мог применяться и для добывания костного мозга, но точно так же удалены эпифизы большинства массивных заготовок и орудий. Большие сомнения вызывает отеска кости каменным, тем более шлифованным теслом – из-за их слишком большого угла заострения. Да и направленность сколов, принимаемых им за отеску, противоположная – это следы оббивки от поперечного излома или эпифиза – характерный прием оформления тыльных концов копий, клевцов, острий под 45°. Совершенно не реально расколоть кость клином по продольному разрезу – слишком неглубоки пазы – 2–3 мм, чтобы мог работать клин. Просмотрев сотни разломов по

продольным пазам, можно убедиться, что излом не связан с раскалыванием клиньями, а только с изгибом. Сильно преувеличивает М.Г. Жилин значимость абразивной обработки. Она легко читается на кости, но встречается крайне редко. На материалах Замостья 2, 5, 13 мне удалось отметить ее только при формировании округлых концов мормышек и на некоторых подвесках. Можно предполагать ее на лезвиях роговых топорообразных орудий, но они слишком сильно заполированы в работе. Абразивная обработка стрел значительно более характерна для волосовских комплексов.

Основная часть труда М.Г. Жилина – классификация изделий. Но "типология вообще" малосодержательна, принципы же ее построения не обосновываются. Предложенная им типология субъективна – за данной типологией стоит только авторское представление о значимости отдельных признаков. Только ему ясно, почему одинаковой формы изделия попадают в разные типы и даже категории (например, рогатины и пешни, изогнутые кинжалы и клевцы) и что объединяет иные. Зубчатые наконечники стрел отличаются от зубчатых острий (остроги) только размером, и то не всегда: все элементы их оформления общие (рис. 18 и 20). М.Г. Жилин применяет классический подход к типологии: орудия группируются по их функции, выделяется главный типообразующий признак, варианты различаются по любому дополнительному признаку. Этот подход связан с конкретными задачами исследования: значимость признаков меняется в зависимости от направленности исследования. Прежде, чем предлагать классификацию, необходимо определить, какие задачи ею решаются. Этого автор не делает, поэтому отбор признаков оказывается хаотичен. Нет возможности в такой системе прослеживать использование приемов, применяемых при изготовлении разных категорий орудий. Возможности исторической интерпретации, основанной на такой типологии, весьма ограниченны. Типы здесь априорны по отношению к культуре, они сконструированы исследователем.

Но может быть и иной подход к типу – как к устойчивой комбинации признаков. Такие типы не даны заранее – их нужно выявить в самом материале и они могут обнаруживать различия в разных культурах. Выявляются естественные группы изделий, культурную специфику которых требуется выяснить и доказать. Культура характеризуется не только набором типов, но и их элементов – признаков, из которых складываются специфичные именно для данной культуры навыки, приемы работы, стандарты поведения. Состав категорий инвентаря в комплексе – показатель определенной этнографической реальности. В то же время в пределах одной культуры памятники нередко содержат совершенно разный набор инвентаря, что отражает специфику их хозяйственно-сезонного функционирования. Так, соседние однокультурные и одновременные памятники Замостье 2 и 5 различаются по составу категорий инвентаря кардинально: на Замостье 5 обильны крючки и грузила, которые единичны на Замостье 2, где в свою очередь обильны ножи из ребер, совершенно не встреченные на Замостье 5. Резко различается количество орудий из челюстей бобра.

Наиболее разработана типология метательного вооружения. Это далеко не первая классификация (Г. Кларк, М.Е. Фосс, Р.К. Римантене, С.В. Ошибкина...), автор не сравнивает свою типологию с предложенными ранее и не коррелирует их терминологию. Таким образом, перед нами не столько дальнейшее развитие классификации, сколько просто еще одна классификация, и соответственно все выводы о встречаемости тех или иных типов и вариантов адекватны только этой классификации. Достоверность выделения тех или иных вариантов проверяется повторяемостью. Из 93 вариантов 26 типов стрел более половины представлены одним, реже двумя экземплярами, еще ниже представительность типов гарпунов, острог, амулетов, рубящих – массовыми оказываются 1–2 типа.

Но если относительно функций метательного вооружения особых вопросов не возникает, то остальные категории инвентаря весьма спорны, и их определения М.Г. Жилин не показывает, Так, совершенно не обосновано выделение категории пешней, известных как "острия под 45°". Ни по форме, ни по технике обработки они не отличаются от рогатин (рис. 29 и 58, 59). Единственное их отличие – способ получения острия – оно у "пешней" сформировано косым срезом, но при этом весьма острое. Главное же – их острия *никогда* не бывают разбиты. Все они сохранили острые концы, чего быть не могло, если бы они хоть раз использовались для долбления льда. Этот же прием оформления конца на Замостье 2 отмечен у гарпуна и кинжала[1]. Количество их обломков вполне сопоставимо с количеством осколков кремневых копий на неолитических стоянках. Стоит обратить внимание на оформление их насадов – оно такое же, как у большинства клевцов.

Очень странная группа – изогнутые кинжалы. Часть из них имеет изогнутость, легко объясняемую деформацией (рис. 37), другие же ни по форме, ни по способу крепления не отличаются от клевцов (ср.: Рис. 36 и 39). Клевцы – более разнообразная и массовая категория, чем это отмечено М.Г. Жилиным. Среди них есть и проушные формы. Большинство клевцов имеет, вопреки его утверждению, вовсе не конический, а узкий клиновидный конец.

Никакого представления о технике изготовления ножей из лопаток описание не дает (С. 127), а она весьма своеобразная и различается в Веретье и на стоянках Верхне-Волжской низменности, где ножи получались в результате вырезания из центральной части лопаток треугольных пластин с последующим заострением краев строганием. Технологическая операция – это тоже элемент культуры, и может использоваться как один из признаков, ее определяющих. При этом элементы технологии и способы оформления могут переноситься на разные категории инвентаря. М.Г. Жилин безоговорочно относит к проколкам тщательно выполненные миниатюрные изделия, полностью повторяющие все элементы ножей из ребер (Рис. 49: 7–9, ср.: Рис. 42: 4, 5). Весьма сомнительно, чтобы это были проколки – это изображения ножей, вотивные предметы.

Недоумение вызывает прямолинейная трактовка многочисленных роговых топорообразных орудий как орудий для обработки дерева (С. 153–158). Видимо, М.Г. Жилин не видел их лезвий. Они никогда не несут следов износа как рубящие, нет на них следов сильных ударов. Губчатая масса рога, составляющая середину их лезвий, исключает возможность применения их как рубящих. Лезвия их скруглены и никак не могут проникать в древесину, общий угол заострения – между 60° и 90°. Характерна картина износа: общая сглаженность, от мелких выщербин и пор рога вдоль него тянутся проточенные канавки. Такой износ возможен только при работе по рыхлым материалам – они могли быть только землекопными орудиями. Одинаковый износ имеют лезвия как вставок, так и цельных кирок (точнее – копалок или мотыг) из длинных отрезков рога, из массивных костей.

Не убедительна трактовка орудий из челюстей бобра как резцов (С. 144). Наличие или отсутствие отверстия для привязывания – деталь второстепенная. Способ их изготовления стандартен – удаление оббивкой отростков и продольное строгание с тем, чтобы максимально обнажить бок резца,

[1] М.Г. Жилин трактует его как стамеску – рис. 53: 5, но точно такие же орудия и из этой же кости, только с плоским острием, в волосовской культуре служили кинжалами.

который превращался строганием в ровное изогнутое лезвие. У очень немногих из них рабочим является конец зуба, у подавляющего большинства – боковая кромка. Характер заполированности говорит об использовании этого орудия по мягкому материалу. Наиболее вероятно – скребок или струг. Все эти признаки сохраняют как выпавшие резцы, так и оставшиеся без резца челюсти. Их сотни на Замостье 2 – в работу шли почти все челюсти взрослых бобров.

И так по всем остальным категориям. Явные нашивки с расточенными в процессе ношения отверстиями, к тому же найденные в погребении (Рис. 45: 1–3) – оказываются у М.Г. Жилина чем-то вроде волочила для протягивания проволоки (в данном случае – сухожилий), обрезки с эпифизами – игольниками. Автор не всегда знает значение слов, которые употребляет. Так, у конуса не может быть периметра, жерлица – это сложная автоматическая снасть, а не двухконечное острие.

Отдельная глава посвящена орнаментам и знакам на костяных изделиях. Она не имеет иллюстраций, и графические схемы, как бы ни были они элементарны, приходится воспринимать из описания. Автор не интерпретирует семантику знаков, хотя уверен, что они являются знаками собственности (С. 192, 209–210). Это утверждение опровергается обилием тех же знаков на необработанных осколках кости, а также на чурингах. Сравнение количества орнаментированных предметов разных категорий (диаграмма 26) показывает, что оно пропорционально их общему числу, то есть не обнаруживается выделения орнаментом каких-либо категорий. Но здесь статистика скорее маскирует, чем выявляет специфику. Действительность сложнее. Например, все орнаментированные наконечники мезолитического слоя исследованного М.Г. Жилиным памятника – Озерки 5 – оказались преданы огню и найдены компактным скоплением. Очевидно, наличие на них знаков и сожжение их носят ритуальный характер. Таких деталей автор не замечает. В основном рассматриваются техника нанесения орнамента и знаков, их группировка и сочетание, а также сочетание с разными категориями. Приемы выполнения орнамента, орнаментальные мотивы показаны далеко не полностью. Почему-то выпал из поля зрения такой часто встречающийся орнаментальный элемент, как волнистый край (есть у оружия и ножей из ребер), или "шагающий резец", которым делались широкие полосы. Путь для интерпретации выбран рациональный, но поскольку определены категории не достоверно, работа может носить сугубо предварительный характер.

В заключительных главах на основании статистического распределения выделенных автором категорий, типов, вариантов среди хронологических и по очерченным культурам сгруппированных комплексов М.Г. Жилин прослеживает эволюцию костяной индустрии и определяет культурную специфику разных общностей. Но типология, предложенная, но не обоснованная – это личное дело автора. Вызывает сомнение и функциональное определение инвентаря. Следовательно, и весь статистический анализ встречаемости разных недоказанных типов в разных культурах тоже ни о чем не говорит. Таким образом, исследование еще предстоит.

Институт археологии РАН Москва

В.В. Сидоров

PROSPECTION ARCHEOLOGIQUE HAUTE KHABUR OCCIDENTAL (SYRIA DU N.E.). Vol. I. Edite par Bertille Lyonnet. Beyrouth, 2000

В настоящее время, в силу политических причин, район "Хабурского треугольника" является наиболее хорошо изученным археологически районом Северной Месопотамии. В последние 10 лет регулярные исследования в этом районе ежегодно ведут около 20 археологических экспедиций. Большая роль в нашей осведомленности об истории материальной культуры этого региона принадлежит археологическим разведкам.

Пионером археологических разведок в верховьях Хабура был сэр Макс Маллован (Mallowan, 1936); особенно интенсивными такие работы стали с началом реализации различных гидропроектов в 1980–1990 гг. Всего в эти годы было проведено 8 разведочных кампаний (см.: Амиров, 2000). Среди проведенных работ можно отметить разведки двух видов: а) сплошные разведки на относительно ограниченной площади; б) разведки, охватывающие значительные площади, но представленные выборками теллей. Именно такой вариант исследования представлен в рецензируемом издании. Надо отметить, что представленная выборка репрезентативна, так как отобранные для исследования памятники объективно представляют все климатические и почвенные пояса исследуемого региона.

Разведки, проведенные Б. Лионне и Й. Нишиаки, охватили обширную площадь около 5000 км^2. Подъемный материал собирался на 130 теллях. Здесь важно отметить, что все сборы подъемного материала после старых разведок М. Маллована тяготели к восточной части Хабурских равнин, в то время как Б. Лионне выбрала для своего проекта западную часть Хабурского треугольника от русла Хабура на западе до одного из его притоков вади Дара – вади Ханзир на востоке. Временные рамки проекта – от палеолита до средневековья. Помимо этого о значительности проведенных работ может свидетельствовать тот факт, что вес собранной коллекции составил около 15 т.

Руководитель проекта Б. Лионне – опытный полевой работник, специализирующийся на масштабных археологических разведках. В предшествующие годы она участвовала в ряде кампаний, среди которых следует выделить большие работы в северо-восточном Афганистане и советской Средней Азии (Lyonnet, 1997 и др.).

Организационно Хабурский проект делился на две части: 1989–1991 гг. – полевой сбор материала; 1991–1997 гг. – камеральная обработка и аналитическое изучение материала.

Весь собранный материал был разделен на 13 культурно-хронологических отрезков. Для обработки этого материала Б. Лионне собрала команду из 10 археологов и одного геоморфолога[1] (Weiss et al., 1993). Подготовленный материал планируется издать в трех томах. Рецензируемый первый том этой серии посвящен палеолитическому и неолитическому (хассуна и халаф) материалу.

В 1997 году авторы этой рецензии имели возможность посетить экспедицию Б. Лионне, располагавшуюся в городе Камышлы, на базе нефтяной компании Шлёмбержье. Тогда мы отметили высокий профессиональный уровень организа-

[1] Геоморфологом М.А. Курти (Courty M.-A.) были проведены исследования почв, предшествовавших накоплению культурного слоя на ряде памятников, с целью реконструкции климатической ситуации.

ции работ и систематизации материала такого рода археологического исследования.

Собранная керамика располагалась в крытом дворе на стеллажах: для удобства ее разместили в лотки четырех различных цветов, каждый лоток сопровождался развернутым паспортом о содержащемся в нем материале. В хранении керамика была систематизирована с учетом пространственно-временных характеристик, что позволяло исследователям немедленно получить информацию о любой морфологической группе, материале одного отдельно взятого памятника либо о хронологическом срезе на ряде памятников.

В первой главе, подготовленной Б. Лионне, содержатся история изучения района археологическими разведками, обоснование выбора района и хронологических рамок исследования, методологические основы и принципы, повлиявшие на выбор памятников. В этой главе опубликован каталог поселений, где приводятся основные характеристики памятника: его расположение относительно вади, ближайший населенный пункт, дороги, доступность для исследования (например, наличие на телле современных погребений). Основная краткая формализованная и систематизированная информация по разведкам приведена в виде таблиц 1–5. Таблицы 1–2 – список и расположение относительно вади поселений, обследованных разведками Лионне и Нишиаки, табл. 3 – размеры основного телля и сателлитов, если они есть, площадь в основании и объем собранного подъемного материала в килограммах. Таблицы 4, 5 содержат предварительную датировку собранного материала от хасунны до средневековья. Этот раздел содержит схематические планы 63 обследованных Б. Лионне поселений и ближайшей округи, к каждому плану прилагается табличка с основными параметрами поселений.

Вторая часть тома, подготовленная Йошихиро Нишиаки, посвященная изучению развития каменных индустрий Хабурского региона начиная с раннего палеолита до неолита включительно. В 1989–1991 гг. Й. Нишиаки проводились полевые работы, в результате которых в бассейне р. Хабур был исследован целый ряд памятников каменного века, в том числе и ранее неизвестных. Автор ставил перед собой задачу ввести в научный оборот максимально возможное количество палеолитических и неолитических стоянок и местонахождений, а также составить общее представление о картине раннего заселения региона. Собранная коллекция каменного инвентаря насчитывает 14354 предмета примерно с 70 обследованных стоянок (Nishiaki, 1992a). Сбор материала проводился на поверхности памятников двумя способами: общий сбор со всей поверхности стоянки и интенсивный сбор материала поквадратно (на поверхности предположительно перспективного памятника произвольно разбивались квадраты 10 × 10 м). Основываясь на результатах анализа каменного инвентаря, выделились три основных хронологических периода: нижний палеолит, средний палеолит и неолит. Хотя и нельзя говорить с полной определенностью о наличии верхнепалеолитических и эпипалеолитических материалов, автор не исключает их обнаружения. Стоит оговориться, что под словом "стоянка" Й. Нишиаки подразумевает не стратифицированный памятник с материалом, находящимся in situ, а местонахождение со значительными как природными, так и антропогенными разрушениями. В большинстве случаев ранний материал на поверхности встречался вместе с более поздним.

Результаты статистической обработки полученных коллекций приведены в табл. 6–14. Так, табл. 6 содержит сводку данных о палеолитических коллекциях памятников Хабурского региона исследований 1990–1991 гг. В таблице 7 даны процентное и количественное соотношение основных категорий каменного инвентаря нижнепалеолитической стоянки Аль-Рашо, а в табл. 8 отдельно приводится дробная классификация нуклеусов этого памятника. Далее в табл. 9 и 10 представлено аналогичное соотношение основных категорий и нуклеусов среднепалеолитической стоянки Менааке, а в табл. 11 приведена классификация наклеусов четырех среднепалеолитических стоянок, сопоставимых с Менааке. Неолитическая эпоха представлена в табл. 12 и 13 материалами Телль Секер аль-Ахеймар 3 (около 2000 кремневых и обсидиановых предметов), приводится процентное и количественное соотношения основных категорий, а также классификация нуклеусов. Подробно разработанная классификация изделий со вторичной обработкой этого памятника находится в табл. 14. Кроме того, на рис. 43 имеется диаграмма – сравнительная характеристика основных типов нуклеусов (радиальные, одноплощадочные, двуплощадочные, дисковидные, сферические) для таких палеолитических стоянок Хабурского бассейна, как Телль Бакар Западный 1, Муджарджаа Западный, Менааке, Хирбет аль-Кадир 2, Хирбет аль-Кадир 1 и Аль-Рашо. Четыре диаграммы (Рис. 49–52) посвящены сравнительному анализу неолитических материалов Телль Секер Аль-Ахеймар и Телль Кашкашок II. Рассмотренные типы нуклеусов, кремневых и обсидиановых орудий, использовавшиеся виды сырья, демонстрируют значительную близость индустрий этих двух памятников. Прилагаются три карты региона с распределением памятников нижнего палеолита (Рис. 32), среднего палеолита (Рис. 33), а также эпипалеолита и неолита (Рис. 34). На четвертой карте (Рис. 58) нанесены памятники с каменными индустриями, имеющими аналогии с материалами, рассмотренными в тексте. Приведены рисунки наиболее характерных форм каменных изделий разных эпох для основных памятников региона (Рис. 35–42; 44–48; 53–57).

Й. Нишиаки отмечает, что каменный инвентарь разведанных им нижнепалеолитических памятников по своим технико-типологическим характеристикам может относиться к финальной стадии нижнего палеолита или к рубежу нижнего и среднего палеолита. Аналогии исследованным комплексам можно искать, по мнению автора, на памятниках бассейна Нижнего Балиха и Среднего Евфрата (Шнин, Райат 2, Абу Чахри) (Muhesen..., 1993). Кроме того, отмечается близость с переходными (от нижнего к среднему палеолиту) индустриями Леванта. Гораздо богаче представлены мустьерские материалы. Хабурский бассейн расположен на территории, граничащей с двумя основными среднепалеолитическими культурными провинциями – загросской и левантийской. Применение леваллуазской техники указывает на принадлежность к левантийской мустьерской традиции, которая представляется особой стратегии адаптации к степным природным условиям с использованием относительно качественного кремневого сырья. Памятники с типично загросской мустьерской традицией расположены на 50–70 км севернее, поэтому, как считает Й. Нишиаки, Хабурский бассейн является окраиной левантийской мустьерской провинции. Каменная коллекция Телль Секер аль-Ахеймар 3 с материалом неолитического облика, в меньшей степени перемешанным, нежели на других памятниках, подробно проанализирована автором, относящим стоянку к докерамическому неолиту B (PPNB). Она предположительно может иметь некалиброванную датировку около 6000 л. до н.э. Отмечается, что на поздней фазе PPNB индустрия существенно меняется (Nishiaki, 1992b). Технологию изготовления длинных пластин сменяет техника расщепления, ориентированная на производство отщепов. Изменения также коснулись выбора сырья и приемов вторичной обработки.

Однако использованные в работе источники – материал, собранный с поверхности, как, впрочем, отмечает и сам автор, имеют ограниченные возможности для анализа. Все выводы базируются исключительно на технико-типологическом анализе материала. В регионе нет ни одной раскопанной палеолитической стоянки, раскопано лишь два памятника, относящихся к неолиту. Основные выводы основываются на аналогиях с памятниками соседних, в гораздо большей степени изученных регионов, и до проведения масштабных раскопок создание более детализированной картины событий древней истории Хабурского бассейна вряд ли возможно.

Третья часть тома посвящена неолитической керамике "протохассуны" и халафа. Глава первая третьей части подготовлена Мари Лё Мьер (Marie Le Miere). Автор отмечает, что термин "протохассуна" применяется для самой ранней керамики северо-восточной части Месопотамии от начала VI тыс. до н.э. до появления стандартизованной расписной керамики (С. 127). Она представлена на поселениях Умм Дабагия, Телль Сотто, Кюльтепе, Ярым Тепе I, Телюль эт Талятат 2, Телль Хассуна и далее на запад до поселения Букрас.

Эта керамика характеризуется растительными примесями, иногда имеет полированную поверхность, часто красноангобированная, иногда встречается высококачественная разновидность, без видимых растительных примесей. Формы, особенно закрытые, часто имеют ребро в нижней части профиля сосуда, изредка выраженное горло, декорированы росписью и налепами.

Индикатором эволюции самой ранней керамики северо-восточной Месопотамии, по мнению автора, является возрастание числа красноангобированной керамики, прогрессирующее исчезновение ребристых форм, сокращение числа налепов, возрастание числа расписных и/или прочерченных орнаментов. Важный индикатор эволюции протохаусунской керамики – процентное соотношение красноангобированной и расписной керамики (С. 129). Для раннего этапа "протохассуны" характерны вогнутые и ребристые формы. Для более позднего этапа "протохассуны" характерны роспись перекрестной штриховкой, большое число сосудов, ангобированных красным и коричневым цветом. Особое внимание уделено появлению технологической группы "orange ware" (оранжевоглиняная посуда), эта малочисленная технологическая группа была впервые выделена на поселении Саби Абьяд в качестве важного, по мнению исследователей, индикатора слоев, непосредственно предшествующих возникновению халафской культуры. Она, по мнению авторов, хорошо выделяется на основе химического анализа и характеризуется оранжево-розовым цветом поверхности и красновато-оранжевым цветом росписи. Сосуды этой разновидности отличается относительно грубым изготовлением в сравнении с высококачественной халафской керамикой и имеют в тесте как белые известковые вкрапления, так и вкрапления черного и оранжевого цветов (Le Miere, Niwenhuisse, 1996). Она впервые появляется в первом слое "переходного периода" (слой 7), где ее больше всего, но также отмечена в слоях 5 и 4. Очень мало ее в слое раннего халифа (слой 3). Керамика "orange ware" известна от долины Евфрата до Синджара, но локализовать ее происхождение невозможно (С. 133). По мнению автора на основании распределения "orange ware" можно говорить о выделении в собранном "протохассунском" материале раннего и позднего этапов (С. 134–135).

Автор выделяет в керамических коллекциях также ряд других технологических групп и приемов обработки сосудов. При этом отмечает, что некоторые, как DFBW (dark faced burnished ware), GBW (gray-black ware), husking trays (веялки) имеют очень большое время использования от начала раннего керамического неолита до начала Халафа (С. 130).

В ходе разведок зафиксировано, что хассунские слои, безусловно, присутствуют на четырех теллях, возможно, еще на двух, кроме этого два поселения Кашкашок 2 и Хазна 2 исследовались раскопками. Автор справедливо отмечает, что число выявленных хассунских поселений не отражает реального положения. То же самое мы отмечали в ходе наших собственных разведочных работ в верховьях Хабура (Амиров, 2000). Дело в том, что как правило, археологические поселения в Хабурских степях основывались на естественных и антропогенных всхолмлениях. Хассунские поселения в данном районе – это первые и при этом самые маленькие телли, таким образом, более чем вероятно, что большинство хассунских поселений погребено под поздними культурными напластованиями массивных теллей исторического времени.

На основании наличия среди исследуемой выборки керамики технологической группы "orange ware" автор делает вывод о том, что материал поселения Кашкашок 2, где сосуды данной разновидности отсутствуют, является более ранним (С. 135). Другие поселения, где сосуды этой разновидности были отмечены, такие, как, например, Телль Хазна 2 или Ханеке, напротив, отражают наиболее поздний этап "протохассуны", переходный к халафу (С. 135). При этом автор отмечает, что наиболее ранние слои "протохассуны" синхронные нижним слоям Телль Сотто, в верховьях Хабура не встречаются, равно как здесь неизвестна хассунская керамика архаического и стандартного этапов (С. 135). Керамика периода стандартной хассуны в настоящее время в Сирии известна только на одном памятнике – Бургулийа (Burgouliya) к востоку от среднего течения Хабура (Bernbeck, 1993. S. 25).

Таким образом, на основании сочетания технологических, морфологических и декоративных признаков (наличия растительной примеси в тесте, полировки, красного ангоба, наличия ребра, вогнутого профиля, наличия горла, росписи перекрестной штриховкой, DFBW, GBW, husking tray и, в особенности, наличия "orange ware") (табл. 15) предлагается датировка собранного материала ранним и поздним "протохассунским" периодами.

Для того чтобы оценить используемую автором терминологию и предлагаемую периодизацию материала следует обратиться к историографии вопроса.

Первичная систематизация хассунской керамики была проведена С. Ллойдом и Ф. Сафаром после раскопок Телль Хассуны. Керамика нижнего слоя Ia, то есть трех так называемых открытых лагерей, выделена в "особый комплекс", в котором, за исключением 8 фрагментов лощеных сосудов и одной чаши со следами краски, керамическая коллекция состояла из грубых сосудов с темной поверхностью и примесью рубленой соломы в глиняном тесте. Правда, здесь надо помнить, что нижний слой был вскрыт на очень небольшой площади, и репрезентативность выборки керамики может вызывать сомнение. Соответственно этот комплекс был определен как "грубая, неолитическая керамика", оставленная местным еще полукочевым населением, и отделен от собственно хассунской керамики (Мунчаев, Мерперт, 1983. С. 87). Собственно хассунская керамика была разделена авторами раскопок на две группы: архаическую (слои Ib–II) и стандартную (слои II–IV). Основным критерием выделения этих хронологических групп был орнамент, техника его нанесения и обработка поверхности сосудов. Для сосудов архаической хассуны в качестве основного признака отмечена легкая глянцевитость поверхности черепка, у стандартной керамики роспись и поверхность всегда матовые (Lloyd, Safar, 1945. P. 278). Помимо этого, стандартную хассунскую керамику отличает распространение резной и комбинированной (роспись + резьба) орнаментации. Дополнительный анализ керамики Телль Хассуны позволил А. Перкинс сформулировать

эволюцию хассунской керамики следующим образом: 1) грубая посуда + некоторое число лощеной, 2) расписная + резная + комбинированная, 3) расписная + резная + комбинированная + самаррская, при этом отмечалось отсутствие резких разрывов между группами и постепенный характер накопления изменений в керамическом комплексе (Perkins, 1949. P. 15).

Таким образом, три выделенные группы (грубая неолитическая, архаическая и стандартная) в рамках единой керамической традиции вошли в литературу по рассматриваемой проблеме.

Раскопки на Ярым Тепе I в целом подтвердили периодизацию, предложенную С. Ллойдом и Ф. Сафаром. Слой Ярым Тепе I отражает все периоды развития хассунской керамики, отмеченные на эпонимном памятнике. В Ярым Тепе I грубые сосуды с подкосами ко дну и примесью рубленной соломы в тесте с самого начала сосуществуют с расписной архаической посудой. Это позволило авторам раскопок считать грубую раннюю керамику неразрывной частью архаической группы. Соответственно был пересмотрен вопрос о появлении росписи в хассунской керамике: "дорасписного периода" здесь не было (Мунчаев, Мерперт, 1983. С. 89).

Остроребериые сосуды наиболее распространены в 12–10-х горизонтах, но, уменьшаясь количественно, встречаются до 7-го горизонта, то же самое можно отметить для налепной орнаментации (Мунчаев, Мерперт, 1983. С. 91). Роспись архаической хассуны из Ярым Тепе I неотличима от предшествующего этапа. Для нее характерны полосы, шевроны, перекрестная штриховка, негативные шевроны, рыбья кость (Мунчаев, Мерперт, 1983. С. 92). В ограниченном количестве встречается керамика с лощеной до блеска поверхностью серого, черного и вишневого цвета. Такие сосуды известны в Сотто и Умм Дабагии. Вероятно, они имеют западное (возможно, сиро-киликийское) происхождение (Мунчаев, Мерперт, 1983. С. 111). В слоях нижнего 12-го горизонта рельефная орнаментация представлена в обедненном виде, в то же время вырабатывается хассунская расписная орнаментальная система. В 12-м горизонте Ярым Тепе I отмечено несколько десятков расписных черепков. Резной орнамент впервые появляется в 10-м горизонте (Мерперт, 1982. С. 12).

Отмечено, что в Ярым Тепе I условной гранью между архаической и стандартной хассуной может считаться 7-й горизонт. Здесь еще встречаются крупные толстостенные сосуды с примесью рубленой соломы в тесте, кувшины с горлом, покрытым красной краской. Чаши с широкой красной лентой под венчиком, в единичных случаях отмечен рельефный орнамент. В том же горизонте представлены образцы стандартной керамики. Выше 7-го горизонта архаические традиции представлены лишь отдельными реминисценциями. В 6-м слое отмечены первые импорты самаррской керамики (Мунчаев, Мерперт, 1983. С. 90).

Ряд форм проявляет значительную стойкость, они известны в архаических и стандартных комплексах, например, веялки обнаружены во всех слоях поселения (Мунчаев, Мерперт, 1983. С. 91).

Вопрос о составе наиболее ранней группы керамики, ее характере и связи с дальнейшим развитием хассунской культуры приобрел особую важность в связи с раскопками Н.О. Бадера на поселениях Кюльтепе и Телль Сотто. По имени наиболее выразительного памятника наиболее архаичный период хассунской керамической традиции в отечественной историографии получил наименование этапа Сотто (Бадер, 1989).

В Кюльтепе нижний слой дает подавляющее преобладание грубой ребристой керамики со слабо выраженными венчиками и налепами. Тонкая лощеная керамика встречается редко, мотивы росписи просты, обычно это широкая красная полоса по венчику или полное покрытие поверхности охрой. В верхних слоях ребристые корчаги трансформируются в сферические сосуды с узким горлом, усложняется роспись (Бадер, 1982. С. 53).

В основании культурных напластований Сотто выявлен очень ранний культурный комплекс, предшествующий архаической хассуне. Аналогичные материалы известны в Телль Хассуне, Телуль эт Талятат и Умм Дабагии. Грубые сосуды с ребром, ребристые чаши, овальные веялки и корыта наиболее архаичных форм составляют 90% посуды. В тесте много видной на глаз крупнорубленной соломы. Обжиг неровный при низкой температуре. Верхняя часть сосудов образует усеченный конус. Сосуды никогда не расписывались, но украшались рельефными налепами по венчику. Вторую характерную группу посуды нижнего культурного комплекса составляют веялки, корыта и сковороды. Остальные типы посуды встречаются гораздо реже (Бадер, 1989. С. 138).

Во втором горизонте выразительны и разнообразны ребристые чаши. Отдельные их экземпляры украшали росписью. Обычно охрой снаружи и изнутри покрывался верхний край венчика, реже внешняя поверхность целиком закрашивалась охрой. Роспись треугольниками во втором горизонте вообще не встречена. Тонкая посуда очень редка. В целом керамический комплекс второго культурного горизонта характеризуется абсолютным преобладанием грубой ребристой посуды. Округлобокие формы составляют не более 5–10% комплекса. Он может быть определен как архаический комплекс Сотто (Бадер, 1989. С. 140).

В 3-м горизонте Сотто количество ребристых корчаг и корыт несколько сокращается. В 4–6-м горизонтах становится значительно больше биконических корчаг с отогнутым венчиком, в 6–7-м горизонте появляются сферические корчаги с узким высоким горлом. Начиная с 4-го горизонта, сокращается количество ребристых чаш, а округлых становится больше. Горизонт 6 еще принадлежит комплексу Сотто. Горизонт 8 содержит преимущественно грубую архаическую керамику. Со времен архаической хассуны памятник не был заселен.

Этап развитого Сотто полнее представлен в Кюльтепе и Ярым Тепе I. Во всех горизонтах Кюльтепе вместе с небольшим количеством ребристых прямостенных корчаг распространены округлые корчаги с отогнутым венчиком. Уже в 1–3-м горизонтах появляются сферические сосуды с вертикальным венчиком, а в 4-м горизонте их количество значительно увеличивается. По этим признакам 1–3-й горизонты Сотто древнее Кюльтепе и выделяются как наиболее архаичные. 4–6-й горизонты Сотто синхронны 1–3-му горизонту Кюльтепе, 7–8-й горизонты Сотто одновременны 4-му горизонту Кюльтепе. Ярым Тепе I синхронен 1–3-му горизонту Кюльтепе. 7–8-й горизонт Сотто и 4-й горизонт Кюльтепе равно как и 7–12-й слои Ярым Тепе I, относятся к архаической хассуне (таблица). "Только в Ярым Тепе I удается проследить преемственное развитие от позднего Сотто через культуру архаической хассуны к стандартной хассунской культуре. Нижний, 12-й, горизонт Ярым Тепе I, Кюльтепе и верхние слои Сотто практически тождественны по набору глиняной посуды. Этот материал рассматривается в едином ряду развития архаической хассунской культуры. Технологически керамика Сотто и архаической хассуны не различимы, а типологически тесно связаны между собой" (Бадер, 1989. С. 197, 198).

Коллекция хассунской керамики из поселения Телль Хазна 2, собранная в ходе раскопок 1991–1993 гг., хранится, как и весь остальной массовый материал, на базе Сирийской экспедиции ИА РАН. В связи с подготовкой данной рецензии, в ходе полевого сезона 2000 г. коллекция была повторно

Корреляция слоев поселений, содержащих раннехассунские материалы

Телль Хассуна	Ярым Тепе I	Кюльтепе	Телль Сотто	Телль Хазна 2	Кашкашок
IV	4				
	5				
IIIb	6				
II	7				
Ic	8				
Ib	9				
	10				
	11	4	8		
	12		7		
Ia		3	6		
		2	5		
		1	4		
			3		
			2		
			1		

просмотрена. Она характеризуется незначительным количеством ребристых сосудов, очень незначительным количеством налепов. В то же время значительное число сосудов декорировано росписью, достаточно много лощеных черепков красного, серого и вишневого цветов. Процент расписной керамики выше, чем толстостенной – груболепной. Довольно много кувшинов с оформленным, выраженным горлом. То есть весь набор форм и декора говорит о развитом характере керамики из Хазны 2, далеком от этапа, документированного материалом нижних слоев Телль Сотто и Кюльтепе, которые, используя терминологию автора рецензируемого издания, можно было бы называть "протохассунским". Керамика Хазны 2 может в лучшем случае быть датирована самым концом "протохассунского" периода и, в большей мере, этапом архаической хассуны и синхронизирована с слоями 12–9 поселения Ярым Тепе I, слоями 7–8 из Телль Сотто и слоем 4 из Кюльтепе (таблица).

Керамическая коллекция из поселения Кашкашок 2 характеризуется наличием груболепных сосудов, как округлобоких, так и имеющих ребро на тулове сосуда (Tell Kashkashok..., 1991. Pl. 60), весьма большим количеством налепной орнаментации и ручек налепов (Tell Kashkashok..., 1991. Pl. 66), биконическими и округлобокими расписными сосудами без горла (Tell Kashkashok..., 1991. Pl. 61). Отмечены сосуды с выраженным горлом, залитым краской. Расписной орнамент характеризуется как перекрестной штриховкой, так и широкими полосами и шевронами, целиком залитыми краской, как на округлобоких сосудах, так и на сосудах с выраженным ребром и подкосами к дну (Tell Kashkashok..., 1991. Pl. 64, 65). В целом, с одной стороны, судя по опубликованному набору керамических сосудов, груболепные составляют абсолютное меньшинство в коллекции, но в то же время большинство керамических сосудов орнаментированы росписью. Довольно много закрытых сосудов имеют выраженное горло. Все перечисленные признаки говорят о том, что материал поселения Кашкашок 2 представляет не самый ранний этап в эволюции хассунской керамической традиции. С другой стороны, в коллекции довольно много архаичных элементов: сосуды с ребром и подкосами к дну, некоторое количество биконических сосудов, налепной орнаментации, – все это говорит о том, что материал достаточно ранний, как отмечает М. Ле Мьер. Он, на самом деле, выглядит несколько более ранним, чем коллекция из Хазны 2. На наш взгляд, он может быть примерно одновременными материалу из поселения Кюльтепе и слоям 4–7 Сотто. Соответственно материал Кашкашока датируется второй половиной этапа Сотто (или "протохассуны") и самым началом архаической хассуны, а материал из Хазны 2 – это самый конец этапа Сотто (или "протохассуны") и начало архаической хассуны (слои 12–9 Ярым Тепе I), то есть Хазна 2 в значительно большей степени датируется временем архаической хассуны, нежели более ранним периодом.

По мнению автора, на основании распределения технологической группы керамики "orange ware" можно говорить о выделении в "протохассунском" материале раннего и позднего этапов (С. 134–135). Эта разновидность керамики отмечает поздний этап "протохассуны", отражающий переход от протохассуны к халафу (С. 135). Попытка найти связку "протохассуна"–ранний халаф через наличие "orange ware" – это традиция, идущая от анализа материала поселения Саби Абьяд (Le Miere, Nieuwenhuisse, 1996). Мы уже высказались по этому поводу (Амиров, 1999. С. 233–237), здесь же позволим себе напомнить старый аргумент, отмеченный еще при раскопках группы теллей Ярым Тепе. Хассунские и самаррские черепки обнаружены на материковом слое поселения Ярым Тепе II ниже регулярного халафского культурного слоя (Мунчаев, Мерперт, 1983. С. 165), погребения халафской культуры были обнаружены при раскопках хассунского поселения Ярым Тепе I впущенными в слой, содержащий самый поздний материал стандартной хассуны (Мерперт, Мунчаев, 1982. С. 28–49); хассунский поселок к этому времени прекратил существование и успел превратиться в телль. Таким образом, в Ассирийской степи, в центральной зоне как хассунской, так и халафской культур, нет данных о синхронности не только раннего, но и самого позднего хассунского материала с халафским. Из всех имеющихся стратиграфических наблюдений в этом районе вытекает, что халафская культура в Северной Месопотамии следует непосредственно за хассунской, хотя это не исключает, что на халафской периферии на коротком отрезке времени не могут быть отслежены отдельные элементы синхронизации этих культур. Таким образом, еще раз отметим, что попытка проследить связь между ранним хассунским и халафским (пусть даже самым ранним) материалом, опираясь на не очень убедительные данные малочисленной технологической группы "orange ware", чья природа пока не очень понятна, и на не очень четкие стратиграфические наблюдения с периферийного памятника, каким является расположенное на Балихе поселение Саби Абьяд, при этом игнорируя, на наш взгляд, более значительные аргументы, выглядит не очень продуктивной.

Относительно тезиса автора о том, что в верховьях Хабура неизвестны наиболее ранние слои "протохассуны", равно как неизвестны хассунские слои архаического и стандартного этапов (С. 135), можно сказать следующее. Мы согласны как с первым, так и с последним утверждением. Действительно, наиболее ранние материалы протяженной во времени хассунской керамической традиции, синхронные нижним слоям Тель Сотто, вероятно, тяготеют к Тигру, к восточной части Ассирийской степи. В то же время декоративный стиль стандартной хассуны практически не известен в Хабурском треугольнике. Как уже отмечалось, на территории сирийской части Джезиры керамика стандартной хассуны в настоящей время зафиксирована только на одном памятнике, причем восточнее русла Хабура недалеко от современной границы с Ираком. Вероятно, стандартная хассуна является

локальной декоративной традицией, тяготеющей к указанному выше району в рамках большой культурно-исторической общности, подобно тому, как было примерно на этой же территории в конце 4 тыс. до н.э., когда в рамках единой культурной общности позднеурукского времени, распространившейся на территории всей Месопотамии, появляется локальный вариант, получивший название культуры или периода Джемдет Наср. В то же время с памятниками этапа архаической хассуны, на наш взгляд, дело обстоит иначе. Признаки, отделяющие ранние этапы периода архаической хассуны от позднего периода Сотто или "протохассуны", не столь дискретны. По мнению М. Ле Мьер, для позднего этапа "протохассуны" характерны роспись перекрестной штриховкой и большое число ангобированных красным цветом сосудов. Это действительно так, если сравнить поздний этап "протохассуны" с его ранним этапом. Однако в чем тогда различие между поздним этапом "протохассуны" и началом архаического этапа хассуны? Переход между этими выделяемыми этапами представляет собой искусственно разделенный континуум. Поэтому согласиться с тем, что на территории "Хабурского треугольника" отсутствуют памятники периода архаической хассуны мы не можем. Здесь у нас создается впечатление, что автор анализирует "протохассунский" или раннехассунский материал, абстрагируясь от слоев развитой хассуны.

Здесь также следует отметить, что поскольку признаки, на которых строится периодизация хассунской керамической традиции, включая самый ранний этап Сотто или "протохассуны", мы в целом понимаем одинаково с автором рецензируемого издания, нам представляется, что отмеченные нами расхождения в датировке хассунского материала носят не столько фактологический, сколько терминологический характер.

Халафский раздел подготовлен О. Ньювенхьюссе (O. Niewenhuisse). Ввиду большого количества вопросов, затрагиваемых в данном разделе, причем по многим из которых мы имеем мнение, близкое к точке зрения автора этого исследования, мы не можем в данной рецензии рассмотреть все из них. В связи с этим сознательно ограничимся проблемами, где наши точки зрения не всегда совпадают, и прежде всего на ряд вопросов, связанных с периодизацией халафской культуры.

Всего в разведках собрано 1098 халафских черепков, происходящих более чем с 40 поселений (С. 180), периодизация собранного материала базировалась на сравнении с опубликованной стратифицированной керамикой из раскопанных поселений. При этом естественной сложностью при работе с подъемным материалом является относительно небольшое количество диагностических, морфологически ценных фрагментов, что автоматически делает главным источником информации орнамент. Другой сложностью является тот факт, что несмотря на то, что собрана довольно обширная коллекция халафских черепков, их число с большинства поселений ограничено (Fig. 70); это не позволяет строить относительную хронологию, базируясь на статистике распределения находок (С. 155).

Как отмечает автор, в результате работ последних 10 лет мы имеем гораздо более утонченную хронологическую сетку халафской культуры, для некоторых регионов материал сейчас позволяет разделить халафский период на шесть последовательных фаз (С. 155; Табл. 19). В дополнение к трем классическим фазам, раскопки на поселении Телль Саби Абьяд, расположенном в Балихской долине Северной Сирии, добавили более раннюю фазу халафской культуры. Эта фаза, названная Balikh IIIb, непосредственно следует за короткой переходной фазой между prehalaf and early Halaf, названной Balikh IIIa period. В течение этой фазы сильны хассунские и самаррские влияния (С. 155).

По мнению автора, похожая переходная и раннехалафская керамика недавно идентифицирована в Хирбет Гарсур и на поселении NJP 72 в Северном Ираке. Эти фазы были интерпретированы как местный "переросток" хассунской культуры и названы хассуна III и халаф Ia (Campbell, 1997).

В дополнение к этим 5 стадиям выделяется переходная халафско-убейдская фаза. Следовательно, теоретически, по мнению автора, халафский период может быть разделен на 6 фаз: Pre Halaf to Halaf transitional; earliest Halaf, далее традиционные ранний, средний, поздний Халаф; и в конце халафско-убейдская переходная фаза (Табл. 19).

Основываясь на наблюдениях над стратифицированной халафской керамикой, автор отмечает признаки, позволяющие хронологически делить халафский материал, а также сложности, возникающие при попытках диахронного рассмотрения признаков без анализа их статического распределения (С. 156).

В связи с тем, что собранный материал не позволяет статистически репрезентативно представить все из 6 предлагаемых к выделению фаз, автор предлагает ограничить анализ обобщенным двухчастичным членением халафского материала. Весь собранный в разведках материал делится на халаф I и халаф II. Соответственно Халаф I подразделяется на халаф Ia – наиболее ранний халафский материал, синхронный, по мнению автора, материалу фазы Balikh IIIb, которая была выделена на поселении Саби Абьяд, а также халаф Ib, синхронный традиционному раннему Халафу, известному на Арпачии и Телль Акабе). Халаф II предлагается также разделить на два периода (IIa и IIb) но оговаривается, что это подразделение менее очевидно. Переход к Халафу назван хассуна III, он синхронен периоду Balikh IIIa. Наконец для конца халафской эволюции выделяется халафско-убейдская переходная фаза (С. 158).

Собранный материал на основе принципов изготовления и декорации сосудов сгруппирован в 7 групп, 5 из которых – традиционно выделяемые разновидности халафской керамики, а также самаррская керамика и подражания ей, наконец, последняя – это так называемые "orange ware". При этом абсолютное большинство керамики (972 фрагмента) представлено монохромно расписной разновидностью, остальные малочисленны – от 2 до 39 черепков (Tab. 20a; b).

Как отмечает автор, переход от пре-халафа к халафу в Северной Месопотамии характеризуется сильным самаррским влиянием. Многочисленные самаррские черты сильно взаимодействуют с местными традициями в период Balikh IIIa. Технологически эта керамика не очень хорошо выделяется из местной керамики (С. 161), поэтому при выделении этой группы приходилось опираться главным образом на орнамент.

По мнению автора, "orange ware" технологически отличается как от высококачественной халафской, так и от самаррской керамики. Эта керамика, по мнению автора, достаточно широко распространена. В дополнение к "протохассунским" поселениям один сосуд зафиксирован на самаррском поселении Телль Багуз и в переходных к Халафу слоях Саби Абьяда, где, как отмечает автор, она обнаружена в очень небольшом количестве. "Нет сомнения в том, что некоторые черепки из Хабурских разведок похожи на экземпляры из Саби Абьяд" (С. 162). Надо отметить, что все фрагменты этой разновидности представлены мелкофрагментарными черепками, не позволяющими судить о форме сосудов. Автор предлагает опираться на эту группу как на связующее звено между "протохассуной", самаррской и халафской культурами, и соответственно как на главный маркер выделения наиболее

раннего формационного переходного к халафской культуре этапа, после чего эта керамика выходит из употребления (С. 162).

Как полагает автор, декорация переходного к Халафу периода, так же как и раннехалафская, характеризуется росписью полосами, в частности, и индивидуальные мотивы вписаны в горизонтальные полосы. Для раннего этапа халафской культуры характерны заштрихованные ромбы, зигзаги, точечный орнамент. На позднем этапе халафской культуры среди прочих мотивов появляются четырехлепестковая розетка, шевроны, шахматная доска и др. (С. 167), значительно возрастает количество сосудов, имеющих роспись в интерьере сосуда. Во второй половине халафского периода появляется комбинированная декорация (роспись + прочерченный орнамент), к самым поздним слоям возрастает количество сосудов, содержащих люстровую полихромную роспись, появляются открытые тарелки, полностью залитые красной краской.

Называя признаки, выделяющие определенные периоды в эволюции халафской керамики, автор преимущественно опирается на стратифицированные материалы из Телль Акаба, Чагар Базара и Арпачии. Использование этих признаков позволяет разделить собранный нестратифицированный подъемный халафский материал на две большие хронологические группы: более раннюю и более позднюю, где в свою очередь достаточно легко выделяется материал переходного халафско-убейдского этапа. Признаки, призванные дать характеристику наиболее раннего периода халафской культуры, менее определенны. По сути, то, что автор предлагает называть ранним халафом, может принадлежать, а вероятнее всего и принадлежит его среднему этапу. Самого раннего Халафа, как он известен из нижних слоев Арпачии и Ярым Тепе II, среди опубликованного материала не видно, возможно, его и нет в Хабурском районе и западнее.

В приведенных таблицах S-видные чаши (Табл. 3: 1; 2) характеризуются как формы, свойственные переходному к халафу периоду, в то время как в хорошо стратифицированном материале Ярым Тепе II они абсолютно неизвестны в нижних слоях и впервые появляются на среднем этапе, а количественно значимыми становятся на позднем этапе (Amirov, Deopeak, 1997).

Как отмечает автор, все 6 предлагаемых хронологических подразделений халафской культуры представлены среди собранного в разведках материала, однако в большинстве случаев можно определить принадлежность материала раннему или позднему этапу, но не более подробно (С. 183).

На основании фиксации фрагментов сосудов выделяемых разновидностей предлагается динамика халафской поселенческой активности в районе Хабурского треугольника, которая представлена на картах 73–74; 76–78. Судя по картам, автор считает возможным проследить распространение поселений так называемого прехалафского и переходного к халафу периода (на основании фиксации самаррской керамики и "orange ware"), периода халаф I с подразделением на субпериоды Ia и Ib, периода халаф II с подразделением на субпериоды IIa и IIb. На отдельной карте представлено распространение поселений наиболее позднего халафско-убейдского периода.

Опираясь на собственный опыт датировки халафской, хорошо стратифицированной керамики из поселений Ярым Тепе II и Хазна 2 (Amirov, Deopeak, 1997; Мунчаев и др., 1993), расположенных соответственно в Ассирийской степи и Хабурском треугольнике, можем отметить, что достаточно дробная периодизация халафской керамики возможна только для больших серий одновременного материала, базируясь на процентном соотношении морфологических и декоративных групп (ситуация с технологией на наш взгляд в настоящее время менее определена).

Подъемный, количественно ограниченный материал позволяет получить некоторые общие данные для датировок. Благодаря ряду дискретных признаков (морфология, декор, цветовая гамма росписи) поддается выделению часть поздних халафских материалов как переходного халафско-убейдского, так и собственно позднего халафа. Гораздо сложнее обстоит дело с членением более раннего материала, который значительно более однороден, нежели более поздний. За редким исключением весь набор форм и орнаментальных мотивов представлен как в раннехалафских слоях, так и на среднем этапе развития этой культуры, различаясь только процентным соотношением.

Единственный намек на относительно ранний халафский материал – наличие на керамике мотивов росписи, которые связывают происхождением с самаррской стилистикой (в Ярым Тепе II эти реликты доживают до среднего этапа) и некоторых собственно халафских мотивов росписи (eggs and dots, huts and flowers и др.). Во всем остальном собранная в разведках керамика выглядит скорее относящейся к среднему этапу халафской эволюции. Это касается как морфологии, мотивов, так и композиции росписи.

Бесспорно, наличие импортов самаррской керамики является сильным аргументом в пользу ранней датировки халафского материала, но только в том случае, если она обнаружена в контексте халафского слоя. В том случае, если она собрана в ходе подъемных сборов вместе с халафскими черепками, она вряд ли может однозначно свидетельствовать в пользу ранней датировки халафского материала, так как самаррские материалы в Северной Месопотамии в значительной своей части предшествуют появлению халафа и в большей степени синхронизируются с позднехассунским периодом.

Исходя из предложенного членения материала, как считает автор, ему удалось в 4 случаях из 40 проследить преемственность между "протохассуной" и переходной к халафу фазой. В Хабурском районе, по мнению автора, не было культурного разрыва между прехалафским и халафским периодами, что позволяет говорить о процессе постепенного проникновения элементов халафской культуры в регионе, возможно, о процессе "халафизации" (С. 191).

Использование понятия аккультурации (и производных от него нарицательных, таких как убейдизация и др.) в качестве модели, объясняющей связку между двумя хронологически последовательными археологическими культурами, оказалось продуктивным для памятников Северной Месопотамии в интервале IV–III тыс. до н.э. Как показывают стратиграфические наблюдения, для большинства поселений этого периода характерно отсутствие разрывов культурной эволюции в интервале между халафской и раннединастической культурными традициями. Целый ряд поселений демонстрируют переходные слои, содержащие синкретический халафско-убейдский, убейдско-урукский и урукско-раннединастический материал. Однако эта модель культурной трансформации в значительной меньшей степени применима для Северной Месопотамии за пределами отмеченных культурно-хронологических границ. Прежде всего, на наш взгляд, это касается попыток проследить линию преемственности между хассунской и халафской культурами. Две эти культуры сближают в значительной степени перекрывающаяся территория распространения, близкое время существования (хронологическая преемственность), ряд элементов материальной культуры (например, наличие отдельных толосов и сложных гончарных горнов, особенно характерных для халафской культуры, известно уже в хассунских памятниках). Но в то же время их диаметральное различие особенно заметно в обла-

сти массового керамического производства и касается всех этапов технологического процесса: приготовления теста, способа формовки сосудов и мотивов росписи. Керамический материал говорит скорее о том, что это две генетически различные традиции, которые объединены единым экологическим пространством. Причем хассунская культура для Ассирийской степи в значительно большей степени местная в том смысле, что ее становление гораздо лучше прослежено. Халафская культура, как мы ее знаем в настоящее время, напротив, с самого начала предстает в сложившемся виде, что заставляет предположить наличие формационного этапа, пока не зафиксированного в слоях раскопанных халафских памятников, возможно, на территории контактной зоны с самаррской культурой (Амиров, 1999. С. 237). И все же, как отмечалось ранее, все вышесказанное не исключает возможности обнаружения в Северной Месопотамии отдельных свидетельств синхронизации раннехалафских материалов с пережиточными элементами хассунской культуры.

Институт археологии РАН, Москва

Ш.Н. Амиров, С.Ю. Лев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амиров Ш.Н. Рец. на кн.: Tell Sabi Abyad the Late Neolithic Settlement / Ed. Akkermans P.M.M.G. V. I–II // РА. 1999. № 2.

Амиров Ш.Н. Топография археологических памятников Хабурских степей Северной Месопотамии V–II тыс. до н.э. // ВДИ. 2000. № 2.

Бадер Н.О. Некоторые результаты работ на раннеземледельческом поселении Кюльтепе в северном Ираке // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.

Бадер Н.О. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989.

Мерперт Н.Я. К вопросу о архаическом этапе хассунской культуры // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.

Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1983.

Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Бадер Н.О., Амиров Ш.Н. Телль Хазна 2 – раннеземледельческое поселение в Северо-Восточной Сирии // РА. 1993. № 4.

Amirov Sh.N., Deopeak D.V. Morphology of halafian painted pottery from Yarym Tepe 2, Iraq // Baghdader Mitteilungen. 1997. Bd. 28.

Bernbek R. Steppe als Kulturlandschaft. Berlin, 1993.

Campbell S. Problems of Definition: the origins of the Halaf in N. Iraq // Subartu. 1997. V. IV.

Le Miere M., Niewenhuisse O. The Prehistoric Pottery // Tell Sabi Abyad: the Late Neolithic Settlement report on the Excavations of the University of Amsterdam (1988) and the National Museum of Antiquities (1991–1993) in Syria / Ed. Akkermans P.M.M.G. Leiden, 1996.

Lloyd S., Safar F. Tell Hassuna // JNES. 1945. V. IV, 4.

Lyonnet B. Prospections archeologiques en Bactriane orientale (1974–1948). V. 2. Ceramique et peuplement, du Chalcolithique a la conquete arabe / Ed. Gardin J.-C. // Memoires de la Mission Archeologique Francaise en Asie centrale. T. VIII. Paris, 1997.

Mallowan M.E.L. The Excavations at Tall Chagar Bazar and an Archaeological surbey of the Habur Region. 1934-5 // Iraq. 1936. V. III.

Muhesen S. An overview of the Palaeolithic period in Syria // Damaszener Mitteilungen. 1993. № 7.

Nishiaki Y. Preliminary results of the prehistoric survey in the Khabur basin, Northeast Syria: 1990–1991 seasons // Paleorient. 1992a. Bd. 18(1).

Nishiaki Y. Lithic Technology of Neolithic Syria. Ph. D. dissertation. London, 1992b.

Perkins A. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1949.

Tell Kashkashok the Excavations at Tell II // Ed. Matsutani T. Tokio, 1991.

Weiss H., Courty M.-A., Wetterstrom W. et al. The Genesis and Collapse of Third Millenium North Mesopotamian Civilization // Science. 1993. № 261.

Н.А. Макаров, С.Д. Захаров, А.П. Бужилова. СРЕДНЕВЕКОВОЕ РАССЕЛЕНИЕ НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ. М.: ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ, 2001. 495 с.

Коллективная монография продолжает цикл исследований авторов, посвященных средневековой истории Русского Севера. На этот раз в центре внимания стоит тема возникновения поселений, динамика освоения и развитие системы расселения летописного района Белого озера в X–XIII столетиях. Проведенные за последние годы полевые изыскания поставили Белозерье в ряд наиболее изученных в археологическом отношении территорий России. Неоднократными разведками охвачено около 9000 км^2 (для сравнения: такая площадь, например, составляет около трети территории Тульской области).

Издание открывается введением и содержит две части. Первая – собственно историко-археологическая, сохраняющая в названии титул книги, состоит из 9 глав или разделов, посвященных отдельным аспектам рассматриваемой проблемы. Вторая – основана на анализе антропологических материалов, полученных благодаря археологическим раскопкам последнего времени. Завершает книгу текстовое приложение, включающее материалы раскопок могильника древнего города Белоозера, каталоги археологических памятников, библиографический и архивный указатели. Следует отметить иллюстративную часть работы. Это схемы памятников, сводные карты, топографические планы, для которых использованы топоосновы масштаба 1 : 25000 и 1 : 100000, фрагменты картографических документов XVIII–XIX вв. Удачно подобраны и опубликованы таблицы археологических находок, имеются разного рода статистические таблицы и графики. Вместе с каталогом археологических памятников иллюстрации дают полное представление о характере и информативной ценности вводимых в научный оборот археологических источников.

Во введении (Н.А. Макаров) вкратце изложена историография и охарактеризовано современное состояние исследований по аналогичной тематике в отечественной и зарубежной науке. Здесь же приведено обоснование использования

данных археологических разведок для реконструкции особенностей древнего расселения, позволяющих "восстановить некоторые общие явления и процессы, неизменно ускользающие от нашего зрения при раскопках отдельных памятников" (С. 15). С этим тезисом спорить трудно, нужно только добавить, что данные разведок должны быть соответствующего научного уровня. Не менее убедительно и сформулированное автором положение о необходимости привлечения антропологических материалов для изучения процесса освоения русского Севера с учетом исторических факторов и механизма биологической адаптации населения к условиям жизни.

Первый очерк (или глава) – обзорный, называется "Территория и памятники". В этой части работы охарактеризована история Белоозерья как части русского государства, география и природные условия изучаемого района. Проанализирована степень исследованности, полнота и достоверность современной археологической карты. Объективность имеющихся данных проверяется не только для древнерусских селищ, но и для памятников более ранних эпох. Не лишним является специальный раздел, в котором рассказывается о методике ведения полевых работ – по сути характеризуется начальный этап археологического источниковедения.

Значительная часть очерка посвящена основным объектам исследования – древнерусским селищам X–XIII вв. Подробно рассмотрена топография памятников, отмечена зависимость их расположения от особенностей ландшафта, что позволило выявить пять групп поселений с определенными топографическими характеристиками. Интересный вывод сделан на основании анализа распространения культурного слоя. По мнению Н.А. Макарова, "пятна культурного слоя, составляющие археологически фиксируемые селища, – это не реальные участки средневековых поселений, а результаты их разрушения и трансформации ландшафта" (С. 52). Впрочем, далее автор не отрицает совпадения в большинстве случаев территории распространения культурного слоя с территорией древнего поселения.

Памятники также классифицированы по размерам (площади) на три группы (250–7000 м^2, 9000–15000 м^2, 2–11 га. С. 52. Рис. 19). Принцип деления на группы не сформулирован. Как замечает сам автор, целесообразно было бы разделить первую группу селищ наименьших размеров по крайней мере на две составляющие.

Действительно, почти 30-кратное различие между наименьшим и наибольшим объектом кажется слишком значительным. Это явно разные по своему значению элементы системы расселения. Но о системе расселения и значимых особенностях поселений различной площади речь пойдет в следующей главе.

Особый раздел, сопровождаемый серией иллюстраций, содержит сведения о вещевом материале селищ, полученном преимущественно при разведках. Тысячными сериями обработана керамика. Перечень находок позволяет убедиться, что планомерные разведки и тщательное обследование памятников даже при незначительном объеме раскопок могут дать интересные с научной точки зрения коллекции, способные служить полноценным археологическим источником. В частности, при большом числе исследованных объектов появляется возможность с достаточной уверенностью судить об относительной и абсолютной хронологии памятников. Н.А. Макаров выделяет следующие хронологические группы селищ: IX–X вв., XI–первой пол. XII в., второй пол. XII–XIII вв. Интересен вопрос о продолжительности функционирования отдельных поселков, важный для определения стабильности жизни в освоенных районах. По данным автора, длительность существования в течение 100–150 лет можно прогнозировать для 20 поселений, а для 11 этот срок составлял не менее 200 лет. Продолжительность жизни порядка 50 лет удалось установить только для ряда мелких селищ. В большинстве случаев такого рода подсчеты невозможны из-за плохого состояния культурного слоя, однако и полученные данные могут свидетельствовать о достаточной устойчивости населения в освоенных районах.

Второй раздел работы – "Региональная система расселения и ее развитие в X–XIII вв." (авторы Н.А. Макаров, С.Д. Захаров) раскрывает основную тему исследования.

В части географической основные положения авторов можно сформулировать следующим образом:

– Белозерье – древнерусская окраина со стабильным населением, на протяжении столетий мало менявшая свои границы.

– Большинство поселений X–XIII вв. тяготели к самому Белому озеру и наиболее крупным рекам, исключения редки. Водораздельные участки практически пустовали. Прослеживается тяготение древних поселений к определенным формам ландшафта.

– Поселения зачастую составляли отдельные гнезда, которые в свою очередь образовывали, по терминологии авторов, кусты – более крупные территориальные объединения, разделенные обширными неосвоенными землями.

Применительно к географической, ландшафтной и социально-политической ситуации рассмотрено местоположение "Старого города" – летописного Белоозера. Авторы пришли к выводу о том, что "если роль города Белоозера как одного из крупнейших центров древнерусского расселения на северных окраинах и важнейшего узла средневековых коммуникаций на Севере хорошо документирована археологической картой, то функции его как регионального центра сельской округи не столь очевидны" (С. 80). Это интересное аргументированное наблюдение. Но собственно сельская округа у Белоозера отсутствовала (об этом в книге далее), а применять термин "сельская округа" к обширным землям всего рассматриваемого белозерского региона едва ли правомерно.

В главе рассмотрена динамика освоения Белозерья. Сравнительно редкие и мелкие поселения отмечены для X в. В XI в. происходит очевидный рост освоенной территории и плотности населения. В следующий период помимо поселков небольших размеров в некоторых местах появляются крупные "гектарные" по площади поселения, усложняется структура локальных освоенных районов, что рассматривается как показатель эффективности и устойчивости экономики, обеспечившей рост численности населения. Наиболее освоенным и заселенным на всем протяжении рассматриваемого периода было побережье самого Белого озера с прилегающими территориями по Шексне и Кеме.

Иерархия поселений не прослеживается. По мнению Н.А. Макарова и С.Д. Захарова, археологические материалы не дают возможности в абсолютном большинстве случаев выделять какие-либо поселения в качестве местных центров в составе территориальных кустов. Как возможные, но с достоверностью не определяемые индикаторы отмечены крупные размеры некоторых поселений и наличие около них кладбищ. Поселения укрепленные (всего два–три на останцах без дополнительных укреплений, одно – с валами) авторы также не рассматривают в качестве возможных территориальных центров по причине отсутствия у двух из них близких поселений (Крутик, Васютино) и слабого культурного слоя (Никольское 1) (С. 79). Думается, эти соображения едва ли достаточны для того, чтобы полностью отрицать особую роль городищ в окружении селищ. Вопрос в том, элементами какой системы расселения они могли являться?

Никольское 1, городище в окружении трех мелких селищ, в силу каких-то неведомых нам причин не получило развития и вместе селищами прекратило существование в начале XI в. Нечто подобное, вероятно, случилось с Васютиным, основанным в пустынной окраинной местности. Расположенное на Шексне поселение (городище?) Крутик, схожее по формальным признакам с Васютино, напротив, жило интенсивной жизнью и, судя по имеющимся данным, мало чем уступало раннему Белоозеру.

Истории города в главе уделено много внимания. Небольшой раздел посвящен "Сказанию о призвании варягов", упоминавшему Белоозеро в числе первых центров Руси. Современные археологические данные позволяют авторам отказаться от поисков возможного исторического "протогорода" IX в. в других местах региона, отметив, что в основу легенды могли лечь устные белозерские предания, в которых нашел отражение сам факт появления скандинавов в Белозерье. Что касается хронологии событий, то имеющиеся материалы не позволяют отнести это явление ко времени ранее X в. (С. 85).

Авторы прослеживают рост городской территории Белоозера на протяжении трех столетий, характеризуют особенности городских материалов в сравнении с археологическими данными рядовых поселений. Отмечено стабильное отсутствие у Белоозера близкой сельской округи. В этой связи интересен вывод о самостоятельной хозяйственной жизни рядовых поселений при очевидном более интенсивном развитии города. Вместе с тем предположение о том, что Белоозеро-город в начальный период своей истории был "не столько центром управления регионом, сколько местом обитания значительной части его населения" (С. 84), нуждается в дополнительной аргументации. Материалы X в. из Белоозера в сравнении с коллекциями ранних селищ все же достаточно представительны, чтобы считать поселение хотя бы "первым среди равных" по статусу. Что касается "значительной части населения", то на 1.5 га (100 × 150 м) трудно представить себе слишком большое скопление людей. По приведенным данным, сравнивая площади памятников, речь может идти о числе жителей, условно говоря, "двух Крутиков". Но это сравнение – только для первоначального периода истории города.

В XI–XII вв. город интенсивно рос. Его расцвет пришелся на вторую пол., XII–XIII вв., что, по наблюдениям авторов, совпало по времени с усложнением всей древнерусской системы расселения в Белозерье, увеличением численности и плотности населения. В этом отношении развитие Белоозера-города сопоставимо с историей других известных древнерусских городов.

Третья глава первой части монографии – "Ретроспектива: средневековые селища на фоне памятников эпохи камня–раннего металла" неожиданно оказывается обращенной к предыстории древнерусского Белозерья. Н.А. Макаров анализирует данные об освоении территории в эпоху от неолита до железного века и приходит к выводу об очевидной преемственности в использовании одних и тех же местностей на протяжении нескольких тысячелетий. Тезис автора о возможности рассматривать системы расселения в Белозерье на протяжении всей долгой истории, вплоть до древнерусского периода включительно, как варианты одной и той же модели (С. 95) подтвержден многочисленными данными полевых наблюдений. Выявлена, по возможности, динамика изменения заселенности отдельных районов в разные исторические эпохи. Применительно к этой части работы нужно заметить, что типологическая и хронологическая нерасчлененность памятников с сетчатой керамикой может сказаться на точности выводов об изменении плотности населения в эпоху бронзы и раннего железа. Наверное, стоило бы уделить некоторое внимание происходившим на протяжении 6 тысячелетий климатическим изменениям, наверняка влиявшим на степень освоенности региона в разные периоды.

Что касается возможности рассматривать все системы расселения (СР) от неолита до средневековья как варианты одной модели, то речь может идти только об одной ее составляющей: топографической. Как любая система, СР является совокупностью взаимосвязанных элементов – в данном случае поселений. Связи между поселениями (или связи поселений) определяются не только их географическим расположением, но и тем, какую роль они играют в жизни создавшего их общества, т.е. зависят от всего многообразия социально-экономических связей их жителей. Археологические источники далеко не всегда могут раскрыть именно эти составляющие системы расселения. Но иметь в виду ее существование нужно. Собственно, все сказанное – лишь повод для размышления о точности употребляемых терминов. Наблюдения же над тысячелетней преемственностью в освоении определенных ландшафтов, несомненно, объективны и важны для дальнейших исследований.

Четвертая глава (Н.А. Макаров, С.Д. Захаров, Н.А. Кирьянова) посвящена истории древнерусского земледелия в Белозерье и построена на анализе полученных во время разведок карпологических коллекций. Благодаря специальным полевым исследованиям, зерна домашних злаков и некоторых других культур были обнаружены в культурном слое 20 древнерусских поселений. По мнению авторов, серийные находки зерен типичных для лесной полосы земледельческих культур на рядовых селищах X–XIII вв. разных заселенных мест свидетельствуют о существовании местного земледелия. При этом хлебопашество было одной из составных частей комплексного хозяйства, включавшего и скотоводство, и промыслы. Не отрицая объективность вывода, нужно заметить, что окончательное подтверждение широкого распространения земледелия в Белозерье может быть получено благодаря соответствующим данным палинологии. Какая-то часть находок зерна, особенно на малых селищах и, наоборот, в городе, может оказаться связанной с хлебной торговлей. Такая версия не противоречит отмеченной автором хозяйственной самостоятельности сельских поселений.

Пятая глава – "Организация расселения на микрорегиональном уровне" (Н.А. Макаров) содержит подробное описание освоенных микрорегионов. Локальная система расселения (автор предпочитает иной термин – структура локальных групп поселения, иногда заменяя его синонимами) рассматривается на уровнях "поселение"–"гнездо"–"куст". По данным Н.А. Макарова, карта поселений позволяет выделить 37 гнезд поселений (2–5 соседних селищ, реже больше), значительная часть которых входила в более крупные территориальные "кусты". В тексте дана подробная характеристика отдельных групп поселений. Не обойдены вниманием сложности, которые возникают при определении границ и содержания отдельных кустов и гнезд, подробно рассмотрены ландшафтные особенности расположения отдельных групп памятников. Глава насыщена интересными важными наблюдениями и выводами, обоснованность которых несомненна. В заключении автор отмечает, что "анализ взаимосвязи размеров и группировки поселений с особенностями ландшафта показывает, насколько сомнительно прямолинейное отождествление фиксируемых археологами поселений, гнезд и кустов с некими социальными структурами средневековья". Это утверждение подкреплено рядом убедительных наблюдений, и с ним можно согласиться. Но нужно заметить, что какие-то реалии устройства общества в системе расселения отразились. Например, гнезда с общей площадью входящих в них поселений 2000 м^2 и 16.5 га могли быть

оставлены (созданы) разными не только по численности, но и по социальному составу группами населения. Вообще, вопрос соотношения площади поселений (гнезд, кустов) с численностью и плотностью населения (демографический аспект развития расселения) важен для решения многих проблем истории в рамках рассматриваемой темы. Но, к сожалению, возможности археологических источников в этом отношении достаточно скромны.

Далее автор сам дает пример интерпретации археологических источников для реконструкции картины прошлого. И не выглядит поспешным вывод о жесткой зависимости территориальных пределов отдельных кустов поселений от природных условий и, в силу этого обстоятельства, изначально отличных друг от друга при возможной схожести своей социальной природы. Заслуживает внимания тезис о возможной связи некоторых первоначальных кустов поселений (предлагаемый термин – "протоволости") с более поздними волостями. При этом автор отмечает, что об их генетической преемственности речи не идет, учитывая административно-территориальный характер образования средневековых волостей и особенности соответствующей им системы расселения. В свою очередь протоволости являлись свойственной только своему времени формой освоения территории, обусловленной особенностями хозяйственного, экономического и социального уклада древнерусской эпохи (С. 164–167).

В 6-й главе "Белоозеро и Белозерск" (С.Д. Захаров) рассматриваются вопросы динамики развития летописного города Белоозера, его исторической связи и преемственности с возникшим в XIV в. новым городом Белоозером (Белозерском) на берегу озера в 15 км от прежнего. Анализ письменных источников, привлечение новейших данных археологии позволили автору восстановить картину развития и упадка первоначального города, проследить условия возникновения нового центра края, особенности эпохи сосуществования предшественника и преемника. И до исследования С.Д. Захарова можно было полагать, что угасание Белоозера было связано не только с эпидемиями 50–60-х гг. XIV в., но имело более глубокие исторические причины. Теперь в дальнейших изысканиях можно опираться на богатый фактический материал, тщательно препарированный автором главы. Примечательно, что выводы о динамике развития Белоозера, этапах его подъема и кризиса хорошо соотносятся по своей хронологии с отмеченными в предшествующей главе периодами развития сельской системы расселения в Белоозерье (С. 183–184).

В 7-й главе Н.А. Макаров обращается к теме "Весь и славяне на Белом озере". Случайно или нет, но название повторяет титул монографии Л.А. Голубевой 1973 г. Но сходство ограничивается названием, так как выводы, к которым пришел Н.А. Макаров относительно территории веси, существенно отличаются, если не противоречат общепринятым. Тщательные разведки показали, что на самом Белоозере, в бассейнах его притоков и нижней Шексны – летописном, в современном понимании, районе обитания веси, собственно весские поселения конца I тыс. н.э. практически отсутствуют. Зато многочисленные дославянские памятники этого и предшествующего времени были открыты на близкой территории в бассейне средней Шексны и Мологи (р. Суда и Чадогоща. Материалы исследований А.Н. Башенькина) примерно в 70–100 км к ЮЗ от Белого озера. Данные археологической карты в сопоставлении с современными данными топонимики позволяют считать исторической территорией веси именно район Суды и Мологи. Ретроспективный анализ источников XIV–XIV вв., показывает, что предложенная версия не противоречит историческим понятиям Белозерья, Белозерского княжества, по крайней мере на период, обозримый письменными источниками. В развитие изложенного взгляда автор приходит к заключению о сложении в Белозерье древнерусской системы расселения вне зависимости от традиций веси в освоении территорий. Рассматриваемые материалы заставляют с осторожностью подходить к распространенному мнению о принадлежности веси и наиболее известных поселений X в. Белозерья: раннего Белоозера-города и Крутика. Выводы Н.А. Макарова представляются объективными, основанными на точном анализе современных источников.

Глава 8 "Сельские приходы XV–XIV вв. и системы расселения домонгольского времени: проблема преемственности". От предыстории древнерусского Белоозерья Н.А. Макаров обращается к истории последующих столетий. Раздел, основанный на анализе материалов археологических разведок, многочисленных полевых наблюдениях и данных письменных источников по истории сельских церквей, интересен в методическом отношении как первое комплексное исследование такого рода. Выводы, к которым пришел Н.А. Макаров, – о преемственности местоположения сельских храмов на протяжении столетий, их связи с местами древнерусских поселений и кладбищ и другие, – интересны не только для дальнейших исследований процесса освоения Белозерья, но и для изучения истории народных сакральных традиций. "Не абсолютизируя фактор "исторической преемственности" я тем не менее вынужден признать его существенную значимость, документированную археологическими материалами" (С. 216). Точный вывод, намечающий направление дальнейших исследований.

В заключение первой части монографии Н.А. Макаровым написана глава 9 "Древнерусское Белоозеро и некоторые общие вопросы изучения средневекового расселения". В ней автор рассматривает результаты исследований в контексте исторических процессов, свойственных "всей северной части Европейского континента" (С. 217) и связанных с развитием сельской системы (систем) расселения в X–XII и XIII–XIV вв., формированием культурного ландшафта в географических условиях Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, возникновением городов. Форма изложения избрана в виде нумерованных тематических разделов, которые по сути являются не только изложением выводов исследования, но и содержат тезисы дальнейших научных изысканий на тему общего и особенного в генезисе и развитии территориального устройства древнерусских земель. Положения концепции автора строго выверены, предельно четко сформулированы и, несомненно, заслуживают самого пристального внимания.

Но тезисы есть тезисы, некоторые из них имеют определенную степень дискуссионности и достойны отдельного обсуждения. В рамках рецензии излишне останавливаться на каждом из них. Отмечу лишь некоторые из положений.

Справедливо наблюдение автора о преемственности в расположении освоенных местностей, прослеживающихся на протяжении тысячелетий. Этот факт очевиден. Но причины оседания людей на одних и тех же местах едва ли в первую очередь объясняются использованием окультуренных ландшафтов – для такого утверждения нужны конкретные исследования специалистов в области палеогеографии и иных дисциплин. Вероятное применение одинаковых приемов ведения хозяйства и освоения ландшафтов в разные эпохи – от неолита до средневековья – также сомнительно. Слишком большие, не требующие пояснения, различия существовали в системе хозяйствования, возможностях, психологии отношения к природе и т.п. Да и климатические условия в разные эпохи не были единообразными на одной и той же территории. Правда, по отношению к Белозерью приводимые автором аргументы могут быть состоятельными при

условии, если признать приоритетность в средневековье древнейших человеческих занятий – охотничьего и рыбного промыслов. Общее объяснение преемственности можно искать в обыденном поиске удобного для поселения места. Факторы, влияющие на выбор, разнообразны, многочисленны и, наверняка, менялись со временем. Но некоторые из них оставались постоянными, были как бы непременными требованиями. В частности, таким требованием была близость воды, но по возможности без болота, леса, но не чернолесья, и т.п. Одним словом – были и есть удобья и неудобья.

Автор обращает внимание на возникновение некоторых городов и их опережающее развитие в сравнении с сельской округой как на одно из явлений, свойственное средневековой Руси. В развитие мысли автора можно добавить, что основание городов на новых, слабоосвоенных землях – одна из мер обустройства государственной территории во все времена. Поэтому существование Белоозера как *элемента территориальной структуры* Древней Руси закономерно и объяснимо. Если тот же город рассматривать как *элемент локальной системы расселения* (город и его сельское окружение), то на этом уровне могли существовать региональные особенности, объяснимые историческими, экономическими, природными причинами.

Подготовленная А.П. Бужиловой вторая часть монографии – "Биологическая и социальная адаптация населения Русского Севера" основана на результатах антропологических исследований материалов древнерусских могильников Белозерья. Проблема освещается на фоне общих этногенических процессов, проходивших на территории лесной зоны Восточной Европы в конце I–начале II тыс. н.э. с учетом последних данных антропологии в этой области исследований. Автор рассматривает вопросы формирования популяций в период ранней колонизации Русского Севера, анализирует адаптационные возможности средневекового населения в этих краях, оценивает вероятные последствия эпидемий. Наконец, результаты исследований позволяют в определенной степени оценить особенности и динамику изменения хозяйственного уклада жителей региона на протяжении нескольких столетий. Приводимые в книге многочисленные таблицы и графики содержат важную и разнообразную информацию, понятную не только антропологам, и убеждают в объективности полученных выводов.

"Анализ различных маркеров механического стресса приводит нас к весьма тривиальным выводам о распространении комплексного типа хозяйствования на Русском Севере, который помимо земледелия и огородничества включал пушной промысел и охоту, рыболовство и добычу бобра. Об этом же свидетельствуют данные истории, археологии и палеозоологии... На примере группы Нефедьево удалось проследить некоторую тенденцию увеличения доли земледелия на более поздних этапах" (С. 265). Это один из последних абзацев раздела. Хотя А.П. Бужилова полагает выводы тривиальными, скорее хочется отметить их значимость, равно как и других, здесь не процитированных. Подтверждение антропологическими данными результатов, полученных в рамках других научных дисциплин – свидетельство объективности современных представлений о жизни людей в отдаленном от нас прошлом. В этом отношении вторая часть монографии является реальной и необходимой частью современного комплексного научного исследования.

Позволю небольшое замечание по тексту работы. Автор несколько раз использует противопоставление "европеоидный" – "финно-угорский", что представляется нелогичным. Первое понятие (и термин) полностью принадлежит антропологии, второе означает лишь общую языковую принадлежность населения и, строго говоря, иной информации не несет.

Заключительная часть монографии – приложение – открывается публикацией материалов раскопок могильника Крохинские Пески (Н.А. Макаров в соавт. с Г.А. Новиковой), являвшегося некрополем города Белоозера, ко времени исследования оказавшегося в значительной степени разрушенным. Этот интересный погребальный памятник включал в себя преимущественно бескурганные ингумации XII–XIII вв. Но на той же дюне раскопками была изучена погребальная насыпь, содержавшая остатки кремаций X–первой пол. XI вв. Материалы раскопок опубликованы и прокомментированы с исчерпывающей полнотой. Особое внимание уделено интерпретации курганного погребального комплекса – необычного для Белозерья ритуального сооружения с впускными кремациями и разнородным вещевым и керамическим материалом. Авторы приходят к выводу о том, что невозможно, размышляя о культурной атрибуции памятника, доказать его финскую (весскую), славянскую или скандинавскую принадлежность, и можно говорить лишь о культурной метисации, скрещении "финских, славянских и скандинавских элементов на Белом озере" (С. 308). Такое решение представляется справедливым, но поскольку речь идет о захоронениях людей, принадлежавших к определенному обществу и обладавших определенным этническим самосознанием, то, может быть, следует уточнить, что речь идет о специфических чертах складывавшейся региональной культуры древнерусского населения.

Интересна мысль об особом сакральном значении Крохинских песков, сохранявшемся на протяжении тысячелетий вплоть до появления древнерусского могильника.

Основную часть приложения составляют каталоги археологических памятников бассейна Белого озера и Верхней Шексны (Н.А. Макаров, С.Д. Захаров) и бассейнов Лозско-Азатского озера, Ворбозомского озера, Андозера и верховьев р. Андога (А.В. Кудряшов). В общей сложности текст содержит информацию о 493 археологических объектах разных эпох, соотнесенных с наиболее полной на сегодняшний день археологической картой изучаемого региона. Таким образом, каталоги являются самоценным источником для дальнейшего исследования истории и археологии Белозерья.

Небольшое замечание по тексту. В каталогах при описании некоторых памятников отмечены находки разных эпох (неолит–ранний железный век, ранний железный век–средневековье и т.п.), но культурный слой при этом охарактеризован как однородный. В такой ситуации остается неясным, к какому именно периоду относятся основные отложения и чем объясняется разнородность материалов.

Традиционно завершают работу и придают ей законченный вид указатели литературы и источников, а также обширное резюме работы на английском языке.

Итак, итог. Рецензируемая монография – достойный внимания опыт современной комплексной научной работы. В основе – археология. Но данные антропологии, палеоботаники, топонимики, натурные географические наблюдения, органично вошедшие в текст результаты анализа письменных источников, явились необходимой составляющей исследования. Издание необходимо всем специалистам, занимающимся проблемами истории и археологии средневековой Руси.

Наконец, книгу приятно держать в руках как образец современной полиграфии, научного издания.

Институт археологии РАН, Москва *А.Е. Леонтьев*

ДНЕВНИК И "ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ" И.Е. ЗАБЕЛИНА

Имя выдающегося русского историка и археолога Ивана Егоровича Забелина (1820–1908) стало в последнее время очень популярно. После более чем семидесятилетнего перерыва переизданы его книги "Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях", "Домашний быт русских цариц...", "Минин и Пожарский. Прямые и кривые в смутное время", "История города Москвы" (часть I); "Преображенское или Преображенск – московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого".

Читатели, впервые познакомившиеся с этими книгами, написанными сто, а то и сто пятьдесят лет назад, убедились, что кроме Карамзина, Соловьева и Ключевского у нас были и другие интересные историки. Множество данных о прошлом нашего Отечества и нашей столицы любовно собрано Забелиным по крупицам из тысяч малодоступных источников, изложено живо, хорошим русским языком. Размышления Забелина о характере русского народа, о типах людей старого времени, о государстве не устарели, заставляют задуматься о важных и сегодня проблемах.

Готовятся к переизданию другие книги Забелина ("История города Москвы" часть II; "Кунцово и древний Сетунский стан"). Встал вопрос и о публикации рукописей ученого из его огромного архива, поступившего, согласно завещанию, в Исторический музей. Сотрудница Отдела письменных источников музея И.Е. Белозерова издала фрагменты незаконченных воспоминаний историка. Пришла очередь и "Дневника" и "Записных книжек" Забелина[1]. Эти тексты подготовила к печати другая сотрудница музея – Н.А. Каргаполова.

Дневники деятелей культуры – важный источник наших сведений о жизни общества ушедшего времени. Достаточно напомнить о дневниках сверстников Забелина братьев Эдмона и Жюля Гонкуров во Франции или о дневнике А.В. Никитенко. Авторы этих дневников жили исключительно интересами литературы, сами внесли в нее определенный вклад, но были писателями отнюдь не первого ряда. Зато это тонкие наблюдатели, пристально следившие за всем, что происходило в мире литературы и искусства, и сохранившие для нас не только множество фактов, но и меткие наблюдения и оценки.

Бывают дневники иного рода. В академическом полном собрании сочинений Л.Н. Толстого 12 томов занимают его дневники и записные книжки. Это тоже ценнейший документ, но мало похожий на дневники Гонкуров или Никитенко. Автор жил в стороне от шумной столичной жизни. Внешние события его не занимали, внутренняя же жизнь гениального писателя была исключительно насыщенна и напряжена. Он фиксировал все движения своей души и намечал планы на будущее. Во французской литературе нечто похожее мы найдем, пожалуй, в дневнике Жюля Ромена.

Записные книжки по идее отличаются от дневников тем, что записи здесь более кратки, сделаны на ходу, для самого себя, без расчета на следующие поколения. Но если такие записи оставил Чехов или мастер куда меньшего масштаба, но все же подлинный мастер, как Илья Ильф, то и записные книжки оказываются очень содержательными.

К какому же типу принадлежат дневники Забелина? В его архиве нет стопки одноформатных тетрадей с ведшимися регулярно, день за днем записями. Перед нами разрозненные листы, реже тетрадки, куда вносились не только впечатления о прошедшем дне, но и что-то иное – выписки из древних документов для текущей работы, размышления по ходу ее.Таковы же и записные книжки, мало отличающиеся от того, что при разборе архива названо дневниками.

Первую запись Забелин сделал 11 ноября 1837 г. в возрасте 17 лет, когда окончил Московское сиротское училище, последнюю – 22 декабря 1908 г. за девять дней до смерти. Но сказать, что мы располагаем дневником за 70 лет, нельзя. Записи конца 1830–1840-х годов единичны. Далее до 1855 г. их совсем нет. Записей конца 1850-х годов больше, чем более ранних, но тоже немного. Только с 1861 г. дневник стал вестись и регулярнее, и подробнее.

18 февраля 1861 г., т.е. накануне освобождения крестьян, Забелин отметил: "Время теперь интересное, и надобно записывать". Он не всегда следовал своему решению. За некоторые годы записей совсем мало (за 1880 и 1881 гг. всего по пяти), а за 1884, 1886 и 1899 гг. – вообще нет, после 1905 г. остались разрозненные заметки.

Существеннее другое. В дневнике не отражены многие важнейшие события, происходившие в жизни страны. Умер Николай I. В 1853–1856-х годах шла Крымская война. Народовольцы устраивали покушения на Александра II и в конце концов убили его. В 1877–1878 годах русские войска освободили Болгарию от турецкого ига. На 1904–1905-е годы пришлась Русско-японская война. Обо всем этом в дневнике Забелина нет ни слова. Из реформ Александра II отмечено лишь освобождение крестьян. Революция 1905 г. отражена косвенно.

Нельзя сказать и то, что дневник носил сугубо личный характер и был посвящен жизни семьи. Отмечены женитьба, смерть матери, но ни о рождении детей, ни о смерти шести из них во младенчестве, ни о смерти жены не сказано. О смерти взрослой дочери Анастасии мы узнаем только потому, что отцу выразил соболезнование великий князь Сергей Александрович.

Крайне мало в дневнике и свидетельств творческой работы Забелина. Кое-что сказано о создании "Кунцова" и "Истории города Москвы". О том же, как и при каких обстоятельствах готовились другие книги, из дневников мы ничего не узнаем. Забелин был страстный коллекционер и библиофил, но даже о своих антикварных и книжных находках в дневнике он не писал. Очень мало тут и о его археологических экспедициях и открытиях.

Но чем же тогда заполнен дневник Забелина? Он записывал только то, что его почему-то задело и возволновало. Попробуем понять характер этого весьма своеобычного человека. Он родился в семье бедного чиновника, восьми лет потерял отца и детские годы провел на грани нищеты. Все его учение свелось к пяти годам пребывания в сиротском училище. Он вынес оттуда любовь к литературе и истории, некоторые элементарные знания, но многие пробелы в своем образовании не смог восполнить уже никогда. Так, он не владел иностранными языками. Отсюда его обиды на то, что при нем говорят по-французски. Отсюда же настойчиво повторявшееся желание наладить перевод зарубежных источников, содержащих сведения о прошлом России.

Демократически настроенный Забелин не обладал светским лоском, и вначале это его нисколько не беспокоило. Но случилось так, что он должен был общаться не только с дворянским кругом, но с царской фамилией. И в дневнике он постоянно волнуется, вовремя ли встал, вовремя ли подал руку, уместно ли произнес некие слова.

Огромная жажда знаний, редкое трудолюбие, природная одаренность позволили Забелину уже в молодые годы сделать много полезного для разработки русской истории. Окружающие это понимали и ценили. Но Забелину казалось,

[1] Забелин И.Е. Дневники. Записные книжки. 2001.

что они смотрят на него "как на самочку и недоучку", и он болезненно воспринимал любую недостаточно тактичную реплику.

Все мы помним нарисованный А.И. Герценом в "Былом и думах" образ его друга Н.Х. Кетчера – эпикурейца, шумного чудака. Он был добрым и порядочным человеком, но отличался и изрядной бесцеремонностью. То ли не понимая тот комплекс неполноценности, что тяготил Забелина, то ли нарочно дразня его, он часто задевал своего давнего приятеля. И вот, вернувшись с очередного сборища московской интеллигенции, Забелин дома вынимал свой дневник и начинал разбирать, как к нему отнеслись, какие обидные слова сказали, удачно ли он ответил, что не догадался сразу же возразить и т.д. Таких записей очень много.

Взаимоотношения с людьми более высокого положения, вроде покровительствовавшего Забелину графа С.Г. Строганова, оказывались для историка столь же трудными и напряженными.

Обиды порождали несправедливые оценки собеседников. Гоголь в "Мертвых душах" говорил, что любой крупный русский человек, к сожалению, не может обойтись без "мелких личностей". К Забелину это наблюдение относится в полной мере.

К шестидесяти годам ученый занял прочное положение. Он фактически возглавлял Российский исторический музей, получил высокий чин действительного тайного советника. Ему приходилось принимать в музее Александра III и Николая II, часто встречаться с номинальным руководителем музея великим князем Сергеем Александровичем. Это льстило Забелину, и он тщательно фиксировал услышанные им пустые светские фразы, отмечал, как кто из сильных мира сего поздоровался и простился.

Все эти записи приводят к тому, что на страницах дневника Забелин выглядит мельче, чем он был на самом деле. Сила его была в разнообразной работе над архивными документами или в экспедициях на раскопках, при накоплении фондов музея или за письменным столом, а отнюдь не в официальном представительстве. А Забелина за работой в дневниках мы почти не видим. Это разочаровывает.

Не забудем, однако, что дневник никогда не предназначался для печати. Забелин оставил завещание. Он предусмотрел в нем издание своей переписки, но о дневнике не упомянул.

И все же дневниковые записи и записные книжки Забелина очень интересны. Во-первых, в них много его размышлений о судьбах России в прошлом и в его время, о роли личности в истории, о характере народа, о самодержавии, об исторических личностях, о старых и современных историках. Кое-что из этих размышлений вошло в книги Забелина, например в предисловие к "Домашнему быту русских царей", остальное же отражено только в дневниках.

Во-вторых, при отсутствии последовательного изложения событий здесь тем не менее зафиксировано немало любопытных эпизодов нашего прошлого. Назову запись рассказа В.П. Боткина о кружках 1840-х годов с характеристиками Н.В. Станкевича, В.Г. Белинского и А.И. Герцена, свидетельства о студенческих волнениях в Московском университете в 1860-х годах, передачу споров о путях России в среде московской интеллигенции в период реформ Александра II и начала революционных выступлений народников. Ценен дневник и как источник по истории музейного дела в России, прежде всего о жизни Российского исторического музея.

В-третьих, в дневнике отмечены встречи со многими замечательными русскими людьми. Среди них писатели И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов, А.Н. Островский, Л.Н. Толстой; артисты Малого театра М.С. Щепкин, Н.М. Медведева, И.В. Самарин; архитекторы К.А. Тан и В.В. Суслов и, конечно, деятели науки: историки М.П. Погодин, С.М. Соловьев, Н.И. Костомаров, В.О. Ключевский и ученые менее крупного масштаба, но оставившие определенный след в русской историографии, естествоиспытатели Д.Н. Анучин и А.П. Богданов, филологи Ф.И. Буслаев и Н.С. Тихонравов и многие многие другие. Описаны встречи с Александром III, Николаем II, К.П. Победоносцевым, Н.Н. Милюковым.

Такое разнообразие и богатство материалов делает дневники и записные книжки Забелина весьма ценными и для тех, кто изучает разные стороны истории русской культуры, и для более широких слоев читателей, интересующихся отечественной историей.

Если обратиться к работе публикатора – Н.А. Каргаполовой, то, безусловно, она должна быть оценена положительно. Из огромного числа бумаг, отложившихся в архиве Забелина, отобраны все записи дневникового характера, в том числе и те, что не привлекли внимание исследователей, знакомившихся с архивом раньше. Эти материалы систематизированы и тщательно комментированы.

Все же некоторые моменты вызывают возражения. В текст включены записи, явно не дневниковые, только потому, что они находятся в одних тетрадях с поденными заметками. Так, вряд ли следовало включать в состав дневника фрагменты воспоминаний о Т.Н. Грановском, писавшиеся через десять лет после его смерти, тем более, что они уже дважды изданы (мной в "Археографическом ежегоднике" и И.Е. Белозеровой в альманахе "Река времен"). Попали в публикацию и выписки из литературы, сделанные для текущей работы, афоризмы и т.д. При издании сочинений Ключевского А.А. Зимин и В.А. Александров строже и четче разделили записи из архива, выделив разделы "Дневниковые записи" и "Афоризмы и мысли об истории".

Комментарии содержат сжатые, но содержательные справки обо всех упомянутых Забелиным лицах, но, к сожалению, здесь не освещены некоторые затронутые им в дневнике события и явления. Так, следовало бы пояснить, что такое не раз фигурирующая в тексте идея "органического развития", чем понимание ее Забелиным отличалось от понимания Г. Спенсера или Д. Милля.

Комментатору положено соблюдать определенную дистанцию по отношению к мнениям автора, а не разделять безоговорочно абсолютно все его взгляды. Восторженное восприятие Н.А. Каргаполовой деятельности великого князя Сергея Александровича кажется неоправданным.

Эти замечания не меняют общее положительное впечатление от публикации дневников выдающегося русского историка.

Институт археологии РАН, Москва *А.А. Формозов*

А.Б. Мазуров. СРЕДНЕВЕКОВАЯ КОЛОМНА В XIV–ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в. КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ СТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА М.: Александрия, 2001. 542 с.

Рецензируемая работа широко выходит за рамки регионального исследования такого значимого для Московской земли района, каким являлась Коломна с прилегающей округой.

Эта региональная "узость" преодолевается благодаря полному и умелому использованию огромной источниковой базы, что делает выводы исследователя по отдельным проблемам неопровержимыми, и, самое главное, – они всегда увязываются с общегосударственными процессами.

Книга изобилует новациями, новым свежим взглядом по многим, казалось бы давно устоявшимся и решенным вопросам. Автор компетентен практически во всех смежных дисциплинах – будь то археология, нумизматика, военное дело, история архитектуры, историческая география. Работа снабжена большим справочным материалом, воссоздающим канву истории города, смену наместников, настоятелей, епископов. В этот раздел включен и перечень коломенских сел XIV–XV вв. Все это придает книге энциклопедический характер. Она освещает практически все сферы жизни средневекового города и его округи.

Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, обширной библиографии и значительного (около 150 с.) раздела, названного исследователем "Специальные экскурсы", который включает ряд статей по самым различным аспектам жизни как Коломны, так и Московского княжества в целом.

Во введении очерчиваются задачи исследования, причем, как пишет ученый, "внутренняя организационная работа, возрастание, укрепление и внутренняя консолидация Московского княжества на примере крупнейшего удела (Коломны – *А.Ю.*) является предметом исследования в книге" (С. 13). Думается, однако, что в основе "возрастания и укрепления" любых земель лежит все-таки экономика. Для эпохи феодализма – это земля, феодальное землевладение (по К. Марксу: "Крупная земельная собственность являлась подлинной основой средневекового феодального общества"). Исходным моментом процессов феодализации всегда являются демографические подвижки. Для этого региона, как впрочем и для территории всей Московской земли, на XIV в. приходится значительный приток населения, о чем свидетельствует хотя бы комплекс духовных грамот московских великих князей. Впрочем, проблемы феодального землевладения имеют свою специфику, и частично А.Б. Мазуров коснулся их в своей книге (великокняжеские волости, землевладение коломенской кафедры). В этой связи хотелось бы остановиться на понятии "княжеского домена". А.Б. Мазуров экстраполирует его и на период сложения централизованного государства ("все государство стало доменом его главы". С. 8.). В полной мере согласиться с таким заключением нельзя. Конечно, с образованием централизованного государства домениальные княжеские земельные владения не исчезли. Они превратились в земли дворцового ведомства, в противовес которым появились черные (синоним государственных). Поэтому не совсем верен и другой, противоречащий первому, тезис А.Б. Мазурова о том, что "домен исчез вместе с возникновением объединенных государств" (С. 8). Справедливости ради надо признать, что вопрос этот проработан в литературе плохо и не исключено, что подмеченные в книге А.Б. Мазурова противоречия отражают противоречия реалий того времени.

Уместным, на наш взгляд, было во введении дать краткую характеристику двух принципиально отличных друг от друга этапов истории Коломны – рязанского и московского.

Глава I работы очерчивает круг привлекаемых источников и содержит обзор историографии. В самом начале главы подчеркнута мысль о необходимости привлечения достаточно различных источников, поскольку "средневековый город – многогранное, полифункциональное, сложное и динамичное явление в истории человеческой цивилизации" (С. 17). И действительно, метод комплексного источниковедения пронизывает всю работу А.Б. Мазурова. Все летописные упоминания о Коломне сведены автором в таблицы, освещающие как количество упоминаний (С. 19), так и их тематику (С. 22). Подобные таблицы значительно упрощают восприятие материала и делают его более информативным. Однако нам представляется не совсем верным судить о значении города только на основании количества летописных упоминаний о нем (кстати, среди городов Московской земли одинаковое с Коломной число упоминаний имеет еще Волоколамск и сама Москва, упоминания о которой за XII–XIV вв. исчисляются сотнями).

В силу этого, а также следуя логике исторического процесса, я не решилась бы ставить Коломну в один ряд с такими княжескими столицами, как Владимир, Суздаль, Смоленск, Кострома и т.д., хотя мотивация исследователя здесь понятна.

Удачно скомпонована 2-я таблица (вторая пол. XIV–первая треть XVI в.). Здесь хотелось бы обратить внимание на резкое возрастание летописных упоминаний о Коломне в XIV в., что в целом для городов Московской земли мало характерно (за исключением Москвы). Причина этого кроется, видимо, в особенностях политической истории региона. В этот период эта хлебородная земля становится вотчиной московских великих князей, ими обласканной и благоустраиваемой (епископия, система обороны). Отсюда и внимание летописцев к этой территории.

Использование актового материала также сведено в таблицу (С. 24). Здесь преобладает комплекс духовных и договорных грамот московских князей. Помимо этого привлечены памятники литературного происхождения, агиографическая литература, писцовые книги, материалы иностранного происхождения, картографические источники.

Завершает главу небольшой раздел, посвященный использованию данных археологии. Нельзя не согласиться с исследователем, когда он пишет: "до начала 90-х годов XX в. сказывался дефицит исходного, хорошо документированного и качественно проработанного археологического материала" (С. 35).

Вторая глава монографии посвящена очерку Коломны XII–первой трети XVI в. (следует отметить, что хронологические вехи этой главы несколько не сочетаются с датами, проставленными на обложке книги). Бесспорно, история города должна быть целостной.

Глава разбита на два разновеликих раздела, освещающих жизнь города в рязанский и московский периоды. Нельзя не согласиться с заключением исследователя об изначально военном характере возникновения города, "являвшегося передовым оплотом Рязани в Москворецком бассейне" (С. 37). Однако на наш взгляд на основании археологических данных (наличие большого числа городищ) судить о нарастании здесь

военной мощи Рязани пока рано. Дело в том, что как ближайшие к Коломне городища (Городищи, Протопопово, Карабчеево), так и более удаленные – в бассейне Северки и Осенки (Федосьино 1, 2, Юшково, Мячково, Городена) – все без исключения с дьяковской подосновой и имеют очень маленькую площадь (до 3 тыс. м^2). Являлись ли они в славянское время укреплениями? Скорее приходится говорить о том, что славянское население в процессе своего расселения использовало эти удобные укрепленные площадки для проживания в таком опасном регионе. На территории Московской земли таких городищ известно несколько десятков, но только в двух случаях (городище Городищи на берегу Тростянского озера и Неждино на р. Руза) установлена перепланировка укреплений в славянское время.

Археологические данные, в том числе и археологическая карта – ценный источник для различных умозаключений, особенно для домонгольского периода, но здесь желательно выдержать определенные правила. Карта не должна быть слепой (нужен указатель памятников). Желательно, чтобы объекты, помещенные на ней, были по возможности синхронными (великокняжеские волости плохо совмещаются с археологической картой), желательна мотивация проведенных границ. Случайно выпал масштаб. Археологические данные позволяют сделать несложные подсчеты, показывающие, что изучаемый регион – наименее заселенная часть Московской земли. Плотность памятников здесь не превышает 10 на один км^2. Занимая почти четвертую часть Московского княжества 30-х годов XIV в., регион этот содержит всего двенадцатую часть общего числа памятников IX–XIV вв. О причинах этого нетрудно догадаться.

Политическая история Коломны рязанского периода весьма драматична и связана как со столкновениями рязанских князей с соседями (преимущественно с владимиро-суздальскими князьями), так и с внутренними усобицами. Этот раздел работы А.Б. Мазурова написан в свойственной исследователю манере глубокого анализа источников и историографии. Благодаря этому, ученому удалось прояснить некоторые достаточно дискуссионные в прошлом вопросы истории города. Так, анализируя точки зрения ряда исследователей о существовании в Коломне отдельного княжеского стола, исследователь резюмирует: "еще никто не доказал существования Коломенского княжества" (С. 39), с чем не согласиться невозможно.

Вопрос о существовании Коломенского удела в составе Рязанского княжества тоже был достаточно дискуссионным. Так, одна из известных исследовательниц истории города О.П. Булич писала: "Коломна была важным в военном и торговом отношении пунктом, чтобы быть отданной в пользование отдельного младшего князя" (Булич, 1928. С. 14). А.Б. Мазурову удалось не только доказать существование Коломенского удела, но и воссоздать имена и хронологию правивших там князей. Тут спорить трудно. Да и в самом деле, в отношении, например, второго из них – Всеволода Глебовича – имеется прямое указание Радзивилловской летописи под 1186 г. о том, что он "седе" в Коломне (Радзивилловская летопись..., 1959).

Шесть последующих разделов второй главы посвящены изучению московского этапа развития города (XIV–первая треть XVI в.). Это эпоха расцвета города, когда он изначально стал вотчиной дома Калитичей, вошел в состав их великокняжеского домена и управлялся наместниками из Москвы. В этот период своей истории Коломна никогда не выпадала в самостоятельный удел.

Упоминаемые выше разделы работы освещают самые разные аспекты жизни города этого периода (политическая история, сложение территории, военная история и т.д.). На наш взгляд, логичнее было бы несколько видоизменить последовательность расположения этих разделов, начав с политической истории региона и обстоятельств вхождения Коломны в состав Московского княжества, и далее все остальное.

Изучение территории великокняжеского Коломенского удела традиционно опирается прежде всего на комплекс духовных грамот московских великих князей. Вопрос этот достаточно разработан в отечественной историографии. Но и здесь А.Б. Мазуров находит новые источники и доводы, позволяющие по-иному взглянуть на вопросы исторической географии. Это прекрасно видно из таблицы, содержащей перечень коломенских волостей (1336–1406–07 гг.) (С. 65). Таблица хорошо иллюстрирует рост коломенских волостей за несколько десятков лет истории региона. Но духовными грамотами источниковая база исследования здесь не ограничена. Она доведена до писцовой книги 1577–78 гг. и включает новые пласты источников. Благодаря этому исследователю удалось сделать ряд интересных заключений: выделены и локализованы новые волости (Селце, Деревни), найдены центры некоторых некартографированных ранее (с. Никитское для Песоченской волости), верно локализована волость Середокоротна и т.д.

Исследователь делает попытку вслед за А.К. Аверьяновым перенести коломенские владения на правобережье р. Ока. Речь идет о волостях Горетова и Горки. Локализации их предшественников в отношении этих волостей были достаточно убедительными. Горетова помещалась вне пределов собственно коломенских волостей в бассейне р. Горетовка, притока Всходни, что давало возможность выстроить логическую цепочку: поскольку старший из наследников помимо собственно коломенских волостей получал еще Можайск в верховьях р. Москва и Горетову в среднем ее течении, то тем самым он мог контролировать все течение этой важной артерии (Дебольский, 1901. С. 138). Нашелся и археологический эквивалент центра этой волости. И все же нельзя не согласиться с тем, что Горетова действительно упомянута среди коломенских волостей. Но вот вопросы локализации Горетовы, как и последующей – Горок, на наш взгляд, требуют доработки. Прежде всего кажется маловероятным, чтобы такой значительный анклав московских земель на правобережье Оки не был зафиксирован источниками. В то время как договор вел. кн. Дмитрия Ивановича с вел. кн. рязанским Олегом Ивановичем (1382) (Духовные и договорные грамоты..., 1950. С. 29) прямо указывает на московские земли за Окой и среди них нет ни Горок, ни Горетовы.

В отношении локализации волости Горки хотелось бы отметить следующее. Нельзя говорить о соседстве центра этой волости и г. Ростиславль, расположенного на противопожарном берегу р. Ока. Их разделяет река. Что может быть надежнее такого средства защиты? Кроме того, в пользу общепринятой локализации свидетельствуют и данные археологии. Да, следов укреплений на территории села не выявлено (да и нет ни одного случая, чтобы волостным центром было городище). Однако топография села как нельзя более удачна для пограничного волостного центра. Оно расположено близ устья ручья и занимает очень высокую береговую террасу левого берега Оки, с которой хорошо прослеживается противоположный берег.

Завершает этот раздел работы экскурс, посвященный истории коломенских земель, начиная с домонгольского времени. Он построен на основе использования преимущественно данных археологии и топонимики. На наш взгляд, он страдает известным схематизмом, обычно автору не свойственным. Нет должного анализа археологических данных. Топонимика же – сложный источник, всегда требующий проверки другими источниками, о чем в свое время писал С.Б. Веселовский. По-

этому механическое совмещение коломенских топонимов с южнорусскими не может служить убедительным основанием для выводов о том, что "южнорусские переселенцы составляли заметный контингент населения коломенских земель" (С. 86). Материальная культура археологических памятников Подмосковья достаточно единообразна, и в ней пока не представляется возможным проследить южнорусские элементы. Выводы же В.Ю. Коваля по керамике тоже надо пока использовать с осторожностью. Во-первых он изучает керамику Рязанской земли, а это не совсем одно и то же, а во-вторых его доводы об аналогиях рязанской и южнорусской керамики пока в полной мере не убеждают.

Раздел о коммуникациях посвящен изучению древних дорог. Принято было считать, что для домонгольского времени основным средством сообщения были реки, и лишь в XIV в. стали вырубаться леса и прокладываться сухопутные дороги. Однако в коломенском регионе, расположенном на стыке трех крупных соседствующих княжеств, сухопутные дороги, видимо, появились раньше, о чем свидетельствует хотя бы первое летописное упоминание о Коломне (1177 г.) ("князья минустася в лесах"). Оно свидетельствует о том, что по основному направлению Коломна–Владимир в этот период уже было два варианта движения. Хотелось бы только предостеречь исследователя от заключений по этому вопросу, сделанных на основе сопоставления древних дорог с географией археологических памятников. Речь идет о р. Нерская. А.Б. Мазуров пишет, что этот участок древней дороги на Владимир "маркируется цепочкой домонгольских памятников вдоль всего течения" реки (С. 89). Во-первых, цепочки такой нет. Есть скопление памятников в среднем ее течении (более 10 – преимущественно курганные группы). Во-вторых в этом опасном регионе люди едва ли выбирали места для поселений, которые располагались вдоль дорог. Сохранилась серия актов конца XV в., касающихся тяжбы властей Симонова монастыря с бывшими владельцами земельного участка – Коробовской земли. Участок расположен чуть севернее коломенских земель недалеко от устья Пахры. Временно владевший этим участком Гаврила Сьянов никак "не мог на ту землю Коробовскую призвать люди", поскольку владение находилось "на дорозе", на которой была "татба велика" (Акты..., 1958. № 411. С. 433).

Обстоятельно рассмотрены в книге вопросы, связанные с присоединением Коломны к Москве. Этому разделу предшествует тщательный анализ историографии, который привел ученого к констатации того, "что по недостатку источников окончательно решить этот вопрос (о времени присоединения Коломны – *А.Ю.*) невозможно" (С. 99).

В связи с этим исследователь присоединил к рассмотрению этого вопроса весь спектр разногласий между Москвой и Рязанью из-за Коломны на протяжении последующих десятилетий, вплоть до договора 1385 г., после которого распри между Москвой и Рязанью из-за Коломны прекратились.

Далее следует изучение коломенского домена как великокняжеской вотчины, которое начинается с его политической истории. Оказавшись в какой-то период своей истории выморочным (после смерти вдовы Симеона Гордого Марьи Александровны), он тем не менее был полностью сохранен и перешел в собственность Ивана Красного. Поэтому нельзя не согласиться с А.Б. Мазуровым, когда он пишет: "Все княжество рассматривалось, как родовая собственность наследников Калиты" (С. 107).

Духовное завещание Дм. Донского (1389) свидетельствует, что коломенские волости имели весьма значительный материальный потенциал. Коломна "с волостями" давала более трети всего "выхода" Московского княжества – 342 р. Однако, на наш взгляд, является гиперболизмом утверждение о том, что, согласно духовной Дм. Донского, к Коломне в качестве вотчины прилагалось великое княжение (С. 108) и что "владение Коломной делало ее обладателя великим князем Владимирским" (С. 109). Удел князя Василия по духовной Дмитр. Ивановича состоял не только из чисто коломенских волостей. Он еще включал ряд сел в других регионах (Красное, Елизаровское, Проватово, Васильевское в Ростове). Но возражать трудно, когда он пишет, что после Дм. Донского понятие Коломны и великого княжения становятся нерасторжимыми (С. 112).

Как и в других частях книги А.Б. Мазурова, раздел о домене завершает итоговая часть. Среди причин процветания коломенских земель, пик которого приходится на XIV – начало XV в., верно названо плодородие этих земель, выгодное географическое положение.

А вот тезис о заселенности этих земель как в домонгольское время, так и в XIV–XV вв., желательно подтвердить данными археологии. По XIV в. археологические данные выборочные, а вот для домонгольского времени они более полные и не позволяют сделать вывода о том, что "к началу XIV в. эта территория являлась уже хорошо освоенным, "старым" земледельческим районом" (С. 14).

Очень интересен раздел книги, посвященный институту наместничества и воссоздающий перечень коломенских наместников, доведенный до 1532 г. (более 20 персоналий). Скрупулезный анализ источников, на основании которых этот перечень составлен, позволил ученому сделать целый ряд ценных наблюдений, позволяющих охарактеризовать не только функции коломенских наместников, но и проанализировать их социальный состав. Оказывается, что в ранний период существования наместничества в Коломне (XIV–XV вв.) основная функция наместника была военная: он был одновременно и воеводой (С. 130). В этот период власть наместника практически была безграничной. Оказывается, что в наместниках в Коломне были представители древнейших московских родов: Вельяминовых, Ратшичей, Кобылиных, Мининых. Многие из них приехали на Московскую землю еще при первых московских великих князьях. Нельзя не согласиться с исследователем, когда он пишет, что Коломна в известной мере была цитаделью старомосковской нетитулованной аристократии. Здесь имели села и вотчины потомки выехавшего из Орды еще при Дм. Донском царевича Серкиза (Веселовский, 1969. С. 397) (Черкизово, Старков погост, Настасьино (Анастасия – жена Ф. Старко), а также потомки еще одного выходца из Орды – Олабуги, основателя рода Мячковых (Мячково, западнее вотчины Серкизовых). Топонимика здесь такова, что не требует проверки другими источниками, на что указывал еще С.Б. Веселовский. И действительно, наши археологические обследования трех из этих пунктов (Черкизово, Мячково, Настасьино) подтвердили наличие в них красной московской керамики XIV–XV вв. (Юшко, 1977).

География землевладения на территории коломенских земель выходцев из Орды весьма объяснима и показательна, хотя справедливости ради надо сказать, что они владели землями и в других регионах Московской земли.

Кроме того, землевладельцами здесь были Колычёвы (с. Колычёво на левобережье р. Ока), Воронцовы-Вельяминовы (Микулино и Ивановское в верховьях р. Северка) и др. Следует однако заметить, что рассмотрение карты боярского землевладения Московской земли XIV в. (Юшко, 2001. С. 53) склоняет к заключению о том, что плотность пунктов боярского землевладения в низовьях р. Москва значительно ниже, чем в остальных регионах княжества, что, думается, также не требует объяснения.

Поскольку на территории Коломенского удела значительные земельные владения имели великие княгини, в исследовании А.Б. Мазурова присутствует раздел, посвященный изучению их прав. Здесь тоже целый ряд интересных наблюдений и выводов, потому что регион действительно перспективный для рассмотрения этой проблемы.

Как правило, княгини владели своими наделами "до живота". Причем они владели не только землями, но и боевыми конями, "стадами кобыльими" (С. 136). Интересен раздел о географии земельных владений княгинь на территории удела. Оказывается, что "княгини никогда не владели волостями, появившимися во второй половине XIV–XV вв. Наделок выделялся только из древней коломенской территории" (С. 137). Это положение хорошо проиллюстрировано картографическими материалами (табл. 19).

Закрепление и разрастание прав великих княгинь начинается с Ивана Красного (1353 г.), и к 1461 г. великим княгиням принадлежало около половины коломенских волостных территорий, не учитывая сел (С. 141). К началу XVI в. владения великих княгинь были ликвидированы.

Следующий хронологический отрезок истории города – вторая четверть XV в. Это период феодальной войны, начатой сыновьями Юрия Дмитриевича Галицкого, в которой Коломна играла значительную роль. Сюда "отъехал" Василий II после того, как Юрий Дмитриевич занял великокняжеский стол. Но и в этом, казалось бы, хорошо исследованном эпизоде русской истории, А.Б. Мазурову удается найти свежие подходы. Конфликт 1433 г. он рассматривает с точки зрения правовых норм духовного завещания Дм. Донского (1389 г.).

Закономерно для такого города, как Коломна, выделение раздела, посвященного военной истории (С. 153–170). Выясняется, что в XIV–XV вв. "Коломна с волостьми" давала две боевые единицы – городовой полк ("Коломенская рать") и двор великого князя, который комплектовался из землевладельцев Московского и Коломенского уездов. Позже Коломенский полк растворился в поместной коннице Русского государства.

Следующий раздел работы освещает вопросы истории коломенской церкви (епископия, монастыри, приходское духовенство). Ученому удалось установить, что учреждение Коломенской епархии произошло в период между 6 декабря 1352 г. и 11 марта 1353 г., и показать, что создание ее связано с конъюнктурной ситуацией, когда не было ясности с утверждением на митрополичью кафедру Алексея. Кафедра в Коломне, как считает А.Б. Мазуров, и была создана на тот случай, если вдруг столичная останется без епископа. Учреждение кафедры предполагало включение в нее нескольких городов. Поэтому А.А. Зимин высказал логичное предположение о том, что Коломенская кафедра включала еще и Можайск. А.Б. Мазуров, пытаясь подкрепить этот тезис, пишет о том, что на территории Московского княжества этого времени (1353 г.) кроме Москвы, Коломны и Можайска "других городов... просто не было" (!). Это какое-то недоразумение. Городов на территории Московской земле к середине XIV в. было достаточно много: Звенигород (есть летописное свидетельство 1388 г. о том, что в нем была епископия (Продолжение летописи..., 1859. С. 52), Дмитров, Перемышль, Волоколамск и др.). Территория Коломенской епархии была одна из самых маленьких в Русской митрополии и была образована из состава Рязанской и Смоленской епархий. В Коломне был и владычный двор.

Следующий большой раздел книги А.Б. Мазурова впервые воссоздает перечень коломенских владык (около 20 персоналий). Ему удалось показать, что коломенские владыки входили в число самых влиятельных и первостепенных иерархов Руси (С. 186). Как правило, "на коломенскую кафедру возводились игумены и архимандриты известнейших и патронируемых великокняжеской властью монастырей: Симоновского, Николо-Угрешского, Пафнутьева Боровского и др." (С. 216). Коломенская епархия была одной из самых молодых среди 17 кафедр русской митрополии и в то же время самой приближенной к великокняжеской власти.

В исследовании изучено и картографировано землевладение владычной кафедры (Табл. 20, 21), которое подразделяется на сельские вотчины и городское землевладение. Прослежена динамика приобретений коломенской епархии, основная часть которых присоединена не ранее 50-х годов XIV в., причем география землевладения владычной кафедры такова, что наиболее крупные ее владения были компактно расположены и размещались близ города и со всех сторон к нему подступали (С. 229).

Исследователь справедливо констатирует, что корпус духовных грамот не содержит упоминаний о пожаловании каких-либо сел коломенской епархии, откуда делается вывод о том, что "скудость коломенской кафедры есть зеркальное отражение политики московских князей по отношению к митрополии" (С. 231). Однако следует обратить внимание, что в привлекаемой здесь исследователем работе С.Б. Веселовского есть заключение о том, что "все самые древние и самые значительные и доходные владения находились на **первоначальной** территории Московского княжества" (Веселовский, 1947. С. 386). Разве это не есть показатель проявления отношения великокняжеской власти к митрополии? Причем остов этих владений сложился за первые 50 лет великокняжеской власти. Действительно, картографирование владений столичной митрополичьей кафедры показывает, что основной монолит этих земель (так же как и владений коломенской кафедры) приходится на ближайшие к Москве территории, преимущественно южные – до р. Пахра. А вот разброс митрополичьих владений (духовная Алексея) весьма значителен (Селца, Пушкино на р. Клязьма).

Третья глава книги посвящена изучению топографии средневековой Коломны XII – первой трети XVI в. На наш взгляд, рассмотрение топографии и археологических данных логичнее было бы поместить в начало всего исследования, там, где речь идет об истории Коломны в XII–XIII вв., так как эти разделы хронологически предваряют историю города, да и такая схема общепринята. Для изучения вопросов топографии исследователь провозглашает метод ретрогрессии. Однако рассмотрение вопроса начинается все-таки с данных археологии. Здесь нельзя не отметить, что воссоздание древней топографии Коломны и установление времени возникновения города – особая заслуга ученого. Дело в том, что долгие десятилетия ученых вводили в заблуждения выводы, сделанные на основании некачественно проведенных раскопок В.Н. Милонова, который относил древнейшие слои города чуть ли к IX–X вв.

А.Б. Мазурову удалось проследить значительный слой роменского времени в северной части городища и на противоположном берегу р. Коломенки (табл. 10). Площадь его распространения весьма значительна – не менее трети площади городища XII–XIII вв. (к сожалению, слепой масштаб). По вещам он датируется X–XI вв. Исследователь больше склоняется рассматривать его как открытое неукрепленное сельское поселение. Так или иначе, это единственный случай на территории Московской земли, когда город возник на основе неукрепленного поселения предшествующей поры, хотя в других регионах такие случаи имели место (Муром, Суздаль).

Здесь уместно было бы продолжить изложение археологического изучения Коломны. Но оно почему-то прерывается разделом о топографии улиц, посада, размещения храмов,

великокняжеского и владычного дворов. Раздел этот, как и все в книге А.Б. Мазурова, изобилует массой интересных находок и наблюдений.

Вернемся, однако, к продолжению рассмотрения археологического изучения Коломны (С. 271). Одной из самых "деликатных", как пишет ученый, тем является вопрос о датировке древнейших напластований города. В конце XI–начале XII в. в мысовой части продолжало существовать поселение, основанное еще в X–XI вв. (С. 273), однако исследователь не связывает его с вопросом возникновения города. Изучение археологических данных приводит исследователя к заключению о том, что "промежуток между попаданием города на страницы летописей в 1177 г. и основанием города был небольшим" (С. 274). Площадь распространения культурного слоя второй пол. XII–первой трети XIII в. была весьма значительна – почти весь Кремль, посад (табл. 10) – и равнялась 30–35 га. Выявлен и некрополь города этого времени, на месте которого в 1170–1180 гг. возник грунтовой могильник.

К сожалению, пока остается открытым вопрос о существовании укреплений для периода возникновения города. Удалось выявить как пожар времени монгольского нашествия, так и следы быстрого возобновления городской застройки после него. Наличие усадебной застройки в домостроительстве – один из археологических признаков выделения родов из массы прочих укрепленных поселений. Другой такой признак – наличие мостовых, что послужило основанием для вывода о "дорегулярной уличной планировке Коломны, восходящей к XIII в." (с. 278).

Для XIV–XV вв. надежно фиксируются укрепления города, которые охватывали площадь в 20–22 га, что соразмеримо с укреплениями Московского кремля этого времени. Подводя итоги археологического изучения Коломны, А.Б. Мазуров пишет: "Именно XIV век стал эпохой расцвета города, причем основы его подъема были заложены в более раннее время – во второй пол.–конце XIII в." (С. 282).

Глава 4 посвящена изучению памятников духовной культуры города XIV–первой трети XVI в. Это – архитектура, живопись, книжная культура. В результате этого Коломна предстает как крупный культурный центр, где велось активное каменное строительство, функционировали местные иконописные мастерские, сформировались богатые книжные собрания. Этот высокий уровень культуры Коломны А.Б. Мазуров объясняет особым статусом города в структуре Московского княжества.

Объем заключения соответствует объему проделанной исследователем работы. В нем подчеркивается, что в структуре Московского княжества город имел совершенно особый статус, поскольку являлся доменом московского великокняжеского дома. В Коломенском уделе в зародыше просматриваются все компоненты вотчины-государства.

Значительный по объему раздел "Специальные экскурсы" включает целый ряд статей по самым разным вопросам политической истории, материальной и культурной жизни Коломны и всего княжества в целом. Он содержат много новаций. Думается, однако, что восприятие этого материала значительно облегчилось, если бы статьи эти были объединены тематически, а еще лучше, вошли бы в соответствующие разделы книги. Комплексность исследовательской манеры автора от этого ни в коей мере не пострадала бы.

Все высказанные замечания и пожелания не умаляют достоинств книги А.Б. Мазурова. Она представляет собой очень интересное, новаторское исследование, позволяющее пересмотреть заново многие сложившиеся ранее стереотипы. Подкупает умение автора комплексно использовать источники, умело их анализировать, что делает большинство новаций верными.

Без сомнения, монография займет достойное место в отечественной историографии. Она уже стала настольной книгой многих специалистов. Хочется поздравить исследователя с тем, что ему удалось поднять историю родных мест на высокий уровень монографического исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. II. М., 1958.

Булич П. Коломна. Пути исторического развития города. М., 1928.

Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947.

Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Дебольский В.Н. Духовные и договорные грамоты князей XIV–XVI веков как историко-географический источник // ЗРАО. 1901. Т. XII. Вып. I, II. Кн. 5.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.

Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. 1859. Т. VIII.

Радзивилловская летопись // ПСРЛ. 1959. Т. XXXVIII.

Юшко А.А. Отчет о работе разведочного Подмосковного отряда // Архив ИА РАН. 1977. Р–1. Д. 6249.

Юшко А.А. Из истории феодального землевладения Московской земли XIV в. // РА. 2001. № 1.

Институт археологии РАН, Москва

А.А. Юшко

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2002, № 3, с. 183–191

ХРОНИКА

XIV КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ (Архангельск, 2001)

Организаторами очередной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии были Поморский государственный университет и Институт всеобщей истории РАН. Конференция состоялась в Архангельске 12–15 сентября 2001 г. В ней приняло участие около 200 исследователей разных специальностей из России и Европейских стран. Четыре доклада были сделаны на пленарном заседании, остальные распределены по девяти секциям: "История XX века", "Новая история", "Средние века и раннее новое время", "Археология и этнология", "Экономика", "Литературоведение", "Искусствоведение", "История скандинавских и балтийских языков", "Современные скандинавские и финские языки". В настоящей статье речь идет только об археологических докладах.

В двух докладах исследовались ключевые темы европейской медиевистики. Проблеме раннесредневекового градообразования в Северной Европе был посвящен доклад немецкого археолога *Кристиана Радке* (Шлезвиг, ФРГ) "Хедебю и Шлезвиг: процессы урбанизации в Центральной Европе и Балтийском регионе (750–1250 гг.)". Подчеркнув исключительно выгодное географическое положение этих пунктов на стыке между франко-германской империей с ее римским наследием и Балтийским регионом, населенным скандинавами и славянами с специфическими экономическими и культурными особенностями, докладчик на основе данных археологии проследил последовательные стадии зарождения и развития этих раннесредневековых городов. Первоначальные Хедебю и Шлезвиг (VIII–IX вв.). были протогородскими поселениями торгово-ремесленного облика (нуклеи, по западноевропейской терминологии). Постепенно они эволюционировали в раннесредневековые города, достигнув в XIII в. стадии развитых городов Европейского средневековья, права которых были закреплены законодательными актами. Стадии урбанизации фиксируются К. Радке по структурным и функциональным критериям, при этом определяется постоянная взаимосвязь эволюции города с социально-экономическим и культурным развитием общества. Докладчик полагает, что подобным образом протекала раннесредневековая урбанизация и в других местах обширного Балтийского региона.

В докладе *В.В. Седова* (Москва) "Начальный этап контактов между Балтийским регионом и Арабским Востоком" речь шла о периоде, когда Днепровский и Волжский магистральные водные пути еще не были проложены (VIII–первой пол. IX в.) и только что налаживались торговые контакты восточного славянства с миром Востока и Северной Европой. Первые торговые караваны, судя по находкам кладов куфических монет первого периода их обращения в Восточной Европе и костей верблюдов, шли через перевалы Кавказских гор и достигали лесных областей междуречья Днепра и Дона (волынцевская и роменско-бошевская культуры), где локализуются русы – диалектно-племенная группа раннесредневековых славян. Наибольшая активность в становлении контактов с Востоком принадлежала купцам-русам или купцам-славянам (Ибн-Хордадбех, Ибн ал-Факих). В первой пол.–середине IX в. русы воспринимались в арабском мире как часть славянского мира. Славяне-русы поставляли из славянских земель в основном меха бобров и черных лисиц, а также, по всей вероятности, и рабов. Постепенно, видимо, при посредстве купцов-русов торговля распространяется на земли кривичей, словен ильменских и мери. Последние налаживают торговые связи с балтийскими славянами (монетные клады в Южной Балтике; находки фельбергской и фрезендорфской керамики и бус северноевропейских типов в словенско-кривичских землях). Скандинавы в Восточной Европе в рассматриваемое время проживали только в Ладоге, и, очевидно, через ее посредство начинается сравнительное небольшое поступление арабского монетного серебра на Готланд и материковую Швецию. Ситуация существенно изменяется начиная с 60-х годов IX в., когда норманны узурпировали власть над конфедерацией словен, кривичей и мери. Совместно с местным славянским дружинно-торговым людом скандинавы начали проторять водные пути в Византию по Днепру и в страны Востока по Волге. В X в. уже активно функционирует путь "из Варяг в Греки" по Днепру и Великий Волжский путь.

Три доклада были посвящены ремеслу эпохи викингов. В выступлении *Б. Армбрустер* (Тулуза, Франция) "Матрицы из гавани Хедебю (Германия): набор орудий златокузнеца эпохи викингов" исследовалась обработка драгоценных металлов в конце X–начале XI вв., в частности способы тиснения листового металла для изготовления украшений с зернью и филигранью. При раскопках в Хедебю – процветающем городе Южной Ютландии – найдена 41 матрица и большое количество драгоценных сканно-зеренных украшений. Их микроскопические и химические изыскания позволили докладчице восстановить всю цепь производственных операций и определить, какие материалы, инструменты и приспособления применялись местными мастерами-ремесленниками, специализировавшимися на обработке драгоценных металлов. Они создавали произведения (прежде всего, круглые фибулы и крестовидные подвески), ставшие образцами северноевропейского искусства зерни и скани, сочетав в своей орнаментации зооморфные мотивы с западноевропейскими "плетеными" узорами. Эти изделия предназначались для скандинавской аристократии эпохи викингов.

Н.В. Ениосова (Москва) в докладе "О производстве скандинавских подвесок-амулетов в Гнездове" рассказала о дешевых кресалообразных и шитовидных амулетах и амулетах-косах, которые изготавливались из листового металла (меди, латуни и железа) на Восточном селище в Гнездове. Ювелирная мастерская работала в середине X–начале XI вв. и выпускала предметы языческого культа для рядового скандинавского населения. О результатах лабораторного изучения восьми средневековых мечей из собрания Национального музея Финляндии речь шла в докладе *А.Н. Кирпичникова, А.И. Сакса* (Санкт-Петербург) и *Л. Томантеря* (Хельсинки, Финляндия). С помощью ренгена изучены клейма мечей. Устанавливается, что четыре из них (IX–X вв.) являются продукцией рейнских мастерских, мечи XII–XIII вв. происходят также из Германии.

В рамках проекта-каталога "Скандинавские древности на Руси" *С.И. Кочкуркиной* (Петрозаводск) завершена работа "Скандинавские древности в приладожской курганной культуре", результаты которой и были изложены на конференции. В курганах конца IX–начала XI вв. Юго-Восточного Приладожья обнаружено более 440 предметов, включенных в каталог. Только часть их имеет скандинавское происхождение, многие находки кузнечного и ювелирного ремесла изготовлены местными мастерами по северноевропейским образцам, третью группу образуют вещи, прямо не связанные со скандинавской культурой, но предположительно попавшие на Русь через посредничество норманнов. С.И. Кочкуркина утверждает, что основу населения рассматриваемой культуры составляло местное прибалтийско-финское население (весь). Скандинавский этнический компонент здесь несомненен, но выделение его в каждом конкретном курганном комплексе затруднительно. В связи с этим докладом участниками конференции был высказан ряд критических замечаний по поводу подготавливаемого каталога "Скандинавские древности на Руси". *С.С. Ширинский* (Москва) в докладе "Мастер-костерез из Скандинавии и традиции использования режуще-колющего оружия в Поднепровье" сосредоточил внимание на интересном костяном навершии, найденном в гнездовском кургане 74, раскопанном С.И. Сергеевым в 1900 г. Вслед за Н. Феттихом докладчик показал, что находка была навершием рукоятки сабли. Ремесленник-костерез мастерски украсил его узором в стиле Борре, отражая оригинальное искусство Скандинавии своего времени. В то же время особенности навершия свидетельствуют о достаточно хорошем знакомстве мастера с сабельным оружием. Датируя находку концом IX–началом X вв., С.С. Ширинский считает применение в это время сабель конными воинами естественным не только в степных областях Евразии.

В двух докладах характеризовались археологические памятники на смоленском участке водного пути "из Варяг в Греки". В докладе "Погребальные сооружения скандинавов в земле кривичей" *Е.А. Шмидт* (Смоленск) на материалах курганов Гнездова, Новоселок, Заозерья и Рокота рассмотрел особенности курганных захоронений варягов в Днепро-Двинском междуречье. Отмечая разнотипность курганов и разнообразие деталей погребальной обрядности, исследователь утверждал, что погребенные принадлежали к разным группам переселенцев из Скандинавии, вышедшим из ее различных областей. На Смоленщине варяги образовывали или отдельные поселения, или подселялись к местным жителям. Выступление *В.С. Нефедова* (Москва) "Новоселки и Гнездово" было посвящено результатам новых раскопок поселения и курганов в Новоселках. Докладчик утверждал, что Новоселки в X в. было поселением-сателлитом Гнездова. Это был военный лагерь небольшой варяжской дружины, охранявший с северо-востока раннегородской центр, каким в то время являлось Гнездово.

Интересный "Комплекс железных изделий из погребения XI в. в могильнике Рапти-Наволок III" стал объектом анализа в докладе *Е.Р. Михайловой* (Санкт-Петербург). В него входили железная лучковая пила, нож, коса-горбушка, крупный рыболовный крючок, наконечник стрелы с остатками древка, два кольца от удил, фрагмент железного кольца, инкрустированного серебряной проволочкой, личина замка, оселок из сланца. Обнаружены эти вещи в предполагаемом деревянном ящике в одной из курганных насыпей, квадратной в плане, с крутыми склонами, выложенными по основанию камнями. Под насыпью имелась могильная яма размерами 2.1 × 1 м, в центральной части которой выявлен контур ларца с небольшим количеством кальцинированных костей. В восточной части находился названный выше комплекс железных предметов. Погребение датируется серединой–второй пол. XI в. Обычай хоронить наборы инструментов в деревянных ящиках был свойственен викингам. Такие погребения известны в Норвегии, Швеции и Дании. Могильник Рапти-Наволок III находится в Новгородской земле, в верхнем течении р. Луга, то есть в стороне от проторенных варягами путей. Принадлежность рассматриваемого захоронения скандинаву не исключена, но оно могло принадлежать и новгородцу. В XI столетии, как полагает Е.Р. Михайлова, участие новгородцев в военных походах, предпринимаемых киевскими князьями, способствовало восприятию ими "элитарных черт культуры". Среди части местной аристократии распространяется обычай "камерных" захоронений. Таковым могло быть и рассмотренное выше погребение в Рапти-Наволок III.

С большим интересом слушался доклад *К.В. Вешняковой* (Санкт-Петербург) "Становление методов хронологии в Скандинавии (на примере работ по эпохе викингов)". Докладчица показала, что основополагающими хронологическими разработками древностей эпохи викингов (мечей, украшений и бытового инвентаря) стали исследования Я. Петерсена первой половины XX в., не потерявшие своего значения и поныне. Они покоятся на типологическом методе датировок, разработанном еще О. Монтелиусом. В середине XX в. получила распространение методика датировки по комплексам. Ее развитием стало комбинирование этого метода с методом "перекрещивающихся датировок", суть которого заключается в определении времени бытования вещей по аналогичным предметам, найденным в иных ареалах в закрытых комплексах с вещами и монетами, обладающих абсолютной датой. В 60-х годах XX в. появилось требование более детальной дифференциации типов вещевых находок, наметился переход к разработкам морфологических типологий. Этот метод был апробирован на наконечниках копий и стрел Б. Сульбергом и Я. Сугннесом. В целом же, заключает докладчица, типология и хронология Я. Петерсена с некоторыми позднейшими уточнениями и доработками остается действенной до настоящего времени.

Выступление *С.Л. Кузьмина* (Санкт-Петербург), озаглавленное "О возможных древнейших церкви и кладбище в Ладоге X–XI вв.", было встречено критически. Остатки относительно крупного деревянного сооружения 950–960 гг., открытого раскопками Н.И. Репникова в 1911–1912 гг., докладчик пытался трактовать как церковь, а погребения по обряду трупоположения, исследованные раскопками В.И. Равдоникаса к западу от каменной церкви Климента 1153 г., как кладбище варягов времени существования деревянной церкви. Однако имеющая в нашем распоряжении отчетно-раскопочная документация не убедила слушателей в таких построениях.

Для организации и проведения конференции были использованы средства РГНФ (проект 01-01-54002 г/с) К началу конференции были изданы тезисы докладов: "XIV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии" (Архангельск, 2001). Следующая конференция намечена на 2004 г.

Институт археологии РАН, Москва *В.В. Седов*

ПАМЯТИ БОРИСА АЛЕКСАНДРОВИЧА РЫБАКОВА (1908–2001)

27 декабря 2001 г. не стало академика Рыбакова. Он прожил долгую жизнь и всю ее посвятил любимому делу – изучению истории России в самом широком понимании, от истоков славянства до начала государственности и от Киевской Руси до России. Он работал одновременно с талантливыми советскими историками, наследниками русской исторической школы М.Н. Тихомировым, С.Д. Сказкиным, А.Н. Насоновым, Б.Д. Грековым. Среди этой плеяды незаурядных, крупных личностей он сумел сохранить свое лицо. "Этот человек – эпоха в нашей культуре", – говорил его не менее знаменитый современник О.Н. Трубачев. И действительно эпоха, потому что историк и археолог Рыбаков сумел приковать внимание читающей России к делам давно минувших дней, к ее далеким предкам, мастерам и художникам, простолюдинам и князьям, летописцам и поэтам. Начиная с "Ремесла Древней Руси" (1948) и кончая "Стригольниками" (1993) Б.А. Рыбакова читают также увлеченно, как читала Н.М. Карамзина обожженная войной 1912 г. Россия. Всесторонняя оценка его работ – дело будущего, когда их можно будет сопоставить с трудами предшественников и современников и яснее станет облик следующего поколения историков-русистов. Сейчас на страницах журнала, редактором которого он был многие годы, где часто печатались его интересные статьи, хочется задуматься о причинах такой популярности.

Совершенно ясно, что размах научных интересов Б.А. Рыбакова выходил далеко за границы традиционной проблематики археолога и даже историка-медиевиста. Русист с таким кругозором и такой широтой охвата проблем, столь редкими в наши дни узкого профессионализма, останется уникальным явлением в русской историографии. Однако в своем стремлении к универсализму Борис Александрович был менее всего космополитичен – основу его творчества составлял всепоглощающий интерес именно к русской истории со всеми ее вечными вопросами.

Борис Александрович всегда удивлялся, когда его спрашивали, чем он увлекается помимо работы. Она и была основным его увлечением, которому он предавался с неутомимой целеустремленностью вечного труженика. Даже тяжелая, медленно надвигавшаяся на его могучий организм болезнь не погасила этого интереса, и на исторических трудах, которые он читал в последние дни своей жизни, остались его заметки.

За десятилетия упорного труда он написал более 400 работ, в числе которых 20 монографий (неизменно исчезавших с прилавков в первые недели после их по явления). По этим трудам можно проследить всю жизнь историка и археолога Рыбакова. Простое перечисление тем, которые занимали Борис Александрович, удивляет не только разнообразием, но и редкой последовательностью. Однажды проявив интерес к проблеме, он позже обязательно возвращался к ней, развивал исследование и прорабатывал сюжет до конца, используя все возможные источники и нестандартные приемы, рождавшиеся в столь изобретательном уме. Только непрерывностью творческого процесса можно объяснить совмещение казалось бы несовместимых тем, которые разрабатывались Б.А. Рыбаковым в его плотно заполненной любимым делом жизни.

Интерес и глубокое, "почвенное" понимание старорусской культуры Борис Александрович получил, можно сказать, по наследству, с детства впитывая их в семейной среде. Он родился 3.06 (21.05) 1908 г. в Москве, где его отец, Александр Степанович Рыбаков, руководил Старообрядческим институтом. Студент историко-этнологического факультета I-го МГУ (с 1926 г.), Б.А. Рыбаков учился у одного из создателей русской археологии, В.А. Городцова, и у таких знатоков истории Московского государства, как М.К. Любарский и С.В. Бахрушин.

Уже первые два десятилетия научной жизни Б.А. Рыбакова оказались невероятно плодотворными и разнообразными. Еще студентом под руководством Ю.В. Готье и автора классических "Курганов вятичей" А.В. Арциховского он начал работу о славянском племени радимичей, которую защитил в качестве кандидатской диссертации и затем опубликовал на белорусском языке (Радзімічы. Менск, 1937). В эти же годы Борис Александрович провел колоссальную работу в хранилищах Исторического музея, изучая материалы по русскому ремеслу с древнейших времен до XV в., положенные в основу его книги "Ремесло Древней Руси" (завершена в 1942 г. в эвакуации в Ашхабаде, защищена в качестве докторской диссертации в 1943 г., опубликована в 1948 г.). Этот труд, который и сегодня многие считают главной книгой Рыбакова, стал настоящим переворотом в восприятии места Руси в истории средневековой Европы, фундаментом для последующего изучения разных сторон русской материальной культуры, и, что не менее важно, началом естественно-научного направления в изучении древнейших производств, давшем впоследствии столь блестящие результаты в разных областях археологии.

Необыкновенная интенсивность работы молодого ученого в области отечественных древностей в те годы, совсем не легкие для исторической науки, а для страны в целом – трагические и героические одновременно, не может не вызвать удивления. Именно тогда он четко обозначает круг своих интересов в науке, публикуя небольшие заявки на погружение в раннюю культуру восточных славян (Исторический журнал, 1943. Кн. 11–12. С. 73–80); серьезные исследования о знаках собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси (СА. 1940. № 6. С. 227–257) и русской системы мер (СЭ. 1949. № 1. С. 67–91); первые "зондажи" – любимое выражение Б.А. Рыбакова – в мир языческих представлений, отраженный в народном творчестве (СЭ. 1948. № 1. С. 90–106).

Важным шагом для развития Б.А. Рыбакова как исследователя стало его поступление в Исторический музей, где он проработал много лет (1931–1938, 1943–1948 гг.) и познакомился с богатейшими коллекциями русских древностей. Эта работа послужила основой для создания лучших страниц "Ремесла Древней Руси". Кроме того, им была создана новая научная экспозиция для шести залов, посвященных Киевской Руси и Русскому государству, при составлении которой он широко применил один из своих излюбленных методов исследования, опору на историческую картографию: экспозиция включала многочисленные карты, составленные им самим. Это направление впоследствии нашло отражение в монографии 1974 г. "Русские карты Московии XV–начала XVI вв.", показавшей необходимость критического анализа картографического материала и возможность использования его как источника по политической истории.

Но и этим не исчерпывается то, что наполняло жизнь ученого в 1930–1940-х годах. Не менее яркой и талантливой была его педагогическая деятельность. В 1933 г. он начал ее чтением курса лекций по истории СССР в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской (сейчас Московский педагогический университет), с 1939 г. стал доцентом, а вскоре и профессором исторического факультета МГУ. Здесь он читал лекции вплоть до последних лет жизни, одна из которых – вводная "посвятительная" лекция "истфака" – навсегда останется памятной тысячам выпускников.

Скромный, казалось, музейный работник и преподаватель истории Древней Руси оказался широко востребованным современностью. Даже самый краткий список его ответственных поручений, занимаемых позиций и наград ошеломляет – это поистине стремительная карьера. Став лауреатом двух Государственных (Сталинских) премий как автор "Ремесла Древней Руси" (1949) и как участник составившего эпоху в изучении древнерусской культуры двухтомника "История культуры Древней Руси" (1951), Б.А. Рыбаков оказывается во главе кафедры **истории СССР периода феодализма** (1951–1963 гг.) и становится деканом исторического факультета МГУ (1951–1952 гг.), а затем и всех гуманитарных факультетов (проректор МГУ в 1952–1954 гг.). В 1953 г. он избран членом-корреспондентом Академии Наук, в 1958 г. – ее действительным членом, выполняет огромную организационную работу как член бюро Отделения истории АН СССР (1953–1987 гг.), заместитель академика-секретаря Отделения (1967–1973 гг.), академик-секретарь (1973–1975 гг.) и член Президиума РАН с 1973 по 1975 г.

В 1969–1971 гг. Б.А. Рыбаков возглавляет помимо Института археологии Институт истории СССР АН СССР. Он постоянно представляет советскую науку на международных конференциях и конгрессах (в Чехословакии, Польше, Болгарии, Италии, Англии); избирается действительным членом Чехословацкой (1960), Польской (1970), Болгарской (1978) Академий наук и доктором Ягеллонского университета в Кракове (1964). Его вновь и вновь награждают премиями (Ленинская премия, 1976 г.), званиями (Герой Социалистического Труда, 1978), орденами Ленина (1968, 1971 и 1978 гг.), Трудового Красного Знамени (1945), Знак Почета (1953), Октябрьской революции (1975), "За заслуги перед Отечеством" II степени (1998), Рыцарским крестом (Польша, 1974) и др.

Широкая, напряженная деятельность как организатора и руководителя науки не мешала Б.А. Рыбакову удерживать в поле внимания и развивать ранее сложившиеся направления его творческих интересов. В этом ему особенно помогали занятия археологией. В 1936 г. он поступил в главное археологическое учреждение страны – Московское отделение Института истории материальной культуры (позже Институт археологии Российской Академии наук), где работал более 50 лет, до 1987 г., директором Института. Здесь он осуществил ряд крупных, успешных полевых проектов (основные раскопки: во Вщиже, 1948–1949 гг.; в Тмутаракани, 1951–1955 гг.; в Любече, 1958–1961; в Чернигове, 1956–1959 гг.; в Витачеве, 1961–1962 гг.), отчеты по которым свидетельствуют о его высоком профессиональном мастерстве как археолога-практика. Он прошел путь от старшего научного сотрудника до директора Института (с 1956 г.) этот пост он сохранял как почетный до конца своих дней. В Институте была написана основная масса его трудов и основан ряд публикационных корпусов (двадцатитомник "Археология СССР" (ныне "Археология"), общесоюзный "Свод археологических источников" "Археологические открытия". Теперь, по прошествии многих десятилетий, ясно, что сделанный в начале жизни выбор специализации оказался судьбоносным: именно археология и свойственное ей настроение научного энтузиазма, атмосфера постоянного ожидания открытий, оказались живительными для Бориса Александровича.

Правда, сам Рыбаков любил повторять, что является именно историком, расширившим круг своих источников за счет археологии, этнографии, филологии, археографии, эпиграфики, фольклористики. Действительно, в его трудах история постоянно будет теснить археологию, а филология соперничать с историей. Его книга "Древняя Русь. Сказания, былины, летописи" (1964), которую он сам считал "введением в историю Киевской Руси", всколыхнула в равной мере и мир фиолологов, и мир историков. В острой дискуссии с главой школы современных филологов В.Я. Пропом каждый из ученых отстаивал свою позицию с одинаковым успехом. Старый спор, в котором Борис Александрович оказался последователем Вс. Миллера, Ф. Буслаева, Б.Д. Грекова, будут продолжать потомки, но свою лепту знатока истории и быта Древней Руси Борис Александрович в нее внес.

Б.А. Рыбаков вообще был человеком высокого накала, не боявшимся дискуссии, подчас готовым поделить мир на "своих" и "чужих", а затем беспощадно бороться с последними; человеком неравнодушным до страстности. Начатая им в конце 1950-х годов дискуссия о хронологии новгородских древностей повела к необычайно острой полемике с А.В. Арциховским и буквально сотрясла мир славяно-русской археологии, но в конечном счете способствовала упрочению дендрохронологического метода датировки в археологии Новгорода, давшего эталонную шкалу для других земель Древней Руси.

В работах Б.А. Рыбакова оформилась законченная концепция истории и культуры Древней Руси, сформулированная им в первом томе "Истории СССР с древнейших времен" (1966), в ряде других общих курсов – ("Очерки истории СССР" (1953; 1958); "История русского искусства" (1953. Т. I; 1955. Т. III); "Всемирная история" (1957. Т. III.)), и в прекрасно написанной для широкого читателя книжке "Первые века русской истории" (1964). Этногенез славян, поиск ответа на слова Нестора "откуда есть пошла Русская земля" были постоянной областью его занятий. Борис Александрович остался убежденным антинорманистом, он никогда не признавал археологических подтверждений существования готского государства Германариха на просторах Восточной Европы, и всегда приуменьшал роль Хазарского каганата. Что ж, "время слуг своих поставляет". Прошло почти полстолетия со времени, когда Б.А. Рыбаков увлеченно доказывал и обосновывал свои позиции по ключевым проблемам русской истории. Археологические изыскания, свежий взгляд на старые источники и появление новых – все это вносит коррективы в высказанные им соображения. Некоторые из них, в частности, относительно Хазарии, он сам, читая новые книги, считал ошибочными. Некоторые, относящиеся к готам, собирался проверить, соотнести с новыми материалами.

А от своего знаменитого "поляне, яже ныне зовомая Русь" никогда не отказывался и упорно повторял, что термин "Русь" произошел от реки Рось и россомонов. Стремление разрешить загадку этногенеза славян порой увлекало его далеко в глубь истории Восточной Европы, вплоть до проблем этногеографии Геродота (монография "Геродотова Скифия", 1979).

Естественно, что лишь некоторые точки зрения историка и археолога, работавшего в таком диапазоне, подтвердятся – многое не пройдет проверки временем. Но широта подхода к любой проблеме даст возможность уму, не созданному для глобального мышления, найти свое место в частном, более конкретном, детальном и осторожном исследовании и оставить собственный след в науке. Тем же, кто стремится к разработке больших проблем истории Руси, опыт Б.А. Рыбакова в их постановке и решении полезен, даже если автор пойдет "от противного". Высказанные им суждения и гипотезы станут еще одним шагом на пути воссоздания древнейших судеб славянства и возникновения древнерусского государства.

Действительно, кто возьмется отрицать подлинность "Слова о полку Игореве" теперь, когда трудами Б.А. Рыбакова 70-х годов (1971, 1972) все его герои и современники так неопровержимо вписаны в ткань жизни Руси XII в.? А более обоснованной гипотезы об авторе "Слова", чем предложил Б.А. Рыбаков уже на склоне своих лет, в 1991 г., тоже что-то не предвидится. Более 20 лет работал ученый над ключевой проблемой истории и словесности Древней Руси, и она была для него не только предметом исследования, но и предметом размышления о судьбах России. Предупреждение о гибельности раздоров, неумения объединяться, призыв пренебречь своими эгоистическими интересами во имя общего дела, прозвучавшее в "Золотом слове" центральной фигуры поэмы, князя Святослава, близко убеждениям государственника Рыбакова. И как нельзя более современно. А тонко нарисованные им психологические портреты наших предков заставляют задуматься о такой важной исторической категории, как национальный характер, играющей в судьбе России не меньшую роль, чем в судьбе отдельного человека. Далекие от истории люди читают его трилогию о "Слове" (""Слово о полку Игореве" и его современники" (1971); «Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве"» (1972); Петр Бориславич: поиск автора "Слова о полку Игореве" (1991)) и даже составляют картотеку возвращенных им к жизни деятелей Руси XII в., восполняя недостаток указателей в его капитальных книгах (вечно спешил, боясь не успеть!). А это значит, что труды историка Б.А. Рыбакова помимо своих научных задач решают еще одну, не менее важную: они будят самопознание народа, так необходимое людям наших дней, думающих о том, "как обустроить Россию".

Не обойдется без работ Б.А. Рыбакова и будущий историк религии, в равной степени языческой и христианской. Вселенная в сознании язычника, отраженном в археологии, этнографии, письменном наследии Руси, – над этим Борис Александрович размышлял всю свою жизнь, написал об этом много интереснейших статей и две фундаментальные книги (1981; 1987) одна из которых – "Язычество древних славян" – переведена на французский язык. Убежденный атеист, Б.А. Рыбаков отнюдь не чуждался сюжетов церковной истории. Заглянув в эпоху "ренессанса православия", в истоки вольнодумства Древней Руси, он сумел заинтересовать своими "Стригольниками" (1993) многих образованных церковных деятелей современности. Еще большее значение для сохранения традиции изучения церковных древностей имела его деятельность как организатора изучения памятников церковного искусства. Он сыграл важную роль в творческой судьбе таких ученых, как Г.К. Вагнер и Т.В. Николаева, поддержал издание сводов, в изобилии содержавших материал для изучения и древнерусской иконографии, и эпиграфики. Один из них, "Русские датированные надписи XI–XIV вв." (1964), был подготовлен им самим и стал одним из основополагающих изданий источников. До конца своих дней Б.А. Рыбаков не уставал восхищаться красотой, оставленной нам в произведениях древнерусского искусства, о которой умел вдохновенно рассказывать и в специальных курсах, и в популярных лекциях.

Вряд ли можно говорить о "школе Рыбакова" в том смысле, какой в него обычно вкладывают. Она, безусловно, существует. Но не в лице нескольких десятков докторов и кандидатов наук. Эта школа – тот отпечаток, который наложили его труды и личность ученого, знающего Россию и умеющего любить ее в величии и в падениях, в горе и в радости, на каждого, кто профессионально занимался историей Древней Руси во второй половине XX столетия. Это особенно важно в наши дни с их разрушительным нигилизмом и наивными поисками "национальной идеи". Она ведь была известна нашим предкам: люби Россию и в непогоду и трудись для нее. Это и делал всю свою долгую жизнь академик Б.А. Рыбаков. Тот же завет он оставил и нам, призывая "глубже познавать прошлое, активно воспринимать современность, усиленно работать на будущее" и добавляя "Оно у России есть" (Российская газета, 1993. № 231).

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТРУДАХ Б.А. РЫБАКОВА

Алексеев Л.В. К 60-летию Б.А. Рыбакова // РА. 1968. № 2. С. 111–117.

Андроников И. Я хочу рассказать Вам... М., 1965. С. 508–510.

Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Т. 22. М., 1975. С. 437, 438.

Борис Александрович Рыбаков // Материалы к библиографии ученых СССР. 1968. Сер. истории. Вып. 9. Вступ. статья С.А. Плетневой. С. 25–28.

Борис Александрович Рыбаков // Материалы к библиографии ученых СССР. 1978. Сер. истории. Вып. 12. Вступ. статья С.А. Плетневой и Т.В. Николаевой. С. 29–36.

Историки России о времени и о себе // Архивно-информационный бюллетень. 1997. № 15. Вып. 1. С. 4–18.

К 60-летию академика Б.А. Рыбакова // Славяне и Русь. М., 1968. С. 7–10.

К 80-летию академика Бориса Александровича Рыбакова // Новая и новейшая история. 1988. № 3. С. 223–227.

Макарова Т.И. К 90-летию академика Бориса Александровича Рыбакова // РА. 1998. № 2. С. 5–10.

Макарова Т.И. Мастера русской историографии: Борис Александрович Рыбаков // Исторический архив. 2001. № 3. С. 157–172.

Медынцева А.А. Б.А. Рыбаков – историк-энциклопедист нашего времени // Культура славян и Русь. М., 1998. С. 3–30.

Рыбаков Борис Александрович // Советская историческая энциклопедия. 1969. Т. 12. С. 421.

Седов В.В. Борис Александрович Рыбаков – выдающийся ученый-гуманитарий XX столетия // Slavia Antiqua. T. XXXIX. Poznań, 1998. S. 334–341.

70-летие академика Б.А. Рыбакова // ВИ. 1978. № 5. С. 130–134.

75-летие академика Б.А. Рыбакова // ВИ. 1983. № 5. С. 102–104.

Янин В.Л. К 70-летию академика Б.А. Рыбакова // СА. 1978. № 2. С. 127–130.

Из последних интервью:

Открытые двери истории. Беседа с А. Батыгиным // Российская газета. 16.12.1993. № 231.

Беседа с Дм. Макаровым (Последнее интервью с академиком Б.А. Рыбаковым.) // Аргументы и факты. 2002. № 4. С. 12.

Сообщение о кончине // Русский дом. 2002. № 2. С. 54.

Т.И. Макарова

ПАМЯТИ ЭРНСТА ВЛАДИМИРОВИЧА ШАВКУНОВА (1930–2001)

Дальневосточная археология понесла невосполнимую потерю – 28 октября 2001 г. после тяжелой, продолжительной болезни ушел из жизни доктор исторических наук Э.В. Шавкунов. Имя Эрнста Владимировича и дальневосточная археология были неразрывны около полувека. Этот человек был известен очень широко в научном мире как у нас в стране, так и за рубежом. Им было опубликовано более 200 научных работ, среди которых шесть монографий. Он являлся автором блестящих открытий, интересных находок, неординарных гипотез. Мы называли его "наш шеф" и потому, что он был нашим начальником, и еще потому, что это слово как бы происходило из его имен – Шавкунов Эрнст Владимирович. У нас есть шутливое высказывание: археология – это не профессия, это образ жизни. Скорее всего это так. Ведь все мы очень разные, с достаточно сильными характерами, но есть что-то, что объединяет всех нас в любви и преданности к археологии. Во главе и у истоков стоял Эрнст Владимирович Шаркунов, который полвека занимался средневековой археологией Дальнего Востока, создал свою школу.

Эрнст Владимирович родился 23 марта 1930 г. в г. Смоленск, в семье военнослужащего. Его отец, Владимир Васильевич, погиб в первые дни войны, семья находилась в эвакуации в Астраханской области. После войны, в Кировской области, Эрнст Владимирович заканчивает 8-летнюю школу, а затем – вечернюю школу молодежи. С детства он был увлечен археологией, вечно принося домой разные необычные вещи, за что и поплатился, – на левой руке во время изучения очередной находки были потеряны пальцы. Как потом объяснял Эрнст Владимирович, что у него было крещение археологией.

В 1950 г. он подает документы на исторический факультет Ленинградского государственного университета, но оказался на восточном факультете китайского отделения.

В 50-х годах еще студентом 3-го курса восточного факультета ЛГУ Эрнст Владимирович Шавкунов попадает в археологическую экспедицию, вначале на Ангару с Н.Н. Диковым, а затем на Дальний Восток с А.П. Окладниковым. Первые же полевые сезоны приносят открытия: в с. Кумары Амурской области впервые собрана коллекция каменных орудий, датируемая нижним палеолитом, затем в долине р. Кроуновка Приморского края обнаружен памятник железного века, давший название новой археологической культуре – кроуновской.

Закончив в 1955 г. университет, Э.В. Шавкунов распределяется во Владивосток. По записям в его трудовой книжке можно проследить историю нашего Института, ведь Эрнст Владимирович Шавкунов был одним из старейших его сотрудников. Составляя библиографию его трудов, мы обнаружили, что последняя его работа, выпущенная при жизни, была посвящена воспоминаниям о том, как создавался Институт. В 1956 г. он – младший научный сотрудник отдела истории Дальневосточного филиала Сибирского отделения АН СССР. С 1965 г. Э.В. Шавкунов руководит лабораторией археологии, а с 1970 г. – сектором археологии средневековых государств Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. Он один из первых вслед за своим учителем А.П. Окладниковым начал археологические исследования Дальнего Востока. В его послужном списке десятки археологических памятников от эпохи палеолита до средневековья. Его научный интерес в начале 60-х годов был обращен к истории государства Бохай. В 1956 г. Э.В. Шавкунов начинает раскопки буддийских храмов бохайского времени – Копытинского и Абрикосовского. В 1962 г. он защищает кандидатскую диссертацию, в основу которой вошли и эти исследования. В 1968 г. выходит первая его монография "Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье", в которой обобщены не только археологические источники, но и широко привлечены данные письменных источников в собственном переводе с оригиналов.

Поиски и исследования археологических памятников Приморья приводят Э.В. Шавкунова к большому открытию. В 1962 г. им найдено уникальное, теперь уже всемирно известное Шайгинское городище, относящееся к чжурчжэньскому времени (1115–1234 гг.). Тридцать полевых сезонов, проведенных на этом памятнике, позволили ученому по-новому интерпретировать многие проблемы средневековой истории Дальнего Востока. В 1984 г. Э.В. Шавкунов защищает докторскую диссертацию, в которой собраны результаты исследований средневековых памятников, относящихся к чжурчжэньской эпохе, подробно анализируются материальная и духовная культура, этнические процессы в дальневосточном регионе. Обобщая накопленный материал, Э.В. Шавкунов издает две монографии "Культура чжурчжэней-удигэ и проблема происхождения тунгусских племен", "Тайна древних зеркал". Под его руководством и при непосредственном участии коллектива археологов-медиевистов были написаны коллективные монографии: "История Дальнего Востока СССР с древнейших времен до XVII века", "Государство Бохай (689–926 гг.) и племена Дальнего Востока".

Кроме открытий памятников на Дальнем Востоке, в 1970 и 1972 гг. Эрнст Владимирович на территории Монголии находит ряд новых археологических памятников гуннского времени. К блестящим находкам можно отнести обнаруженную вместе с Х. Пэрлээ в развалинах субургана коллекцию берестяных книг конца XVI–первой трети XVII вв.

Научные концепции и труды Э.В. Шавкунова широко известны в стране и за рубежом. Он участвовал в работе и выступал с докладами на международных конгрессах и симпозиумах. Э.В. Шавкунов вел большую научно-организационную работу: под его руководством написано и защищено более десяти кандидатских диссертаций; он осуществлял координационно-исследовательскую деятельность археологов Дальнего Востока России с коллегами из Японии, Южной и Северной Кореи, Китая. С 1994 г. Э.В. Шавкунов возглавляет кафедру археологии, этнологии и мировой культуры Дальневосточного государственного университета.

В 1994 г. Э.В. Шавкунов был избран академиком Российской Академии социальных наук. За многолетнюю плодотворную научную и общественную деятельность Э.В. Шавкунов награжден орденом "Знак почета" и медалями "За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина", "Ветеран труда".

Все мы – ученики, коллеги и те, кто бывал с Эрнстом Владимировичем Шавкуновым в экспедициях, благодарим судьбу, что она свела нас с этим замечательным человеком. Память о нем навсегда останется с нами. Она вечно сохранится в его научных трудах, в найденных им многочисленных экспонатах музеев, в открытых им археологических памятниках, в его учениках, которым он привил любовь к дальневосточной археологии и истории.

Список работ Э.В. Шавкунова опубликован в сборнике "История и археология Дальнего Востока: К 70-летию Э.В. Шавкунова". Владивосток, 2000. 213 с.

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН, Владивосток

Н.Г. Артемьева

ИРИНА КОНСТАНТИНОВНА ЦВЕТКОВА (1917–2001)

23 декабря 2001 г. скончалась И.К. Цветкова. Ирина Константиновна принадлежала к тому неповторимому поколению музейных работников, чья деятельность началась в годы войны и чья преданность своему делу была безгранична. Она была ярким человеком, сильной личностью, оставившей заметный след в археологической науке.

Родившись 17 апреля 1917 г. в г. Томск и получив среднее образование в г. Новосибирск, в 1936 г. она поступает на Высшие музейные курсы НКИ РСФСР, позднее реорганизованные в Музейный факультет Ленинградского политико-просветительского института им. Н.К. Крупской. Закончив его в 1940 г. по специальности – музеевед, она работала заведующей Отделом археологии Сталинградского областного музея краеведения. В конце 1941 г. И.К. Цветкова переезжает в Москву и поступает на работу в Музей революции, а затем в 1943 г. переходит на должность научного сотрудника в Археологический отдел Государственного Исторического музея, позднее переименованный в Отдел археологических памятников. С этим отделом и изучением эпохи неолита лесной полосы Восточной Европы была связана большая часть ее научной деятельности.

В 1946 г. И.К. Цветкова, не оставляя музейной работы, поступает в аспирантуру ГИМ и в 1950 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию по теме "Волосовская культура". За время своей творческой деятельности она опубликовала около 50 научных и научно-популярных работ, первая из которых увидела свет в 1947 г., а последние в 1985 г.

Ирина Константиновна не только участвовала в работе археологических экспедиций с А.Я. Брюсовым, М.Е. Фосс, но и сама руководила многочисленными экспедициями, исследовавшими памятники лесной зоны Восточной Европы. Ею были изучены такие эталонные памятники, как Ибердус I и II, Черная Гора, Владычино, Володары. В результате многолетней деятельности И.К. Цветковой в ГИМе сформировался большой и яркий фонд, в который, помимо массового археологического материала, вошли и уникальные предметы первобытного искусства. Коллекции из ее раскопок широко представлены в экспозициях музея.

Ирина Константиновна всегда тесно общалась с молодежью, уделяя большое внимание воспитанию подрастающего поколения "историков, вооруженных лопатой". В течение долгих лет И.К. Цветкова вела археологический кружок в ГИМе. Многие члены этого кружка позднее стали профессиональными археологами, кандидатами и докторами наук, ныне работающими в ИА РАН, ГИМ, ГМВ и в других научно-исследовательских и музейных организациях России.

Светлая и добрая память об Ирине Константиновне и глубокая ей признательность останутся в наших сердцах.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ И.К. ЦВЕТКОВОЙ

1. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником (По материалам раскопок 1945 г.) // КСИИМК. 1947. Вып. 17. С. 70–78.
2. Стоянка Володары (По материалам раскопок 1946 г.) // КСИИМК. 1948. Вып. 20. С. 3–14.
3. Волосовские неолитические племена. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1950. 16 с. (хранится в библиотеке ИА РАН, отпечатано на пиш. машинке).
4. Волосовские неолитические племена // Тр. ГИМ. 1953. Вып. 22. С. 19–52.
5. Волосовский клад // Тр. ГИМ. 1957. Вып. 23. 20 с.
6. Неолитические жилища стоянки Володары // СА. 1958. № 2. С. 112–123.
7. Стоянка Черная Гора // КСИИМК. 1959. Вып. 75. С. 114–122.
8. Новый памятник волосовской культуры близ г. Переславля-Залесского // Тр. ГИМ. 1960. Вып. 37. С. 48–55.
9. Путеводитель по залам I–VII, А, Б, В. Эпоха первобытной общины, разложения родового строя и возникновения древнейших государств на территории СССР. М., 1960. 159 с. (в соавт. с А.Я. Брюсовым, В.М. Раушенбах, Т.Б. Поповой).
10. Неолитические поселения в районе Белого озера // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961. С. 47–71.
11. Стоянка Подборица-Щербининская // СА. 1961. № 2. С. 172–185.
12. Стоянки балахнинской культуры в области нижнего течения Оки // МИА. 1963. № 110. С. 54–84.
13. Неолитическое погребение на стоянке Ибердус I // Тр. ГИМ. 1966. Вып. 40. С. 11–14. Ил.
14. Флейта, которой 4 тысячи лет // Наука и жизнь. 1966. № 1. С. 26, 27.
15. Погребения поздняковской культуры на Черной горе // МИА. 1969. № 169. С. 284–292.
16. Раскопки на Черной Горе // АО–1968. 1969. С. 46, 47.
17. Украшения и скульптура из неолитического поселения Черная Гора // Экспедиции ГИМ. М., 1969. С. 25–38.
18. Стоянка и могильник у дер. Владычино // АО–1970. 1971. С. 59, 60.
19. Карта памятников палеолита, мезолита и неолита в Окском бассейне // Тр. ГИМ. 1970. Вып. 44. С. 231–250 (в соавт. с Л.В. Греховой, Г.Ф. Поляковой, В.М. Раушенбах).
20. Неолитические памятники Касимовского и Клепиковского районов Рязанской области. Касимов, 1970. 10 с.

21. Племена рязанской культуры // Тр. ГИМ. 1970. Вып. 44. С. 97–153.
22. Работы Чебоксарской экспедиции // АО–1970. 1971. С. 136–140 (в соавт. с Г.А. Архиповым, Р.Ф. Ворониной, В.Ф. Каховским и др.).
23. Работы Чебоксарской экспедиции // АО–1971. 1972. С. 174–180 (в соавт. с Г.А. Архиповым, И.С. Вайнером, В.Ф. Каховским и др.).
24. Работы 2-го Горьковского отряда Чебоксарской экспедиции // АО–1972. 1973. С. 161–165 (в соавт. с И.С. Вайнером, Р.Ф. Ворониной, В.Ф. Каховским, Ю.А. Красновым).
25. Неолитические племена рязанского течения р. Оки // МИА. 1973. № 172(2). С. 138–145.
26. Ритуальные "клады" стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 102–111.
27. Стоянки на р. Пре у д. Владычино // АО–1974. 1975. С. 88. (в соавт. с А.С. Фроловым).
28. Люди Черной горы // Природа. 1977. № 2. С. 32–43.
29. Стоянка Владычинская-Береговая на р. Пре // АО–1977. 1978. С. 94.
30. Раскопки неолитических поселений и могильника на р. Пре // АО–1978. 1979. С. 103, 104.
31. Погребения на стоянке Владычинская-Береговая // Тр. ГИМ. 1980. Вып. 51. С. 8–14.
32. Керамика неолитической стоянки Владычинская-Береговая I // СА. 1982. № 2. С. 82–95 (в соавт. с А.Е. Кравцовым).
33. Работы московской экспедиции Государственного Исторического музея // АО–1981. 1983. С. 99, 100.
34. Погребение волосовской культуры на стоянке Владычинская-Береговая II // Тр. ГИМ. 1985. Вып. 60. С. 69–79.
35. Раскопки Волосовской стоянки // АО–1983. 1985. С. 95, 96.
36. Черногорский неолитический могильник // Тр. ГИМ. 1985. Вып. 60. С. 80–99.

Коллектив Отдела археологических памятников ГИМ, экспедиционные сотрудники и ученики – "птенцы гнезда Цветковой"

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	–	Археологические открытия. М.
АСГЭ	–	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб.
ВА	–	Вопросы антропологии
ВАА	–	Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
ВДИ	–	Вестник древней истории
ВИ	–	Вопросы истории
ГЭ	–	Государственный Эрмитаж
ЖМНП	–	Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗООИД	–	Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ЗРАО	–	Записки Русского археологического общества. СПб.
ИА АН УССР	–	Институт археологии Академии наук Украинской ССР
ИАК	–	Известия Государственной Российской археологической комиссии. СПб.
ИА НАН Украины	–	Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН	–	Институт археологии Российской академии наук
ИИМК	–	Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
КСИА	–	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИИМК	–	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
ЛОИА АН СССР	–	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
МАИЭТ	–	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАР	–	Материалы по археологии России. Пг.
МГУ	–	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИАР	–	Материалы и исследования по археологии России. М.
МХЭ	–	Материалы Хорезмской экспедиции. М.
НЭ	–	Нумизматика и эпиграфика
ОАК	–	Отчеты Императорской Археологической комиссии. СПб.
ПСРЛ	–	Полное собрание русских летописей. СПб.; М.
РА	–	Российская археология
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников. М.
СГЭ	–	Сборник Государственного Эрмитажа. Л.
СМАА	–	Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп.
СЭ	–	Советская этнография
Тр. АС	–	Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ	–	Труды Государственного Исторического музея. М.
Тр. ГЭ	–	Труды Государственного Эрмитажа. Л.
Тр. ХАЭЭ	–	Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ХИМ	–	Харьковский исторический музей
BBMSW	–	Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde
BCH	–	Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris.
CIG	–	Corpus inscriptionum Graecarum. T. 2. Berolini, 1828.
IOSPE	–	Inscripriones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. T. 1. Petropoli, 1916.
JNES	–	Journal of Near Eastern Studies
MDAFA	–	Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan. Paris.
RE	–	Paulys Realencyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart.